

Книжный червь | Переводы книг
Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ и не только

Игра

КАРИНА ХЕЙЛ

Карина Хейл

«Игра»

Серия: Братья МакГрегор#3

**Любое копирование текста без
ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО!**

**Перевод осуществлен
исключительно в личных целях,
не для коммерческого
использования. Автор перевода
не несет ответственности за
распространение материалов
третьими лицами.**

Совместный проект

Life Style ПЕРЕВОДЫ КНИГ и Книжный червь

Переводчик Ксения Попова

Беспокойный шотландский игрок в регби, не играющий по правилам.

Роковая женщина, отказавшаяся от любви.

Когда дело доходит до Лаклана и Кайлы, противоположности не просто притягиваются, они взрываются.

Кайле Мур всегда нравился имидж дерзкой искустельницы. По крайней мере, так было до того, пока ей не стукнуло тридцать, и она не увидела

как ее лучшие подруги Стефани и Никола остепенились с Линденом и Брэмом МакГрегорами, заставляя Кайлу чувствовать себя лишней. Устав быть пятым колесом в компании, устав от интрижек на одну ночь и тупиковых свиданий в Сан-Франциско, Кайла решает принять обет безбрачия и отодвинуть мужчин на задний план. Так было, пока она не положила глаз на кузена Линдена и Брэма, горячего шотландца Лаклана МакГрегора. Лаклан ее ожившая сексуальная фантазия – высокий, сильный и весь в татуировках. Со стальным взглядом и успешной карьерой игрока в регби в Эдинбурге, он именно тот мужчина, который заставляет ее захотеть выбросить свой обет в окно. Но из-за тихой, серьезной манеры поведения, Лаклана трудно узнать, не говоря уже о том, чтобы сблизиться.

Так было до тех пор, пока они не проводят вместе одну длинную, незабываемую ночь, после которой Кайла понимает, за этим образом молчаливого мачо скрывается намного больше, чем видно на первый взгляд. Но даже несмотря на искры между ними, Лаклан не может навсегда остаться в Америке. И теперь Кайла должна решить хочет ли она в корне изменить свою жизнь и дать шанс тому, кого едва знает, даже рискуя снова обжечься.

Иногда любовь это игра, в которую просто надо сыграть.

*Книга содержит реальные
сексуальные сцены и
нецензурные выражения,*

предназначена для 18+

Для питбуля Брюса и других непонятных существ, которым редко выпадает второй шанс.

Я пробужу тебя от живого сна —
Матадор, Faith No More.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

Эдинбург, Шотландия
1987 г.

Ночью пошел снег. Мальчик проснулся на полу у камина, где

спал, когда ветер был слишком холодным, и мама забывала оплатить счет за электричество. Но к тому времени, как наступило утро, огонь уже погас и тлел лишь пепел. Он не чувствовал своих пальцев и носа, единственных торчавших из под колючего фланелевого одеяла.

Несмотря на холод и сырость, царившие в гостиной, мальчик проснулся счастливым. Сегодня у него был особенный день. Ему исполнилось пять, и его мама в прошлом году, в его прошлый день рождения, когда он не получил подарка, *обещала*, что когда ему исполнится пять, и он станет большим мальчиком, он сможет

пойти в магазин игрушек и выбрать все игрушки, которые только захочет.

Большую часть года он провел, листая выброшенные каталоги, которые нашел в мусоре жилого комплекса (иногда ему приходилось ждать на обочине, пока некоторые грубые, непредсказуемые люди рыскали вокруг в поисках еды или чего-то, что они могли бы сдать в ломбард) ища игрушки, о которых мечтал. Он находил их, вырывал страницы и, пряча их во внутреннем кармане единственного имевшегося у него пальто, забирал их в спальню, которую делил со своей матерью.

Когда ему не везло с каталогами, он листал журналы,

которые находил в библиотеке. Так он и проводил большую часть времени. Он не ходил в школу, хотя должен был, и его маме, пока она занималась своими дела, приходилось его где-нибудь оставлять. Библиотека была для него лучшим местом. В хаотичных трущобах Муирхаус, никто не замечал маленького мальчика в неподходящей, поношенной одежде, сидящего на полу библиотеки, листающего журналы и мечтающего о другой жизни.

Правда заключалась в том, что хоть его день рождения и наступил, ему не было дела до тех игрушек, которые он получит. Он просто хотел

что-то, что можно было бы назвать своим. И хотя он знал, что мальчишкам его возраста положено хотеть фигурки военных или машинки, он просто хотел что-то успокаивающее. Мягкую игрушку, может медведя или собаку. Он любил собак, даже соседских, лаявших всю ночь и пытающихся укусить того, кто слишком близко подходил к ним. Он любил и таких собак.

Дрожа, несмотря на одеяло, накинутое на плечи, мальчик встал и пошел посмотреть в окно. Его большие серо-зеленые глаза округлились от изумления. Грязные улицы внизу были покрыты слоем чистого, белого снега. В этом году

это был первый снегопад в Эдинбурге, и он не мог не подумать, что это было специально для него, особенный для него день. Холодными, неуклюжими пальцами он вытащил крестик из рубашки и поцеловал его в знак благодарности Богу.

Он хотел рассказать маме о снеге, поэтому побежал по тонкому ковру, всему сплошь в дырах и ожогах от сигарет, в спальню.

Вообще то, сначала ему стоило бы постучаться. От волнения он забыл об одном из немногих правил, которые объяснила ему мама «Если у меня в гостях друг, ты должен спать в гостиной» и «Если моя дверь

закрыта, никогда не открывай ее».

Но он открыл дверь.

На окне была трещина, и холодный ветер просачивался в комнату, раздувая выцветшие занавески. Под окном стояла кровать, на которой его мама, одетая в грязный пеньюар, спала лицом вниз.

Над ней, покуривая трубку, стоял голый мужчина.

Мальчик замер, но было слишком поздно. Мужчина увидел его, в гневе отшвырнул трубку и через секунду пересек комнату, схватив мальчика за горло.

— Думаешь, ты можешь судить меня? — Прошипел ему в лицо

мужчина с перегаром. От него пахло луком и кетчупом. Мальчик закрыл глаза и испуганно покачал головой.

Он уже несколько раз видел этого мужчину раньше — у его матери было много друзей мужского пола. Они всегда исчезали в спальне. Иногда на несколько часов, иногда на несколько минут. В хорошие дни он слышал кашель, смех и взволнованные стоны. В плохие это были крики, плач мамы и звуки летающих по комнате вещей. В эти плохие дни его мать была вся в порезах и синяках. Она не разговаривала с ним и не выходила на улицу. Он просто был рядом с ней, приносил ей чай из пакетика,

использованного уже несколько раз, потому что это все, что у них оставалось.

— Да? — снова закричал мужчина, все сжимая и сжимая его шею. Мальчик не мог дышать. Он думал что этот ужасный мужчина с фиолетовым носом картошкой и злыми глазами собирается его убить.

С другой стороны, он хотел этого.

— Эй, — сказала его мама, медленно шевелясь на кровати. — Что происходит? — ее голос был грубым и невнятным, пока она садилась. — Оставь моего сына в покое.

Мужчина отпустил его, а затем

посмотрел на женщину у себя за спиной. Мальчик ухватился за свое болезненное горло, хрипя, пытаясь сказать, что ему жаль, но ничего не получалось.

Это не имело значения. Внезапно мужчина повернулся и ударил его по лицу. Это заставило его голову взорваться, и он полетел назад.

Он ударился о дверную коробку и с глухим стуком приземлился на землю, молясь тому же Богу, который заставил выпасть снег, чтобы он никогда снова не чувствовал эту боль.

Но этот случай не будет для него последним. У него была целая

жизнь боли, через которую ему предстояло пройти.

— Заткнись, — крикнул мужчина на его мать.

Она выглядела испуганной, но ей все-таки удалось сказать своему сыну, чтобы он встал, пошел в ванную и запер дверь.

Мальчик едва мог двигаться, но как-то сделал это. Поднялся на ноги, в голове пульсировало, его одолел кашель, и пошел в ванную. Пол был мокрый от мочи. Он неуклюже закрыл замок, сел на унитаз и стал ждать.

Криков становилось все больше и больше, а затем, наконец, хлопнула дверь.

Несколько мягких стуков в дверь, и он знал, его мама была в порядке.

— Тебе лучше собираться, — сказала она ему, когда он открыл дверь. Она быстро улыбнулась ему, демонстрируя кривые, желтые зубы, снимая халат со своего хрупкого тела. Кости на ее грудной клетке выпирали, словно тюремные решетки.

— Это твой день рождения и я не забыла, что тебе обещала.

На последних словах ее голос дрогнул, и она быстро пошла прочь, ссутулив плечи и опустив голову вниз.

Вскоре они двое были одеты и

брили по снегу к автобусной остановке. Мальчик не мог не улыбаться всем и каждому, кого они встречали: страшным людям, спавшим на улице и разговаривающим сами с собой, собакам, которые вздрогнули и убежали, увидев их, крысам, которые ели объедки на обочине. Для мальчика ничего из этого не имело значения, потому что мир казался ему ярким и чистым, весь для него. Он пнул по снегу и смотрел, как тот падает на землю, сказав маме, что он похож на облака, плывущие по небу.

Она смахнула слезу и согласилась.

Поездка на автобусе заняла

много времени, но, в конце концов, они оказались в одном из больших торговых центров. Это было большое событие для мальчика, то, которого он весь год ждал с таким нетерпением.

Он даже не замечал странные взгляды, которые получали он и его мать, так он был сосредоточен на игрушках. Весь реальный мир будто отошел на второй план. Несмотря на шишку на затылке, на то, что его щека распухла и становилась фиолетовой, это был самый счастливый день в его жизни.

— У нас не так много времени, — сказала его мама. — Так что поспеши, выбери свой подарок, и я заплачу за него.

Мальчик

услышал

торопливость в ее голосе, и вдруг застыл на месте. Там были фигурки, супергерои, легковые и грузовые автомобили, лошади, куклы, мягкие игрушки, конструкторы, краски и Лего, и миллион других вещей, которые он хотел. Он стоял там, совершенно ошарашенный и смотрел по сторонам, пока его сердце колотилось в груди.

— Пожалуйста, — снова сказала мама. Она стояла рядом с кассой, готовая оплатить покупку. Он неожиданно испугался, что если не выберет что-то прямо сию секунду, то не получит ничего. В то же время, он был достаточно взрослым, чтобы

знать, что у них было мало денег, и нельзя выбрать что-то шикарное и дорогое.

В панике он направился к мягким игрушкам. Все они сидели в коробках – жирафы, медведи, собаки, кошки. Все выглядели так, будто им нужен был дом, и его сердце разбилось при мысли, что он может взять только одного из них.

Но он должен был сделать выбор. Он потянулся к щенку, когда заметил льва, наполовину спрятанного в куче других игрушек. Из нее торчали только его хитрые кошачьи глаза и пушистая белая грива. Это было неподходящее место для такого величественного зверя.

Мальчик вытащил льва из кучи других животных, такого мягкого и безобидного в его руках, и побежал к матери, надеясь, что она не передумала.

Она посмотрела на льва и улыбнулась. Он сделал верный выбор.

После того, как она заплатила, он крепко-прекрепко обнял льва. Так хорошо было держаться за кого-то, и у него было такое чувство, что лев обнимает его в ответ, благодаря тем самым за спасение.

— Как зовут льва? — тихо спросила его мать. В ее голосе было столько печали, что это чуть не сломало чары, под которыми

находился мальчик, этот
головокружительный приступ любви.

— Лионель, — подумав
мгновение, сказал он. — Лев
Лионель. И я его люблю.

— И ты знаешь, что он тоже
тебя любит, правда? — спросила она,
вытирая нос рукавом пальто из
искусственного меха. Этот жест
смазал ее красную помаду. — Так же,
как и я люблю тебя.

Его мать не часто говорила ему,
что любит, так что он был удивлен,
услышав подобное. Это сделало его
день рождения намного лучше.

Вскоре они снова были в
автобусе, но на этот раз
направлялись они не домой. Дороги

были мальчику незнакомы, город медленно оставался позади них. Дворы стали больше, снег глубже.

— Куда мы едем? — спросил он. — Это ведь не дорога домой.

— Мы собираемся увидеться с некоторыми моими друзьями, — ответила она.

Мальчику это не понравилось. Он крепче обнял льва. Ему не нравились ее друзья.

Она положила руку ему на плечо, но не посмотрела на него. В автобусе они были единственными пассажирами, и от этого он почувствовал себя еще более одиноким.

— Не волнуйся, — в конце

концов, сказала она. — Там есть мальчики твоего возраста.

От этого ему не стало лучше. Он не ладил с другими детьми, были они его возраста или нет. Он был застенчив, и его часто дразнили за то, что он был слишком тихим. Это лишь заставляло его еще больше погружаться в себя, туда, где всегда было безопасно и комфортно.

Наконец, автобус остановился перед огромными железными воротами и каменной стеной и мама схватила его за руку, держа сумочку поближе к себе, пока они пробирались сквозь снег. Автобус отъехал, и мальчику захотелось остаться в нем. Они были в горах,

непонятно где, и, несмотря на то, что его дом был холодным и грязным, он все еще был *домом*.

Мальчик не мог прочитать надпись на стене, так что он спросил у матери, что там сказано.

— Там сказано «добро пожаловать», — сказала она, торопя его, пока они не оказались перед воротами. Она нажала кнопку звонка на домофоне.

Мальчик посмотрел сквозь железную решетку на гигантский особняк на холме. Он ему не понравился. Было там что-то такое, в решетках на окнах или заросшем плюще, или том, как он практически нависал над дорогой, словно зверь,

готовый к прыжку. Он был рад, что с ним есть такой лев как Лионель, но это не помешало ему упереться каблуками ботинок в землю.

— Давай же, — прошипела мать, дергая его вперед, пока они не поднялись вверх по лестнице.

Входная дверь открылась, и высокий, худой мужчина с крючковатым носом и зачесанными назад волосами, посмотрел на них сверху низ.

— Добро пожаловать, мисс Локхарт, — сказал он, а затем жестом предложил им войти внутрь.

Человек беседовал с ними пока они входили в особняк, но мальчик его не слушал. Он был поражен

царившим внутри холодом. От блеклых желтых фонарей до похожих на фабричные стен и пола — все буквально кричало о враждебности. Здесь были плохие флюиды, место, где творились нехорошие вещи.

Но его мать потянула его дальше по коридору, пока они не оказались в кабинете. Они оба сели в кожаные кресла напротив мужчины, и она передала ему конверт из своей сумочки.

— Надеюсь, с этим все в порядке, — сказал мужчина глубоким и бесчувственным голосом.

Его мать кивнула.

— Да. — Она сделала паузу и посмотрела на своего мальчика

глазами, в которых плескалось сожаление, прежде чем снова обратиться к мужчине. — Я надеюсь, вы позаботитесь о нем. Это не его вина. Это моя вина.

Мужчина лишь кивнул, читая бумаги.

— О чем ты говоришь? — спросил ее мальчик. — Когда мы поедем домой?

— Сынок, — сказал мужчина, глядя на него глазами-бусинками. Мальчик мог поклясться, что чувствовал, как эти глаза пытаются проделать отверстия в его душе. — Это твой новый дом.

Он не мог осмыслить, о чем говорит этот мужчина. Он покачал

головой и посмотрел на свою маму, но она плакала, вставая со своего кресла.

— Мама! — закричал он, бросая льва, так чтобы обеими руками схватить ее за пальто. Она чуть не вытащила его из его кресла. Он вскочил на ноги, когда она подошла к двери, но мужчина удерживал его, контролируя сильно и беспощадно. — Мама! — снова закричал он, раскинув руки.

На пару секунд она остановилась у двери, по ее щекам текла тушь.

— Мне так жаль, Лаклан, — прорыдала она, ухватившись за косяк с такой силой, что ее костяшки

побелели. — Я люблю тебя. Но просто не могу оставить тебя в своей жизни. Мне жаль.

— Но мама! — закричал Лаклан, срывая голос. — Я буду хорошим! Обещаю. Ты можешь отнести Лионеля обратно в магазин, только возьми меня обратно домой, пожалуйста!

Его мать лишь покачала головой и прошептала.

— Прощай.

Лаклан продолжал плакать, выть, пытаясь вырваться из рук мужчин, пока смотрел, как его мама уходила и исчезала из поля зрения.

— Пожалуйста! — Проревел он, такой большой звук от такого

маленького мальчика. Он почувствовал, что его ноги оторвались от земли, и теперь мужчина держал его на весу. — Пожалуйста, мама, вернись, пожалуйста! Забери меня домой, забери меня домой!

— Это твой дом, — снова сказал мужчина. Он приблизил голову Лаклана к губам и сурово прошептал. — И если ты не перестанешь кричать как маленький недоумок, то получишь двадцать ударов моего ремня. Ты этого хочешь от первого своего дня здесь, в детском доме Hillside. Этого?

Но Лаклан не мог перестать кричать. Его меньше всего заботило,

что его побьют. Его били утром, били много раз до этого. Истинной болью была та, которую он чувствовал внутри, она проходила через него, разрывая на части. Он чувствовал, будто тонет в ледяной воде, она хлынула потоком прямо ему в сердце.

— Ладно, — сказал мужчина и бросил Лаклана на землю. Он поднял с пола Лионеля и потряс в воздухе. — Если ты не закроешь свой поганый рот, то никогда не увидишь его снова. Я отдам его другому мальчишке.

Для Лаклана этого было достаточно. Он заткнулся. Заскулил, сжав губы, его подбородок дрожал. Мужчина отдал ему льва, и он изо

всех сил вцепился в него, обнимая, пока его мех не стал мокрым от слез.

Его пятый день рождения был последним, который он будет отмечать в течение очень долгого времени.

Лаклан никогда снова не увидит свою мать.

Он никогда не поедет домой.

И ледяная вода никогда по-настоящему не уйдет из его сердца.

Глава 1

Сан-Франциско — Настоящие дни

КАЙЛА

— Сколько времени надо провести без члена, чтобы снова стать девственницей?

Стеф и Никола резко смотрят на меня, будто я спросила что-то такое, что взорвало их мозг.

— Кайла, — предупреждает Никола.

— Что? — спрашиваю я, пожимая плечами и наклоняя голову в ее сторону — Из нас троих ты наверняка знаешь ответ на этот вопрос. Нам практически пришлось совать член тебе в лицо, прежде чем ты начала зажигать с Брэмом. Так что, ты снова стала девственницей или нет?

— У меня был вибратор,

идиотка. — Говорит Никола, откидываясь на сиденье кабинки и глядя на меня. Я слишком хорошо знаю этот взгляд. Это «что, черт возьми, с тобой не так и почему мы все еще дружим?» взгляд.

— Вибратор не считается, — отвечаю я ей. — Я о реальных пенисах. Когда Брэм трахнул тебя, это было похоже на новую потерю девственности? Самец Брэм. Трах, бах, спасибо Брэм?

Она закатывает глаза и обменивается взглядами со Стеф. Прошло всего несколько недель, как Никола воссоединилась с Брэмом, и они с ее дочерью Авой покинули мою квартиру. Принимая во

внимание то, что я все еще немного настороженного отношусь к Брэму, в основном потому, что горячим шотландцам нельзя доверять, должна сказать, что мне не хватает Николы и Авы. Мне без них одиноко, и я склонна сидеть вечерами перед теликом, поедая замороженную еду и смотря Дневники вампира.

Конечно одна из причин, почему я одна и обедаюсь консервантами, состоит в том, что несколько недель назад я решила дать обед безбрачия. Я не только о сексе – никакого флирта, свиданий, никакого Тиндера (прим. пер. популярное приложение для мобильных платформ Android и

Apple iOS, предназначенное для романтических знакомств в соответствии с заданными параметрами. В апреле 2014 года приложением ежедневно пользовались до 10 млн человек), нет ничему. Мальчики, мужчины, второй раз я на них даже не посмотрю.

И хотела бы заметить, что для меня это работает. Я могу быть дома одна большую часть времени, но я лучше выпью вина и сделаю покупки по интернету, чем пересплю с парнем, который не знает где у женщины клитор, пока ему не ткнут им прямо в лицо. Черт, я уверена, когда я дерну бедрами, он буквально хлопает его по лицу, и все ж они

делают вид, что его не существует.

Не говоря уже о свиданиях, которые ведут в никуда, мужчинах, в которых вроде есть потенциал, но потом они видят в тебе лишь полуазиатскую принцессу, которую они хотят видеть сдержанной и милой, в то время как я тычу им в лицо своей вагиной и выношу мозг.

Проще так, как сейчас. Менее напряжённо.

— С тобой все в порядке, Кайла? — спрашивает Стеф.

— Да, а что?

— Потому что ты держишься за край стола, будто собираешься наброситься на нас как Халк.

Я смотрю вниз на свои руки,

мои костяшки белее, чем моя и без того светлая кожа. Медленно отпускаю стол. В конце концов, может у меня все же стресс.

— Ты уверена, что это «никаких мужчин», это правильно? — спрашивает она, делая глоток пива.

Правильно, ее вопрос именно то, что я и хочу услышать. Мне нужен любой повод, чтобы просто вышвырнуть его в окно. Но я буду не я, если изменю решение.

— Это правильно. — Отвечаю я, поднимая голову и заставляя себя расслабиться. Тянусь к своему бокалу вина, и, несмотря на то, что это лишь мой второй бокал, я уже слегка

опьянела. — Это единственный путь,
— серьезно добавляю я.

— А почему ты опять это делаешь? — спрашивает Никола.

Я смотрю на нее, в ее выразительные карие глаза, затем на Стеф и ее голубые. Две мои лучшие подруги, одетые в одежду независимых дизайнеров. Они двое именно та причина, по которой я делаю это, с этими счастливыми, сияющими физиономиями и преданностью этим чертовым братьям МакГрегор. Никола сошлась с Брэмом, после их крупной размолвки, а Стеф замужем за его братом Линденом. Не помогает и то, что давным давно, прежде чем они

со Стеф сошлись, у меня была интрижка с Линденом. Тогда они были лишь друзьями. Это не значит, что он сломал мое сердце Гринча (оно в три раза меньше, но иногда это напоминает мне о том, что могло бы быть у меня, и чего у меня нет).

Я завидую им, все сводится именно к этому. А когда я завидую, даже если это мои друзья, я превращаюсь в маленького злобного ниндзю. А я не хочу быть маленьким злобным ниндзя (хотя я скучаю по секс ниндзе). Итак, завязала с мужчинами, значит, завязала с разочарованиями.

По крайней мере, так должно быть. Это легче, когда я одна дома,

на работе, у мамы, в тренажерном зале или даже на обеде. Везде, где нет соблазнов. Сегодня вечером Стеф и Никола практически вытащили меня из дома и отвели в наше обычное место, бар Burgundy Lion в районе Хайт, на вечер для девочек. Когда вы воздерживаетесь от членов, быть среди выпивки и парней не лучшая идея. К счастью, я вышла из дома без макияжа, в штанах для йоги и мешковатой футболке с надписью «Вечеринка без штанов», так что не то чтобы парни жаждали поговорить со мной. Если только они не думают, что «без штанов» это приглашение.

— Я делаю это потому что мой бойфренд на батарейках всегда знает

правильные места, и я позволяю своим пальцам вести разговоры, — с усталым вздохом объясняю я. — Я так устала от знакомств в этом дурацком городе. Я просто топчусь на месте, зря тратя свое время, и клянусь, мужчины становятся все тупее. Я больше даже не могу как следует потрахаться. Такое впечатление, что все мужики в Сан-Франциско либо заняты, либо геи, либо просто боятся вагины.

Они обмениваются еще одним взглядом, видимо теперь у них есть какой-то секретный вид связи. Моя теория состоит в том, что наличие внутри вас члена МакГрегора дает вам форму телекинеза. Они навсегда

связаны с шотландскими петухами.

— Что? — говорю я. — Это правда. И вы бы со мной согласились, если бы ваши вагины не расхватали эти любители килтов.

— Не могла бы ты перестать говорить вагина? — говорит Никола. — А то в этом нет никакого смысла.

— Да, для меня.

— Хм. Если вагина Кайлы перестала жадничать, ее вообще не существует? — с огоньком в глазах рассуждает Стеф.

— Неважно, — отвечаю им, делая большой глоток зинфанделя. — Так моя жизнь будет проще. Вот увидите.

На столе шумит телефон

Николы, и она всматривается в него.

— Брэм уже едет.

Я стону, кладу подбородок на руку и позволяя ей скользнуть по моему лицу.

— Тьфу ты, и зачем? Думала, это ночь только для девочек.

Последнее, чего я хочу, смотреть, как вы двое строите друг другу глазки и обмениваетесь пошлостями.

— Линден тоже придет, — застенчиво говорит Стеф.

Я пристально смотрю на нее.

— Прости, — говорит она, хотя на самом деле ей совсем не жаль. — Если тебе от этого станет легче, мы с Линденом скучные женатики, так что все эти заигрывания и прочее, с

ЭТИМ ПОКОНЧЕНО.

— О, пожалуйста, — говорю я, в то время как Никола издает звук, будто она тоже не верит услышанному. — Вы еще хуже Брэма с Николой, вы типичные самодовольные женатики. Помните Бриджет Джонс? Я Бриджет. А вы... вы остальные.

Никола кивает.

— Это правда. — Потом оживленно смотрит на меня. — Так что тебе просто надо встретить своего Хью Гранта.

Я таращусь на нее.

— Она осталась не с Хью Грантом.

Никола в замешательстве

хмурится.

— Ой, будто тебе нужен Марк Дарси, — добавляет Стеф. — К тому же, Линден и Брэм придут не одни.

О Боже. Я цепенею.

— Что? Кто там еще с ними придет? — медленно спрашиваю я. Если это парень, я очень расстроюсь, особенно если он одинок.

— Их кузен Лаклан, — отвечает Стеф.

Лаклан МакГрегор. Как будто в городе, не говоря уже о мире, не хватает этих проклятых МакГрегоров. Я еще не встречала Лаклана, я ведь сижу дома, но те пару раз, когда мы виделись, Стеф и Никола не затыкались и вечно болтали о нем.

Он игрок в регби, такой таинственный, такой мощный, и бла бла бла, гребаное бла. Мне не нужно знать все это дерьмо, потому что для меня это своего рода криптонит, особенно в городе, где грубый, дикий мужчина, словно иголка в стоге сена среди метросексуалов.

— Почему вы так со мной поступаете? — кричу я, указывая на свой топ. — Я приехала сюда в пижаме. На мне нет косметики, даже я даже волосы не расчесала. Господи, у меня хоть зубы чистые? Я воняю? — Я быстро нюхаю свои подмышки, а затем дышу на руки. Ммм. Пьянчужка.

— Как поступаем? —

спрашивает Стеф. — Я только час назад узнала, что он придет. Черт, я вообще не думала, что они придут.

— Проклятье! — говорю я, пробегаясь пальцами под глазами, проверяя, нет ли отеков. — Я должна была догадаться, что они будут здесь. Они практически живут здесь.

— Ну, здесь работаю я, — замечает Никола. — И лучший друг Линдена Джеймс управляет всем здесь. И вообще, что с того, что придет Лаклан? Тебе не обязательно с ним спать.

Я тянусь к сиреневой сумке Стеф - Valenciaga, подарок Линдена, который я всегда хотела украсть - и роюсь в ней в поисках пудры и хоть

какой-то косметики. Я ничего не взяла с собой, даже деньги, потому что обычно мы пьем в Lion бесплатно.

— Конечно же, я не должна с ним спать. Но и искушение мне тоже не надо. И что если он все еще будет здесь, когда мой обет перестанет действовать? Я могу получить собственный шотландский член, прежде чем он укатит к себе домой.

— А я думала, ты против шотландских членов, — говорит Стеф.

— Я против членов МакГрегоров. И не ты ли говорила, что Лаклан им не родной кузен. Его усыновили?

Она кивает.

— Что ж, дорогая, позволь облегчить тебе задачу. Даже если бы ты вела себя как обычно, как чертовка, не думаю, что он был бы заинтересован.

Я делаю пазу.

— Эй, это мое слово. Не надо воровать мое дерьмо. И почему, он что, гей? — Один из моих братьев, Тошио, гей, и мне интересно, может, я могла бы их познакомить.

— Я так не думаю, — говорит Стеф. Она смотрит на Николу. — Вообще-то, думаю, Брэм упоминал, что у него было свидание с девушкой по имени Жюстин.

Никола хмурится.

— Да. Та, с которой ходил на свидание Брэм, помнишь?

— Ты говорила, что это было не настоящее свидание, что их свел его отец, — напоминаю я.

— Угу. — При воспоминании об этом она надувает губы. У них с Брэмом все довольно бурно начиналось. На самом деле, они практически ненавидели друг друга. А затем все стало таким слащавым, и она влюбилась в него даже больше, чем в его член.

— Хорошо, и так у него есть девушка, — говорю я Стеф. — Могла бы так и сказать.

— Думаю, это просто было свидание, или два, не знаю, —

говорит Стеф. — В любом случае, он из тех мужчин, которого трудно понять и узнать поближе.

— Да, действительно, — говорит Никола, неистово кивая. — Думаю, он сказал мне лишь пару слов, а он часто бывает у нас.

— Мне не нужно, чтоб парень болтал, если я хочу с ним трахнуться. Но я не хочу. Из-за моего обета и прочего дерьма.

Никола поднимает бровь и секунд десять держит ее. Такой талант.

— Ты будешь скучать по грязным разговорчикам, — с улыбкой говорит Стеф, и я знаю, она думает о своем муже и его грязном рте.

— Эй, — говорю я, выпятив грудь. — Я говорю достаточно грязно для нас обеих.

— Это, безусловно, так, — говорит Никола.

Я фыркаю, вытаскиваю пудру Стеф и вглядываюсь в свое лицо. Я знаю, что даже без косметики выгляжу неплохо. От мамы мне достались высокие скулы, темные глаза и длинные черные ресницы, которым не нужна никакая тушь. От отца мне достались полные губы и веснушки. Но все-таки я могла бы выглядеть намного лучше. На щеках пятна от алкоголя, волосы в полном беспорядке и одета я как бомжиха

И это к лучшему, напоминаю я

себе. *Неразговорчивый шотландский пенис это последнее, что тебе нужно.*

— Да, ты права, — говорю я.

— А?

Я непонимающе смотрю на Стеф.

— Ой, извини. Я разговаривала сама с собой. Я так порой делаю. Ты же знаешь.

— Вон они, — говорит Никола. Я могу слышать глупую ухмылку в ее голосе.

Я вздыхаю и оглядываюсь назад на дверь бара. Под приглушенным светом, на фоне деревянной отделки, зелени и латуни, под звуки музыкального автомата, который

играет лишь музыку Джеймса, появляются Брэм, Линден и Лаклан МакГрегори. Шотландское трио горячих парней.

Когда меня поражает эта мысль, я моргаю, мои глаза приклеены к Лаклану, потому что, наконец, я вижу его. Я понимаю, что «горячий парень» это явное преуменьшение. В то время как Линден и Брэм по-глупому хороши собой и очаровательны, Лаклан это совсем другой зверь.

Ну, он в прямом смысле слова зверь.

Лаклан на добрых пол фута выше Брэма – а это о многом говорит, потому что Брэм достаточно высок –

и почти в два раза шире. Он как секвойя, идет все выше и выше и он массивный и, вероятно, неподвижный, и мне уже хочется пробежать через бар и врезаться в него. Просто посмотреть, насколько он огромен. У меня такое чувство, что я сразу же отскочу от него. Имею в виду, его телосложение явно списано с супергероев комиксов, начиная с этих мощных рук, покрытых кучей темных татуировок, и его широкой, твердой грудью, заканчивая его плечами и V-туловищем. Даже одетый в обычную футболку болотного цвета и темные джинсы, он выглядит невероятно.

И я не могу перестать на него

пялиться. Меня это не волнует, потому что все остальные в баре смотрят на шотландское трио. Думаю мне надо провести пальцем по губам, убедиться, не текут ли у меня слюни. Пожалуй, он самый потрясающий мужчина, которого я когда-либо видела, и мне сразу же хочется потереться о его лицо. Если это не любовь, то я не знаю что это.

В то время как Брэм кивает в нашу сторону, и Линден машет нам рукой, глаза Лаклана пристально сканируют толпу, он словно полицейский в поисках подозреваемых. Или преступник, выискивающий возможность. В его ищущем взгляде есть намек на

опасность, и на секунду я задаюсь вопросом, как бы ощущалось, если бы он смотрел так на меня. Наверное, я бы загорелась.

К сожалению, когда они подходят ближе и глаза Лаклана встречаются с моими, я не вижу в них ничего кроме равнодушия.

Я быстро отвожу взгляд, внезапно осознав, как я, должно быть, выгляжу, и еще раз проклиная себя за то, что позволила друзьям вытащить меня сюда когда вместо этого могла смотреть на Деймона Сальваторе. По крайней мере, меня не волнует, увидит ли *он* меня в пижаме.

Это для тебя к лучшему,

говорю я себе. Сдерживаюсь и не добавляю, что пора бы *заткнуться*. Гляньте, снова разговариваю сама с собой.

— Привет, малыш, — говорит Стеф Линдену, ухмыляясь как идиотка. Я игнорирую обмен любезностями между парочками и сморю вниз на свое вино, с ужасом ожидая пока меня представят. Мои глаза скользят по полу, и я смотрю на их обувь — блестящие шикарные туфли Брэма, кеды Линдена и походные ботинки Лаклана. Они выглядят поношенными и разбитыми и, ох, какими большими.

— Кайла, — почти деликатно произносит Брэм. Мне нравится, как

они относятся ко мне, словно я бомба, которая вот-вот взорвется.

Я медленно поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом.

— Это наш кузен Лаклан. — Он немного отходит в сторону, указывая жестом на человека зверя. — Лак, это Кайла.

Я держу себя в руках. Киваю и говорю.

— Приятно познакомиться.

А на самом деле хочу сказать, *Можно, пожалуйста, я полижу твое лицо?* Потому что это чертовски привлекательное лицо, особенно вблизи. Он весь такой хмурый, будто пытается выяснить, почему ему вообще должно быть дело до того,

кто я такая, и у него между бровями появляется такая глубокая морщина, что мне хочется провести по ней рукой. Его глаза ясные, карие с зеленым. Под скулами глубокие ямочки-впадины, а широкий подбородок покрыт идеальной отросшей бородой, густые, каштановые волосы. И его губы. Его восхитительные губы. Мне нужны эти губы между моих ног.

От этой мысли огонь внутри меня разгорается, и я чувствую, как краснею.

Это заставляет его нахмуриться еще больше.

— Кайла, — говорит он. Его голос очень низкий и грубый, словно

из мрачных фильмов 40-х годов, а его шотландский акцент в миллион раз ярче, чем у Линдена и Брэма. Мое имя из его уст звучит, словно своего рода гэльский десерт. Естественно при этой мысли у меня перед глазами возникает видение, как он раскладывает меня на столе и поедает словно десерт.

Боже. Мне нужен холодный душ. И немедленно.

— Нам нужна кабинка побольше, — говорит Никола, и ее голос возвращает меня к реальности. Даже если мне не хочется отрывать взгляд от Лаклана и его мрачного, громадного великолепия, для меня идеальное время быть умницей и

убраться отсюда к чертям.

Быстро допиваю вино, прежде чем выйти из кабинки. Я двигаюсь прочь от Лаклана, боясь, что нахождение рядом с ним сродни движению вокруг черной дыры, и готовлю оправдания, чтобы уйти, когда Брэм тянется и касается моей руки.

— Кайла, можно с тобой поговорить? — спрашивает он, и я с удивлением смотрю на него. На это раз он выглядит серьезно, и я чувствую себя маленькой девочкой, которая попала в неприятности. Наверное, потому что я, как правило, все время в них попадаю.

— Хорошо, — быстро говорю я,

и посылаю Николе обеспокоенный взгляд. Она просто пожимает плечами, кажется сама удивляясь. Остальные переходят в кабинку побольше.

Брэм похлопывает по месту в кабине, где мы только что сидели.

— Присаживайся. Мне надо кое-что у тебя спросить.

— Если ты хочешь спросить, не перееду ли я к тебе, ответ нет, — отвечаю я, неохотно садясь.

— Ха-ха, — сухо говорит он. — На самом деле я хотел попросить тебя об одолжении. — Он делает паузу, сводя брови вместе. — Ты ведь работаешь в Bay Weekly, не так ли?

— Да, — медленно отвечаю я.

Я каждый день думаю о том, чтобы бросить свою работу, но ему этого не говорю.

Он складывает руки перед собой, демонстрируя блестящие серебристые часы которые вероятно стоят целое состояние.

— Как ты знаешь, я все еще пытаюсь добыть финансирование для своего жилого комплекса. Лаклан здесь, чтобы помочь мне с этим — он сам сделал много толковых инвестиций на протяжении многих лет, так что у него есть деньги, и как выяснилось, благотворительность для него тоже важна. Но нам не хватает инвесторов, и мы пытаемся сделать все, что можем, чтобы найти

ИХ.

Я киваю, не понимая, как я могу помочь в этом вопросе. Несмотря на то, что Брэм пару раз раздражал меня своим неправильным поведением, у парня на самом деле золотое сердце. Он пытается получить финансирование для своего жилого комплекса. Он купил его на собственные деньги и предоставил жилье семьям с низким доходом, больным и людям пожилого возраста, и другим, тем, кто едва сводит концы с концами. Как объяснила Никола, он может продолжать делать все в одиночку лишь пока у него не закончатся деньги, и пока Сан-Франциско не

даст ему то, в чем он так отчаянно нуждается.

— И вот я подумал, — продолжает Брэм, — возможно ты могла бы замолвить за нас словечко в журнале. Нам нужна любая огласка.

Я разочарованно гримасничаю.

— Мне жаль. Я бы помогла, если б могла, но я работаю в рекламе. Занимаюсь отчетность по частным объявлениям. Я, возможно, могла бы вставить туда рекламу или что-то...

Брэм качает головой.

— Спасибо. Рекламу я могу подать сам. Это просто...статья, упоминание о нас в колонке редактора, что-то, что действительно

могло бы помочь.

Даже если я ничего не имею против своего босса Люси, Джо, редактор газеты, реальный мудак. Если бы я хотела сделать то, о чем говорит Брэм, мне пришлось бы идти к нему.

Тем не менее, Никола моя подруга и Брэм хороший человек. Я вздыхаю.

— Ладно. Я завтра поговорю с редактором, и посмотрим, что смогу сделать. Я не могу написать статью, но уверена, кто-то сможет. Если им будет это интересно.

— Никола говорила, ты училась в школе журналистики. Почему ты не можешь написать ее? Она бы

получилась более личной, ты так не думаешь?

Я чувствую знакомый укол сожаления в животе.

— Я училась в Институте информации, — поправляю я его, — и оказалась в рекламе. Я могу писать, но...они бы мне не позволили, даже если б я попыталась. Они поручат это штатному сотруднику. Но они все хороши. Я посмотрю, что смогу сделать, хорошо?

Он улыбается мне. Красивый дьявол.

— Спасибо, Кайла. Ты не такая злобная, как они говорят.

Я поднимаю бровь.

— Позволю себе не

согласиться. В конце концов, я работаю в рекламе.

Несмотря на то, что я готова уйти, что-то заставляет меня сесть с остальными. Линден, Стеф и Лаклан сидят на одной стороне, так что мы с Брэмом садимся рядом с Николой, пока официантка приносит еще напитки. Передо мной оказывается бокал вина, и я расстраиваюсь, было бы невежливо уйти прямо сейчас.

— Что это было за дело? — спрашивает нас Стеф.

— Просто поинтересовался, может ли Кайла черкнуть о нас пару строк в Weekly, — объясняет он, а затем смотрит на Лаклана.

Его кузен резко кивает, глаза

смотрят то на меня, то на Брэма. Я едва ли могу произвести впечатление на мужчину, как правило, люди говорят, что я незапоминающаяся (и часто не в самых лестных выражениях).

— Было бы замечательно, если б у тебя получилось, — говорит Никола с конца стола. — Ты бы спасла Лаклана от очередного свидания с Жюстин.

Брэм смеется, а Лаклан, потягивая светлое пиво, откидывается на спинку сиденья. Боже ж ты мой. Его руки. Я так возбуждаюсь от мужских рук, а его руки такие большие, широкие и сильные на вид. Если бы он

прикоснулся ко мне так, как прикасается к пиву, у меня были бы большие проблемы.

Лаклан одаривает Брэма скучным взглядом, и я замечаю светлый шрамы у него на лбу и скулах, а его нос слегка кривоват. Он выглядит как хулиган, боец, спортсмен. Мой разум добавляет эту информацию к недавнему открытию о его руках, и я чувствую, что готова взорваться.

— Чего не сделаешь для своего кузена, — комментирует Лаклан, и я теряюсь в грубости его акцента. Его тон граничит с весельем, даже если лицо остается холодным.

— Особенно если замешана

дамочка, — шутит Линден. Лаклан на это ничего не отвечает.

Ах, так он бабник, как и другие МакГрегоры. Я так и думала. Имею в виду, как вы можете выглядеть вот так, весь такой мужественный, дикий, сильный, с этими губами и глазами, и чтобы женщины не падали к вашим ногам. Черт, если бы я не дала обет и была бы покрашена, и у нас не было бы зрителей, я уже была бы под столом, пытаюсь засунуть его член себе в рот. Держу пари, он великолепен.

Я мысленно вздыхаю. Меня не беспокоит, что он игрок, я сама такая. Или была такой. Полагаю это меня и беспокоит. Я никогда не буду

образцом. Несмотря на то, что воздержание к лучшему, мне нужно что-нибудь эдакое, и Лаклан МакГрегор мог быть бы тем, кто даст мне это. Снова и снова.

То есть, конечно, если он находит меня привлекательной. Если он вообще меня заметил. Но судя по тому, что время от времени я ненадолго ловлю его взгляд и не вижу ничего в этих холодных, зеленоватых глазах, я знаю, это невозможно. Может, несмотря на шутку Николы, он на самом деле запал на эту Жюстин.

К счастью, Джеймс присоединяется к нам, спрашивая, нужны ли нам еще напитки, и я

пользуюсь возможностью, чтобы сбежать. Стеф и Никола протестуют, заявляя, что позже возьму такси вместе со мной, но я ни минуты больше не могу сидеть там с шотландским зверем напротив.

Я быстро прощаюсь, едва взглянув на Лаклана, а потом со всех ног мчусь прочь. Как только такси привозит меня домой, я направляюсь прямо в квартиру к своему быстро пополняемому тайнику с бойфрендами на батарейках.

Я не трачу время понапрасну. Мне не нужна прелюдия, я достаточно насмотрелась на Лаклана. Как оказалось, взаимностью там и не пахло. Я уже

мокрая лишь при мысли о нем, так что я ложусь на кровать, погружаю вибратор глубоко в себя и представляю себе, что это его член медленно вдабливается в меня. Представляю его напряженные, твердые, невероятно рельефные мышцы надо мной, лихорадочную напряженность в глазах, резкий акцент, выкрикивающий мое имя.

И тут чертовы батарейки в моем вибраторе умирают, и я остаюсь с заикающимся поддельным пенисом. В отчаянии стону, отбрасывая его в сторону, и рукой заканчиваю начатое.

Сначала мужчины в городе разочаровали меня, а теперь и мой

вибратор.

Я засыпаю с мыслью о том, что все пенисообразное должно оставаться далеко-далеко от меня.

Глава 2

КАЙЛА

На следующее утро я просыпаюсь, чувствуя себя изрядно потрепанной. Это мое наказание за вчерашние три бокала вина. У меня не занимает много времени почувствовать опьянение, и, к сожалению, это же значит, что мне не надо много, чтоб на следующий день дерьмово себя чувствовать.

Так или иначе, мне удастся

встать до того, как мой будильник перестанет звонить, и я принимаю холодный душ. Порой это единственный способ действительно проснуться и привести себя в чувство, а это значит, что я мерзну под холодной водой, по крайней мере, пару раз в неделю. Ни для кого не секрет, что я, как говорит мама, девочка с причудами, и что мне время о времени надо перестроить свои мысли. Кроме того, это придает вашим волосам дополнительный блеск.

После душа я решаю уделить повышенное внимание своей внешности, чтобы компенсировать то, как дерьмово выгляжу после

вчерашнего. И еду в офис до того, как получу нагоняй за опоздание.

Не то чтобы моя начальница Люси когда-нибудь орала на меня, хоть я и постоянно опаздываю. На самом деле половину времени она ничего не говорит, что и хорошо и плохо одновременно. Никакой критики, но и никакой похвалы.

Когда я только окончила университет, у меня были большие амбиции. Имею в виду, а у кого нет? Я думала, что прямиком из универа танцуючи отправлюсь к удивительной новой карьере. Брэм не очень-то ошибся, предполагая, что я могла бы писать. В университете моей основной специализацией была

журналистика, а дополнительной реклама. Казалось, обе эти области отражали две разные стороны меня — одну наглядную, одну внутреннюю. Обе творческие.

Но мир был жестокой сукой, и рынок труда был заполнен тысячами таких же наивных мечтателей. Мне адски повезло, что после практики в Bay Area Weekly, где я работала ассистентом в отделе продажи и классификации объявлений, открылась вакансия. Я проработала три долгих года, пережила двух боссов и всевозможные ротации, пока, наконец, не двинулась выше. Я перешла в отдел обработки счетов, и в конечном итоге занимаюсь

обработкой счетов.

Это хорошая работа. Ничего захватывающего, что, полагаю, делает ее не такой уж хорошей. Но с точки зрения того, кто хочет нормальную работу, у меня все неплохо. Так как я работаю там достаточно долго, у меня есть ряд льгот, трехнедельный ежегодный отпуск, зарплата, позволяющая мне оплачивать аренду жилья в Сан-Франциско, что само по себе чудо.

Но это не то, чем я хочу заниматься, даже если на самом деле я не позволяю себе мечтать о другом. Хочу сказать, мне тридцать. Знаю, я еще ужасно незрелая, но даже если и так, пора бы мне уже разобраться с

этим дерьмом. Черт, я думаю, к этому времени я должна была разобраться со многими вещами.

Стеф и Николе в этом плане было легче. Они обе знали, что хотят работать в моде, и хотя они должны были из кожи вон лезть, чтобы добраться туда, где они сейчас, но они заставили это работать. У Стефани собственный успешный магазин одежды, а Никола, несмотря на то, что все еще работает барменом, преуспевает в своем собственном проекте.

И вот она я, которая хочет помогать, творить и высказываться, но не уверена, как начать. Все что я знаю, это как работать с девяти до

пяти, даже если подобное делает дыру в моем сердце еще больше. Когда я жаловалась на это своим подругам, они обе говорили мне попытаться выяснить, чем я хочу заниматься. Когда я жалуясь маме и братьям, они говорят мне, что я должна быть благодарна за ту работу, которая у меня есть, и что я в состоянии платить за жилье и покупать еду. Проблема в том, что правы все.

Скажу вот что, с тех пор, как Брэм поговорил со мной об интервью, предлагая мне заняться этим, внутри меня начало что-то просыпаться словно спящий вулкан. Поначалу я думала это из-за мыслей

о сексуальных действиях с участием Лаклана, но теперь я понимаю, что причина в том, что я представляю себе, каково это будет написать что-нибудь. Увидеть свое имя в печати. Заставить других увидеть *мои* мысли. Изменить жизнь людей в той или иной форме.

Так что пока я сижу за своим столом, накручивая кончик хвоста на ручку и делая вид, что читаю электронную почту, на самом деле я задаюсь вопросом, на что это было бы похоже, сидеть в открытом пространстве в холле, где сидят все авторы, со страстью что-то печатая.

Я смотрю на Кэндис, амбициозную помощницу, с которой

работаю и говорю, что скоро вернусь. Собираю все свое мужество и иду вниз по коридору в кабинет моего босса. Моя смелость не для нее, а для того, с кем я знаю, мне придется разговаривать после.

Стеклянная дверь ее кабинета открыта, но я легонько стучу.

— Люси? — говорю я, открывая дверь, чтобы увидеть, как она смотрит на меня поверх своего монитора через свои большие очки.

— Привет, Кайла, — говорит она. — Как дела? Как понедельник с Маргаритой?

— Не вышло, — отвечаю я. — Просто сходила в обычный бар. — Я отчасти известна понедельниками с

Маргаритой. Мне совсем не нравится вкус текилы, но я люблю фруктовые коктейли и мексиканскую кухню, так что в течение нескольких последних лет, по понедельникам я хожу в мексиканский ресторан. Иногда со мной ходят Никола и Стеф, иногда кто-то с работы, иногда парень, с которым я сплю. Но с тех пор как я приняла решение воздержаться от секса, я туда не выбиралась.

— Послушай, — продолжаю я. — У меня есть друг, он владеет жилым комплексом в СОМА, и сдает его в аренду нуждающимся. Ну, ты понимаешь, доступное жилье. Но он делает все в одиночку, потому что не может найти инвесторов. Думаю ему

просто надо немного помочь. Я подумала, может кто-то из наших авторов мог бы написать об этом. Придать дело огласке. Это благое дело и город в нем действительно нуждается.

Люси пожимает плечами.

— Я бы помогла, если б могла. Но ты должна спросить Джо. Может он сможет кого-то найти. — Она быстро улыбается мне. — Это мило, что ты хочешь помочь.

Я киваю и закатываю на нее глаза, прежде чем покинуть ее кабинет и двинуться дальше по коридору. Почему все так удивляются, когда я пытаюсь сделать что-то хорошее? Я же не

стопроцентное зло. Процентов на сорок, может. А это меньше половины.

Делая глубокий вдох, я ищу кабинет Джо, он находится в конце коридора, между различными отделами. Я была там лишь несколько раз, и Джо пример недовольного, злобного редактора. Вы бы могли подумать, что из-за этого мы с ним отлично работаем, но нет. Возможно, мы с ним слишком похожи.

Его дверь закрыта, и я слышу, как он кричит на кого-то, так что я несколько минут выжидаю. Я смотрю на коллег в своих кабинках. Некоторые из них яростно печатают,

на голове у них огромные наушники, другие болтают по сотовым, переписывая заметки, а кто-то просто беззвучно пялится на экран. Мой друг Нил проверяет файлы, его мастерски изогнутые брови нахмурены в концентрации.

Каждый из авторов — за исключением Нила — выглядит заинтересованным и полностью поглощенным тем, что делает. Это немного жалит, знать, что в моей собственной жизни подобного нет.

Наконец дверь открывается, и Миа, автор, которую я знаю, опустив глаза, выскакивает из кабинета, сжимая в руках какие-то бумаги. Ее щеки горят от гнева и унижения.

О, великолепно. Значит он тоже в плохом настроении.

До того как я смогу изменить свое решение, я стучу в дверь и спрашиваю.

— Сэр?

— Что? — рывкает он, и я воспринимаю это как знак, что я могу войти.

Джо сидит за столом, рукава рубашки закатаны до локтей, демонстрируя обезьяноподобные предплечья. Волос зачесаны назад, что лишь подчеркивает залысины, и похоже на воротнике у него пятна от еды. Его кабинет это полный хаос из бумаг, копий журнала и использованных бумажных

стаканчиков из под кофе.

— А, ты, — насмешливо говорит он. Он едва на меня смотрит. — Ты работаешь с объявлениями. Почему ты здесь?

Я вхожу, лишь на шаг, боясь, что его хаос засосет меня, и говорю:

— Вообще-то, у меня есть сюжет для статьи, и Люси сказала, чтоб я переговорила с тобой.

Это заставляет его замолчать.

— Сюжет для статьи? У тебя? Позволь угадать, ты хочешь написать о своих понедельниках с Маргаритой?

Откуда, черт возьми, он об этом знает?

— Нет, подожди, — продолжает

он. — Что-то о знакомствах в городе и как тебе с ними не везет?

Я хмурюсь. Понятия не имею, откуда он знает и о моих неудачных знакомствах. Может быть, я показываю больше, чем я думала.

— Нет, — медленно говорю я, скрещивая руки на груди. — На самом деле речь идет о благотворительности. — Я иду дальше и рассказываю ему о проекте Брэма, надеясь, что к концу рассказа он будет хоть немного впечатлен.

Не тут то было. Его глаза потускнели. Он трет их и вздыхает

— Надо посмотреть сможет ли кто-то написать об этом. Если нет, тебе не повезло.

— А что, если я напишу? — спрашиваю я.

— Ты? — он практически заикается. — Нет, нет. Мы время от времени можем смеяться, но стараемся поддерживать репутацию серьезного издания. Тексты не твоя сильная сторона.

— Откуда вы знаете? — спрашиваю я, не в силах прикусить язык.

Он резко смотрит на меня.

— Я бы попросил тебя доказать мне, что ошибаюсь, но у меня на это нет времени. — Он вздыхает и смотрит на копию за прошлую неделю в руке. — Но эта история вписывается в наш новый план. Иди

и найди кого-то, кто напишет это для тебя.

В эту минуту мне хочется убить Брэма за то, что поставил меня в такое положение. Тем не менее, я благодарю Джо и ухожу из кабинета. Смотрю на Нила и иду к нему.

— Нил, — сладко говорю я, кладя руки ему на плечи и разминая их.

— Что я говорил тебе о сексуальных домогательствах на рабочем месте? — мягко говорит он, у него красивые и блестящие ногти, его внимание сфокусировано на почте с миллионом писем.

— Что я смогу рассчитывать на это, только если у меня есть член.

Он издает звук согласия.

— И если у тебя есть член, я буду весь твой. Напомни мне еще раз, почему ты не свела меня со своим братом?

Я сильно сжимаю его плечи, надеясь, что делаю ему больно.

— Потому что ты абсолютный кобель, и я до смерти люблю Тошио. И я не хотела бы, чтоб его сердце было выброшено на улицах Кастро.

— Прежде всего, — говорит он, морщась от моих прикосновений, — что это за клише, Кастро? Давай ка разберемся, лейтенант Сулу. Там тусуются всякие странные личности. Да он через минуту найдет себе кого-то другого. Я же видел, какой он

милый. Прямо как ты. И кстати, если я кобель, то ты шлюшка. Получай, сучка.

Я закатываю глаза.

— Слушай, прежде чем мы перейдем к расовой дискриминации и грубостям...

— Подумаешь, я зову тебя Сулу последние пять лет. Так же как и ты все не можешь перестать звать меня Диего. А я ведь даже не латиноамериканец.

Я игнорирую его.

— Мне нужна от тебя услуга. На самом деле, это надо моему другу, но у меня могут возникнуть проблемы, ммм, с ее реализацией.

— Фу, услуга, — говорит он. Я

поднимаю руки. — Не
останавливайся, — командует он,
похлопывая себя по плечу.

Я продолжаю массировать.

— Это хорошее дело.

— Двойное фу. А почему ты
делаешь хорошие дела?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю, просто делаю и
все. Но мне нужна твоя помощь. —
Третий раз за этот день я
рассказываю о трудностях Брэма.

— Но ведь это даже не парень,
с которым ты трахаешься, —
указывает он. — Ты все еще
придерживаешься того дурацкого
обета с отказом от членов?

— Да, и нет, я не сплю с ним,

но он парень моей подруги.

— Я на это не куплюсь. Почему ты действительно этим занимаешься?

Потому что он попросил меня, хочу ответить я. Потому что это приятно, чувствовать себя нужной, будто у меня есть сила изменить что-то. И потому, ладно, может и потому что в дело вовлечена горячая задница игрока в регби.

— Просто мне так захотелось, — говорю я. — А теперь ты напишешь об этом?

— Нет, — говорит он.

Я стону и отхожу, резко взмахивая руками.

— Почему нет? Пожалуйста?

— Кайла, сладкая, у меня завал. Почему бы тебе не попросить кого-нибудь еще?

Я осматриваюсь. Несмотря на то, что половина людей в офисе, кажется, большие поклонники понедельников с Маргаритой и наслаждаются ими, когда я выпиваю слишком много Текилы санрайз и в конечном итоге танцую на столе, не думаю, что нравлюсь им достаточно, чтобы написать то, что я прошу. Это их работа, придумывать идеи, не моя.

— Или почему бы тебе самой не написать статью? — предлагает он.

Я смотрю на него, поднимая бровь.

— Серьезно? Я сказала это Джо, но он посмеялся надо мной.

— Джо над всеми смеется. Фишка у него такая. Он сварливый старик, которого надо трахнуть или ему трахнуть кого-то, не уверен, что лучше. — Я корчу рожицу. — Я говорю, напиши ее и сдай. Я даже помогу тебе с редактированием и тому подобным. Займись этим. Ты ведь говорила, что ходила в школу журналистики, да?

— Коммуникаций, — бормочу я. — По специальности журналистика.

Он машет на меня рукой, останавливаясь, чтобы полюбоваться на свои ногти когда на них падает

свет.

— Этого достаточно. У половины людей здесь даже нет степени. Как и у меня. Просто слепая удача и красивое личико.

— Ладно, — я наклоняюсь над столом и умоляюще смотрю на него. — Можешь дать мне какие-то наводки?

Нил крутится по кругу в своем кресле, сложив руки на животе поверх накрахмаленной рубашки глубокого фиолетового цвета. Его губы изогнуты в удивленной улыбке, напоминающей злодеев в фильмах.

— Во-первых, сладкая, тебе нужна концепция.

— Я только что ее озвучила.

Богатый парень творит добро.

Он издает звук отвращения и откидывает голову.

— Скукота! — кричит он. Кто-то на заднем плане кричит ему, чтоб он заткнулся, но он лишь пренебрежительно машет на них. Упирается локтями в колени и указывает на меня пальцем.

— Нет. Не богач творящий добро. Никому нет дела до богатых пижонов, если только это не оскароносная актриса по имени Сьюзен Сарандон, людей вообще не волнует что делают богачи, хорошо это или нет.

— Это не так, — возражаю я.
— Все сплетни в журналах о богачах

и о том, что они делают неправильно.

— Найди другую идею, — говорит он.

Я стараюсь и напрягаю мозг.

— Город нуждается в подобном. Все всегда жалуются на отсутствие доступного жилья. Люди по всему миру издеваются над тем, сколько у нас бездомных. А это решение. Это хорошо, независимо от того, кто это делает.

— Послушай, каждый день куча людей делает добрые дела. Большинству все равно заботишься ты о других или нет. Все мы слишком хорошо научились закрываться от гадких и отвратительных деталей

жизни, и миллионеры этим пользуются. Мы все эгоистичны и эгоцентричны, удовлетворяя лишь собственные потребности пока это не коснется лично нас. Итак, как ты это сделаешь?

Боже. Все эти годы я работала с Нилом, развлекалась в клубах, держала его за руку, пока он плакался о каком-то парне с усами, и он никогда не казался таким умным, как сейчас.

— Ну, Брэм горяч.

— Уже лучше...— говорит он, заметно оживляясь.

— А его партнер еще лучше, — говорю я и понимаю, что мечтательно улыбаюсь, когда мысли

о Лаклане заполняют мою голову. —
Он играет в регби в Шотландии.

Он выпрямляется.

— Он большая звезда?

— О, — с ухмылкой говорю я.

— Он большой.

— Ты лично об этом знаешь? А
как насчет твоего обета?

Я выдыхаю, громко и
театрально.

— Нет, я не знаю об этом
лично. Просто видела его в баре
прошлой ночью. И он...он...просто
такой мужчина. Не могу объяснить.
Он, вероятно, самый горячий парень,
которого я когда-либо видела. И он
сложен словно секвойя.

— Как Северная секвойя? —

взволнованно спрашивает он.

— Почти, — отвечаю я, довольная, что хоть с кем-то могу обсудить мою внезапную одержимость. — Он покрыт татуировками, у него есть деньги, и у него есть губы, которые так и хочется пососать.

— Кроме всего прочего.

— И вроде кто-то упоминал, что он хорош в том, что делает. Думаю, он несколько раз выступал за Шотландию на Кубке мира.

— *Дерьмооооооо*, — с усмешкой говорит Нил, размахивая руками в воздухе, будто орошает меня волшебной пылью — Кайла, вот твоя идея. Сексуальность. И

знаменитость.

— Ты только что сказал, никому нет дело до знаменитостей, делающих добро. И я не уверена, что лишь потому что он играл на Кубке регби, он знаменитость. Никто не следит за подобным.

— Ну, дома то он может быть знаменитостью. А если нет, ты напишешь, будто так и есть. Это всегда интересней. К тому же, ты же знаешь аудиторию этого журнала — женщины и геи.

Я ухмыляюсь.

— Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что если б ты не был таким веселым и милым, то был бы совершенно отвратительным?

— Вот поэтому мне все и сходит с рук, — говорит он, шутливо играя бровями. — Итак, иди и сделай это. Возьми у него интервью. Забудь о другом парне. И посмотри, может тебе удастся сделать парочку фотографий мистера Мамонтовое дерево.

Предпочтительно обнаженным. Знаешь, многие игроки в регби позируют для календарей. Это вроде бы их дело.

Вдруг моя улыбка исчезает. Взять интервью у Лаклана?

— А не могу я просто, ну знаешь, написать о нем, фактически с ним не разговаривая?

Он смотрит на меня так, будто я идиотка.

— Как ты узнаешь что писать, если ты вообще его не знаешь?

— Я могла бы спросить Брэма, — с надеждой говорю я.

— Нет,— отвечает он. — Ты должна взять у него интервью. Почему это проблема? Ты должна будешь попрыгать вокруг него. А потом на нем.

Я нервно тереблю волосы.

— Ну, это просто...он...он не очень дружелюбен. Или разговорчив. И не думаю, что я нравлюсь ему.

— Хочешь сказать, он пока не поддался твоим чарам? — едко спрашивает он.

Я свирепо смотрю на него.

— Еще нет — говорю я. — Не

то чтобы я вчера пыталась.

Он пожимает плечами.

— Так иди и попробуй. Ты хочешь эту статью, и ты должна для этого поработать. Похоже, написание может быть самой легкой частью. — Он покачивается на своем стуле, весь такой уверенный, выглядя счастливым от того, что я пойму, насколько на самом деле у него тяжелая работа. Я не доставлю Нилу такого удовольствия.

— Отлично, я сделаю это, — говорю я, с важным видом направляясь в свой офис. Слышу, как он кричит.

— Удачи! — позади меня.

Все нормально, пока я не

возвращаюсь к своему столу, и бабочки не начинают порхать у меня в животе, плохие бабочки. Нервные. Тьфу. Это так не похоже на меня.

Прежде чем я могу передумать, я набираю номер Брэма, надеясь, что не прерву его в середине чего-нибудь интересненького с Николой. Никогда невозможно предсказать когда они это делают, ни с их обоюдной страстью.

— Кайла? — спрашивает он, очевидно удивившись.

Я плюхаюсь в кресло и откатываюсь подальше от Кэндис, которая притворяется, будто не наблюдает за мной. Девушка следит за всем, что я делаю, будто ищейка

какая-то.

— Да. Привет, Брэм.

— Ты поговорила с боссом, да?

— Да, но послушай... Я собираюсь написать статью.

— Это гребаная фантастика.

— Но я должна взять интервью у Лаклана, а не у тебя.

Пауза.

— Лак? Почему? Что со мной не так?

— Ты не интересен прессе.

— А мой кузен?

— Он да. Я имею в виду, ты его видел?

— А ты *меня* видела?

— Видела Брэм. Извини. Ты не мой тип.

Он недоверчиво фыркает.

— Любой с членом твой тип.

— Эй! — ору я в трубку. Кэндис подпрыгивает, и ручка катится по ее столу. — Я решаю, как это будет. Теперь дай мне номер Лаклана или не будет вообще никакой статьи и твоим жильем.

— Хорошо, хорошо, отлично, — быстро говорит он. — Остынь.

— Сам остынь. — Парирую я. Он дает мне номер, и я записываю его. Очевидно это международный номер.

— Можно я просто напишу ему смс? — спрашиваю я.

— Конечно, — говорит Брэм. Но думаю, тебе удастся больше

вытащить из него, если ты поговоришь с ним лично. Он не очень-то разговорчив по телефону.

— Не разговорчив?

— Да, — говорит он. — Но послушай, о чем бы вы, ребята, в конечно итоге не разговаривали, не спрашивай у него ничего особенно личного, хорошо?

Я выпрямляюсь, мне становится любопытно.

— Почему?

Он громко и театрально вздыхает.

— Просто не надо, Кайла. Я знаю тебя. Ты вечно суешь нос в чужие дела, и все мы думаем, что это мило, но он не такой. Если ты будешь

вести себя так с ним, ты его спугнешь. Он замкнутый человек. У него есть...ну, просто будь профессионалом. Если копнешь слишком глубоко, он, вероятно, сорвется, и ты ничего не получишь.

— Сорвется? — повторяю я. —

Он что, собака?

Или зверь?

— Ээ, — говорит Брэм. — Он просто настороженный, и у него нет времени на ерунду. Так что сконцентрируйся на том, что важно.

— Угу.

А это...

Эти губы. Эти руки. Но я говорю.

— Ситуации с жильем.

— Верно. Эй, я говорил тебе спасибо за то, что ты делаешь?

— Нет. Не говорил.

Затем я отключаюсь прежде, чем у него появится шанс что-нибудь сказать. Он заслуживает подобного за шпильку о том, что я не должна быть собой с Лакланом, будто мой характер это сущее наказание.

Прежде чем снова разнервничаюсь, я ввожу в айфон длинный номер и пишу смс. Ну, на самом деле, я несколько минут смотрю на экран, затем печатаю несколько разных предложений и стираю, потом снова смотрю. Сказанное Брэмом заставляет меня еще больше переживать. Хочу

сказать, я умею общаться с людьми. Поверьте. Я не боюсь. Но тут я не в своей тарелке. Я не журналист, несмотря на то, что изучала в школе, и я вдруг чувствую весь груз ответственности на своих плечах.

В конце концов, я пишу ему: *Привет, это Кайла, подруга Николы. Мы познакомились в баре прошлой ночью. Брэм хотел, чтобы мой журнал напечатал историю о ситуации с жильем, и мой редактор подумал, было бы неплохо, если бы я взяла у тебя интервью. Хорошо?*

А потом я жду.

И жду.

И жду.

И жду.

Проходят часы.

— Ждешь звонка? — немного слишком резво спрашивает Кэндис.

Сейчас около 16:30, и я в миллионный раз смотрю на телефон. Я перепроверила номер, который записала. Я едва ли сделала сегодня что-то кроме ожидания этого проклятого ответа. Я не очень хорошо справляюсь с многозадачностью.

Я упираюсь ладонью в подбородок, плечи опущены, и я даже не тружусь посмотреть на Кэндис.

Телефон издает звук.

— Нет, совсем нет, — говорю я, хватая телефон, словно это драгоценность, а я Голлум (прим.

пер. Гóллум, - вымышленное существо, один из ключевых персонажей произведений Джона Р. Р. Толкиена «Хоббит, или Туда и обратно» и «Властелин Колец»).

Ответ от Лаклана: *Хорошо.*

Что за хрень? Хорошо и все?

Я быстро печатаю ответ: *Хорошо, отлично, спасибо. Когда бы ты хотел встретиться? И где?*

Нажимаю отправить и молюсь, чтоб у него не заняло еще шесть часов прислать ответ.

Не занимает. *Ты знаешь город лучше меня. Я свободен в любое время.*

Хорошо, мы делаем успехи.

Кружится ли у меня голова?

Определенно да.

Мой офис находится рядом со зданием пароходства, так что я прошу его встретиться со мной в кафе Blue Bottle в полдень. У меня не будет кучи времени, что одновременно и хорошо и плохо. Хорошо, потому что, вероятно, я перейду прямо к делу, а не буду делать то, о чем думает Брэм (то есть все испорчу). Плохо потому что это означает, что у меня есть лишь час, чтобы насмотреться на него.

Я возьму все, что смогу получить.

Глава 3

КАЙЛА

После работы я еду к маме. Она живет через Залив в Аламида, недалеко от Окленда в том же самом доме, где я выросла. Это великолепный дом викторианской эпохи с фронтонами и металлическими элементами. Перед домом находится сад роз, граничащий с небольшим двориком, выходящим на дорогу, по которой в теплые дни мимо проезжают туристы на велосипедах и местные жители. Он пахнет детством, солнцем и тишиной. Сад всегда был гордостью и радостью мамы, но в эти дни розы заросли и за ними

никто не ухаживает.

Многое в доме приходит в упадок. Моя мама не молода, и ее здоровье оставляет желать лучшего. В этом году ей исполнилось семьдесят один, и я ненавижу вспоминать об этом. Когда я родилась, мои родители были не молоды. Вообще-то, мой старший брат Брайан старше меня на пятнадцать лет. А младший, Тошио, на шесть. Я вообще не должна была родиться, мама описывает меня как чудо. Она всегда хотела дочку.

И я рада, что стала этим чудом. Мои родители дали мне так много любви до того момента, как испортили меня. Братья тоже были

сверхзаботливыми, все время нянчились со мной. Но блин, тяжело, когда твои родители стареют, особенно когда тебе только исполнилось тридцать, и ты до сих пор чувствуешь себя ребенком, по-прежнему needing в них.

Когда мне было всего двадцать три, мой отец умер от рака простаты. Это преследует меня каждый день. Он долго болел и испытал много боли, так что когда это случилось, мы были рады, что он больше не страдает, но даже в этом случае... ничто не заменит нашу потерю. Мой отец, при всех его недостатках, был тем, кого я без сомнения любила. Я боготворила его столько, сколько

себя помню. Не думала, что смогу пережить его смерть, но мало-помалу, год за годом, я пытаюсь двигаться дальше. Я должна.

Маме не так повезло. С тех пор ее здоровье дает о себе знать. Похоже, с его смертью она потеряла часть себя, и никогда не будет такой, как прежде. Я все время беспокоюсь о ней и пытаюсь бывать дома так часто, как только могу, а это намного чаще, чем мои братья. Они приезжают лишь когда я их заставаю либо чтобы сказать привет и отметитья и дать ей денег, либо отремонтировать что-то в доме. Знаю, они хотят, чтоб она переехала в квартиру поменьше, или, возможно,

даже в дом престарелых. Но мама цепляется за этот дом как за самое дорогое. Она никогда не уедет отсюда.

И я знаю, что в ту минуту как она покинет дом, мы навсегда потеряем ее. Дом это все, что у нее осталось.

Так что даже если мне и не очень удобно ездить туда, я все равно еду. Она одна и она одинока, и я это отлично понимаю.

Сейчас начало августа, и хотя лето в городе достаточно переменчиво, в Аламида теплее. Я поливаю розы, выбегаю в ближайший магазин за продуктами, прибираюсь, а затем сажусь на диван с ее белым

пушистым комочком, кошкой Мяу Мяу, чтобы рассказать несколько хороших новостей.

— Угадай что? — говорю я.

Она поднимает взгляд от своего вязания и смотрит на меня так...с таким обожанием, что я вдруг чувствую, что недостойна ее. Забавно как ваша мама может сделать это с вами.

— Что, дорогая? —
Спрашивает она своим нежным, ритмичным акцентом.

— Ну, я расту на работе. Я пишу статью, и, похоже, если все пойдет хорошо, они ее напечатают.

Она широко улыбается, и я поражена тем, насколько безупречно

выглядит ее кожа для женщины ее возраста. Она выглядит моложе на несколько десятков лет, чем есть на самом деле. Надеюсь, эти японские гены передались и мне.

— Это чудесно. О Кайла, я так за тебя счастлива.

— Да?

— О да. Посмотри на себя. Ты практически светишься. Я все думала, найдешь ли ты снова свою страсть.

Я поджимаю губы. Я всегда думала о себе как об очень живом, страстном человеке. Мне что действительно этого не хватает?

— Ну, — говорю я, пытаюсь преуменьшить значение этого

события, — хочу сказать, все зависит от того, насколько хорошо я напишу статью. Обычно они не печатают статьи внештатных сотрудников...или авторов. В общем, ты понимаешь.

— Да, но когда ты была моложе, я помню какие статьи ты писала для школьной газеты.

— Да, но это были обзоры фильмов или информация о группах, приезжавших в город на выходные.

Она качает головой, все еще изящно улыбаясь, и возвращается к своему вязанию.

— Это не имеет значения, дорогая. Я читала все их и знала, у тебя есть талант. Я знала, что ты можешь вернуться к этому.

— Несмотря на то, что теперь я старая.

У нее вытягивается лицо.

— Ты не старая, Кайла. *Я* старая.

Я вздыхаю.

— Прости... Я не это имела в виду. Это просто, я чувствую, что в моем возрасте я уже должна была разобраться со своим дерь...со своими делами. Найти свой путь.

— Ты там, где тебе следует быть. Это не соревнование, ни какая-то гонка. Не сравнивай себя с другими, только с той, кем ты была вчера.

Да, но как я могу объяснить, что порой чувствую себя худшим

человеком, чем была вчера? Будто я просто топчусь на месте, прежде чем двинуться назад. Теряю себя, вместо того чтобы обрести?

Но я не хочу расстраивать этим маму. Я и сама стараюсь не расстраиваться от этих мыслей, просто порой они подкрадываются так незаметно.

— Я знаю, — говорю я ей. — Полагаю, никогда не поздно.

— Нет, это не так, — отвечает она. — Только не забывай смотреть на вещи шире. Для того чтобы рисковать.

Я бодро улыбаюсь.

— О, поверь, так и сделаю

Она пару секунд изучает меня,

видя что-то внутри меня. Не уверена, что это.

— Я очень любила твоего отца, — говорит она, спицы стучат друг о друга. Неожиданно. — Очень, очень сильно.

— Я знаю. И он любил тебя.

— Он до сих пор. — Она грустно улыбается мне. — Несмотря на то, что он поменял место жительства и теперь живет на небесах, порой я до сих пор слышу его. Я знаю, он в порядке. Знаю, он ждет меня.

Мои глаза увлажняются. Мы не часто говорим об отце, может потому что каждый раз, когда упоминаем его, текут слезы. Хотя моя мама не

плачет. Она так достойно справляется со всем этим, хоть она и грустит, будто потеряла часть себя.

— Не плачь, дорогая, — мягко говорит она и наклоняется, кладя руку поверх моей. — Это нормально. Я говорю тебе это потому, что не хочу, чтоб ты боялась любви.

— Я не боюсь любви, — защищаюсь я, вытирая ладонями слезы.

Она натянуто улыбается.

— С тех пор прошло уже несколько лет, Кайла.

Проклятый Кайл. Зачем она приплела его сюда? Кайл мой бывший. Бывший жених. Мы начали встречаться в колледже, и долго были

вместе после. Но просто между нами ничего не работало. С Кайлом не было ничего плохого, нет, просто... Не знаю, думаю я струсил. Но не потому что боялась любви. Просто он был не тем, что я хотела от жизни.

— Я счастлива, мам, — успокаиваю я ее. — И я любила Кайла. Просто он не был тем единственным.

— О, я знаю, что не был. Я это знаю. Ты все сделала правильно. Но когда ты встретишь того единственного, я не хочу, чтоб ты сбежала. Не хочу, чтоб ты боялась. Любовь это то, за что стоит бороться.

Я закрываю глаза.

— Опять же, мама, я не боюсь любви. Я *люблю* любовь.

Просто получилось так, что секс и веселье я люблю больше.

Она внимательно следит за мной.

— Хорошо. Просто я пытаюсь сказать, что, несмотря на то, что я люблю твоего отца, и никогда не буду без него прежней, хорошее значительно превышает плохое. Даже если бы я знала, что потеряю его, я бы все равно выбрала влюбиться. Я ни о чем не жалею. Просто хочу, чтоб ты знала, чтоб поняла, даже если ты теряешь любовь, по-настоящему она не уходит. Она навсегда остается внутри тебя. Риск в любви всегда

СТОИТ ЭТОГО.

Я вздыхаю, чувствуя тяжесть в груди.

— Хорошо, хорошо, — говорю я, не уверена, что еще можно добавить. Я знаю, как должно быть выгляжу в глазах мамы, всегда одна с тех пор, как бросила Кайла. Но клянусь, я не боюсь любви. Просто для меня никого нет, и я с этим смирилась. Если вы не можете найти мужчину, с которым вы можете разделить свое сердце, что ж... разделите с ним свою вагину.

Конечно, на данный момент я так не делаю. Может быть, поэтому я так накручиваю себя.

Я оставляю маму и еду обратно

в город, в голове звучат ее слова. Она говорит мне не бояться любви, но у меня в голове не укладывается, как она может говорить подобное. Она сказала, что никогда не будет прежней без отца...как это может не напугать вас? Как вы можете просто продолжать двигаться с этой потерей, верить в любовь, даже если она оставила вас? Подобная сила надежды и веры ошеломляет.

В эту ночь я едва ли сплю. Не только из-за того, что сказала мама. Это мои нервы. Глупые нервы. Не могу вспомнить, когда я была так возбуждена. Обычно я *не* нервничаю.

И все же вот она я, нервная и дерганая, думающая о завтрашнем

интервью, чувствуя давление, которого не было раньше.

Когда я просыпаюсь, все еще ощущаю тревогу. Еду на работу с таким чувством, будто проглотила электрический шарик. Я так и провожу полдня, пока не наступает время обеда, и тогда ощущения усиливаются. Я практически выпрыгиваю из кожи.

Должна признать, волнение, даже по такому простому поводу, опьяняет. Я решаю смириться с этим и думать о хорошем. Я собираюсь покорить этого мужчину. Взять лучшее интервью за свою жизнь. Ну, до сих пор это было моим единственным интервью.

Я хватаю сумку и направляюсь в туалет, чтобы убедиться что выгляжу как надо. Я одета в узкие черные капри с мокадинами в черно-белую полоску и шелковую блузку цвета баклажан, которая лишь показывает намек на ложбинку. Волосы распущены, длинные и волнистые, и так блестят, что напоминают мне бассейн нефти (благодаря моим утренним стараниям). Мой отец родом из Исландии (на самом деле там мои родители и познакомились), и хотя от мамы я унаследовала густые черные волосы, от отца мне досталась их волнистая текстура, которая при малейшей влажности

отправляется в самоволку.

Я выгляжу респектабельно. Может быть даже горячо, особенно если перебросить волосы через плечо, и накрасить губы влажным блеском. Надеюсь, он воспримет меня всерьез и в то же время захочет со мной переспать.

Я делаю некоторые последние корректировки, игнорируя сообщения от Николы и Стефани и Брэма, которые желают мне удачи (и, следовательно, делают это большим делом, чем есть на самом деле) и иду через трамвайные пути к зданию пароходства.

Blue Bottle Coffee своего рода мекка хипстеров, и подозреваю, там

сейчас куча народу. В кафе мало сидячих мест, но я надеялась, как только мы возьмем кофе, то выйдем на улицу, чтобы посмотреть на паромы и мост через Залив. Имею в виду, сделаем вид, что будем смотреть на паромы и мост, в то время как я буду рассматривать его задницу. Спасибо тебе Господи за темные очки.

Но хоть убейте, я нигде не вижу Лаклана.

Я вытаскиваю телефон из сумочки, чтобы проверить, но на экране ничего нет, только обои с Orphan Black. Я встаю в очередь за кофе и надеюсь, что меня не продинамили.

Я уже почти у кассы — пять минут, и я уже хочу избить всех палочками для перемешивания кофе — когда я чувствую чье-то присутствие рядом. Это больше, чем присутствие. Это ощущение присутствия *затмило* все остальное.

— Кайла? — лишь одно грубое слово с шотландским акцентом, и у меня снова текут слюни.

Держи себя в руках, сохраняй спокойствие.

Я поворачиваюсь к нему лицом. Поднимаю глаза. Выше. И дарю ему самую большую улыбку в мире. Удивительно, как у меня еще язык не вывалился изо рта.

— О, привет! — говорю я с

излишним энтузиазмом. — Лаклан, верно?

Он хмурится. Очевидно не впечатленный моей неловкостью.

— Э, да. Сожалею, я опоздал. Я плохо знаю город.

Знаю, я должна отвести взгляд. Сказать что-нибудь. Может: Нет проблем. Что будешь пить?

Но я не могу. Я поражена этим мужчиной. Я словно желе или воск и другие мягкие, пластичные вещества. Когда я рядом с Лакланом МакГрегором, я не Кайла Мур.

Так что я глазею на него. Черные джинсы сидят отлично, темно-серая фланелевая рубашка, выглядящая достаточно уютно, чтобы

можно было в ней спать, подчеркивает широту его груди и плеч. При естественном свете его глаза светлее, больше серо-зеленые, как вода в заливе Сан-Франциско. Чем больше он хмурится, тем больше мне нравится, как морщится его слегка загорелый лоб, и его пересекают глубокие, неровные линии. У меня такое чувство, будто меня проверяют. Пристально разглядывая. И он выглядит грубым. Опасным. Я хочу, чтоб он рассказал все свои секреты.

— Мисс?

Я едва слышу, как кто-то зовет меня. Лаклан смотрит мне через плечо, а затем наклоняет голову ко

мне.

— Тебя зовут, — говорит он с сильным акцентом.

— Да? — кокетливо спрашиваю я.

Он дергает подбородком в сторону бариста у стойки.

— Твоя очередь.

Точно. Он об этом. Я снова улыбаюсь, понимая, это полный провал. Вот тебе и попытка быть сексуальной.

Я поворачиваюсь и обращаю свое внимание на бариста. Быстро заказываю миндальное латте для себя.

— Ты что будешь? — спрашиваю Лаклана.

— Чай, черный, — отвечает он.

— Ооо, черный чай, рискуешь,
— дразню его я.

Он не улыбается в ответ. Просто нахмурившись смотрит на меня, будто я слишком глупа, чтобы выжить.

Ну, разве все идет не отлично? Я напоминаю себе, я здесь не для того, чтобы понравится Лаклану, быть сексуальной, милой, смешной или такой, как обычно бываю. Я здесь чтобы написать о дурацкой благотворительности Брэма. И снова мысленно проклиная этого шотландца.

Оплачиваю заказ и отхожу в сторону пока мы ждем наши

напитки.

Лаклан запускает руку в карман джинс и достает две мятые купюры, протягивая их мне.

— Что это? — спрашиваю я.

— За чай, — хрипло говорит он.

— Спасибо, — отвечаю я, — но я угощаю. Не беспокойся.

Он что-то ворчит и идет к стойке, засовывает деньги в банку для чаевых, получая благодарное спасибо от загруженного баристы.

К счастью, он сразу же получает свой чай, и мой латте почти готов, так что нам не надо неловко стоять и думать, что же сказать. Я провела все утро, придумывая

вопросы, которые собираюсь задать ему, но теперь, когда он здесь стоит передо мной, я едва могу вспомнить, где я работаю

— Итак, — говорю я, мечтая, чтоб вопросы были написаны в моем телефоне, а не в блокноте. Который я забыла в офисе. Конечно же. — Не хочешь прогуляться на воздухе?

Он кивает, делая глоток чая, его глаза смотрят куда угодно, кроме меня.

Я прочищаю горло, и мы уходим из кафе и идем мимо магазинов. На самом деле это отличное место, чтобы встретить кого-то, кого ты не знаешь — здесь есть на что посмотреть.

Но, конечно же, все, что я хочу сделать, так это смотреть на него, хоть я и чувствую, что мои глаза, блуждающие по нему, это не совсем достойно. Просто трудно вести себя по-другому идя рядом с таким зверем. Я чувствую себя такой маленькой.

— Ты раньше давал интервью?
— спрашиваю я.

Он искоса смотрит на меня.

— А ты?

Я гримасничаю, немного смущенно.

— Э-э, не совсем. Это мое первое. Имею в виду на законных основаниях. В университете я писала для школьной газеты, но это было

чертовски давно.

Он кивает. Еще один глоток чая.

— Брэм упоминал об этом.

— О чем он еще упоминал?

— Что это поможет привлечь к нему внимание.

— К нему? — повторяю я. —

Разве ты в этом не участвуешь?

Лаклан пожимает плечами.

— На самом деле нет. Я просто помогаю, чем могу.

Мы подходим к двери, ведущей на улицу к докам, и он придерживает ее для меня. Что ж, по крайней мере, он не забыл о манерах.

— Спасибо, — говорю ему я.

Он издает пренебрежительный звук.

Воздух снаружи свежий и

чистый, и кажется, прочищает мне голову. Солнце светит с такой яркостью, которую мы редко видим в это время года.

— Итак, возвращаясь к тебе, — говорю я, возвращаясь к теме. — Ты давал много интервью? Хочу сказать, не знаю, привык ли ты к этому, играя в регби. Разве регбисты там не знаменитости?

Еще один кивок.

— Я давал интервью, да.

Мы останавливаемся у перил с видом на паромы, наблюдаем за чайками, кружащими над головой, и я задумываюсь, должна ли я делать пометки. Опять же, он пока не дал мне никакой информации.

— И за какую команду ты играешь дома в Шотландии? Я слышала, ты представлял страну на чемпионате мира.

— Я играю за Эдинбург. И я был на двух последних чемпионатах.

— Вы выиграли? — с надеждой спрашиваю я.

Он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня и немного качает головой. Могу поклясться, это его позабавило.

— Нет.

— Оу, это отстой, — говорю я, не уверенная, какой тут может быть правильный ответ.

Он пожимает плечами. Прислоняется к перилам и смотрит

вдаль. Ветер треплет его волосы, солнце подчеркивает золотисто-коричневые пряди.

Я делаю то же самое и опираюсь на перила рядом с ним, мои руки выглядят как зубочистки по сравнению с его. Рукава закатаны, демонстрируя толстые предплечья. Я смотрю на татуировки, слова и изображения, и когда поднимаю взгляд, он смотрит на меня сверху вниз. Я не уверена, что он понимает, насколько интенсивным может быть его взгляд, и мне очень сложно отвести глаза

— Твои тату рассказывают историю? — удастся выдавить мне.

Он продолжает пристально

смотреть на меня, невозможно понять, о чем он думает. Затем он смотрит на свою руку и напрягает ее.

— Всё рассказывает какую-то историю.

Теперь моя очередь смотреть на него.

— Может, пояснишь?

— Мои татуировки помогут статье?

— Возможно, — говорю я, начинаю немного разочаровываться тем, насколько он необщителен.

Но он ничего не уточняет.

— Так как прошла вечеринка без штанов? — спрашивает он, поворачиваясь так, чтобы быть ко мне лицом.

Я моргаю.

— Что?

Он осматривает меня с ног до головы.

— Когда я впервые увидел тебя, на тебе была футболка с надписью «вечеринка без штанов».

Он ведь шутит, да? Ловлю себя не том, что рассматриваю его так же, как он меня. И тут его рот, великолепный, соблазнительный рот приподнимается, совсем чуть-чуть. Так еле заметно, но это почти похоже на улыбку.

— Брюки, как правило, это пустая трата времени, — говорю я. — Единственная причина, почему я ношу их, потому что на работе ждут,

что я буду профессионалом — добавляю я, показывая жестом кавычки.

— Как они узнают, носишь ты брюки или нет? — спрашивает он, а затем отклоняет голову, чтобы посмотреть на мою задницу.

Я и польщена тем, что он смотрит и в замешательстве, не понимая почему. Хмурюсь.

— А?

— О, — говорит он, и взгляд порхает обратно ко мне. — В Британии брюки это слово для нижнего белья. Подумал у тебя склонность не носить нижнее белье.

Я смеюсь.

— Нет, нет. Ну, я ношу его.

Имею в виду, нижнее белье на самом деле тоже пустая трата времени. Но нет, на футболке было...в любом случае это не имеет значения.

— Согласен, — говорит он.

— С чем?

— Что брюки пустая трата времени.

Мой разум сходит с ума. Я воображаю его не только без каких-либо штанов, но и без белья. Стараюсь держать глаза на верхней части его тела вместо того, чтобы начать искать очертания его члена и получить представление о том, как на самом деле выглядит обнаженный Лаклан.

— Конечно, — продолжает он,

— во время матча будет умнее надеть его. Ты будешь удивлена, сколько раз во время борьбы за мяч с тебя стянут шорты.

И мое воображение взрывается.

— Другие парни стягивают с тебя шорты? — Мой мозг вдруг атакуют образы его в узких шортах в то время как другие большие, крепкие мужчины тянут их вниз. Члены летают повсюду.

Он смотрит на меня.

— Ты когда-нибудь видела игру в регби?

— Нет. Но если ты носишь шорты и другие мужики постоянно тянут их вниз, мне, возможно, придется начать смотреть их.

— Ты вообще смотришь спорт?
Я считаю что да.

— Я смотрю бейсбол. Но только тогда, когда играют Giants. В остальном, нет. Не думаю, что это полезно для моего сердца. Я обычно становлюсь немного взвинченной. Все знают, что я кидаюсь вещами.

— Тогда в Шотландии ты сошла бы за свою. Мы очень вспыльчивы, когда дело доходит до наших команд. Вспыльчивы и немного чокнутые.

— Ты считаешь себя немного чокнутым?

— Да, конечно. Разве не все такие?

Я киваю. Он прав.

— Да. Я определенно не совсем

нормальная.

— Нет, ты нет.

Я резко смотрю на него, не уверена, стоит ли обижаться на такое или нет.

— Эй.

Его это не волнует.

— Брэм сказал, ты заноза в заднице.

Я закатываю глаза и фыркаю.

— Конечно, Брэм это сказал. Но знаешь, твой кузен полон дерьма.

— Он сказал, что ты в тридцать ведешь себя будто тебе тринадцать.

— И снова его губы подергиваются в эту почти улыбку. Что ж, рада, что он находит это забавным.

— Мне тридцать, — с горечью

говорю я. — И это он тот, кто ведет себя как подросток. То же и о Линдене. Оба твои кузена словно остановились в развитии.

— Не могу поспорить с этим.

— Но они на самом деле тебе ведь не кузены, да? Вероятно поэтому вы такие разные.

Воздух вокруг нас словно накаляется. Линия между его бровями становится глубже, а взгляд становится тяжелым.

— Они на самом деле мне не кузены? — Его голос словно кремень.

Вот дерьмо. Такое чувство, что я сказала что-то неправильное.

— Э-э, тебя ведь усыновили,

правильно?

Его челюсть напрягается и я в абсолютном ужасе, может быть, он даже не знал, что был усыновлен. Срань Господня, я что сейчас просто взяла и абсолютно все разрушила?

Минуты все идут. Такое чувство, что пауза продолжается вечно. Это молчание по истине смертельно.

И тогда он говорит.

— Да. Меня усыновили.

Как мне все исправить? Что сказать?

— Прости. — Извиняюсь я. Кладу руку на его предплечье и чувствую тепло его кожи. Затем он смотрит на мою руку, и я быстро

убираю ее. — Я не хотела переходить на личности.

— Угу, — ворчит он и смотрит в сторону. Спина прямая, мышцы напряжены. Я его разозлила. Я это знаю. Почему я так хорошо умею злить людей?

— Прости, — еще раз говорю я почти беспомощно.

Он откашливается и допивает чай. Он должно быть до сих пор горячий как кипяток, но он даже не поморщился.

— Слушай, я лучше пойду. Надеюсь, ты получила, что хотела. Уверен, еще Брэм захотел бы поговорить о проекте.

Дерьмо. Дерьмо, дерьмо,

дерьмо. Он не может сейчас уйти! Мы вообще не поговорили о проекте. Какую хрень я должна написать?

— Э-э-э, — заикаюсь я. — Может быть, встретимся еще раз, когда у тебя будет больше времени? — Я переживаю, что до сих пор не спросила ничего важного.

Он выпрямляется и кивает мне, избегая смотреть в глаза.

— Увидимся позже, да.

А потом он уходит. Я стою там, чувствуя себя глупой, и смотрю, как его подтянутая задница исчезает из виду.

— Кайла, ты гребаная тупица, — громко говорю я, заработав осторожный взгляд от прохожего. Я

вздыхаю и прислоняюсь к перилам, глядя вниз на беспокойную воду. Брэм не шутил, когда сказал, что я не должна спрашивать у него ничего личного. И предполагаю что усыновление это личное. И это отстой, я ведь чувствовала, что мы, наконец, наладили отношения. Я с таким трудом добивалась от него ответов, наконец-то почувствовала, что у меня стало получаться.

И, конечно же, мне надо было все взять и испортить, потому что это то, что я делаю. Может, если б он не был так чертовски хорош, я была бы в состоянии думать лучше. Я решаю обвинить в этом свою вагину, это она лишила мой мог столь

необходимого кровоснабжения.

Я достаю телефон и пишу Брэму.

Все прошло не очень хорошо, пишу я и нажимаю отправить.

Он реагирует почти мгновенно.
Я так и думал. Что случилось?

Я задала неправильный вопрос, и он просто остановил все.

О чем ты спросила?

Я стону пока печатаю. Я упомянула, что он был усыновлен. Предполагаю ему это не понравилось.

Брэм какое-то время не отвечает. Вижу точки, говорящие о том, что он печатает сообщение, и знаю, он просто сходит с ума.

Наконец приходит сообщение. *Это было глупо.* Полагаю, он стер все, что первоначально хотел сказать. Здорово. Обычно я не воспринимаю все близко к сердцу, но после произошедшего, я на удивление чувствую себя хрупкой.

Угу, я облажалась. Мне жаль. Но я напишу что смогу. Я могу прийти к тебе с вопросами, если это нормально.

Не беспокойся.

И хотя Брэм сказал не беспокоиться, это не значит, что я не беспокоюсь.

Делаю глубокий вдох и направляюсь обратно в офис, где сажусь и остальную часть дня делаю

вид, что сконцентрирована на своей реальной работе.

Глава 4

ЛАКЛАН

Я ненавижу интервью.

Имею в виду, я действительно, на самом деле презираю их. Поэтому когда Брэм сказал мне, что подруга его девушки свяжется со мной, чтобы взять у меня интервью для какого-то еженедельного журнала, я сразу сказал нет.

Не поймите меня неправильно. Я хочу ему помочь. В конце концов, я ведь здесь, не так ли? Я поддерживаю его наилучшим

способом, вкладывая собственные деньги. Я всегда был равнодушен к благотворительности, и хоть я и не видел своего кузена уже много лет, семья для меня не пустой звук.

Но интервью это совсем другое. Нет ничего хуже, чем говорить о себе, особенно с тем, кто может извратить твои слова. Меня уже столько раз называли «трудным» и «импульсивным» в статьях и интервью, что я просто перестал давать их. Все меньше об игре и все больше обо всех непристойных вещах, которые можно мне приписать. Я больше не играю в эту игру.

А главная проблема состоит в

том, что они могут узнать обо мне слишком много. Не обязательно то, за что мне стыдно, а то, что не должно касаться никого, кроме меня. У каждого есть право на личную жизнь, и проблема современного мира в том, что все думают, что тоже имею на нее права. Что бл*дь с того, что я играю за Эдинбург? Это что, означает, что общественность имеет право знать все о моей личной жизни, о моей частной жизни? Нет, это не так.

Хотя Брэм убедительный парень. Он сказал, что статья может помочь обеспечить нам дополнительное финансирование, в котором он нуждается. Тогда он и

упомянул, что эта девушка, Кайла, пытается попробовать себя в журналистике, так что она не будет вести себя как те журналисты, к которым я привык.

Он был прав. Девочка та еще штучка. Она и определенно сексуальна, несмотря на то, что первый раз когда я ее встретил, она, будто только встала с кровати. Но более того, у меня сложилось впечатление что она словно неуправляемый поезд, который вот-вот взорвется. Не совсем профессиональный журналист, да. Так что с учетом этого, я сказал да. Если Брэм думает, что это поможет, пусть она берет у меня интервью.

Конечно же, он предупредил меня о ней. Первое о том, что она пресловутая черная вдова, и если я не буду осторожен, она залезет на меня как на чертово дерево. И второе, у нее нет фильтра и она может сказать лишнего, и, если случится подобное, я должен быть с ней помягче.

Что ж, она не полезла на меня как на дерево. Не могу сказать, что был разочарован, потому что когда на протяжении многих лет, у вас было куча женщин, которые бросаются на вас, новизна очень быстро исчезает. Но, несмотря на это она не распускала руки, она бродила глазами по моему телу так, словно изучала новую планету.

А что она действительно сделала, так это ляпнула глупость. Думаю глупость это сильно сказано, но упоминание о моем усыновлении было неожиданным. Я знаю, она сразу же пожалела об этом - ее лицо стало розовым, и в ее глазах я видел полнейшее замешательство - и я, наверное, должен был вести себя с ней помягче.

Но я ничего не мог с собой поделать. Я не стыжусь того факта, что тетя и дядя Брэма и Линдена усыновили меня когда я был подростком. Мне просто не нравится, что какая-то девушка, которую я почти не знаю, знает обо мне подобное. Я не ходил и не

объявлял всем об этом, и это было лишь верхушкой айсберга. Я задаюсь вопросом, а что она еще знает. Кажется, куда бы я ни пошел, мое прошлое не может оставить меня в покое.

Так что я сорвался. Не удивлюсь, если она тоже опишет меня как «трудный», если она все еще собирается написать эту статью. Я не совсем тот тип парней, которым вы захотите пожертвовать деньги, не важно, как усердно я работаю над этим дома.

После того, как я оставил ее на набережной, я пошел обратно в квартиру, которую снимаю. Я не поддался соблазну выпить, а сразу же

надел шорты и кроссовки и отправился на пробежку вдоль Централ Бейсин, пока брызги океана и истощение не успокоило мои нервы.

Возвращения в квартиру, в это небольшое, холодное пространство так не похожее на мой настоящий дом, достаточно, чтобы мое плохое настроение вернулось. Теперь я чувствую себя по-настоящему плохо. Я продолжаю видеть темные глаза Кайлы, горящие унижением, то, как опустились ее плечи, когда я кивнул на прощание. Я вообще не знаю эту девушку, но что-то в ней, может ее смелость, ее энтузиазм, заставляет меня переживать о том, что я

слишком поспешно повел себя с ней как полная задница.

Я смотрю на свой телефон и думаю, может написать ей, просто извиниться. По крайней мере, это успокоило бы чувство вины, подкрадывающееся ко мне. Но я слишком гордый.

Вместо этого я пишу Брэму.

Думаю, я повел себя как засранец с твоей подружкой.

Он отвечает: *Не беспокойся. Она сильнее, чем кажется.*

Она что-то сказала?

Она всегда что-то говорит. Хочешь прийти вечером в Lion?

Часть меня хочет сказать да. Особенно если там будет Кайла, и я

смогу лично извиниться. Но я не в настроении и я себя знаю. Мне не следует идти в бар, я обязательно напьюсь и ввяжусь в драку, а это действительно последнее, что мне сейчас нужно.

Правда в том, что я считаю дни до возвращения домой, осталось четырнадцать. Моя травма на ахиллесовом сухожилии почти зажила, и я должен вернуться обратно в Эдинбург в середине августа, чтобы начать снова тренироваться с командой. Я не сразу войду в строй — я слишком много пропустил сидя на скамейке запасных и отдыхая - но это только начало. На самом деле это своего

рода жалко, насколько игра контролирует мою жизнь — сколько страсти она мне приносит, и каким потерянным я чувствую себя без нее. Я стараюсь не слишком часто думать о том факте, что моя карьера близка к завершению.

И там, конечно, есть Лионель, по которому я чертовски скучаю. И всем, кто работает со мной в организации, мой брат Бригс, помощница Амара, товарищ по команде Тьерри. Несмотря на то, что моя жизнь дома ощущалась будто увиливание, будто я что-то прозевал, приезд сюда заставил меня осознать, что я принадлежу Шотландии. Я могу вернуться, чувствуя пустоту — ту

пустоту, которая набрасывается на вас, когда вы ночью в темноте лежите в постели, мечтая, чтоб ваше сердце не болело о чем-то *большем* — но, по крайней мере, я знаю, что я дома.

Я пишу Брэму, что увижу его в другой раз, а затем сажусь смотреть телик. Спустя парочку тупых американских шоу и половину игры в бейсбол, я перестаю бороться с любопытством. Я ловлю себя на том, что хватаю свой айпад и ищу Кайлу на Facebook. Моя страница едва заполнена, а то, что там есть, лишь для друзей, но я не могу ничего с собой поделаться, и хочу узнать о ней больше. Я в курсе, что это немного

по-сталкерски, и я не могу точно объяснить, почему делаю это, но это происходит

Добавление Кайлы в друзья кажется странным и ненужным, и я иду на страницу Николы и просматриваю ее фотографии, пока не нахожу те, на которых есть Кайла.

Должен признать, несмотря на ее агрессивное поведение, Кайла на самом деле очень красивая девушка. Темные, порочные глаза, длинные волосы и немного веснушек, которые делают ее молодой и невинной, даже несмотря на то, что я знаю, она точно не такая. И этот удивительный сорт уверенности в себе, словно бонус. Вы можете судить об этом по

тому, как она улыбается, по-настоящему непринужденно и безбашенно. И идеальное тело не портит вид.

Но я не чувствую по поводу нее ничего, кроме любопытства, она на самом деле не мой тип. Конечно красавицы отлично подходят для быстрого перепиха, но для всего остального, как правило, бесполезны. Они слишком поверхностные, слишком эгоцентричные, слишком скучные. И как только они узнают, что я больше, чем просто игрок в регби, когда они узнают кто я на самом деле, что я на самом деле...они, как правило, убегают в другую сторону.

Они *всегда* убегают в другую сторону.

Поверьте мне, я видел их всех, был с ними. Но я не как Брэм. Я не горжусь этим. Дело в том, что через некоторое время быть игроком становится утомительно. Мне тридцать два, и дни когда я спал с кем-то, кто вешается на меня, прошли и с этим покончено. А что касается отношений, ну, я никогда не был тем, кто сближается с кем-то. Я просто не создан для этого. Я всю жизнь был один и не вижу, что в ближайшее время ситуация измениться.

Вот что действительно удручает, так это то, что я должен

сходить на пару свиданий с Жюстин. Она неплохая девушка, по крайней мере из того, что я вижу. С ней всегда приятно поболтать и она, кажется, довольствуется просто поцелуем на ночь. Но вот я, ведя себя с ней таким образом, чувствую себя довольно паршиво.

Опять же, все это было идеей Брэма. Отец Жюстин при деньгах и известно, что он сделал много инвестиций по городу. Он надеется, если мы с ней подружимся, она замолвит за нас словечко, а потом бац, и мы сможем продолжить наше дело.

Но так как Брэм теперь счастлив с Николой (слава Богу, я не

выдержал бы еще даже день слушать, как это влюбленный дурак сохнет по ней) все ложится на мои плечи. Я получил намного больше, чем рассчитывал когда приехал сюда.

И я знаю, что Жюстин все это понимает. По крайней мере, я надеюсь, что так и есть. Я не то чтобы ухаживаю за ней, нет, прошло уже много времени с тех пор, как я пытался найти дорогу к чьему-то сердцу.

И будто бы она чувствует, что я думаю о ней, мой телефон загорается смс от Жюстин.

Что делаешь вечером? Гласит оно.

Пробегаю рукой по волосам и

вздыхаю. Полагаю, что угодно будет лучше, чем тайком разглядывать фотографии Кайлы и мечтать о доме. Может быть, для меня будет хорошо выйти из квартиры, из своих мыслей.

Ничего особенного, пишут я. А ты?

Ее ответ приходит немедленно, будто она заранее это напечатала. *На Грант открывается новый ресторан. Я тут подумала, не хотел бы ты перекусить и посмотреть как там.*

Я сажусь на диван и несколько минут смотрю на телефон. В каком-то смысле это ничем не отличается от интервью. И хотя этот проект не мое детище, это детище Брэма. Дома

у меня есть собственные проекты, над которыми я тружусь не покладая рук. Но я знаю, это надо сделать.

Я собираюсь встретиться с Жюстин, поэтому готовлюсь, надеваю черную рубашку и серые брюки вместо своих обычных джинсов и футболки.

Пятнадцать минут спустя я выхожу из такси напротив какого-то ресторана под названием Salt Air. На улице очередь из чрезмерно модных людей и это именно то зрелище, которое я ненавижу, тот тип людей, заставляющих меня чувствовать себя некомфортно. Все это невежество. Эти оценивающие взгляды. Дайте мне гребаный паб, пропахший

залежалыми сигаретами вместо этих модников, целыми днями выкладывающих всякую ахинею в инстаграм.

— Лаклан. — Я поворачиваюсь и вижу, как ко мне идет Жюстин. Как обычно, она одета так, чтобы произвести впечатление, простое красное платье красиво облегает ее длинное, округлое тело. Темные волосы убраны в высокую прическу, демонстрирующую потрясающие скулы.

Будучи джентльменом, я подаю ей руку.

— Прекрасно выглядишь. — Честно говорю ей.

Она берет меня за руку и

скромно улыбается.

— Знаешь, это наше третье свиданье и думаю это самое прекрасное, что ты мне говорил.

Я киваю, сжимая губы, прежде чем отвечаю.

— Говорю то, что вижу.

Мы не ждем в очереди и вместо этого идем прямо к хостес, которая сразу же пропускает нас. Полагаю у Жюстин в этом городе действительно много власти. Мы получаем уединенный столик в углу, на котором стоят мерцающие в тусклом свете свечи. Хоть у ресторана и редкая, промышленная атмосфера, это, без сомнения, романтично.

По крайней мере, должно быть романтично. И когда мы заказываем вино и изучаем меню, я знаю, что у Жюстин на уме. Она бросает на меня кокетливые взгляды поверх меню и ее нога трется о мою, и не раз. Хотя она и чопорная, нет никаких сомнений, чего она хочет.

— Итак, как прошел твой день?
— спрашивает она меня. Она просто пытается завязать разговор.

— Прекрасно, — говорю я, мысленно решая взять рибай, даже если его подают с каким-то странным зеленым южно-американским соусом.

— Знаешь, Лаклан, — говорит он, проводя пальцем по краю бокала,

— не думаю, что знаю о тебе что-то.
Даже сейчас.

Нахмурившись, я смотрю на нее.

— Да не о чем особо рассказывать.

— Нет? Трудно сказать. Ты не очень много говоришь. Ты очень тихий.

Я больше всего ненавижу слышать подобное. Я откидываюсь на стул и несколько секунд смотрю на нее.

— Я говорю только тогда, когда мне есть что сказать.

Она смотрит на меня, пока я не вижу, что она не начинает чувствовать себя некомфортно.

Отводит взгляд, а затем произносит с широкой белоснежной улыбкой.

— К счастью, мне нравятся сильные, молчаливые мужчины.

Я слышал это раньше. Они все так говорят. Но никто из них не имеет это в виду.

— Но, — продолжает она, — обо мне ты знаешь много.

Это потому что ты никогда не затыкаешься, думаю я.

— Расскажи мне о своем детстве, — невинно говорит она. — О своем прошлом.

Мой рот наполняется кислотой. Я делаю глоток вина и делаю глубокий вдох. Ничего не могу поделать и пристально смотрю на

нее.

— Мое прошлое принадлежит мне и никому другому, — говорю я, и мой голос звучит грубее, чем хотелось бы.

Она ошеломлена.

— О. — она смотрит вниз на свои руки.

— Всегда говорю я, — быстро добавляю, вспомнив, каким ослом я был с Кайлой, которая не имела в виду ничего плохого. — Будущее интересней. Ты так не думаешь?

Теперь она застенчиво улыбается, убирая прядь с лица. Знаю, она думает, что я говорю о ней и нашем совместном будущем, но ничто не может быть дальше от

истины. Поэтому я пользуюсь возможностью, чтобы поговорить о Брэме и жилищном проекте, и моих надеждах, что мы сможем сделать будущее других людей лучше.

Кажется, это работает. На этот раз она, кажется, слушает, может, потому что я на самом деле что-то говорю. Может быть, если б я открыл свой рот на первом свидании, остальные два не понадобились бы.

— Вот что я тебе скажу, — говорит мне Жюстин, когда мы заканчиваем десерт. — В следующий понедельник будет прием. Там будет папа. Я могла бы представить вас двоих и возможно он смог бы помочь вам. Иногда он участвует в ...как это

называется?

— Благотворительность, —
предлагаю я.

— Точно, — говорит она, видя выражение ее лица, я задаюсь вопросом, знает ли она, что означает это слово. — Тебе это интересно?

Я криво улыбаюсь.

— Определенно.

Даже при том, что прием с высшими слоями общества это еще одна вещь, которая приводит меня в бешенство, я знаю, что буду дураком, если пропущу его. Не тогда, когда мы настолько близки.

В эту ночь лимузин отвозит ее в ее квартиру с видом на залив. По тому, как она прижимается ко мне на

заднем сиденье, проводит рукой по моему бедру, я не удивлен, что она пригласила меня на прием. Это очень заманчиво. Я уже давно ни с кем не забавлялся и у меня руки чешутся, как хочется выпустить пар.

Но мои принципы удерживают меня. И учитывая шанс, который, я надеюсь, мы получим в следующий понедельник и найдем последнего инвестора, это именно тот шаг, что делать не стоит. Это все только усложнит и это последнее, что мне нужно перед тем, как я покину город.

Хотя когда я засыпаю, то не думаю о Жюстин. Из всех людей я думаю о Кайле. Я осознаю, что открывшись, убрав высокомерие, и

просто пытаюсь быть более общительным, я получил то, чего хотел с самого начала.

Если я снова увижу Кайлу, я попытаюсь и сделаю все по-другому.

Глава 5

КАЙЛА

Следующие два дня я провожу в попытках написать статью. Это чертовски тяжело. Между визитами к маме, обедом с моим братом Тошио и его бойфрендом Шоном, и попытками попасть на мой еженедельный урок по фехтованию, а так же делая свою нормальную работу, у меня едва вообще остается

время. Слава Богу, что в настоящий момент я ни с кем не встречаюсь, потому что секс всегда важнее работы. Не удивительно, что все журналисты, которых я знаю, одиноки.

В любом случае статья отстойная. Я это знаю. И знаю, если бы я была сильным автором, я, вероятно, сотворила бы магию. Но я не знаю, что делаю, я неопытная и неумелая и Лаклан оставил меня ни с чем.

Конечно я та, кто потратил слишком много времени, глаза на него и недостаточно на вопросы, ответы на которые так нужны мне. Никола упоминала, что San Francisco

Chronicle месяц назад рассказывали о них, но это не вызвало какого-либо серьезного интереса. Вот почему Брэм хотел, чтоб я написала для The Bay Weekly. Им нужно чтобы в статье был человеческий аспект, а не голые факты.

К сожалению, из-за того, что я едва успела по-человечески пообщаться с Лакланом, не думаю, что привнесла в статью человеческий аспект. Я уже готова все стереть и начать с начала, когда Нил осмеливается войти в мой кабинет.

— Итак, сладенькая, — говорит он, склонившись над моим столом. — Где статья? Дай-ка старому Нилу

взглянуть на нее.

— Брр, — говорю я. —
Интервью прошло ужасно.

— Да ладно, уверен, все было
не так плохо, — говорит он,
отпихивая меня в сторону, чтобы
посмотреть на экран. Бросает взгляд
на монитор, двигая губами пока
читает.

Он доходит до конца и
поворачивается, выжидательно глядя
на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Кайла. Это фуфло.

— Что?! — выкрикиваю я, хотя
знаю, это правда. — Это не фуфло.

— Я знаю, что ты можешь
написать лучше. — Он тычет

пальцем в монитор. — Все, что ты пишешь здесь это бла бла и скучное дерьмо о благотворительности. А потом цитата игрока в регби с Чемпионата мира, который помогает, чем может. — Он качает головой. — Помогает? Это все, что у тебя есть?

Я смотрю на него и отпихиваю в сторону.

— Я же говорила тебе, здесь нет ничего хорошего!

— Но Джо это не пропустит. Я даже не смогу такое отредактировать. Она скучная, Кайла, а ты, моя дорогая, что угодно, но только не скучная. Возвращайся к нему, возьми другое интервью и добавь частичку себя в эту статью.

— Но из-за моего характера все и провалилось!

Он кладет руку мне на плечо и обманчиво нежно смотрит на меня сверху вниз.

— Кайла, высунь голову из сточной канавы, надень трусики большой девочки и иди, попытайся еще раз.

Ненавижу, что он прав. Но он прав. Если я думаю, что заслуживаю новую карьеру, мне надо заработать это право, и уверена, с подобной ерундой у меня это не получится.

Когда Нил уходит, я достаю телефон, проглатываю свою гордость и пишу Лаклану.

Привет, это Кайла. Я просто

хочу извиниться за тот день. Мне жаль, если я что-то не то сказала. Я не хотела тебя оскорбить.

Знаю, это слишком деликатно, но чувствую это единственный способ разрулить ситуацию.

Я жду и, к счастью, ответ не занимает много времени.

Все нормально. Это щекотливая тема, и я не должен был вести себя как задрот.

Задрот. Люблю шотландские идиомы. И тот факт, что он ответил, означает, что он не злиться на меня и не испытывает ко мне отвращения.

Я решаю рискнуть и пишу. *Я пойму, если ты скажешь нет, но может мы попробуем еще раз?*

Обещаю не вести себя как идиотка.

Конечно. Ты можешь встретиться вечером в шесть? Поле между Авеню Д и 9-й?

Сегодня вечером? Я не ожидала, что он скажет да, не говоря уже о том, чтоб встретиться так скоро. И поле? Я быстро гуглю адрес потому что понятия не имею, где это. Трежер-Айленд. Я была там на музыкальном фестивале. Это вдоль залива между Сан-Франциско и Оклендом.

Тем не менее, это не слишком далеко от работы, так что я отвечаю, что встречусь с ним, даже несмотря на то, что сегодня облачно и пасмурно.

На этот раз я хочу быть готовой. Даже если у меня есть куча работы, я переправляю столько, сколько могу Кэндис, а затем снова и снова пробегаюсь по моим вопросам для интервью, прежде чем скопировать их в телефон и блокнот.

Когда время приближается к пяти и мне пора уходить, с неба на город обрушивается ливень. В Сан-Франциско редко идет дождь — как правило, у нас просто много облаков, которые будто притаились и не знаешь чего от них ждать — но я всегда держу под столом зонтик.

Трежер-Айленд рядом, но мне все равно придется проехать половину моста вместе с

остальными в городе, так что к тому времени, как я пробираюсь через пробки, уже почти шесть. К счастью дождь почти утих, и я ползу вдоль широких улиц, пока не замечаю поле.

К моему удивлению там идет какая-то игра. Когда я подъезжаю к парку, вижу что это матч по регби. Разворачиваю машину и через окно смотрю, как капает дождь. Я не могу разглядеть Лаклан среди мужчин, и мои глаза сканируют обочину, где люди с дождевиками и зонтами смотрят матч. И там его тоже нет.

Я какое-то время сижу в машине, пока не начинают запотевать окна. Тогда хватаю зонтик и выхожу. Дождь моросит, но поле

уже сырое и грязное. Люди на скамейке запасных разговаривают друг с другом и хлопают по спине игроков, когда те покидают поле. Некоторые идут к своим машинам. Полагаю, игра окончена.

А потом я замечаю его, он последний покидает поле, удерживая в руке мяч. Это ведь называется мяч, да?

Не важно, как он называется, потому что я просто я в шоке от его вида. Нет, потрясена. Мои колени слабеют, и я зарываюсь пятками в траву, пытаюсь удержать вертикальное положение.

Лаклан промок с головы до ног. Такой скользкий. Забрызганный

грязью. На нем бутсы, черные шорты которые и в нормальных условиях обтягивают его, и тонкая серая футболка, облепляющая его тело. Простора для воображения не осталось и я пытаюсь запомнить каждый шаг, который он делает, чтобы позже вспомнить все это. У меня такое чувство, что, даже если я до конца дней не увижу других мужчин, это не будет иметь значения, потому что видение его таким затмит их всех.

И он знает, что я пялюсь. Ему все равно. Он подходит ближе, и я не могу оторвать глаза от его массивных бедер, очертания его шести кубиков, сосков, уткнувшихся в мокрую

футболку, и эти татуировки — эти чертовы татуировки! На его великолепном лице я вижу огромную ухмылку.

— Привет, — говорит он, останавливаясь в нескольких футах и обхватывая мяч рукой. От этого движения его бицепс красиво напрягается.

Я откидываю зонтик назад, чтобы посмотреть на его лицо. Прядь мокрых волос прилипла ко лбу. Капли дождя текут вниз по носу, по этим полным губам и вниз по горлу, пока не оседают у основания шеи. Боже, как же хочется лизнуть это горло.

— П-привет, — говорю я,

пытаясь успокоиться. Я улыбаюсь. — Я действительно не ожидала увидеть, как ты играешь в регби.

Он проводит тыльной стороной ладони по лбу, вытирая влагу, и смотрит за поле, как уходит остальная часть команды. С его ресниц капает вода.

— Ага, — говорит он кивая. — Это лига любителей. Играл с ними несколько раз.

Я хочу последовать за его взглядом, но не могу. Не хочу отводить взгляд от этого зрелища, и даже если сделаю это, ударю его в лицо зонтиком. Я не могу снова рисковать, ведя себя неправильно.

— Что ж, уверена, твое

присутствие дает одной из сторон несправедливое преимущество, — говорю я. — Возможно, они должны бороться за тебя.

Он смотрит на меня, склонив голову и хотя не улыбается, в его глазах есть намек на улыбку.

— Они не знают кто я.

Я почти смеюсь.

— Как это они не знают кто ты?

Он пожимает плечами, берет мяч в руки и начинает перекатывать его. Хмурится и смотрит по сторонам. Я заметила что ему порой тяжело смотреть на меня.

— Я им не сказал.

— Ха. Что ж, я ничего не знаю

об игре, но уверена, они поняли что ты не просто шотландский парень, играющий с любителями время от времени.

Лаклан кивает, признавая мои слова.

— Может быть. — Наконец он смотрит мне в глаза. — Так ты смотрела матч?

— Только конец, — признаюсь я. — Ты пригласил меня сюда, чтобы покрасоваться?

Вспышка улыбки. То есть больше похоже на ухмылку, но она преображает его лицо. Взгляд смягчается, становится более чувственным, а губы дьявольски изгибаются. Сначала он выглядел как

опасная собака, а теперь как щеночек. Ничего не могу поделать и ухмыляюсь в ответ.

— Может быть, — снова говорит он, и на одну сладкую секунду прикусывает нижнюю губу. — Тебе понравилось то, что ты увидела?

Мои глаза расширяются. Он что флиртует со мной? Это был флирт?

О мой Бог.

Если так, он словно вручил мне ключи от рая.

— Расслабься, — говорит он, вставая в позу с широко расставленными ногами напротив меня. — Я шучу.

А теперь такое чувство, что он

забрал ключи обратно.

— Не думала, что у тебя талант шутить, — говорю я, игнорируя свои разбившиеся надежды.

— Большинство своих шуток я держу в голове, — мягко говорит он. — Честно говоря, я решил, если ты узнаешь о регби немного больше, это поможет написать статью. — Он делает паузу. — Ну, ты понимаешь, сделает ее более настоящей что ли.

Хм. На самом деле он прав. Это сделает ее более живой. Я бы начала с описания его на поле, такого мокрого, его одежда липнет к телу, каждая мышца натянута, скульптурные мышцы выставлены на обозрение, а его большие, сильные

руки сжимают мяч так, как он сжимал бы женскую попку. Мою попку.

Дерьмо, так моя статья довольно скоро отклониться от курса и станет эротической.

Я понимаю, что он смотрит на меня в ожидании ответа, а я так ничего и не сказала. Ухмылка все еще на месте, брови выжидательно подняты.

Я смотрю на него и пожимаю плечами.

— Прости. Если ты собираешься играть в регби в дождь и выглядеть так, как сейчас, ты не можешь винить девушку, что она тебя рассматривает.

Он облизывает губы,
показывается розовый язык.

— Все нормально. Я привык.

— Держу пари так и есть.

— Итак, хочешь научиться? —
спрашивает он, морщина лоб и
становясь снова серьезным.

— Конечно, — отвечаю я. —
Могу я поиграть?

Вопрос застал его врасплох.

— Что, сейчас?

Я пожимаю плечами.

— Почему нет?

Он указывает на меня мячом.

— Потому что ты одета вот так.

Смотрю на свою одежду. На
мне серые узкие джинсы, которые я
купила в магазине Стеф, черный

пиджак и простая белая футболка. На ногах шпильки с леопардовым принтом. Это мой как бы профессиональный наряд для работы когда я чувствую себя ленивой.

— Идет дождь. И грязно, — добавляет он.

— Я не боюсь испачкаться, — дерзко говорю я. — Дай мне минуту.

Я оставляю его с широко раскрытыми глазами и тороплюсь вернуться к машине, закрывая зонтик. Открываю заднюю дверь, снимаю туфли и пиджак, и бросаю их на заднее сиденье. Быстро убираю волосы в конский хвост и бегу босиком обратно к нему, несколько раз поскальзываясь.

Если он собирается научить меня регби, он собирается научить меня правильно.

— Окей, я готова, — говорю я, останавливаясь рядом с ним. Дождь все идет и я почти мокрая, но, к счастью, он теплый.

Его глаза на короткое время задерживаются на моей груди. Мне повезло, что я ношу лифчик. По крайней мере, я думаю, что повезло.

— Я действительно думаю, что ты слегка спятила, — говорит он, почесывая щеку пальцем.

— Технически на мне больше одежды, чем на тебе, — замечаю я. — Да и в любом случае, грязь легко отстирывается.

— Есть причина, по которой мы носим ботинки с шипами.

Я смотрю вниз на его обувь, они больше похожи на кроссовки, чем на бутсы. Потом смотрю на свои мокрые, босые ноги, окрасившиеся от травы с ярко-оранжевым лаком на ногтях.

— Если я поскользнусь, то поскользнусь. Может быть, потащу тебя вниз за собой.

Теперь он смотрит на меня хмуро, будто мне нельзя доверять.

— Как знаешь, — говорит он, качая головой. Он поворачивается и уходит к середине поля. Я несколько минут стою и наблюдаю за ним, прежде чем он смотрит через плечо и

кивком головы показывает следовать за ним.

Я иду – осторожно – по мокрой траве, оказываясь на грязной территории. Мы стояли на достаточно сухом участке, а поле, вероятно, более грязное, чем та трава, значит, на середине поля можно будет принимать грязевые ванны.

И все же я здесь, босиком под дождем играю в регби с мужчиной, которого можно назвать самым горячим парнем на земле. Чувствую, как кайф от волнения проходит сквозь меня, сердце барабанит в груди, когда я подхожу к нему.

Он указывает мячом на поле.

— Это твоя зона. — Указывает на другую сторону. — Это моя зона. Проще говоря, цель игры состоит в том, чтобы набрать наибольшее количество очков за удачно реализованные попытки или голы.

Я поднимаю руку.

— Подожди, можно бить по мячу? Как в соккере?

Он дышит через нос, и знаю, борется с желанием закатить глаза.

— Как в футболе, — поправляет он. — Соккером называют футбол только в Америке.

— А регби до сих пор называют регби?

Он прищуривается, глядя на меня.

— Да.

— Тогда какая разница.

Как и ожидалось, он закатывает глаза. Вздыхает, и, несмотря на то что он снова вернулся к себе задумчивому с резкой складкой между бровями, я молча получаю удовольствие от того, что раздражаю его, отвечая, словно девочка подросток.

— Ладно, — продолжает он. — Итак, ты можешь заработать очки за попытку или за сам гол. Но ты не можешь просто всю игру пинать мяч, это так не работает. Твоя главная цель состоит в том, чтобы набирать очки за попытки, то есть за занос мяча за линию соперника.

Я едва могу видеть сквозь дождь, но просто киваю.

— И ты делаешь это, бегая с мячом, или бьешь его ногой.

— Так это как в футболе, — говорю я. — Прости. Американском футболе.

— Нет, лапочка, — говорит он мне, и я не могу проигнорировать вспышку тепла в груди от этого ласкового слова. — Ничего подобного. Первое, ты не можешь сделать пасс вперед. Только в сторону или назад. Второе, регбисты не носят защиту. Мы делаем ставку на грубую силу и выносливость.

Мои глаза задерживаются на ширине его плеч и груди.

Неудивительно, что он такой огромный.

— Хотя раньше я видела как какой-то парень играл в смешном шлеме, — говорю я.

— Это Скрам Кэп.

— Скрам Кэп. — повторяю я.

Он дергает себя за ухо.

— Чтобы защитить их во время схватки или просто во время игры.

— Вы что ребята откусываете друг другу уши? — восклицаю я. — Это даже хуже, чем бокс!

Он успокаивающе смотрит на меня.

— Нет. В любом случае, не нарочно. Но если ты не оденешь его, все может закончиться

изуродованным ухом.

— Фу. Это что вообще такое? Подожди, нет, я не хочу знать. — Я уже представила это.

Он пожимает плечами.

— Мне повезло, хотя мне вообще нет до этого дела. — Он пробегает пальцем по шраму на брови, другому на лбу, на щеке и в середине носа. — В любой момент рано или поздно твое лицо в игре могут подпортить. Мы не самая красивая куча мужиком и большинство из нас гордиться этим.

— Позволь не согласиться, — выпаливаю я. — Имею в виду, думаю, ты красивый. Может это не совсем правильное слово...

Он сухо смотрит на меня.

— Это определенно *не* правильное слово.

Но твои глаза словно грозовые облака и солнечный свет, обрамленные влажным папоротником, мечтательно думаю я. Я так чертовски рада, что он не может узнать, что за ерунда у меня на уме.

— Вернемся к игре, — говорит он.

— Правильно! — хлопаю в ладоши. — Давай испачкаемся.

— Есть еще несколько правил, — терпеливо говорит он. — Когда человека с мячом атакуют и валят на землю, он должен либо освободить

мяч, либо передать другому игроку.

— Послушай, если ты меня атакуешь, я определенно не выживу, — говорю я.

— Я буду с тобой помягче.

— О, нет, ты не должен.

— А тебе не надо со мной осторожничать. — Медленно говорит он, заставляя меня сфокусироваться на его губах, на этом подобии улыбки.

— Определенно нет, — признаю я, воодушевляясь. — Я собираюсь поставить тебя на колени.

Он несколько секунд внимательно изучает меня, будто всерьез воспринимает то, что я сказала, а затем говорит:

— Посмотрим.

Поворачивается ко мне спиной и кладет мяч на землю, на линию между стойками ворот.

— А что за другое правило? — спрашиваю я его, вытирая дождь со лба.

— Обычно ты не можешь хватать противника за шею или голову. Но для тебя мы опустим это правило.

— А как насчет твоего паха?

Он смотрит на меня и хмурится.

— Это тоже запретная зона.

— Только во время игры или всегда?

Он смеется. На самом деле

издает смешок и это прекрасный звук.

— Просто имей в виду, что в регби мы не носим ракушку.

У меня падает челюсть.

— Вообще?

Он качает головой и поднимает мяч, держа его перед собой.

— У меня был несколько раз сломан нос, разбито лицо, вывих плеча, сломаны ребра, разорвано ахиллесово сухожилие. У меня был миллион порезов и ушибов. Но у меня никогда не было каких-либо травм фамильных драгоценностей.

— Рада это слышать.

Снова смех.

— Правда? — И вдруг он

начинает действовать, сбросив мяч, а затем бьет его одним взмахом ноги, мышцы бедра округляются под его крошечными шортами.

Мяч парит в воздухе вдоль поля, приземляясь почти в конце.

— Ой, да ладно, — говорю я, стоя там, когда он начинает убегать.

Он не останавливает, просто машет мне следовать за ним.

— Ты собираешься играть или нет, ты неженка?

Неженка? Я так не думаю. И даже если это крайне несправедливо, что маленькая босая азиатка должна бегать по мокрому полю за шотландским зверем регби, я это делаю.

Потому что на самом деле, как я могу позволить этому мужчине уйти?

Я бегу по полю так быстро, как мне позволяют грязь и узкие джинсы, и короткие ноги. Знаю, бесполезно даже пытаться, но Лаклан начинает замедляться.

— Ты хочешь, чтоб я догнала тебя? — Кричу я на него, едва не поскользнувшись.

Он останавливается возле мяча.

— Я понимаю, что шипы дают мне преимущество.

— Да, конечно, *шипы*.

Он движет к мячу, и я знаю, я достаточно близко, чтобы схватить его.

— Чего, черт возьми, ты ждешь? — говорит он мне, наклоняясь. Мяч у него в руках. — Когда ты меня атакуешь, я либо освобожу мяч, и ты можешь получить его, или я сделаю передачу другому игроку. В любом случае тебе нужно помешать мне, сделать попытку.

Он просто дает мне разрешение облапать его. Такой шанс я упускать не собираюсь.

Я бегу на него, крича, словно какой-то воин, и бросаюсь ему на грудь. На самом деле это как врезаться в кирпичную стену. Я отскакиваю, ноги скользят по грязи, и я изо всех сил хватаюсь за его футболку, падая на землю

Конечно же, он не падает. Все это лишь растягивает ворот его футболки, и я повисаю на нем словно обезьяна. Но я отказываюсь отпускать ее.

— Если ты не отпустишь, то порвешь мою футболку, — говорит он, глядя на меня сверху вниз, дождь стекает по его лицу.

— А это идея, правда? — кричу я в ответ. — Ты должен мне что-то дать.

Он падает на колени в грязь рядом со мной, его бедра прижаты к моим. Через джинсы я чувствую тепло его кожи, от чего у меня между ног разгорается пламя. Я никогда не была к нему так близко. Его мокрая,

блестящая кожа так близко, что я могу ее вылизать. Его огромное тело заставляет меня чувствовать себя такой маленькой, меня так легко одолеть, он пахнет потом и дождем, смертельный коктейль.

Я сглатываю, дыхание в груди такое тяжелое. Он смотрит на меня сквозь мокрые ресницы, в его глазах такая энергия, взгляд такой пронизательный, что я могу это почувствовать.

Я должна оставаться профессионалом. Должна держать себя в руках. И клятва, думай о дурацкой клятве. Но черт, если бы он поцеловал меня, это спустило бы с цепи моего собственного зверя.

Ничто не смогло бы помешать мне сорвать оставшуюся одежду и трахнуть его здесь, на этом грязном поле.

Боже, молюсь я, ненадолго прикрыв глаза, я знаю, мольба о члене для меня не в новинку, но, пожалуйста, если это в твоих силах, сделай так, чтоб у меня случился секс на грязном поле с Лакланом МакГрегором и я воздвигну церковь в твою честь.

— Вот, — хриплым голосом говорит Лаклан. Мои глаза распахиваются, когда он отталкивает от нас мяч. — Ты заблокировала меня. Я отпускаю мяч.

Нет, нет, нет. Забудь об игре.

Поиграй со мной.

Но Лаклан не забыл об игре. Он пихает меня локтем.

— Иди, возьми его.

Я забываю о гормонах, отвлекаясь на некоторое время, храбро киваю и тянусь за мячом.

Он минуту в моих руках, ощущается настолько большим и тяжелым, что мне сразу же хочется захотеть придумать миллион пошлых намеков, и тут он орет мне.

— Теперь беги!

Блин! У некоторых такие мощные легкие. Я вскакиваю на ноги и сразу же начинаю бежать по полю к своей цели. Несколько раз поскальзываюсь, ноги шлепают по

грязи, но это словно бег по льду.

Я падаю назад, никакой ловкости.

Шлеп!

Грязь летит в разные стороны.

— Ты в порядке? — слышу крик Лаклана.

Хоть я и выдохлась, делаю глубокий вдох и быстро поднимаюсь на ноги. Я не собираюсь останавливаться сейчас, даже когда слышу, как он приближается позади меня.

Я начинаю бежать, мышцы напрягаются, пока я стараюсь бежать так быстро, как только могу, не съев какую-нибудь гадость. Мне плевать, что я вся в грязи, что я семеню

СЛОВНО НОВИЧОК, едва видя что-то сквозь дождь, стекающий по моему лицу. Я собираюсь заработать попытку, и мне это чертовски нравится.

Я всего лишь в нескольких метрах от линии. Знаю, что Лаклан движется медленно, он собирается позволить мне выиграть, но это не имеет значения потому что...

Шлеп.

Я снова поскользываюсь и падаю лицом прямо в грязь. Сразу же пытаюсь встать, но чувствую как Лаклан, словно грозовая туча, нависает надо мной. Он ставит ноги по обе стороны от моего тела, а затем опускается на колени, мои бока

оказываются между его ног.

— Хорошая попытка, — хрипло говорит он.

— Это игра слов? — спрашиваю я, выплевывая траву. Пытаюсь перевернуться, но его мощные бедра удерживают меня на месте. Я не жалуюсь.

— Была бы игра слов, если б ты сделала попытку, — говорит он. — Не вышло. Я тебя остановил.

— Я упала, — говорю сквозь зубы. — Я уже была внизу.

Слышу, как он ворчит позади меня.

— И я не собирался бороться с тобой. Так что давай просто сделаем вид, что ты не упала, а это я тебя

уложил, как в нормальной игре.
Теперь отпусти мяч.

— Да ну нафиг, — бормочу я, удерживая мяч под собой.

— Таковы правила, — говорит он, наклоняясь ко мне так, что его губы оказываются рядом с моим ухом. Не могу быть уверена, но почти убеждена, что у него эрекция и именно она прижимается к верхней части моей попки. Он сказал, что не носит ракушку, так что это должна быть она.

Пожалуйста, пусть это будет она.

— Нахрен твои правила, — успеваю сказать я.

Он делает паузу.

— Значит никаких правил?
Отлично.

Чувствую, как он откидывается назад, немного освобождая меня.

Затем его руки опускаются на мои плечи и под руки, и его пальцы сходят с ума.

Я визжу от удивления. Мой гребаный Бог, он что, щекочет меня?

— Что? — вскрикиваю я, прежде чем разразиться нервным хихиканьем. — Ты не можешь щекотать!

— Никаких правил, — говорит он, и я могу слышать радость в его голосе.

— Стой! — кричу я, снова смеясь. — Пожалуйста, это пытка!

— Отпусти мяч.

Но я не могу. Я смесь слишком сильно, мое тело пытается свернуться в клубок, несмотря на то, что я в ловушке между его ног.

— Я укушу тебя за ногу, — предупреждаю я, пытаюсь повернуться и посмотреть, смогу ли я дотянуться до его испачканного травой колена. Я гибкая, но не настолько.

— Отпусти мяч.

— Ладно! — кричу я, но не могу двигаться, не могу даже вытащить мяч. — Хорошо, ты выиграл, можешь взять мяч.

Вдруг он поднимается, и я свободна. Я переворачиваюсь на

спину и смотрю на него, держа в руках мяч. Если бы он был на шаг ближе к моему лицу, и его шорты не были бы такими обтягивающими, я бы могла попробовать заглянуть под них.

Он смотрит на меня сверху вниз, не улыбаясь, но в этих выразительных глазах намек на триумф.

Я указываю на него мячом.

— Ты собираешься его брать?

Он продолжает смотреть. Не могу сказать, черт возьми, о чем он думает. Такое чувство, что он пытается запомнить меня.

Спустя несколько мгновений, пока на нас падает дождь, он одной

рукой берет мяч, а второй хватает меня за руку.

— Давай, — говорит он. — Думаю, на сегодня достаточно.

Он без особых усилий поднимает меня на ноги, мое тело в нескольких дюймах от его. Мы оба тяжело дышим, будто у нас только что был невероятный секс. Могу это лишь представить.

— Надеюсь теперь у тебя больше идей для статьи, — говорит он мне, понизив голос, глаза сосредоточены на мне. Я смотрю, как потоки воды бегут по его лицу. Я едва чувствую холод, медленно просачивающийся в мои кости и мышцы, предупреждающий меня, что

завтра все будет болеть.

Я киваю, облизывая губы, пробуя воду и соль.

— Думаю, это поможет.

Нахмутив брови, он смотрит на мою машину.

— Мы, вероятно, должны пойти обсохнуть и привести себя в порядок.

— Точно, — говорю я, надеясь, что это приведет к тому, что мы двое будем сохнуть и чистить одежду... вместе. — Тебя подвезти? Как ты сюда добрался?

— Взял такси, — говорит он, делая шаг в сторону от меня, и прячет мяч под мышкой.

Я смотрю на его наряд, не

желая, чтоб мои глаза попали в ловушку притягивающего луча, которым является его тело. Я могла бы смотреть на него весь день, буквально, на каждый мускул и контур, которые демонстрируют его мокрые шорты и футболка.

— Ты ехал в такси в этом?

— Я тогда был сухим. Хотя в Сан-Франциско возможно все, не так ли?

Я ухмыляюсь.

— Уверена. А в Эдинбурге?

Он смотрит в сторону и пожимает плечами.

— Почти. — Дергает подбородком в сторону моей машины. — Как насчет того, чтобы

выдвигаться? Ты ведь не хочешь простудиться стоя здесь.

Он начинает идти к машине, и я жду лишь минуту, чтобы понаблюдать за его задницей, а потом догоняю его.

Глава 6

ЛАКЛАН

Я действительно не знал чего ожидать, когда предложил Кайле встретиться со мной на матче по регби. Просто подумал, если бы она увидела, как мы играем, это помогло бы ей в написании статьи. Это дало бы ей больше того, что я дал ей раньше, то есть ничего.

Единственной проблемой было то, что из-за погоды игра закончилась на полчаса раньше, чем обычно, поэтому она получила лишь мимолетное впечатление об игре, прежде чем подошла моя очередь рассказать ей о правилах. Знаю, она подумала, что я устроил это стараясь произвести впечатление, но это настолько далеко от истины.

Ладно. Может в этом и есть доля правды. Но я понятия не имел, что она на самом деле захочет сыграть. Она сняла свои модные туфли и пиджак, и без малейших колебаний пришла и вывалялась в грязи вместе со мной.

Это доказательство того, что

она сумасшедшая. Определенно. Но есть что-то в ее сумасшествии, что меня заинтриговало. Может даже больше, чем следует. Настолько, что когда она подъехала к квартире, которую я арендовал недалеко от AT&T парка, я сделал то, что никогда не думал, что сделаю.

Я пригласил ее внутрь.

Я уже давно, будь то в Эдинбурге или Сан-Франциско, не приводил девушку домой, и не думал, что начну сейчас, особенно тогда, когда я так близок к тому, чтобы вернуться в Шотландию. И даже несмотря на это, на мою вежливость, и потому что я не хочу, чтоб она ехала, домой дрожа от холода, это все

еще удивляет меня.

— Хочешь подняться наверх?

Она непонимающе смотрит на меня, ее тушь начинает собираться под глазами. Мы оба мокрые, измазанные грязью и мне не очень от того, что ее машина приняла основной удар на себя.

Я пытаюсь улыбнуться, не желая, чтоб у нее сложилось неверное представление.

— Мне кажется, тебе не стоит ехать домой в таком виде.

— У тебя наверху есть тайник с женской одеждой?

— Нет. Но у меня есть сухая, чистая одежда, которая подойдет тебе. Пока ты не добралась до дома.

— Я смотрю на ее бедра и тонкую талию. Она утонет в моей одежде, это точно.

— Хорошо, — улыбаясь, говорит она, цвет окрашивает ее щеки. Я говорю ей оставить машину на пустом месте, которое сдается в аренду в моем блоке, и мы поднимаемся наверх.

Если бы я только хоть немного прибрался.

— Э-э, прости за бардак, — говорю я ей, когда мы заходим в квартиру.

Она осматривается и пожимает плечами.

— Похоже, здесь живет человек. Так что все нормально.

Я пробегаюсь по ней взглядом, джинсы обтягивают ноги и дерзкую попку, длинные волосы прилипли к спине. Как оказалось, она в отличной форме. Хотя мне нужно прекратить проверять ее.

— Я дам тебе что-нибудь. Сейчас вернусь, — говорю ей, прежде чем исчезнуть в спальне. Хватаю чистое полотенце из бельевого шкафа, затем вытаскиваю самую маленькую футболку, которая у меня есть, она в ней все равно утонет, и пару чистых шортов для бега.

Когда я возвращаюсь, она смотрит на странные картины на стенах.

— Это все твое? — спрашивает она, когда я вручаю ей одежду и полотенце.

Я качаю головой.

— Неа. Прилагалось к квартире. Я не так уж много времени прожил здесь, чтобы обжиться. Никаких личных мелочей.

Она благодарит меня за полотенце и начинает сушить им волосы.

— Когда ты уезжаешь?

— Через две недели, — говорю я ей. — На самом деле даже меньше. — Я жестом указываю на ванную. — Хочешь принять душ?

На ее губах появляется робкая улыбка.

— Это приглашение?

Я не свожу с нее глаз, не зная что сказать.

Она смеется.

— Просто шучу. Иди первый, я в порядке.

Сглатываю, киваю и быстро принимаю душ, даже если горячая вода умоляет меня задержаться подольше. Оборачиваю полотенце вокруг талии и смотрю на себя в зеркало. Без рубашки каждая татуировка на моих плечах, руках и туловище на виду, и надеюсь, она не станет снова спрашивать меня о них. Каждая из них символизирует часть моей жизни, и некоторые из этих частей, такая девушка как она,

понять не сможет.

Когда я выхожу из ванной, то с удивлением обнаруживаю, ее, сидящую за столом с блокнотом и ручкой в руке, телефон лежит рядом. Она в моей одежде, которая идет ей. Она выглядит...правильно.

Она смотрит на меня, и ее глаза расширяются. Надо отдать ей должное, она моргает и сразу же отводит глаза, снова глядя на бумагу. Я быстро иду в свою комнату и натягиваю джинсы с футболкой, прежде чем вернуться обратно в гостиную.

— Итак, — говорит она, и я замечаю, что она пытается не смотреть мне в глаза.

Я занимаю место напротив и изучаю ее. Она постукивает ручкой по столу, читая заранее подготовленные вопросы и пожевывая нижнюю губу. Ее тушь все еще размазана под глазами, но, несмотря на это, она выглядит свежо, ее кожа словно сливки. Полагаю, она может чувствовать мой взгляд, поэтому, наконец, поднимает глаза.

— Итак, — подсказываю я ей и указываю жестом на ее записи. — Что это?

Она признается слегка застенчиво.

— Я поняла, что все еще не расспросила тебя как следует.

— Ты на самом деле не

журналистка, да? — Говорю я. Знаю, это звучит не как шутка, но я шучу. Тем не менее, уголки губ Кайлы опускаются, и я понимаю, что она гораздо более чувствительна в этом вопроса, чем я думал.

— Нет, — после паузы говорит она. — Я только пытаюсь.

Мне не нравится слышать эту грусть в ее голосе. Такой контраст по сравнению с игривой девушкой, которой она была до этого.

— Ты делаешь большую работу, — заверяю ее я.

— Ты не возражаешь?

Я качаю головой.

— Спрашивай. — Делаю паузу. — Обещаю на этот раз вести себя как

джентльмен.

— Не пойми меня неправильно, мне нравится, когда люди говорят то, что у них на уме, — говорит она. — Я такая же.

— Да, определенно.

Она смотрит на меня, взгляд такой нежный, что я не могу не смотреть на нее. В ее глазах можно потеряться. Они настолько темные, ты будто блуждаешь по лесу в ночи.

Я прочищаю горло, понимая, что разглядываю ее, и она садится ровнее, на щеках появляется слабый румянец.

— Окей, — говорит она. — Что ж, я хотела узнать...почему ты так переживаешь по поводу этого

проекта?

— Инициативы Брэма?

— Да, — говорит она, постукивая карандашом по губам. — Что заставило тебя сесть на самолет в Шотландии и прийти ему на помощь? Вы двое действительно настолько близки?

Я наблюдай за ней несколько секунд, но выражение ее лица такое невинное и полное надежд. Она не понимает, что опять касается слишком личного.

— Мы не так уж близки, но я серьезен, когда дело касается семьи. По правде говоря, я неправильно понял Брэма. Из того, что о нем писали, из того, что мои родители

говорили о нем, я просто предположил, что он гуляка, который никогда не изменится. И хотя это была правда, я не думал, что он из тех, кто может быть милосердным. Но то, что он делает, доказывает, что парень реально изменился. Он хочет сделать что-то значимое в жизни. Хочет, что б его воспринимали как нечто большее. И это то, что я могу понять.

— Да это почти братская любовь, — говорит она себе под нос.

— Кроме того, — осторожно добавляю я, — я верю в его дальновидность. Те, за кого некому заступиться, становятся аутсайдерами. Никто не может

представить, насколько им тяжело бороться. Он дает убежище людям, ставшими изгоями, от которых отказались. Одиноким и сбившимся с пути. Травмированным, опустошенным и потерянным. Общество не понимает их проблем и редко находит решение для них. Хотя здание Брэма и маленькое, это начало. Великие дела всегда начинают с малого. Из этого может получиться что-то замечательное.

Она яростно строчит каждое мое слово. Я смотрю на ее телефон.

— Не легче было бы записать это на телефон?

Она улыбается, но не поднимает глаза.

— Так кажется более правдоподобным. — Она читает, что записала, ее губы шевелятся, а затем поднимает бровь, она поражена. — Думаешь ли ты по возвращению в Шотландию сделать что-то подобное? Пойти по его стопам?

Мои губы дергаются в небольшой улыбке.

— Я мог бы.

Она хмурит брови. Оценивает меня, пытаюсь понять, что я имею в виду. Я знаю, что нам лучше вернуться к предмету обсуждения. Это ведь интервью о Брэме, не обо мне.

Мы немного говорим о следующих шагах, необходимых для

реализации проекта, о моей карьере в регби и немного о Шотландии. Надо признать, ей удастся не затрагивать скользкие темы, и через некоторое время я хочу поменяться с ней местами и начать задавать ей вопросы. Не для того, чтобы сравнивать счет, а потому что мне любопытно. Мне не нравится это признавать, но я хочу знать больше об этой безумной, любящей пофлиртовать, энергичной, амбициозной, но чуткой девушке. Из того, что я слышал от Брэма и что видел сам, я начинаю думать, что немного заблуждался на ее счет.

Но я не задаю вопросы. Потому что эта не та причина, по которой я здесь, и она здесь не для этого,

независимо от того, что я ловлю ее за тем, как она время от времени поглядывает на меня. Забавно, меня раздражает, когда Жюстин бросает на меня подобные лукавые взгляды, но когда Кайла делает так же, это... это лестно.

Хотя это просто говорит мое эго. Иногда оно может быть таким же огромным, как луна. В другие дни оно не намного больше зернышка.

Когда мы заканчиваем, я встаю со стула и говорю.

— Все прошло неплохо. Надеюсь, ты получила все, что нужно.

Она мгновение смотрит на меня, а потом говорит:

— О, — и поднимается на ноги, начиная убирать вещи в сумочку. — Да, спасибо. Полагаю так. Думаю, у меня уже есть основная идея.

— Хорошо, — говорю я, чувствуя себя странно неловко. — Если тебе надо что-то еще, просто спрашивай. — Не думаю, что я когда-то говорил так много, и даже если сказать «пока» должно быть просто, это не так.

Я смотрю, как она одевает свои туфли. Проглатываю усмешку от вида ее в моей мешковатой одежде для тренировки и леопардовых шпильках.

Она смотрит наверх и ловит мой взгляд, посылая мне игривую

улыбку.

— А что, может, я создам новый тренд.

— У тебя вполне может получиться, — признаю я, сложив руки на груди.

Ее глаза порхают к моим предплечьям, потом она смотрит в сторону, вешает сумку на плечо и направляется к двери.

— Ой, подожди, — говорю ей. Я иду на кухню и вытаскиваю пластиковый пакет, а затем беру ее мокрые джинсы, рубашку, и крошечное розовое белье, которое сушилось возле раковины, и засовываю их внутрь. Подхожу к ней и передаю пакет. — Не забудь свою

одежду.

Она тянет за футболку, которая на ней.

— А как насчет твоей одежды?
Я увижу тебя до отъезда?

Я пожимаю плечами.

— Может быть. Если нет,
оставь их.

Она хмурится, а затем
поднимает подбородок.

— Уверена, смогу передать их
Брэму в ближайшие дни. Ну...еще
раз спасибо за то, что согласился со
мной встретиться.

— Спасибо за хорошую игру.

— Ха, — говорит она, открывая
дверь. — У меня такое чувство, что
завтра, когда у меня будут болеть

икры, я буду тебя проклинять.

Она машет мне пальцами и уходит. Я минуту стою там, наблюдая, как она идет уверенным шагом, ее маленькая дерзкая попка потерялась в моих шортах.

Я возвращаюсь в квартиру и закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной, закрываю глаза и выдыхаю. В своей голове я все еще могу видеть, как она уходит от меня.

Глава 7

КАЙЛА

Я такая идиотка.

Серьезно. Я ведь правда думала, если я случайно забуду свою

мокрую одежду в его квартире, это даст мне повод вернуться и забрать ее. Но блин, этот тип не похож на других. Это как заигрывать с глыбой льда. И да, я могу сказать, что он со временем оттаивает — имею в виду, я по-прежнему убеждена, что у него была эрекция, когда он прижал меня к земле, но у Лаклана здесь не так уж много времени. А это значит, что у меня не так уж много времени, чтобы попробовать.

— А как насчет твоего обета?
— спрашивает Никола, пока Ава громко потягивает смузи. Сейчас день субботы, и мы вдвоем сидим в кафе, отмечая тот факт, что я закончила свою статью и вчера

передала ее Нилу, который собирается отредактировать ее и отправить Джо. Я провела три дня, писала и снова переписывала, пока, наконец, не была довольна своей работой. Нил остался доволен. И Никола, прочитав статью полностью, выглядит чертовски воодушевленной.

Естественно разговор коснулся Лаклана. Я скулю о Лаклане, этом мужчине звере, который кажется, всегда будет для меня запретной зоной.

— Мой обет? — повторяю я, смущенная от того, что ничего не вышло.

Я смотрю на Аву, раскрашивающую что-то в своей

книге с высунутым языком для лучшей концентрации. Кладу руки ей на уши и говорю:

— Нахрен мой обет.

Когда я убираю руки от Авы, она смотрит на меня, потом на маму и говорит:

— Тетя Кайла снова сказала плохое слово.

Никола с обожанием улыбается ей, а затем посылает мне фальшивый уничижительный взгляд. После того, как эти двое так долго прожили со мной, Ава отлично знает процедуру.

— Я знала, что ты не продержишься долго с твоей... засухой, — говорит Никола, достаточно самодовольно, могу я

добавить.

— Эй, я все еще в деле, — говорю я ей. — Но я хотела бы сделать исключение для Лаклана. Более того, если по какой-то божьей благодати я бы смогла забраться к нему в штаны, клянусь, я бы никогда снова не прикоснулась ни к одному мужчине.

Она выглядит ошарашенной этим.

— Господи. Будь осторожна в своих желаниях, Кайла.

Я пренебрежительно машу на нее рукой, прежде чем допить свой холодный кофе.

— Не важно. Этого не произойдет. Он абсолютно

невосприимчив к моим чарам. То есть, я бегала по грязи, *мокрая* в белой футболке. Извивалась под ним. Это практически был секс. И все же...ничего. Позже, у него дома, когда он собирался пойти в душ, я пошутила о том, чтоб присоединиться к нему. Надо было видеть его лицо.

— У него на лице было написано отвращение? — говорит Никола, теперь уже сочувствующе.

— Нет, — отвечаю я. — Но спасибо, что подумала о такой возможности. Он просто выглядел... Я не знаю. Я вообще не могу его прочитать. Он будто даже не слышал меня.

— Может быть так и есть, — говорит она.

— Он слышал, — говорю я, откидываясь на спинку стула и складывая руки на груди. — Он просто не заинтересован.

— Что ж, ты ведь не можешь быть типом каждого, — говорит она мне, беря один из цветных карандашей Авы и закрашивая квадратик, пока Ава не отпихивает ее руку.

— Я отказываюсь в это верить.

Она вздыхает и смотрит на меня.

— Я должна это сказать, хотя не думаю, что это что-то прояснит. — Она кивает на статью на столе,

которую я распечатала с рабочего компьютера. — Имею в виду, всякий раз, когда я говорю с ним, он лишь односложно мычит как какой-то неандерталец.

Она не совсем права. Половина его ответов мне была в виде мычания и других мужественных звуков, но я умело различаю их.

— Заставить его говорить, это как вырвать зуб. Все время, пока я задавала ему вопросы, я тряслась от страха, что скажу что-то неправильное и снова выведу его из себя.

— Интересно, почему он себя так ведет, — размышляет Никола.

— Да! — восклицаю я,

шлепнув ладонями об стол. Ава и Никола подпрыгивают. — В чем там дело? Можешь это выяснить ради меня?

Никола морщится.

— Я же говорила тебе, парень едва со мной разговаривает.

— Да, но Брэм должен знать.

Она качает головой.

— Я так не думаю. Брэм говорил, что он тоже едва разговаривает с ним, а когда такое случается, они не обсуждают ничего личного.

— Мне нужно поговорить с Брэмом, — говорю я, кивая сама себе.

— Тогда приходи вечером в

Lion, — говорит она. — У меня сегодня короткая смена и Брэм будет там. Уверена, он тоже хотел бы прочитать статью. — Она смотрит на свой телефон, проверяет время. — Кстати, мне лучше забросить Аву к маме и готовиться к работе.

Я обнимаю их обоих на прощанье, а затем заказываю кофе без кофеина. Мне не нужен кофеин, у меня и так уже чувство, что я лечу. Я действительно в восторге от своей писанины. И мне страшно. А что если все получится не так, как я хочу? Что, если Джо просто возьмет ее, напечатает и все? Я вернусь к своей обычной работе, где буду снова умирать со скуки. Что если я буду

вечно работать в рекламе, делая каждый день одно и то же? Не знаю, смогу ли я делать это теперь, теперь, когда я знаю, что есть что-то лучше, что заставляет меня почувствовать себя...живой. Это как если бы вы жили во тьме, а кто-то показал вам солнце. Ладно, забудьте — это слишком слащаво и драматично. Но всё-таки...это было бы отстойно.

Естественно после этого мои мысли возвращаются к Лаклану. Мне действительно нужно выбросить из головы этого парня, но каждый раз, когда я представляю его лицо, это тело, этот хриплый голос, который утаивает миллионы секретов, я кайфую, будто птица, выпущенная из

клетки. Это в сочетании со статьей, и я чувствую, что начинаю понемногу сходиться с ума. Может быть, мне просто надо немного поспать и сделать вид, что моему черному, засохшему сердцу не о чем волноваться.

Но любопытство сгубило Кайлу, и позже в тот же вечер я обнаруживаю себя в Lion.

Когда я вхожу, меня приветствуют пьяные вскрики и гневная музыка Джеймса - Faith No More, *снова*. Сейчас вечер субботу и, кажется все в городе пришли выпить сюда, прежде чем отправиться по клубам. Я быстро сканирую бар, ища Брэма, продолжая встречаться

взглядами с парнями с которыми, знаю, не должна. Должна признать, было бы хорошо найти кого-то милого для случайного перепиха. Может это отсутствие секса превращает меня в сумасшедшую. На самом деле я уверена, что это именно так. Столько сексуальной неудовлетворенности и ей некуда деться.

Но если быть честной, даже несмотря на то, что перепих поможет в краткосрочной перспективе, на более долгий срок это дерьмо не сработает. Просто после подобного я чувствую себя опустошенной, потому что когда дело до этого доходит, случайный

секс со случайным парнем это не то, чего я хочу. Я точно знаю, чего я хочу, но получить это я не могу.

Я замечаю в баре Николу, она раздает напитки. У нее масса работы, но когда я подхожу, она ловит мой взгляд и жестом показывает на туалет. В ее глазах намек на предупреждение, который заставляет меня остановиться, но она не в состоянии ничего объяснить. Люди практически бросаются в нее деньгами. На другом конце бара Джеймс, он кивает мне, но он тоже очень занят.

Я пробираюсь через толпу на другую сторону бара, и, наконец, вижу Брэма, сидящего в кабинке и

медленно наслаждающегося виски.

Напротив него сидит Лаклан, его большая рука крутит то, что выглядит как стакан воды.

Ненавижу использовать термин сжаться, но именно это и делает мое тело, когда я его вижу. Я сжимаюсь, мои бедра сжаты вместе, будто я уже представляю его член внутри меня.

Проклятье, мне нужна помощь.

Минуту я стою там, задаваясь вопросом, может мне стоит развернуться и уйти. Я здесь лишь потому что хочу поговорить с Брэмом о Лаклане, а не видеть самого Лаклана, а тот факт, что он здесь и заводит меня, приводит в ужас.

Но тут Лаклан выглядывает из под своей бейсболки и видит меня. Он не улыбается. Это непосильная задача. Но он перестает хмуриться, пока оглядывает меня с ног до головы, так что у меня не остается выбора.

Я проглатываю комок в горле, выпрямляю спину и иду к ним, мои глаза бегают от Лаклана к Брэму и снова к Лаклану.

— Привет, — говорю я им, останавливаясь у стола.

— А вот и женщина часа, — говорит Брэм, но к моему удивлению именно Лаклан пододвигается, чтобы освободить для меня место.

Я посылаю Лаклану

благодарную улыбку и сажусь рядом. Сегодня на мне черная юбка с бахромой, ноги голые, и когда он коротко смотрит на них вниз, его собственные бедра так близки к моим. Надеюсь, ему нравится то, что он видит.

Если и так, он и виду не подал. Он вообще ничего не говорит, просто делает глоток воды. Я наблюдаю за его горлом, за тем, как он глотает, пока не чувствую на себя взгляд Брэма.

Я отрываю глаза и смотрю на Брэма, но он уже качает головой, будто я смешна. Я игнорирую его и вынимаю из сумочки статью, разворачиваю и держу в руке.

— Вы, ребята, хотите прочитать статью? — спрашиваю я, и Брэм сразу же выхватывает ее из моих рук.

Я смотрю на Лаклана.

— Она о тебе. Вообще-то тебе стоит прочесть первым.

Он быстро улыбается и почесывает бороду.

— Я прочитаю ее, когда ее напечатают. Так будет интересней.

Брэм на секунду открывается и смотрит на Лаклана, хмурится, затем возвращается к чтению. Я беспокойно барабаню пальцами по краю стола, ожидая его окончательного вердикта.

— Так, так, так, — наконец говорит Брэм. Он отдает ее обратно

мне и очаровательно улыбается. — Я впечатлен.

— В самом деле?

— Да. Прямо за душу берет. Спасибо, — решительно добавляет он. — Думаю, это может реально помочь.

— Чертовски надеюсь на это, — говорю я. — Я показала все, на что я способна.

— Так и есть. И ты заставила мистера Регби звучать здесь словно ангел. — Брэм поднимает свой напиток и поднимает его вверх, жестом показывая, что пьет за Лаклана.

Лаклан хмыкает, а потом извиняется. Я быстро выскакиваю из

кабинки, и когда он вылезает, его рука задевает мою. Я чуть не взрываюсь от ощущения горячей кожи, которая заставляет мое тело гореть.

Он идет в туалет, и я смотрю на его задницу в этих джинсах так долго, как только могу. Это входит в привычку. Самая лучшая моя привычка.

— Посмотри на себя, — дразнит Брэм.

Я оборачиваюсь и смотрю на него.

— Посмотреть на себя? О чем ты?

— Ты, — говорит он, затем кивает в сторону уборной. — Он. Ты

словно влюбленный котенок.

— Влюбленный котенок? — повторяю я, садясь. — Ты слишком много времени проводишь с Николой.

— Не думаю, что до этого видел, чтоб ты была кем-то одержима, — добавляет он.

— Что? — восклицаю я, — Это нелепо! Я всегда одержима кем-то.

Он сжимает губы и качает головой.

— Неа. Не так. Я тебя знаю. У тебя практически слюни текут.

— Чушь собачья, — говорю я, перегнувшись через стол и глядя ему в глаза. — Ты можешь думать, что знаешь меня, Брэм, но это не так. Ну

да, я думаю, что твой кузен горяч, и что с того?

— Просто горяч? — говорит он. Он гоняет скотч по бокалу и ухмыляется, глядя на него сверху. — Хорошо. Жаль, что кошечка решила забраться на неправильное дерево.

На моем лице замешательство.

— А? Почему мы до сих пор говорим о кошках?

Он пожимает плечами.

— Просто не хочу, чтоб ты надеялась. На случай, если ты еще этого не поняла, он не так уж легко управляем.

Я закатываю глаза.

— Поверь мне, я это поняла.

И все же, когда Лаклан

возвращается и спрашивает, хочу ли я чего-нибудь выпить, мое сердце начинает танцевать подающий надежды ритм.

— Хм, — мычит Брэм, наблюдая, как он уходит.

— Позволь угадать, он обычно никогда не покупает девушкам напитки, — говорю я.

— По крайней мере, я не видел, — говорит он. — Опять же, он сам не пьет много.

Я хочу нажать на Брэма и выяснить почему. Со своей внешностью хулигана он не походит на приверженца здорового образа жизни. Но если это что-то личное, я знаю, Брэм не станет об этом

говорить.

Вскоре Лаклан возвращается с другим стаканом воды для себя и Bellini для меня. Он подвигает его ко мне и говорит:

— В качестве благодарности за статью.

Ой. Так он не покупал мне выпить, потому что, наконец, понял, что я горяча. Вот черт.

— Разве Джеймс заставил тебя заплатить за это? — спрашивает Брэм

Он кивает.

— Предполагаю, его любезность не распространяется на членов семьи. Не думаю, что очень ему нравлюсь.

— Джеймсу не нравится любой парень, который больше него, — замечает Брэм.

— За исключением Линдена, — говорю я. — Какая-то извращенная мужская дружба. — Благодарно улыбаюсь Лаклану и двигаюсь, чтоб он мог снова сесть рядом со мной. — Спасибо за выпивку. Ты был любезен, уделив мне время и ответив на мои неуклюжие вопросы.

Он кивает, беспокойно дергая козырек бейсболки. Спустя пару мгновений он говорит.

— Знаешь, хотел спросить, каким спортом ты занимаешься?

Я наклоняю голову в его

сторону, и он быстро продолжает.

— Ты действительно очень хорошо играла на поле. Имею в виду, ты была неутомима. Упорна.

— О, — говорю я, обмениваясь взглядом с Брэмом. — Благодарю. Обычно я просто хожу в тренажерный зал по утрам, но раз в неделю беру уроки фехтования.

— Фехтование? — Спрашивает он. — Это...редкость.

Я сладко улыбаюсь ему.

— Я сама достаточно редкая вещица. — Я не смотрю на Брэма, но знаю, он не слишком впечатлен моими навыками флирта. Я продолжаю. — Это помогает мне оставаться в форме и в то же время

выплеснуть свой гнев.

— У тебя напряженка с дисциплиной? — спрашивает он, и я не могу сказать, шутит он или нет.

— Разве это не очевидно? — говорю я и ловлю себя на том, что пододвигаюсь ближе к нему.

Он обдумывает мои слова, его глаза смягчаются, когда он смотрит на меня.

— Плюс ко всему, — добавляю я, — оно дает мне попку. Плоские задницы это не про меня.

— Определенно нет, — говорит он, и ничего не могу с собой поделать, мои нервы трепещут.

Брэм откашливается. Громко. Я прищуриваюсь глядя на него,

раздраженная тем, что он прерывает поддразнивание между мной и Лакланом. Разве он не понимает, как это важно? Обмениваться шутками с Лакланом, это как разблокировать еще один уровень в игре. Кроме того, он похвалил мою охрененную попку.

Но прежде чем мы можем вернуться к разговору, в Lion заходит Линден и направляется к нам с огромной улыбкой.

— Привет, привет, — говорит он и шлепается на сиденье рядом с Брэмом.

— Оу, великая шотландская троица, — с придыханием говорю я.

— Через минуты ты заговоришь по-другому, милочка, — говорит

Линден. — Потому что у меня есть довольно офигенные новости.

Мы втроем смотрим на него. Он облизывает губы и торжествующе улыбается.

— Один из моих клиентов спонсор фестиваля Outside Lands. Сегодня он расщедрился и дал мне пять VIP билетов на фестиваль в следующий уик-энд.

— Хороший бонус, — комментирует Брэм.

— Само собой я дам их вам, — говорит Линден.

— Но нас шесть, вместе со Стеф и Николой, — говорю я. — Получается, пойти смогут не все.

— Все в порядке, — говорит

Лаклан. — Идите без меня.

Я шлепаю по столу
разочарованно.

— Не глупи, — говорю я ему. — Ты здесь гость, так что определенно пойдешь. Это непременный атрибут Сан-Франциско. Я *не* пойду. Уверена, Линден бы все равно меня не пригласил.

И когда я смотрю на Линдена и вижу вспышку робости в его глазах, я знаю, это правда. Когда он составляет план действий, иногда он очень кстати не учитывает меня. Пока Стеф не начинает сердиться. Но не могу сказать, что не делаю то же самое.

— О, мать вашу, — говорит

Брэм. Я куплю себе собственный VIP билет. Вот. Проблема решена.

Лаклан качает головой.

— Не беспокойся, приятель. Так или иначе, я не поклонник музыкальных фестивалей.

— Тебе не нравится музыка? —
Спрашиваю я.

Он хмурится.

— Я люблю музыку. А вот людей не очень.

Не могу не улыбнуться.

— Может, мы похожи больше, чем я думала.

Клянусь, что вижу тень улыбки на его губах.

— Ауч, но на Outside Lands приходят едва одетые цыпочки,

литрами глушащие вино и танцующие в бикини под музыку, даже если она не играет, — говорит Линден. — Удачное место чтобы подцепить парочку, что скажешь?

Какого хрена? Я таращусь на Линдена. Я знаю, он предлагает подобное дерьмо только чтобы разозлить меня.

— Нет, — Лаклан быстро отмахивается от него. — Не моя компания, не в моем стиле.

— Элтон Джон будет хедлайнером в воскресенье, — добавляет Брэм, и я могу сказать, что он пинает Линдена под столом, потому что Линден посылает ему этот «что я сделал?» взгляд. — Ты не

можешь пропустить легенду.

Лаклан хмыкает в ответ. Думаю, это означает «посмотрим».

Остальная часть вечера проходит под разговоры о музыкальных фестивалях и группах. Столько много шотландских акцентов сразу. Лаклан, как и я, не особо участвует в разговоре, мы просто сидим и слушаем Линдена и Брэма, которые спорят какая группа лучше, Massive Attack или Portishead. Отчасти это хорошо. Их непрекращающаяся болтовня обеспечивает фоновый шум, и гарантирует, что они оба находятся в своем братском мире. Это означает, что Лаклан и я в своем собственном.

Не то чтобы мы даже разговаривали друг с другом, и не то чтобы он знал, что находится со мной в моем частном мирке. Просто так приятно сидеть с ним рядом и наслаждаться его присутствием, чувствовать его тепло, вдыхать аромат его кожи. Нахождение в тени этого зверя действует странным образом успокаивающе. Он волнует мое сердце и успокаивает нервы, и я не могу не думать о том, что Брэм прав. И я думаю, что для него это плохо. Действительно очень плохо. Я чертова влюбленная кошечка. И я начинаю думать, что не только на физическом уровне. Я совершенно не знаю этого парня — и кажется, никто

не знает — но я чувствую, как меня тянет к нему, будто наша кровь сделана из магнитов, тянущихся друг к другу.

Грустная часть же состоит в том, что все эти сумасшедшие чувства лишь у меня в голове. И вероятно там они и собираются остаться.

Когда вечер продолжается, и Лаклан уходит домой, я чувствую себя потерянной. Не думаю, что когда-либо грустила из-за парня, но стоит этому шотландцу уйти, и я сразу же начинаю скучать по нему. Может, я просто скучаю по взглядам на эти губы, когда я задаюсь вопросом, каково бы было зажать их

между зубами, каково будет ощущать их напротив моих губ. Может быть, я скучаю по разглядыванию его татуировок, придумывая для них истории в своей голове — лев на его предплечье символизирует гордость, крест на бицепсе в память о времени, когда он работал как монах-траппист, варя крепкое пиво в Альпах (я не знаю, может это и правда) (прим. пер. католический монашеский орден, основанный в 1664 г. Монахи некоторых северных монастырей зарабатывали на жизнь изготовлением ликёров, а в Бельгии — известного траппистского пива). Может, я скучаю по борьбе с желанием пробежаться пальцами по

его бороде, носу, прикоснуться к каждому бледному шраму на его лице

Или может, я просто скучаю по односторонней игре в кошки мышки, в которую он даже не знает, что играет. Эти острые ощущения от погони, то, как каждая маленькая улыбка, которую он мне дарит, каждое произнесенное слово, сама по себе победа. Это словно вызов для меня, попробуй и выиграй. И если есть что-то, что я недавно узнала, так это то, что мне нравится, когда мне бросают вызов.

Когда позже в ту ночь я лежу в постели и смотрю на уличные фонари, я понимаю, что в первый раз моя кровать ощущается пустой. Будто

кого-то не хватает. И не того, кто уходит в середине ночи или утром следующего дня. А того, кто остается.

Правда расползается, словно пятно нефти.

Я Кайла Мур, и я одинокая, очень одинокая девушка.

Когда в понедельник утром я иду в офис, нет никаких сомнений, что в моей походке чувствуется легкость, я практически парю. Даже если моя статья не выйдет до пятницы, я чувствую себя хорошо. Даже фантастически. Вот *оно*. Моя

новая жизнь. Я отбросила все грустные мысли уик-энда и сосредоточилась на позитиве. После того, как статья выйдет, она поможет (надеюсь) не только Брэму и Лаклану, но и скажет миру: Эй, придурки! Вы все, кто во мне сомневался! Посмотрите на меня! Посмотрите, что я с собой сделала.

Но когда по пути на обед я иду мимо Нила, он выглядит так, будто несет дурные вести.

— Кайла, — говорит он, потянув меня в сторону. — Мне надо с тобой поговорить.

Я никогда не видела, чтоб он был так серьезен.

— Что? — спрашиваю я,

заламывая руки. — Все в порядке?

— Более или менее, — говорит он. Он минуту рассматривает свои ногти, потом смотрит на меня и вздыхает, прося взглядом прощения. — В статье будут изменения.

Я выпрямляюсь.

— Какие изменения?

— Она в печати, не переживай, — быстро говорит он. — Просто там, ну, сладкие щечки, Джо не выпустит ее под твоим именем. Он указал в качестве автора меня

— Что?! — вскрикиваю я, достаточно громко, чтоб на нас стали смотреть.

— Извини! — резко шепчет он. — Я не хотел этого, но Джо сказал,

что тебя никто не знает. Но хорошая новость в том, что он её напечатает. Ура. — Он делает небольшой, отчаянный прыжок от радости. — Правильно?

Не могу с ним даже разговаривать. Я отталкиваю его, разворачиваюсь и марширую к офису Джо. Слышу, как Нил орет позади меня.

— Не делай этого, оно того не стоит! — Но пошел он. Это моя статья. Мой шанс. И это того стоит.

Дверь Джо закрыта, так что я быстро стучу, пытаюсь сделать глубокий вдох, пытаюсь усмирить свой гнев, который выходит из под контроля.

— В чем дело? — отрывисто спрашивает он по ту сторону двери.

Я открываю дверь и вхожу, громко закрывая за собой дверь. Он удивленно смотрит, затем наклоняет голову и качает.

— Да, это я, — с горечью говорю я. — Ты знаешь, почему я здесь.

Он смотрит вниз на свои бумаги. Всегда смотрит на свои чертовы бумаги. Используй чертов компьютер как все остальные.

— Насколько я знаю, тебе следует разговаривать с проклятым редактором с немного большим уважением, — резко говорит он. На прошлой неделе я получила сполна

грубости от Лаклана, так что этим меня не напугать.

— Ты не пропустил мое имя под статьей! — говорю я, размахивая руками. — Это я написала. Это несправедливо. Это как...это как...

— Это бизнес, — со вздохом говорит он, сжимая пальцами переносицу. — Статья хороша, ты должна гордиться. И это поможет обратить внимания на ту чертову благотворительную инициативу, как ты и хотела. Но если там будет имя кого-то, кто работает в рекламе, это не сработает. Весь уровень доверия уйдет.

— Тогда...тогда позволь мне работать здесь. Ты сказал, я могу

писать. Сказал, что я хороша. Так возьми меня в штат.

Он качает головой.

— Кайла, ты хороша в том, что ты делаешь. Журнал не может существовать без рекламы. Пусть авторы занимаются своим делом. Они уже много лет его делают. Ты же написала одну, — он тычет пальцем в воздух, — статью.

— Тогда позволь сохранить мое имя в статье, и позволь мне написать другие, — умоляю я. — Дай мне снова попробовать свои силы. Я могу доказать, что способна на это. Я могу делать больше, чем просто заниматься гребаной рекламой!

Его огромные, волосатые

ноздри раздуваются от моих слов. Он терпеливо складывает руки перед собой.

— Послушай. Ты ведь изначально не собиралась писать. Просто цени этот опыт и гордись тем, что он был достаточно хорош, чтобы попасть в печать. Хотя уверен, Нил как следует поработал над ней. Если ты посмотришь с этой стороны, уверен, он, так же как и ты заслуживает, чтобы там стояло его имя. — Он откашливается и начинает рыться в хаосе из бумажных стаканчиков и стикеров на столе. — Теперь, если ты меня извинишь, я вернусь к работе и сделаю вид, что ты не вломилась

сюда в этой отвратительной, наглой манере, и ты можешь вернуться к тому, что ты обычно делаешь. Поняла?

Я сжимаю губы, пока не становится больно. Мне так хочется заорать, завизжать, бросить в него что-нибудь. Но это мне не поможет. Я ненавижу, ненавижу, *ненавижу* признавать поражение, но это оно — полное фиаско.

Я покидаю его офис, отказываясь смотреть на тех, кто мог услышать мою вспышку, и направляюсь прямо в туалет. Какое облегчение, что там пусто, и я мчусь к туалетной кабинке, опускаю крышку унитаза и сажусь. Хватаюсь

за голову и дышу, дышу, дышу, пытаюсь удержать все это на месте.

Срывы не характерны для меня. Не те, которые, кажется, выворачивают вас наизнанку, как этот. И я знаю, это глупо чувствовать себя вот так, когда я должна была предвидеть подобное. Это просто статья. Единственная написанная мной. И я была идиоткой, думая, что это приведет к чему-то, что изменит мою жизнь.

Но я не могу игнорировать разочарование. Оно ранит. Более того, мне стыдно. Я стольким рассказала об этом, и знаю, многие в уик-энд будут искать эту статью. Ага, я все сделала хорошо...но это не то

же самое.

Весь обеденный перерыв я остаюсь в туалете, сдерживая слезы и глотая свой гнев. Потом, спустя некоторое время, я отбрасываю в сторону жалость и переключаюсь на себя, мою следующую цель. Ругаю себя за то, что набросилась на Джо. Он осел и определенно не прав, но за то, что разговаривала с ним вот так, я могла потерять работу, свою настоящую работу. Это было жутко рискованно, я не думала головой. Несмотря на то, что все просто ужасно, что мне действительно нужно сделать, так и это вернуться к Джо и извиниться за свой выпад.

Но моя гордость может быть

львицей, и вместо этого, когда я, наконец, успокаиваюсь и возвращаюсь в свой кабинет, я сажусь и посвящаю себя моей реальной работе – той за которую мне платят. Тому единственному, что я знаю, как делать.

Понедельники чертов отстой.

Глава 8

КАЙЛА

Разумеется, мне с трудом удастся выбросить это из головы. Я на всю неделю залегла на дно, закрываясь от всего мира. Единственный человек, кого я вижу, это мама. Хотя я и не планировала

навещать даже ее, потому что знаю, она будет спрашивать о статье, а я не хочу ее огорчать. Но по телефону у нее такой грустный голос, она звучит так беспомощно, может быть даже больше, чем обычно, что я не могу сказать нет.

— Хочешь об этом поговорить? — спрашивает она меня, смотря по телевизору повтор сериала Няня, пока я делаю для нас обед. В конце концов, я сказала ей, что в статье были изменения, но не стала вдаваться в подробности.

— Не то чтобы очень, — говорю я.

— Хорошо. Поговорим, когда ты будешь готова. Только помни, что

я говорила тебе в прошлый раз — у тебя свой собственный путь

Да, но мой путь официально ведет в никуда.

В выходные я тоже сижу дома, поедая карамельное мороженое в вафельном стаканчике и листая Netflix. Я знаю, сейчас идет фестиваль Outside Lands, знаю, что Стеф и Никола начинают злиться на мою неспособность ответить на их телефонный звонок или смс. В пятницу я даже получила смс от Брэма, с вопросом «Кайла, что случилось?». Полагаю, он прочитал статью, которую написал *Нил*. Тем не менее, я делаю вид, что ее не существует.

Когда я просыпаюсь в воскресенье, то понимаю, что это не будильник, который словно звучит у меня в голове. Это мой домофон.

Я стону, накидываю халат с леопардовым принтом и иду к домофону.

— Что надо? — со злостью говорю я, глядя на часы на микроволновке. Сейчас десять утра, а я планировала спать весь день.

— Эй! — вопит Стеф, голос потрескивает. — Если ты непустишь нас наверх, я позвоню твоей маме.

Тьфу. С нее станется, да. Стеф и моя мама любят друг друга.

— Ладно, — говорю я, нажимая кнопку, открываю дверь и затем иду

на кухню, чтобы сделать себе кофе. До того, как придется столкнуться с сегодняшним днем, мне необходим кофеин.

Через пару минут в квартиру влетают Стеф и Никола.

— Что за черт, Кайла? — восклицает Стеф, бросая свою сумочку на мой диван. Они обе выглядят так, будто только что встали с кровати, одетые в пижамные штаны, шлепанцы и толстовки. — Где ты была?

— Я была здесь, — устало говорю я, открывая пакет с кофе и глубоко вдыхая.

Стеф идет прямо ко мне, оглядывая меня сверху донизу, будто

проверяя на наличие признаков повреждения или похищения.

— Ты игнорировала наши звонки и смс...

Я пожимаю плечами и отмеряю кофе, засыпаю в фильтр и нажимаю кнопку включения.

— На этой неделе мне не особо хотелось с кем-то общаться. Прости.

— Брэм рассказал нам о статье, — тихо говорит Никола. — Мы ее прочитали. Она классная, Кайла, правда. Он *так* этому рад...но...что произошло?

Я вздыхаю и поворачиваюсь к ним лицом, скрещивая руки на груди.

— Хочешь сказать, почему там нет моего имени?

— Да, — говорит Стеф. — Кто такой Нил? Тот самый Нил, которого мы как-то встретили?

Я киваю. Мы тусовались все вместе.

— Ага, тот самый. Он ее редактировал и Джо подумал, будет лучше, если в качестве автора статьи будет указано его имя, так как я на самом деле не журналист.

— Ерунда какая, — нахмурившись, говорит Никола. — Мы не обманываем тебя, когда говорим, что она великолепна. Имею в виду, ты на самом деле должна гордиться собой.

А я горжусь собой? Не знаю.

Я отворачиваюсь.

— Что ж, как есть, так и есть.
Я это уже пережила.

— Если бы ты это пережила, не избегала бы лучших друзей, — говорит Стеф, кладя руку мне на плечо. — Тебе нужны обнимашки?

Я убираю ее руку и отхожу назад.

— Конечно же, нет, — смотрю на них обоих. — Почему в такую рань вы обе здесь? Кто встает в восемь утра в воскресенье?

— Твои друзья, — умоляюще говорит Стеф, — которые хотят убедиться, что ты здесь и готова пойти сегодня на фестиваль.

— О, черт возьми, нет, — говорю я, энергично качая головой.

— Я не собираюсь этого делать. Я уже пропустила два дня. Какой смысл идти в третий день?

— Два очень веселых дня, — говорит Стеф. — Не пропусти последний. Это поможет тебе отвлечься, и думаю тебе надо выйти из квартиры до того, как ты начнешь писать в баночку и отрастишь когти на ногах.

— Как Говард Хьюз, — добавляет Никола.

Я безразлично смотрю на нее.

— Да, я знаю кто такой Говард Хьюз.

— Пожалуйста. Даже Ава пойдет, — говорит Никола. — Она так взволнована.

— Ты собираешься нарядить ее в маленькую фею хипстера? — спрашиваю я, представляя себе ее дочь с ободком и перьями, которые носят девушки, толпами посещающие такие фестивали.

— Может быть.

— Ну, жаль вас разочаровывать, — говорю я им, — но сегодня воскресенье в носках, и мне надо почитать и вздремнуть. — Я выкидываю вперед ногу, демонстрируя гольфы с Миньонами.

— Нахрен воскресенье в носках, — говорит Стеф. — Знаешь, кто еще там будет? — заговорчески добавляет она.

Я сглатываю, в животе

разливается тепло.

— Кто?

— Лаклан, — говорит она. Она добавляет понимающую ухмылку.

— Ну и что? — говорю я ей, игнорируя трепет в груди. Упоминания его имени достаточно, чтоб внутри меня все загорелось, словно включили выключатель.

— Ой, да ладно, — говорит Никола. — Не притворяйся, что ты до сих пор не...

— До сих пор не что? — бросаю я вызов.

— Влюблена по уши.

Я смеюсь и закатываю глаза.

— Влюблена по уши? Пожалуйста. Ты говоришь о Кайле

Мур. Исключительной роковой женщине. — Создается впечатление, что эта фраза потеряла свою привлекательность.

— Хорошо, не *по уши* влюблена, — поправляет Никола. — Увлечена.

— Возбуждена, — добавляет Стеф. — Кайла просто похотливый монстр с бешеным стояком.

Я гримасничаю.

— Когда это говоришь *ты*, звучит как то не очень.

— Пфф. Подумаешь! Дело в том, что тебе очень надо с кем-нибудь переспать. Целибат для тебя не очень хорошая вещь.

— Несмотря на то, что это

может быть правдой, а может, и нет, все мы знаем, что с ним этого не произойдет, — говорю я, постукивая ногой, мечтая, чтоб проклятый кофе капал быстрее. — И я думала, он не собирается туда идти. Он сказал мне, что не любит толпы народу, и что это не для него.

— Брэм купил ему VIP билет на сегодня. Он как-то убедил его, — говорит Никола. Я смотрю на нее, и она выдает улыбку полную надежды. — Знаешь, он в следующее воскресенье уезжает обратно в Шотландию. Это может быть последний шанс, когда ты сможешь его увидеть.

Я беспокойно потираю губы.

— Это правда, — говорит Стеф
— Тебе, вероятно, стоит
попрощаться.

Я смотрю на них.

— Я не знаю, — неохотно
говорю я, хотя в сердце я все знаю. Я
хочу увидеть его снова. Еще один раз.
Знаю, что ничего не выйдет, но я
пристрастилась к тому радостно-
возбужденному состоянию, когда он
рядом. Я могу не быть по уши
влюбленной, но есть что-то такое...я
не знаю, освежающее, чувство,
словно я снова школьница рядом с
предметом обожания. И думаю, Стеф
с Николой это тоже понимают.

— Я заеду за тобой в полдень,
— говорит Стеф, триумфально

улыбаясь, когда они обе машут и практически выбегают из квартиры.

Я с шумом выдыхаю и смотрю на кофейник, который, наконец, готов. Я выпью весь чертов кофейник и тогда буду собираться.

Когда время приближается к двенадцати, должна признать, что я на самом деле немного взволнована. Хорошо будет отвлечься от мыслей. И хотя я знаю, что завтра будет отстойный понедельник, и что это может быть последний раз, когда я смогу почувствовать те бабочки, которые порхают во мне, когда я

смотрю в неотразимые глаза Лаклана и беспрепятственно, случайно едва касаться его тела, я задаюсь целью жить сегодняшним днем. Сегодня это только о нынешнем днем, и больше ни о чем.

Естественно, это касается и того, чтобы выглядеть лучшим образом. Я хочу выглядеть хорошо, но также не хочу стать похожей на большинство фестивальных девушек. Я останавливаюсь на замшевых сапогах, потому что знаю, как много пыли и грязи в Golden Gate Park, кожаных шортах в качестве стильного акцента, и длинной клетчатой рубашке поверх топа с низкой спиной. Сегодня один из тех

немногих дней, в который я могу не надевать лифчик (черт, половина девчонок будет в бикини), так что я пользуюсь случаем. Добавляю небольшую сумочку через плечо, и я готова идти.

Вскоре к тротуару подъезжает джип Линдена со Стеф на переднем сиденье. Я залезаю назад и узнаю, что Брэм везет Николу, Аву и Лаклана.

— Эй, ребята, — говорит Стеф, глядя на меня в зеркало заднего вида, пока мы едем вниз по бульвару Гири в сторону парка. — Просто хотела сказать, знаю, у вас в прошлом были разногласия, но вам действительно надо быть повежливее друг с другом.

Мы с Линденом обмениваемся взглядами.

— Я вежлива, — говорю я.

— Когда это я был не вежлив?

— одновременно добавляет Линден.

Стеф глумится над нами.

— Я не тупая. Иногда вы как кошка с собакой. Слушайте, я знаю, все странно и немного неловко из-за того, что вы, ребята, переспали в прошлом...

— Не это причина неловкости, — быстро говорю я, подавшись вперед между сиденьями. — Это потому что потом он повел себя со мной как полная задница. — Я бью кулаком по плечу Линдена.

— Эй, — говорит он, потирая

руку. Смотрит на меня пристыженным взглядом, а затем переводит взгляд обратно на дорогу. — Сколько раз я должен извиняться за то, что был чертовым задротом?

— Сколько раз можно говорить задрот? У вас шотландцев другие слова то есть?

— Щазз, — отвечает Линден.

— Он уже много раз извинялся, Кайла, — говорит Стеф. — И все мы знаем, что тогда он был другим. Люди делают ошибки.

— А ты спала с Джеймсом, — указываю я ей. У Стеф и Линдена была очень долгая и сложная история, пока они, наконец, не признались друг другу в любви. —

Ты знаешь об ошибках все.

Линден замирает, я знаю, для их брака это все еще щекотливая тема.

— В любом случае, — говорит Стеф, кладя руку на руку Линдена и сжимая, — несмотря на все то, что случилось, я просто хочу видеть, как вы нормально общаетесь. Кайла, если ты перестанешь грубить ему, то он, в свою очередь перестанет вести себя с тобой как придурок.

Я откидываюсь в кресле, скрещивая руки на груди.

— А почему сразу я?

— Потому что ты в данном случае более зрелая, — говорит Стеф и Линден смеется. Она бьет его по

плечу, по которому недавно и я, и он снова кричит.

— Что за хрень, Стеф? Дамы, вы можете перестать меня бить?

— Я серьезно, — говорит Стеф.
— Кайла. Ты простила его?

Я вздыхаю.

— Конечно да. Все в прошлом и все такое.

— Хорошо. Теперь ты, ковбой, перестань вести себя с ней как придурок.

— Да нормально я себя веду.

— В любом случае перестань.

— Хорошо.

Она смотрит на нас обоих, а затем кивает головой, видимо довольная разговором.

— Хорошо, — говорит она Линдену. — Потому что я никогда раньше не видела чтоб Кайла вела себя как полная дурочка с любым парнем, так что я хочу убедиться, что мы сделаем все, что можем, чтоб у них что-то вышло.

— Что? — вскрикиваю я.

— У них? — спрашивает Линден. — Ты о чем?

— Лаклан, — объясняет Стеф.

Линден наклоняет голову и смотрит на меня в зеркало заднего вида.

— Тебе нравится Лаклан?

Я со стоном прячу лицо в руках.

— Это что, четвертый класс?

— Поднимаю голову и смотрю на него. — Я считаю твоего кузена тупо симпатичным. Понятно?

— Не слушай ее, — шепчет Стеф. — Она втрескалась.

Я не могу это отрицать, какой смысл, так что говорю Линдену.

— Думала, ты это понял. Я думала, ты поэтому предлагал Лаклану на фестивале подцепить полуголых девиц.

Он качает головой, выглядя смущенным.

— Так вот почему Брэм пинал меня? Я не знал. Просто хотел, чтоб он немного развлекся. Парню не помешало бы немного повеселиться.

— Согласна с этим, — бормочу

я.

Некоторое время мы едем в тишине, пока я не замечаю, что Линден смотрит на меня с тупой ухмылкой на лице.

— Что теперь? — спрашиваю я.

— Понятия не имел, что тебе нравятся молчуны, — он играет бровями. — Думал, ты больше любишь болтунов.

— О, как ты? Да ладно. Только потому что я болтушка, не значит, что мне нравятся крикуны. Во всяком случае, это не имеет значения, Брэм уже сказал мне что я иду по ложному следу, будто я это уже сама не поняла.

Кажется, Линден сомневается.

— Не знаю. Он определенно не парень, с которым стоит вступать в отношения, учитывая, что он через неделю уезжает. Но не думаю, что он выкинул бы тебя из постели

— Ну, он вроде как выкинул меня из своей квартиры.

Он пожимает плечами.

— Просто хочу сказать. До него трудно достучаться и не так легко в чем-то убедить, но уверен, ты понимаешь это. Так что, сделай свой ход. Снова. Пусть он действительно узнает это.

Я вздыхаю.

— Он знает.

— Знает? Попробуй сказать ему об этом прямо.

— Он меня отвергнет.

— И уверен, ты еще долго будешь это припоминать ему, — сухо говорит он. — А что если он тебя не отвергнет... разве не стоит попробовать?

Стеф усмехается Линдену и проводит рукой по его волосам.

— Ты понимаешь? Видишь, что когда вы нормально общаетесь, от вас исходит гармония и единство?

Я стараюсь не думать, что она отчасти права. И стараюсь не думать о том, что Линден прав.

После катания по району Ричмонд в течение двадцати минут, мы, наконец, находим место для парковки и присоединяемся к толпе

зрителей фестивалю, направляющихся в парк. Линден берет несколько стаканчиков с пивом у мужика на углу, который незаконно продает их из своего холодильника и передает их нам.

Я не часто пью пиво, но выпиваю его за считанные секунды. Может из-за заразной энергетики в воздухе, и того факта, что я неделю просидела взаперти в своей квартире. Может потому, что я продолжаю думать о том, что сказал Линден и мне нужно выпить для храбрости.

Мы проходим сквозь толпу, VIP браслеты отлично работают, и направляемся в сторону палаток с

вином и пивом. В отдалении от сцены приглушенная музыка слышна сквозь эвкалиптовые деревья, окутанные вездесущим туманом.

Я знаю, сначала мне следует поесть, но моя первая реакция встать в одну из огромных очередей, чтобы купить местное вино в крошечных пластиковых стаканчиках. Стеф ждет со мной, пока Линден достает телефон, чтобы найти Брэма и остальных.

К тому времени, как мы держим в руках по два стакана красного и прокладываем путь через растущую толпу жаждущих вина любителей музыки, мы замечаем Линдена с Николой и Брэмом, Ава

сидит высоко на его плечах, в страхе озираясь вокруг.

Я не хочу, чтоб первыми словами, вылетевшими из моего рта были:

— Где Лаклан? — но говорю именно это.

Никола выглядит мило в сарафане и джинсовой куртке, указывает на главные ворота.

— Здесь не курят Он захотел докурить свою сигару.

Сигара, да? Я никогда не была с парнем, который курит сигары. Не то чтобы я была с Лакланом, хотя, должна признать слова Линдена до сих пор звучат у меня в голове. Я действительно должна сделать шаг?

Имею в виду...это не ново для меня. Если я хочу парня, и он не подходит ко мне, тогда я подойду к нему. Я не стесняюсь.

Но с Лакланом...да, я стесняюсь. И я не хочу снова петь ту же старую песню, потому что он стоит гораздо больше, чем это. Но что я еще могу сказать кроме «Эй, я думаю ты чертовски горяч. Хочешь трахнуться?». Это просто не сработает. Этого не достаточно.

— Я голодна, — жалуется Ава, пока я потягиваю вино и все обдумываю.

Брэм похлопывает ее по ногам, отдыхающим на его плечах.

— Ты же только что поела,

маленький проглотик. Куда в тебя столько влезает?

— Я хочу тако, — говорит она, указывая на пару танцующих хиппи держащих в руках тако и пиво.

Могу сказать, Никола пытается сдержаться, но сдается, потому что тоже хочет тако. Я имею в виду, тако. Кто не хотел бы тако? Пока все поворачиваются, чтобы направиться к одному из пятидесяти миллионов ларьков с тако, выстроившихся вокруг забора, Стеф нежно пихает меня и кивает головой в сторону ворот.

Я оборачиваюсь и вижу, как Лаклан идет к нам прогулочным шагом. Даже то, как он ходит,

выразительно и на сто процентов по-мужски, как ковбой, такой уверенной походкой, словно в любой момент готов ввязаться в драку. Это настолько пугающе и впечатляюще, что заставляет меня замереть на месте. Я хочу изобразить спокойствие и посмотреть в сторону, но не могу.

На нем походные ботинки, зеленые штаны карго с серой футболкой Хенли с длинными рукавами, подчеркивающей все его мышцы. Я не видела его неделю и его борода, такого же темного цвета, как и его волосы, отросла еще больше. В сочетании с этими морщинами, всегда присутствующими на лбу,

бегающим взглядом и всегда нахмуренными бровями, он похож на охотника, собирающегося померяться силами с парочкой медведей.

Да уж. Весь мой план наступления летит в окно. Я буду счастлива, если смогу разговаривать нормально, а не начну нести какой-то бред.

— Привет, — приближаясь, говорит он. Он говорит это нам обеим, хотя когда смотрит на меня, складка между бровями становится глубже.

— Привет, — отвечает Стеф. — Рада, что ты пришел! Теперь простите, я должна убедиться, что Линден заказал мне дополнительное

гуакамоле. — Она бежит к палатке с тако, оставив нас наедине. Хороший ход, Стефани.

Но Лаклан, кажется, этого не замечает. Он пристально смотрит на меня, засунув руки в карманы. Пахнет сигарой и мускусом.

— Я видел статью, — говорит он.

Я кусаю губы и киваю.

— Ага. Тебе понравилось

Он кажется смущенным.

— Конечно да, — говорит он со своим заметным акцентом. — Но почему там сказано, что ее написал кто-то другой?

Я вздыхаю и наигранно пожимаю плечами.

— Я не знаю. Мой редактор подумал, что лучше там будет имя нашего штатного автора.

— И кто такой Нил? — у него такой грубый голос, будто он собирается найти Нила и дать ему в глаз.

— Я работаю с ним, — объясняю я, стараясь казаться не задетой этим. — Он редактировал статью. И полагаю, мое имя в качестве автора снизило бы доверие или что-то подобное. Я не знаю. Но раз так, что ж, пусть, зато она вышла. Не хочу лишать вас возможностей.

Он издает звук в знак согласия, быстро кивая, но лицо не расслабляется, тело по-прежнему

напряжено.

— Думаю, лучше было бы, если б она была правдивой. Я не давал интервью сучонку по имени Нил, — голос становится ниже. — Я давал его тебе. Вся слова должна была достаться тебе.

Мое сердце трепещет. Я не знаю, потому ли это что он злится, потому что со мной обошлись несправедливо или потому, что его глаза не могут оторваться от меня. Я чувствую его гнев, его разочарование. Направленные на меня.

— Знаю, — медленно говорю я. — Но я не многое могу сделать.

— Я мог бы поговорить с твоим редактором. Он кажется настоящий

козлиная. Я мог бы вложить в него немного здравого смысла.

Вложить немного здравого смысла или *вбить*? Его челюсти сжаты, он будто вот-вот взорвется. Вопреки всякому здравому смыслу, я протягиваю руку и касаюсь его, лишь на короткое время, кончиками пальцев дотрагиваясь до его запястья.

— Все нормально. Я не должна было ожидать чего-то другого. Я девочка из отдела объявлений. Это моя работа. Ею и останется.

Он шагает ближе, его лицо вдруг оказывается совсем рядом, и он прищуривается, глядя на меня.

— Но я могу сказать, —

говорит он, — что ты этому не очень рада. Так ведь?

Минуту мы смотрим друг на друга, и я не знаю, что происходит, но не думаю, что когда-либо чувствовала такую...поддержку за всю свою жизнь.

Я моргаю, и он отступает.

— Так и есть, — говорит он, наконец, отводя взгляд. — Мы сами решаем что нам делать.

Мой рот кривится в усмешке.

— Ты говоришь как моя мама.

— Тогда у тебя очень мудрая мама, — говорит он, кажется успокоившись. Его глаза оживляются.

— Хочешь тако?

Я обхожу его.

— Да, пожалуйста.

Мы идем вперед и присоединяемся к банде, которая все еще стоит в очереди за едой. Лаклан и Линден приветствуют друг друга быстрым объятием и похлопыванием по спине, в то время как Стеф отводит меня сторону.

— О чем вы разговаривали? — взволнованно шепчет она.

— Просто о статье, — говорю ей, наблюдая за Лакланом. — А что?

Она дергает меня за руку и улыбается.

— Потому что он был абсолютно поглощен тобой. Я думала, он собирается тебя поцеловать.

Я смотрю на нее.

— Снова? Нам сколько лет?

— В точку, — говорит она, откидываясь назад, скрещивая руки и посылая мне «даже не думай» взгляд. — Кэрри и Саманта могут хихикать над мужчинами в Сексе в большом городе, а мы нет? Мы того же возраста. Те же проблемы.

— И я до сих пор Саманта, — со вздохом говорю я, вспоминая как несколько лет назад Стеф, Никола и я напились и несколько дней смотрели шоу. Вымышленные или нет, мы стремились быть похожими на этих девушек. Милые, веселые, беззаботные и живущие в большом городе. Одинокaя жизнь всегда

кажется веселей когда кто-то живет так же.

После того, как Лаклан покупает мне тако, и я изящно воздерживаюсь от любых розовых тако или рыбных тако, мы направляемся к главной сцене, где находится VIP зона.

Такое впечатление, что под этими белыми тентами другой мир. Не только удобные сиденья и целый ряд барменов, смешивающих любые напитки, какие вы бы только не захотели (не бесплатно, конечно), но вам приходится постоянно оглядываться в надежде заметить знаменитость.

Конечно, большинство людей

здесь пускают пыль в глаза, или здесь те, кому просто подарили билеты, так что надежды увидеть кого-то вроде Сэма Смита и Элтона Джона улетучиваются. Мы берем больше напитков – Лаклан выбирает бутылку воды – и идем к трибунам позади тента, которые выходят на поле и главную сцену. С этой точки обзора у нас отличный вид на выступающую группу, и каких-то хипстеров, которые машут в воздухе руками со светящимися палочками.

Я в конце, сижу рядом с Лакланом, и с моей стороны это не случайность. Я игриво пинаю его ногой, и когда он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, я

на минуту ошеломлена тем, насколько его лицо близко к моему. Его красивое, великолепное лицо. Это заставляет мою кровь кипеть.

Я улыбаюсь, прежде чем могу заговорить, стараясь не смотреть на его губы.

— Так ты сказал, что ты меломан, — говорю я, мой рот осторожно двигается. — Какая музыка тебе нравится?

Его брови поднимаются, и я замечаю, что это часть причины, почему он выглядит настолько напряженным. Его зрачки, кажется, всегда чуть расширены, темные и огромные. Они придают интенсивности его взгляду.

— О, разную, — говорит он своим грубым голосом. От подобной близости я чувствую это своим сердцем. — Мне нравятся люди, вкладывающие души. Исполнители. Те, которые могут рассказать историю, даже если она не их собственная. — Он делает паузу и смотрит на толпу, проводя рукой по бороде. — Например, Том Уэйтс. Ник Кейв. Даже Джек Уайт. Классики тоже, старые добрые певцы с голосом, который бьет тебя прямо сюда. — Он бьет кулаком по груди. — Как насчет тебя?

— Я вроде как скучная, — говорю я.

Он хмурится.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, я не такая уж большая поклонница рок музыки, попсы или чего-то подобного. Я просто люблю классику. Композиторов. Что-нибудь со струнными и пианино.

— Это не скучно, — говорит он, качая головой.

— Нет? Что ж, я точно не скажу тебе, что сейчас крутят по радио, — признаю я. — Но я знаю, какая музыка заставляет меня чувствовать.

Он наклоняется ближе ко мне, ставит локти на колени, в его руках бутылка воды. Его бедро касается моего.

— Ты знаешь кто такой Рюити

Сакамото?

— Ой, да ладно, — говорю ему.
— Моя мать японка. Конечно же, я знаю кто это. И даже если бы она ей не была, и она бы не играла саундтрек к фильму Последний император снова и снова пока я росла, я бы все же знала, кто он.

Он одобрительно кивает.

— Я пару лет назад видел его в Эдинбурге. В театре. Удивительное шоу.

— Кончай хвастаться, — дразню я.

Он подмигивает мне и улыбается, и мы возвращаемся к сцене.

Время летит? и фестиваль

разрастается до эпических масштабов. Во время выступления Сэма Смита я чувствую опьянение от еще одного бокала вина, и ловлю себя на том, что покачиваюсь в стороны в такт музыке, касаясь плеча Лаклана. Он такой чертовки твердый, и он не отстраняется.

Уже стемнело, и тут на сцену выходит сэр Элтон Джон, открывая выступление с «Benny and the Jets». Толпа сходит с ума. Я схожу с ума. Невозможно не подпевать каждой песне, и такое чувство, что каждый вокруг тоже подпевает, обнимая друг друга, пьяные и счастливые, объединенные Элтоном.

Вероятно, вино придает мне

храбрости, и когда начинается «Your Song», я наклоняюсь к Лаклану и кладу голову ему на плечо. На секунду он напрягается, и я слышу, как он втягивает воздух. Я молюсь, чтобы он не двигался, не отмахнулся от меня.

Затем он выдыхает и расслабляется. Чувствую, как его борода прикасается к моим волосам, когда он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня сверху вниз. Я закрываю глаза, думая, что могу заснуть прямо здесь. С этой песней, с моей головой на его плече.

Это кажется таким правильным. Как ответ на вопрос, который я никогда не задавала.

Он чуть-чуть сдвигается и обнимает меня за талию, прижимая меня ближе.

Мое сердце стучит, все тело шипит как шампанское. Никогда еще такой простой жест не действовал на меня так сильно как этот. Ничего не могу поделать и улыбаюсь с неподдельной радостью, по-прежнему бормоча слова песни. Я не хочу ничего менять. Хочу, чтоб песня продолжалась вечно, а концерт никогда не заканчивался. Хочу остаться в этом самом месте до скончания веков, с его большой, сильной рукой вокруг меня, прижимающей меня к нему, будто защищая меня от всего остального

мира.

И, по какой-то причине, время, похоже, остановилось. В темноте, с разноцветными огнями от сцены, с этой мелодией, этим мужчиной, время тянется. Какие бы у меня ни были заботы и хлопоты до этого, сейчас они ушли.

Я не одинока.

Так или иначе, мы сидим так, слушая «Daniel», несмотря на то, что эта песня заставляет меня немного прослезиться при мысли о моих братьях. Я чувствую, как большой палец Лаклана трется о мой бок взад-вперед по моей рубашке, медленное, дразнящее движение, которое зажигает огонь где-то внутри

меня.

Посмотри на него, говорю я себе. Поцелуй его. Второго шанса может не быть.

Но я боюсь сделать что-то большее, чем просто прильнуть к нему. Забавно, насколько готова я была сделать следующий ход, но когда теперь у меня есть это, я поняла, насколько оно совершенно. И представив, как я целую его, эта перспектива неожиданно начинает пугать меня. Не уверена, что могу с этим справиться.

Песня заканчивается и начинается «Someone Saved My Life Tonight».

В воздухе что-то меняется.

Лаклан напрягается, медленно, будто просыпаясь ото сна. Я слышу, как его дыхание становится глубже и он сглатывает.

Он внезапно убирает руку и встает на ноги, неуклюже отходя от меня.

— Что случилось? — спрашиваю я его, отодвигаясь, освобождая ему путь, пока он обходит меня и уходит вниз по трибунам. Люди поднимают ноги и двигают вещи, чтобы дать ему пройти, но он даже не смотрит на них, не замедляя агрессивный темп.

Я поворачиваюсь и смотрю на Брэма, сидящего по другую сторону от меня. Он хмурится, наблюдая как

Лаклан уходит.

— Это что сейчас было?

Он просто качает головой.

— Я не знаю. У него такое бывает.

— Ну уж нет, — говорю я, и вытягивая шею, чтобы посмотреть, куда он пошел. Его едва видно, он направляется к воротам, ведущим из VIP зоны. — Пойду, посмотрю. Я тоже встаю.

— Эй, — Брэм тянется и хватается меня за руку. — Просто дай ему побыть одному. Когда он делает так со мной, я просто игнорирую его.

Ну, может, кому-то следует поговорить с ним об этом, думаю я про себя.

— Все нормально, — говорю я, поднимая сумочку, и иду через трибуны, извиняясь перед людьми, которые только что пропускали Лаклана. Я быстро прохожу сквозь толпу, собравшуюся у бара, проклиная свои короткие ноги, не позволяющие мне идти достаточно быстро.

Я вырываюсь из толпы и оказываюсь за VIP воротами. Многие уже покидают фестиваль, пытаюсь избежать столпотворения, которое начнется, когда Элтон закончит выступление, и я паникую, не видя его. Не помогает и то, что на улице темно и горит лишь пара фонарей.

И тут я замечаю его, около

забора, он с толпой идет к главным воротам. Я пробираюсь через людей, пока не оказываюсь на главной дороге, видя, что он идет по ней вниз. Он направляется в сторону океана, в сторону от толпы, и я вспоминаю, что он не очень хорошо знает этот район.

— Лаклан! — зову я, семена вслед за ним.

Он не останавливается, просто продолжает идти, плечи вздымаются, будто он собирается слететь с катушек, и я лихорадочно пытаюсь понять, что может быть не так.

— Лаклан, — еще раз зову я, подходя сзади. — Эй, — протягиваю руку и хватаю его за рубашку. Он

останавливается как вкопанный и поворачивается лицом ко мне, ненормальная, бушующая тьма в его глазах заставляет меня отступить.

Он делает глубокий вдох через нос и ничего не говорит. Неистовство в его глазах говорит достаточно. Здесь звуки концерта приглушенные и далекие, и лишь несколько человек проходят мимо пьяными, петляющими тропами.

— Что случилось? — осторожно спрашиваю я.

Он качает головой и смотрит в сторону, плечи отведены назад, грудь вперед.

— Ничего.

Осмелев, я беру его за руку и

сжимаю. Он смотрит вниз — его теплая, большая рука в моей маленькой, холодной — но не отодвигается.

О тяжело сглатывает.

— Прости, — в конце концов, говорит он, его голос словно наждачная бумага. — Я...на меня порой находит.

— Как и на всех нас? — мягко говорю я, глядя на него снизу вверх, и мечтая, заползти в его мозг и посмотреть что там происходит.

Он наклоняет голову, стиснув губы.

— Не как на меня.

Я предлагаю ему робкую улыбку. Чувствую себя принцессой,

пытающейся успокоить животное, каждое действие должно быть осторожным.

— А ты проверь.

Он, кажется, раздумывает над этим. И наконец, говорит.

— Эта песня.

Я смотрю на него.

— «Someone Saved My Life Tonight»?

Он чешет бороду и отводит взгляд.

— Да.

Я снова сжимаю его руку и делаю шаг навстречу, чувствуя тепло его личного пространства.

— Ты спас чью-то жизнь? — тихо спрашиваю я.

Его глаза порхают на меня, сияя, словно зеленое стекло. Мягкое покачивание головой.

— Нет, — говорит он. Кисло улыбается. — Я этого не сделал.

Я глубоко вдыхаю и знаю, что дальше расспрашивать не стоит.

В кустах позади нас какое-то движение, и Лаклан оборачивается, чтобы посмотреть. Я оглядываюсь, ожидая увидеть очередного нетрезвого человека. Но кусты дрожат, и вдруг из них выскакивают две собаки.

Они обе выглядят тощими и облезлыми. Одна похожа на питбуля, который, должна заметить, пугает меня, а другая потрёпанная

собачонка с длинной, спутанной шерстью. Они смотрят на нас испуганными глазами и бегут вниз по дороге к деревьям, питбуль прихрамывает.

Лаклан смотрит на меня.

— Я должен идти, — говорит он

— Куда?

Он кивает в сторону, куда ушли собаки.

— Туда. Одна собака ранена. — Он освобождается от моей ладони и начинает бежать вниз по дороге.

Я не знаю что сказать. Смотрю за ним и понимаю, что есть два варианта, я могу вернуться к остальным и досмотреть концерт,

хотя, видимо к тому времени, как я вернусь, все уже закончится.

Или я могу пойти за Лакланом, который, кажется, не только проходит сейчас через какой-то сложный период, но и просто бежит за двумя бродячими собаками.

Я выбираю более волнительный вариант.

Глава 9

КАЙЛА

Я бегу за Лакланом, с каждым шагом мои ботинки ударяются об асфальт. К счастью, он оглядывается и замечает меня. Останавливается и хмурится.

— Я иду с тобой, — говорю я ему.

— Серьезно? — спрашивает он, изучая меня. — Я собираюсь за ними. Прямо туда. — Он указывает на лес с высокими эвкалиптами и соснами, которые торчат словно почерневшие копыя на фоне освещенного городом неба.

— Тогда пошли, — говорю я ему.

Он пожевывает губы, все еще рассматривая меня. Затем пожимает плечами, его глаза загораются.

— Отлично.

— Отлично.

Он поворачивается и быстро идет в лес Golden Gate Park, и я

следую за ним по пятам. Я достаю телефон, и даже несмотря на то что батарея почти разряжена, включаю фонарик, чтобы не навернуться. Я знаю, свет от фонарика не помогает Лаклану лучше видеть, но судя по тому, как он пробирается через ветки и листья, не думаю, что он в этом нуждается. Если он настоящий зверь, то может видеть в темноте.

— Не знала, что ты такой любитель собак, — говорю ему, перепрыгивая через поваленное бревно. Опять же, я много чего не знаю о нем.

— Это то, чем я занимаюсь, — говорит он через плечо.

— Типа хобби? — спрашиваю

я, ныряя под ветви.

— Типа работа, — отвечает он.

Мне так хочется, чтоб мои ноги были длиннее, тогда я могла бы идти с ним в ногу, а не пытаться догнать.

— Я думала, что ты играешь в регби.

— Человек всегда должен делать больше, чем одну вещь, — говорит он, и вдруг мы выскакиваем из кустов на одну из многочисленных дорожек, пересекающих парк. Он останавливается и смотрит вокруг, глазами сканируя темноту. Единственный свет исходит от выцветшего ночного неба и моего фонарика, и я стараюсь не светить ему в лицо.

Он глубоко выдыхает и смотрит на меня.

— Дома в Эдинбурге я руковожу одной организацией, — объясняет он. — Я спасаю от плохого обращения собак, питбулей и другие хулиганистые породы, но я никогда не отворачиваюсь от бездомных собак, независимо от породы и нрава.

Я опешила от этой информации.

— Ты занимаешься благотворительностью?

— Да, — он кивает, глядя по сторонам. — Я занимаюсь этим уже несколько лет, с тех пор, как у меня появились возможности и деньги для

этого.

Я не могу в это поверить.

— Почему ты не упоминал об этом в интервью? Это ведь имеет отношение к тому, что делает Брэм.

— Потому что оно было о Брэме. Это его дело, не мое. — Внезапно он показывает мне жестом, чтобы я спокойно стояла на месте. Я задерживаю дыхание, замерев на месте. Слышу какой-то шорох, но не смею поднять фонарик. В темноте блестят две пары глаз.

— Вон там, — шепчет он. — Их нелегко будет поймать. Они боятся.

Он медленно начинает двигаться в их сторону, и я неохотно

следую за ним.

— Разве они не опасны?

— Опасные тут мы, — говорит он. — Пока не докажем им обратное.

— А как мы это сделаем? — спрашиваю я.

— Проявив до хрена терпения, лапочка, — говорит он.

Я ухмыляюсь.

— Я когда-нибудь говорила тебе, что мне нравится, когда ты меня так называешь? — Говорю ему. Не могу остановиться. *Лапочка*. Это так...очаровательно.

Он с любопытством смотрит на меня.

— Разве я называл тебя так раньше?

Я киваю.

Он хмурится.

— Любопытно.

Он не развивает свою мысль и продолжает двигаться вперед в темноте. Я крадусь следом, повторяя его движения, даже если мне интересно как, черт возьми, мы собираемся поймать этих собак. Сейчас поздняя ночь, а они просто продолжают бежать, и парк ведь просто огромен. Если мы не загоним их в тупик, мы можем гоняться за ними до рассвета.

Не то чтобы я жаловалась. Даже принимая во внимание то, что в парке ночью немного жутко, и несмотря на то, что Лаклан говорит,

собаки могут быть бешеными, рядом с ним я все еще чувствую себя в безопасности.

— Подожди здесь, — говорит он мне. — Выключи фонарик.

Я поднимаю телефон, чтобы сделать что велено как раз тогда, когда телефон выключается сам. Батарея только что села.

— Э-э, все, он умер. У тебя есть телефон?

Он не отвечает. Я быстро моргаю, пытаюсь привыкнуть к темноте. Благодаря едва заметному свету от фонарей, я могу видеть, как он движется вперед. Глаза собак блекнут, и я не уверена, смотрю я на них или на что-то другое.

Лаклан перестает идти и теперь еле крадется, листья хрустят под его ногами. Я больше не вижу его. Слышу какой-то шорох, он что-то достает из кармана. А затем начинает говорить тихим, приглушенным шепотом, и я не могу разобрать слов.

Я хочу пойти вслед за ним, но не смею. Такое чувство, что он дрессировщик собак, и я должна стоять так тихо и спокойно, как только возможно. Так что я стою там, наверное, час, хотя, возможно, прошло лишь несколько минут, пока он делает свое дело.

Наконец, я слышу, как он идет ко мне. Он останавливается в

нескольких шагах.

— А теперь мы ждем, — шепчет он. Я хочу спросить его зачем, но он хватает меня за руку и ведет к эвкалиптовому дереву, растущему рядом.

Он садится на землю у основания дерева и тянет меня вниз, чтобы я села рядом. На минуту мне кажется, что он собирается обнять меня, но он этого не делает.

— Так что, мы просто будем сидеть здесь? — спрашиваю я, мое плечо прижимается к его. Начинает холодать, и моя рубашка не очень-то меня греет. Тем не менее, я не жалеюсь. Не хочу, чтоб он думал, что я неженка.

— Да, — тихо говорит он. —
Они скоро придут. В конце концов.

— Что ты делал?

Он поворачивается лицом ко мне.

— Разговаривал с ними на собачьем языке.

Не уверена, стоит мне смеяться или нет. Он серьезно? Не могу понять этого в темноте — не то чтобы я поняла это и при свете. Он ничего не добавляет к своим словам, и это не помогает.

Несколько минут мы сидим в тишине. Думаю, я могу слышать собак на расстоянии, они вроде что-то едят, но я не уверена. Концерт окончен, и хотя вы можете видеть

слабый свет, проникающий сквозь деревья, музыки нет. Мне действительно нужно написать Стеф или Николе и дать им знать, что я в порядке. Они, вероятно, психуют.

— Можно воспользоваться твоим телефоном? — шепчу я.

— Я его забыл, — говорит он.

— Дерьмо, — говорю я. — Мой умер. Вероятно, они беспокоятся обо мне.

— Ты просто ушла?

— Да. Ну, Брэм знает, что я пошла за тобой. Он сказал мне не беспокоиться.

Пауза.

— Понятно.

— Очевидно, что я его не

послушала.

Его лицо придвигается ближе к моему, и я чувствую на себе его взгляд.

— А почему?

— Не знаю, я упрямая. —
Говорю ему, положив руки на колени.
— И я не люблю слушать Брэма.

— Как и я, — осторожно
говорит Лаклан. — Так что теперь
нас двое.

У меня мурашки бегут по
спине.

— И я беспокоилась о тебе.

— Обо мне? — повторяет он.
— Почему?

Я пожимаю плечами, задаваясь
вопросом, сомневаясь, стоит ли

откровенничать.

— Не знаю. Я просто...я хотела убедиться, что ты в порядке.

— Что ж, — спустя минуту говорит он. — Я в порядке.

— Точно? — спрашиваю я. Ожидаю, что ему не понравится то, что я сомневаюсь в нем. Он настоящий мужчина, я не имею права оскорблять его.

Но он просто вздыхает.

— Да. Прямо сейчас я в порядке. Буду чувствовать себя лучше, когда мы заберем этих собак. А завтра, кто знает. Я живу настоящим. Это все, что вы можете сделать.

Что с тобой случилось, хочу спросить я. Что сделало тебя

таким?

Могу я это исправить?

— Ты в порядке? — спрашивает он меня.

— Я? Да.

— И по поводу статьи и вообще?

Я вздыхаю и прислоняюсь к дереву. Борюсь с желанием растереть руки сверху донизу, чтобы сохранить тепло. Но даже без моих слов, Лаклан обнимает меня.

— Тебе холодно? — тихо спрашивает он, его дыхание на моей щеке, хватка такая сильная.

— Да, — признаю я. Мой голос вторит его, боясь разрушить чары. — И нет, по поводу статьи не все в

порядке. Ничуть.

Я пускаюсь в длинную, бессвязную исповедь о своих несбывшихся надеждах и мечтах, выкладывая все в подробностях, абсолютно без страха, что меня осудят или неправильно поймут. Это освежает.

Когда я заканчиваю свою речь, Лаклан ничего не говорит. Он все еще держит меня в объятиях. Я немного придвигаюсь к нему, вдыхая его перечный, лесной запах, и осторожно кладу руку на живот, двигаясь вдоль талии, пока не обнимаю его. Его пресс твердый и жесткий. Прикусываю губу от желания.

— Так почему бы тебе не найти другую работу? — осторожно спрашивает он. — Делать то, что ты действительно хочешь? Нет смысла тратить свои дни, делая то, что тебя не волнует. Тебе дается лишь одна жизнь. Ну, две жизни. Вторая начинается в тот момент, когда ты осознаешь, что у тебя есть только одна.

Я смотрю на него снизу вверх. Он смотрит вдаль.

— Где ты это услышал?

Он быстро улыбается, подмигивая.

— Думаю, я видел эту фразу, начирканную на двери в ванной. Люди становятся философами, когда

идут в сортир.

Я смеюсь.

— Это правда.

— Так почему нет? — Снова спрашивает он.

— Ты настойчив, — говорю я ему, мои пальцы сжимают мягкую ткань его рубашки.

— Все по-честному, — говорит он. — Ты ведь расспрашивала меня. Теперь я могу вернуть должок. Я хочу узнать о тебе больше. — Он говорит последнее слово так, словно оно значит все.

Мое сердце замирает,
согреваясь и радуясь.

— Хорошо, — медленно говорю я. — Правда в том, что я

боюсь. Боюсь, что брошу что-то надежное, привычное и нормальное, и когда сменю это на что-то другое, то облажаюсь. Понимаешь?

Он кивает.

— Понимаю. Но если не попробуешь...ты можешь представить себе, что проводишь остаток жизни, никогда не познав эту страсть? Это тебя не напрягает? Никогда не узнать, что ты из себя на самом деле представляешь? У тебя без сомнения есть талант. И если ты это знаешь, веришь в это и никогда не поделишься этим открытием с остальным миром...что ж, это просто позор.

У него есть эта необъяснимая

способность проникать в душу и понимать, что я чувствую и о чем думаю. Будто я сама не думаю об этом все свое время. Тоска будет сопровождать меня, если я продолжу идти по тому же пути. Шаг за шагом, не оглядываясь, никогда не ища лучший путь.

— Но это не так просто, — говорю ему, крепче держась за его рубашку.

— А что-нибудь когда-нибудь бывает просто?

— Нет, — говорю я. — Просто это...я не хочу, чтоб моя мама беспокоилась обо мне.

— Твоя мама?

Я киваю. Делаю глубокий вдох,

призывая силы.

— Да. Ей семьдесят, и она не слишком хорошо себя чувствует. Ей не хорошо с тех пор, как умер мой отец. Это произошло семь лет назад. Я кажется единственная в семье, кто действительно беспокоиться о ней. Забоится. Все мои братья, у них собственные жизни и у большинства есть своя семья. Они просто не обращают на нее внимания. Они все полагают, что я буду всегда заботиться о ней, словно это моя работа. Но это не моя работа. Я делаю это, потому что люблю маму больше всего на свете, и потому что она заботилась о нас. Я делаю это, потому что она заслуживает гораздо

большого, чем быть вдовой в том же самом доме, где жила вся семья. — Я прерываю свой сбивчивый рассказ, не забывая дышать. — Она счастлива со мной и той работой, которая у меня есть. Она стабильная. Надежная. Я хочу быть для нее надежной и стабильной, насколько могу. Я не уверена, сколько ей осталось, и мысль о том, что я потеряю ее...это добавляет мне беспокойства. Разрушает меня.

Минуту Лаклан ничего не говорит. Далеко на заднем плане слышен пьяный смех, но он исчезает. И ночь продолжается.

— Похвально, — наконец говорит он. — Кайла, ты хорошая

дочь и она это знает. Но я уверен, твоя мать хочет для тебя лучшего. Того, что сделает *тебя* счастливой.

Чувствую, как вопрос горит на моих губах, и я делаю все возможное, чтобы его удержать.

Но он может почувствовать изменения в моем теле. Наклоняет голову, чтобы посмотреть на меня сверху вниз.

— Что?

— Ничего, — говорю я

— Можешь спросить меня, — уговаривает он.

Сглатываю.

— Ты знаешь свою мать? — тихо, затаив дыхание спрашиваю я, опасаясь, что он может взорваться.

Он смотрит на меня, прямо в глаза, и я смотрю в его, едва различимые в тусклом свете. Он медленно облизывает губы, кивая.

— Моя мать оставила меня, когда мне было пять. Она была моей единственной семьей. Хотелось бы верить, что она хотела для меня лучшего. Не думаю, что она понимала, что этот поступок сдает со мной. Каким я стану.

Каким я стану.

Слова эхом отдаются в моей голове, резким и впечатляющим в этой темноте, в этом уединении.

Кем он стал?

Кто этот человек-зверь, которого я обнимаю.

Я больше всего на свете хочу это выяснить.

Я смотрю на него вверх, желая больше, чем он дал мне. Он смотрит в сторону, хмурясь, словно ему больно, голова свисает вниз.

— Знаешь, я никогда и никому не говорил так много о том, что случилось, — хрипло говорит он, от глубины его голоса кожу на руках покалывает.

Я прикасаюсь пальцами к его коже, смакуя ощущения его близости.

— Спасибо, что рассказал мне. Ни одна живая душа не узнает об этом.

Он медленно поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня.

Его глаза глубокие, напряженные бассейны, затягивающие меня. Они предлагают утонуть в них, говоря, что я могла бы даже насладиться этим.

Я безнадежна.

Была такой с первой встречи.

— Я знаю, что ты не станешь никому рассказывать, — бормочет он. — Ты не похожа на остальных. Думаю, ты не похожа на всех тех, кого я когда-либо встречал.

Я поднимаю брови.

— Хочешь сказать, у тебя дома нет распутной, незрелой, громкой подружки?

Это шутка, но он не улыбается.

Он кладет руку мне на

подбородок, приподнимая голову выше.

— Это не ты. Не то что вижу я.

Я хочу сказать, что так и есть, что все остальные видят меня именно такой.

Но хоть раз в жизни я молчу.

Он проводит пальцем по моей нижней губе.

— Я собираюсь тебя поцеловать, — говорит он.

Господи, это, правда происходит на самом деле? Я этого не переживу.

— Пожалуйста, скажи, что ты не шутишь, — шепчу я.

Его пальцы крепче сжимают мой подбородок, и он опускает свои

великолепные губы на мои, на лице все еще хмурое выражение, будто он сам не может в это поверить.

— Никогда не был так серьезен,
— говорит он.

Исходя из того, что я знаю о нем, это говорит о многом.

Я закрываю глаза и спустя сладкую, мучительную секунду, его губы встречаются с моими. Мягкие, невыносимо нежные, и я тону в них, падая вниз, все ниже и ниже в кроличью нору.

Поцелуй такой сладкий, медленный и нежный. Это как нежиться на атласных простынях с солнцем, струящемся по вашей коже. Поцелуй такой успокаивающий, но

он не делает ничего, чтобы успокоить меня.

Он лишь будоражит этих бабочек. Словно позволяет освободить птиц из клетки. Заставляет мой рот открыться и прижаться к его губам, ненасытно, отчаянно, изголодавшись по всему тому, что он, возможно, может дать мне.

Он отвечает мне тем же. Стонет мне в рот, посылая огонь вниз по моей спине, сжигая дотла мои нервы. Его губы влажные и жаждущие, окутывающие мои с нежностью, дикостью и желанием, которое я могу попробовать.

Он зарывается руками мне в

волосы, удерживая меня, его тело поворачивается, прижимаясь ближе к моему. Я крепче хватаю его, притягивая к себе, провожу руками вверх-вниз по его бокам, чувствуя его напряженные мышцы. Проскальзываю пальцами под рубашку, его кожа мягкая и теплая под моей лаской.

Кончиком языка он дотрагивается до моего, и я теряюсь в нем. Мне наплевать, что броня вокруг моего черного, ожесточенного сердца, с каждым страстным поцелуем, каждым глубоким, медленным прикосновением моих губ к нему, слабеет.

Чувствую себя так, будто меня

целуют впервые. Этот поцелуй стирает каждого мужчину, который когда-то встречался на моем пути. Он словно нажал кнопку перезагрузки

Это самый лучший поцелуй, который у меня когда-либо был.

И кажется несправедливым, что лучшие губы в мире через неделю покинут меня.

Он ненадолго отрывается, его губы соскальзывают с моих и медленно двигаются вниз по моей челюсти, покусывая, посасывая, пробуя на вкус. Его грубая борода щекочет мою кожу, воспаляя желание. Хватка в моих волосах крепнет, удерживая меня, и горячий рот останавливается у моей шеи,

пока он рвано дышит.

Я стону, не в силах помочь себе, прижимаясь к нему, моля, чтоб он поглотил меня. Между нами такой огонь, такая напряженность, и я не знаю, как я смогу когда-нибудь оторваться от него. Я так сильно хотела его и теперь, когда его губы целуют мою шею, и он так крепко держит меня, что я могу почувствовать его собственную жажду, не уверена, смогу ли я когда-нибудь остановиться.

Звуки шороха из кустов рядом с нами возвращают меня назад в туманную реальность.

Лаклан отстраняется, тяжело дыша и удерживая мое лицо в руках,

его глаза ищут мои. Он медленно поворачивает голову и смотрит в сторону от нас. Я хватаю ртом воздух, губы все еще пульсируют от его поцелуя, и следую за его взглядом.

Из кустов на нас смотрят глаза. Я замираю, но Лаклан шепчет хриплым голосом:

— Тсс, тсс, все хорошо. — Он медленно встает на корточки, и я отодвигаюсь, чтобы дать ему больше места. Он поворачивается и смотрит в кусты в глаза, надеюсь собачьи, и достает что-то из кармана.

— Вам понравилось? — мягко спрашивает он их. — Вот держите.

Бросает что-то в кусты.

Глаза подходят ближе, челюсти хрустят, поедая то, что он дал.

— Ты везде носишь с собой еду для собак? — шепчу я, но он мне не отвечает.

Он воркует с собаками, что-то снова подбрасывая им, и медленно движется к ним, как можно ниже удерживая свое массивное тело.

Я прищуриваюсь, пытаюсь наблюдать за ним в темноте. Я немного обеспокоена тем, что собаки могу напасть на него. В то же время я проклиная их за то, что помешали нам в такой момент.

— А теперь полегче, — говорит он, снимая ремень. — Тише, тише.

Он собирается использовать

свой ремень в качестве поводка? Этот парень что, супергерой для собак?

Он медленно крадется к ним, приглушенно нашептывая успокаивающие слова, пока, наконец, медленно не поднимается.

— Так, — говорит он мне. — Один у меня.

Я встаю, отряхивая грязь с попы, и всматриваюсь в него. Рядом с ним собачья тень, а его ремень опоясывает шею собаки. Хоть собака и напряжена, ей немного не нравится этот импровизированный поводок, меня поражает то, что она не пытается сбежать.

— Как ты это сделал? — с

восхищением спрашиваю я.

— Использовал ремень. Он все равно мне немного большеват.

— Нет, — говорю я. — Я имею в виду все это. Как ты заманил их сюда?

Он осторожно похлопывает по карман своим штанов, и собаки смотрят туда. И тут я замечаю, как другой бездомный пес медленно приближается, привлеченный шумом.

Лаклан тянется к карману и вытаскивает то, что выглядит как вяленая говядина.

— Я всегда ношу с собой еду, просто на всякий случай.

— Куда бы не отправился? На

случай, если встретишь бездомную собаку?

— Да, — спокойно говорит он, будто это совершенно нормально.

— Я указываю на другую собаку.

— А что насчет этой?

Он бросает взгляд на потрепанную собачонку, которая стоит рядом с привязанным питбулем. Он протягивает обеим собакам еще вяленого мяса, и они принимают его, одновременно и желая и осторожничая.

— Этот последует за альфа

— Разве не ты альфа? — спрашиваю я.

— Буду к тому времени, как

закончится ночь.

Боже, да он может быть альфа в любое время когда захочет. Даже учитывая, что рядом с нами собаки, я с трудом могу забыть, что всего несколько минут назад мои губы сливались с его и я потерялась в том, что он давал мне. Мне нужно больше. Этого поцелуя недостаточно.

Но сейчас он занят. Холодный, влажный ветер, пропитанный туманом, обрушивается на меня, и я складываю руки на груди.

— Снова опускается туман.

— Сейчас мы пойдем, — говорит он.

— Куда? В приют?

— Черт, нет, — резко говорит

он. — Если я это сделаю, их через пару дней усыпят.

Очевидно, я мало знаю об этом.
— Правда? Почему?

Потому что приюты в любом городе перегружены. Там для них просто нет места, и эти двое такие скромняги. То, что один из них питбуль, не помогает. Их просто никто не возьмет. Не даст им новый дом. Их убьют.

Я с беспокойством сглатываю.

— Это ужасно. Прости, я и понятия об этом не имела.

— Большинство людей не подозревают об этом, — говорит он, глядя на собак. — Так что я беру их домой.

— Домой? В Шотландию?

— Для начала заберу их в свою квартиру здесь и на неделе попытаюсь найти для них дом. Если мне это не удастся, они полетят со мной домой.

Господи. Я сражена размерами сердца этого человека.

— Кто ты? — не могу не прошептать я.

— Просто человек, — отвечает он. — Пошли.

Он поворачивается и уходит в темноту, питбуль тянет ремень, но неохотно следует за ним, прихрамывая. Лохматая собачонка семенит за ними.

— С ним все будет хорошо? —

спрашиваю я.

Лаклан смотрит на собаку.

— Он, кажется, не сильно пострадал. Завтра отведу его к ветеринару.

Я иду по другую сторону от Лаклана, стараясь не обращать внимания на собак, которые следуют за ним. Черт, не могу винить их. Я бы тоже пошла за ним, дал бы он мне еду или нет. Имею в виду, я ведь полагаю, сделала то же самое, когда он убежал в лес.

Он продолжает разговаривать с ними своим низким голосом, и мой мозг безумствует. Трудно сказать сколько, или даже в каком направлении мы сейчас идем.

Интересно, черт возьми, как он собирается добрать до дома, не говоря уже обо мне. Я задаюсь вопросом, стоит ли мне поднимать вопрос о том, чем мы занимались совсем недавно. На всякий случай, если он уже забыл об этом. Потому что я чертовски уверена, что я нет.

Наконец, мы видим, как редуют деревья, видны здания и огни. Дорога Линкольн Вей тянется по краю парка и здесь еще несколько компашек любителей музыки, разбросанных вдоль тротуара.

— Кажется, здесь достаточнолюдно, — говорит Лаклан, когда мы приближаемся к остановке в нескольких метрах от дороги. —

Здесь ты можешь вызвать такси. Тебе нужны деньги?

Я тупо смотрю на него.

— Нет. А ты куда?

Он головой кивает на улицу, которая исчезает в центре города.

— В такси с собаками меня не пустят.

— В Uber возможно пустят.

Он поднимает бровь.

— Для того чтобы воспользоваться ими, тебе нужен телефон, да?

— Так что, ты просто пойдешь пешком? — недоверчиво спрашиваю я. — Тебе ведь придется пройти не одну милю. Через весь долбаный город. На это уйдет несколько часов.

Он пожимает плечами.

— Хорошо. Прогулка даст мне больше времени, чтобы получше узнать собак. Если с лапой питбуля станет хуже, я позабочусь о нем. Если он мне позволит.

Я знаю, что смотрю на него, как на сумасшедшего, но ничего не могу с собой поделать.

— Не безопасно ходить по улицам поздно ночью, — замечаю я.

Он потирает бороду и дарит мне небольшую улыбку.

— Послушай, лапочка, я могу с этим справиться. — Он смотрит вниз на собак. — Плюс ко всему, со мной питбуль. Уверен, меня будут обходить за версту.

Факт остается фактом, даже тот, кто ищет проблемы, обойдет его стороной. Эта гора мышц, суровый взгляд диких глаз предупреждают всех, чтобы держались подальше.

Всех кроме меня.

— Я пойду с тобой, — говорю я ему.

Он качает головой.

— Ты только что сказала, что это долгий путь.

Я скрещиваю руки и пытаюсь встать в позу.

— Верно, но ты так просто от меня не избавишься.

Где-то вдали воет сирена. Лаклан отводит взгляд, жуёт нижнюю губу. Я бы все отдала, лишь

бы снова пожевать эту губу. Наконец, его глаза скользят ко мне, в них светится изумление и нежность.

— Хорошо, — говорит он. — Если это то, чего ты хочешь.

— Ага.

— Ты действительно это нечто, да? — Он делает шаг ближе ко мне. — Адски упрямая.

Я ухмыляюсь, глядя на него, и моя ухмылка расширяется, когда он протягивает руку и хватает меня за руку, сжимая ее.

— Пойдем? — спрашивает он.

Я сжимаю его руку, моя ладонь прижата к его, кожа к коже, электричество потрескивает на моей руке. Не знаю, когда я стала

человеком, который считает поцелуи и прогулку за ручку безумно эротичным, но это так. Все из-за него.

Взявшись за руки, мы идем через весь город.

И я постоянно говорю.

О маме.

Братьях.

О моем отце.

Бывшем женихе.

И работе.

Он внимательно слушает каждое слово, выходящее из моих уст. Это такое удивительное чувство, быть на самом деле услышанным. Более того, кажется, он меня понимает.

Мы проходим мимо сомнительных личностей, но Лаклану достаточно лишь посмотреть на них, и они отворачиваются от нас. Идем через парки, где он видит других бездомных собак, и это разбивает его сердце — и мое — что он не может спасти их все. Шагаем через кварталы неприглядной городской жизни, и Лаклан кажется более непринужденным, чем когда-либо. Он насторожен, но спокоен, даже когда мы проходим мимо окраины опасного района Тендерлойн. И я чувствую себя в безопасности.

Собаки все время идут рядом, Лаклан подкармливает их вяленным

мясом из другого пакетика, за которым я сбегала в 7-11. Кажется, они чувствуют себя спокойнее, и Лаклан говорит, судя по всему, у них когда-то был дом, и поэтому найти новый для них будет проще.

Когда мы доходим до его дома, мои ноги гудят, и небо на востоке, кажется, светлеет. Я надеюсь, что это мне лишь кажется, потому что мне все равно придется идти на работу, когда встанет солнце.

Я надеюсь, что рассвет никогда не наступит.

Хочу, чтобы ночь продолжалась вечно.

Приходиться	немного
побороться,	чтобы затащить

лохматую собаку внутрь, тем более учитывая, что мы пытаемся не привлекать к себе внимание — Лаклан не уверен, можно ли держать животных в этом здании. В конце концов, он снимает свою футболку и оборачивает один из длинных рукавов вокруг шеи собаки, пока мы не попадаем в дом.

По крайней мере, полагаю, он делает что-то подобное, потому что я с открытым ртом таращусь на его тело без футболки. Я даже не тружусь отвести взгляд. Я устала и не спала, но вид всех этих мышц, этих татуировок для меня словно энергетик.

Но если Лаклан и замечает, что

я отчаянно пялюсь на него, он этого не показывает. В конце концов, мы поднимаемся на лифте, собаки нервничают, и входим в его квартиру. Он тут же ставит для них миску с водой, в то время как они бродят вокруг и все обнюхивают. Он снова надевает футболку — черт побери — и начинает рыться на кухне.

— Я могу чем-то помочь? — спрашиваю я его.

Он качает головой и достает из холодильника сырой фарш.

— Повезло, что я ем много белка, — говорит он, раскладывая мясо в чашки и ставя их вниз. — Этого должно хватить.

Собаки с опаской обнюхивают

еду, а затем начинают быстро есть.

Я наблюдаю за Лакланом, как он смотрит на них сверху, сложив руки на широкой груди с тихой улыбкой на губах. Глаза светятся, уголки глаз слегка изогнуты. То, как он смотрит на собак, полностью отличается от того, как он смотрит на кого-то еще, в том числе и на меня. В этом взгляде настоящая любовь.

Я готова умереть за такой взгляд.

Успокойся, безумные глазки, быстро делаю себе замечание. Один поцелуй и ночь, держась за ручки, и ты думаешь, что собираешься замуж за этого парня.

Мне даже не приходится напоминать себе, что на следующей неделе он уезжает.

Словно почувствовав мой взгляд, Лаклан смотрит на меня.

— Полагаю, я должен вызвать тебе такси.

— О, да, хорошо. — Я осматриваюсь в поисках часов и замечаю их на стене. Уже 4:05 утра. Святое дерьмо. Мне через *три* часа надо быть на работе.

Он выглядит извиняющимся и берет свой телефон, который заряжается на стене.

— Время летит, когда гуляешь по Сан-Франциско.

Он делает звонок и говорит

мне, что такси в пути.

Я указываю на собак, которые обнюхивают кухню.

— Вы с этими ребятами будете в порядке?

— Да. Пойдем, я провожу тебя до двери.

Он открывает для меня дверь, и мы направляемся вниз по коридору. Мы оказываемся в лифте и без собак здесь как-то неловко. Мы не говорим, и я не уверена, о чем нам стоит говорить. Я хочу сказать ему так много. Даже больше, чем хочу сделать.

Так много, много вещей.

Когда мы стоим на улице, я смотрю по сторонам, ища глазами

такси. Я хочу смотреть на него. Хочу выпить его словно стакан холодной воды. Но я так напряжена и устала, что боюсь, сделаю что-нибудь глупое.

— Спасибо, — говорит он мне, когда я, наконец, встречаюсь с ним взглядом.

— За что?

— За то, что была там, — говорит он. — Ночью. Было приятно не делать все это в одиночку. — Он делает паузу, облизываясь. — Иногда...одиночество это проклятье.

Боже. Я это знаю. Я чувствую эти слова сердцем. Мое горло сжимается от вспышки странных эмоций.

Он тянется рукой к моему лицу, задевая мою скулу своими грубыми пальцами. Брови сходятся вместе, и он открывает рот, будто хочет что-то сказать. Я задерживаю дыхание, выжидая и нуждаясь.

Подъезжает такси и сигналист, заставляя меня подпрыгнуть. Лаклан убирает руку.

Я смотрю на таксиста своим убийственным взглядом, разочарованно вздыхая.

Грубиян.

Смотрю обратно на Лаклана, желая вернуть момент.

— Итак, — говорю я, подыскивая слова.

— Итак, — говорит он. — Мы

должны выпить кофе на неделе. То есть, если ты хочешь.

— Кофе было бы отлично, — говорю я.

Хотя член был бы лучше.

Он наклоняется вперед и нежно целует меня в губы.

— Скоро увидимся, лапочка.

Гребаный. Восторг.

Когда такси, наконец, привозит меня домой, я, шатаюсь, добираюсь до кровати и падаю на нее, в последний момент вспоминая, что необходимо поставить будильник. Утром я буду чувствовать себя полной развалиной. И у меня даже не было секса.

Но, Боже, это абсолютно точно

СТОИЛО ТОГО.

Я знаю, что засыпаю с улыбкой на лице, потому что, когда несколько часов спустя, звонит будильник, я все еще улыбаюсь.

Глава 10

ЛАКЛАН

Во сне мне снова пять лет. Я в одиночестве иду вниз по Принцесс-стрит в Эдинбурге, абсолютно голый, с неба падает снег. Все вроде бы так же, но все же по-другому. Наркоманы, мимо которых я иду, мои друзья. Я вижу Эдди с его перчатками без пальцев, ногти толстые и желтые от никотина. Вижу Томаса и его

браслеты трезвости, которые он никогда не снимает, несмотря на то, что слишком пьян, чтобы стоять. Вижу Дженни с шелушащейся кожей и спутанными волосами, которые удерживает клетчатый ободок.

И они видят меня. Но они не машут мне, не улыбаются. Они кричат, когда я прохожу мимо, пока шум не становится слишком громким, пока от их криков моя голова не начинает пульсировать.

— Где Чарли? — орет Эдди, из его гниющего рта вылетает плевков. — Где он? Что ты с ним сделал?

Я не отвечаю. Я бегу по снегу и оказываюсь в своей старой квартире.

Мне больше не пять.

Мне тринадцать. Высокий, худой, недоразвитый. Мой гнев только начинает пожирать меня и мир это яд. Мистер Арнольд загнал меня в угол в старой спальне моей матери. Она лежит на кровати глядя в потолок, будто меня там нет.

Она не спасла меня, когда мне было пять, не спасет и теперь.

Я стою лицом к стене, мне слишком страшно, слишком противно смотреть на своего приемного родителя, который приближается ко мне с вытянутыми жадными руками.

— Не говори Памеле, — говорит он, голос сочится вожделением. — Это наш секрет.

Его руки приближаются к моему горлу, но я не оборачиваюсь.

Я плачу.

Я еще не научился давать отпор.

А когда научился, его отправили в больницу.

Его жена Памела говорила, что я дурное семя. И я заставил ее мужа делать это со мной.

И меня снова отослали.

Теперь я в детском доме Hillside.

Мне двадцать.

Мои костлявые руки покрыты царапинами.

Я расчесываю их еще больше.

Я умираю изнутри.

Мои зубы шатаются, выпадают
из моего рта словно сахар.

Напротив меня, за столом
директора школы сидит Чарли.

Спиной ко мне.

Он не шевелится.

Он до сих пор смертельно
опасен.

— Чарли, — шиплю я на него.
— Чарли, у тебя есть что-нибудь?

Но Чарли не двигается.

Мои конечности резко,
неконтролируемо дергаются.

У Чарли есть то, что мне надо,
чтобы остановить это.

Жажда.

Боль.

Пустота.

Все, что сидит глубоко во мне.

Я кладу руку — призрачно белую и всю в синяках — на его плечо и поворачиваю его в кресле.

Он смотрит на меня мертвыми, остекленевшими глазами, из носа течет кровь.

Она капает на чучело льва, которое он держит в руке.

В тот же миг, он двигается. Чарли у меня перед носом. Пустые глаза. Оскал гниющих зубов.

— Ты ведь не оставишь меня здесь, — произносит он, звуча как ребенок. — Ты не можешь этого сделать, Лаклан.

В следующий момент я лежу в переулке.

Чарли падает рядом со мной.
Одна из собак обнюхивает его лицо.
Облизывает его. Чарли не
шевелиться.

Чарли мертв.
Я закрываю глаза.
И я тоже мертв.

Когда я просыпаюсь, я весь в
поту и цепляюсь за простыни.
Дыхание неглубокое, и я отчаянно
нуждаюсь в воздухе, словно он может
уничтожить всю грязь внутри меня.

Я чувствую запах мочи. На
минуту я думаю, что это я обмочился
— ну надо же, какая регрессия — но

потом я вспоминаю о собаках.
Вспоминаю прошлую ночь.
Вспоминаю где я.

Кто я.

Сажусь и пытаюсь прийти в себя. Мне несколько месяцев не снился этот сон, и его возвращение выбивает меня из колеи.

Глубоко вдыхая, я опускаю ноги с кровати и вздрагиваю, когда они приземляются во что-то влажное. Я стону и смотрю вниз, чтобы увидеть бледно-желтую лужу. Интересно, кто из них это сделал. Я сказал Кайле, что у них, должно быть, когда-то был дом, но это не значит, что они приучены к лотку.

— Привет, — мягко зову я, идя

к двери и выглядывая в гостиную. Одна кучка дерьма на ковре, другая на кухне.

Обе собаки спят на диване в обнимку друг с другом. Это зрелище компенсирует тот факт, что я окажусь в дерьме, если позволю им по-прежнему уничтожать это место.

Я завариваю кофе и рассеянно трогаю царапину на моей руке, неудачное последствие сна. Убираю руку и заставляю мозг переключиться на что-то хорошее. Прошлой ночью я спас этих собак. Теперь у них есть надежда, надежда, которую им дал я.

Но конечно это не единственное, что случилось

прошлой ночью.

Кайла.

Эта крошечная фея.

Я поцеловал ее.

Я боролся и боролся против
этого, снова и снова.

Но я ничего не мог поделать.

Она словно омут.

А я просто мужчина без весел.

И она...проклятье, она задолго
до прошлой ночи начала забираться
мне под кожу. Я думаю о ней с того
импровизированного матча по регби,
с тех пор, как она ушла из моей
квартиры в моей одежде, с тех пор
как увидел ее в баре. То, как она
смотрит на меня...это не только
потому, что она хочет меня, я знаю,

что это так. Это потому...я чувствую, что она может видеть самого меня. Под слоями.

Не то чтобы она смогла когда-нибудь увидеть все. Но того, что кто-то скребется на поверхности, желая увидеть больше меня, уже достаточно.

Охрененно страшно. Но достаточно.

Суть в том, что она великолепная дикая штучка. Эти глаза, которые умоляют меня рассказать ей все свои секреты, умоляют меня сделать с ней что-нибудь. Эти глаза, обещающие, что я никогда не забуду ее, если дам ей шанс.

Прошлой ночью я дал ей шанс.

Но я сделал это не для нее.

Я сделал это для себя.

Потому что чертовски
нуждался в этом. Мне нужно было
это прикосновение, это ободрение.

Надежда. Где-то там была
надежда.

Я чувствовал надежду, когда
обнял ее, будто она проникала в
меня.

Надежда сильнее смерти.

Это написано на моем боку.

Я сделал ее через несколько лет
после Чарли, как напоминание
самому себе, почему я очистился и
как двинулся дальше.

Или, по крайней мере, пытался.

Такое чувство, что Кайла эта надежда для меня, хотя я знаю, насколько глупо думать так о девушке, которую я едва знаю. Но сейчас приятно иметь хоть проблеск надежды.

Конечно, когда началась эта чертова песня, меня отбросило обратно в реальность. Кем я был и как все это началось. Происшествия. Драки. Уродливая гребаная правда.

Это не вяжется с настоящим.

Я запаниковал. Встал и ушел, чтобы скрыться от песни, убежать от прошлого, которое любит приходить ко мне одинокими ночами. Каждую ночь. Но ему не место рядом с ней.

Я понятия не имел, что она

пойдет за мной, и когда впервые услышал, как она зовет меня, мой желудок сделал сальто. А потом она оказалась рядом со мной, волосы растрепались от бега через толпу, лицо покраснелось.

Она пришла за мной.

Она беспокоилась обо мне.

Не могу вспомнить последний раз, когда кто-то обо мне беспокоился. Каждый знает, не стоит беспокоиться, не стоит задавать вопросы. Лаклан одинокий солдат, говорят они. Он выжил. С ним все будет в порядке.

Но эта девушка, эта женщина с улыбающимися глазами и дразнящими губами знала, что я не

был *в порядке*.

И когда она захотела пойти со мной за собаками, в темный лес, что ж, вашу мать. Она ничего не боялась. И отнеслась к этому так же серьезно, как и я.

И с той же решимостью я мог целовать ее всю ночь. Ее губы, ее рот, тепло ее языка — мы подошли друг другу как замок и ключ. Мне больше всего на свете хотелось уложить ее на спину посреди той грязи и листьев, изучить ее тело руками, зубами, языком и почувствовать всю ее в темноте. Ее тело обещало отправить меня далеко-далеко. Я хотел вытрахать из себя всю войну.

Должен признаться, я хотел

Кайлу сильнее, чем кого-либо.

Естественно, ничего не произошло. Не могу сказать, что разочарован, потому что, в конце концов, я спас собак. И почти заполучил девушку. Спокойствие. Время еще есть. Меньше, чем через неделю я лечу обратно в Эдинбург, готовый приступить к тренировкам, посветить всю свою жизнь регби.

Но время все еще есть.

Правда?

К тому времени, как собаки зашевелились, я убрал их дерьмо и поставил для них размороженный фарш. У меня в шкафу есть пара ошейников – знаю, Кайла думала, что странно быть таким

подготовленным, но я всегда нахожу бездомных собак — так что я надел на них ошейники и сделал поводки из веревки.

Мы идем на быструю прогулку. Питбуль по-прежнему упрямится на поводке и, кажется, уклоняется от громких звуков и резких движений. Но если добавить немного любви и пройти начальный курс дрессировки, для кого-то он будет хорошим домашним животным. Я могу сказать это по глазам. Глаза собаки не лгут. Собака не лжет. Если вы видите в них хорошее, значит, оно там есть. Прошлой ночью, когда я чистил его лапу, найдя строительный мусор в его ране, которая стала причиной

хромоты, он посмотрел на меня с благодарностью. Я почувствовал это внутри, глубоко-глубоко.

Меньшая собачонка, помесь терьера, более хрупкая. Она не отходит от питбуля и до сих пор не слишком мне доверяет. Она научится со временем, и у меня такое чувство, что она вернется со мной в Эдинбург. Я видел очень много собак как она, собак похожих на меня. Ей нужен кто-то вроде Лионеля, чтобы освоиться. Лионель покажет ей что да как, он всегда так делает.

Я отвожу их обратно в квартиру, а затем отправляюсь в ближайший зоомагазин. Сегодня странно холодно, погода здесь еще хуже, чем в

Шотландии летом, и я засовываю руки в карманы куртки, поднимаю воротник и, ссутулив плечи, иду через неблагополучные районы.

Я никогда не чувствую страх или отвращение или жалость к этим людям — бездомным, наркоманам, неудачникам. Я был на их месте. Я знаю, каково это. Знаю слишком хорошо. Все, что я чувствую это надежда и безнадежность, ошеломляющее сочетание. Надежда, что в один прекрасный день они придут к этому, пойдут по иному пути и решат для себя, что пора подняться и взять себя в руки, чтобы жить.

А во мне лежит безнадежность.

Потому что нет ничего, что я могу сделать для них. Каждое решение по улучшению вашей жизни должно исходить от вас, а не от кого-либо еще.

А затем эта ужасная, горькая правда вырастает в вас, в вашей темноте, как плесень. Правда о том, что вы никогда не будете свободны. Никогда не забудете те сладкие песни, которые утащили вас вниз и поставили на колени. Как только вы увидели, насколько далеко можете погрузиться, вы точно узнали, как низко можете пасть. Эта правда сковывает вас. Она таится за каждой мыслью, каждым действием.

Иногда напоминание о том, кем

вы были раньше неизбежно.

Когда я возвращаюсь домой, мои пакеты набиты кормом для собак, лакомствами, поводками, я нашел местного ветеринара и записал их на прием завтра. Лапу питбуля надо осмотреть – и он не кастрирован, и я не уверен, что терьер стерилизована. Обе эти вещи надо сделать до того, как у них будет новый дом.

Я сажусь на пол и трачу час, находясь там, просто наблюдая за ними, пока не звонит мой телефон. Я бросаю им обратно игрушку конг, которую купил для них, и питбуль с радостью бросается за ней, затем поднимаюсь, чтобы ответить на

телефон.

Это Брэм.

— Да? — говорю я в телефон.

— Что, черт возьми, случилось с тобой прошлой ночью? — спрашивает Брэм. — Ты просто смылся, и мы не могли тебя найти. И Кайлу мы тоже не могли найти.

— Пошел прогуляться.

— Ты всегда гуляешь, — говорит он. Он прав. Джессика — моя приемная мать и тетя Брэма — всегда говорит, что у меня слишком много беспокойной энергии и мне нужно продолжать избавляться от нее.

— Никола говорила с Кайлой? — спрашиваю я. Я еще не писал ей. Я все утро дискутировал с собой по

этому поводу.

— Да, она писала ей. Кайла говорит, ты нашел собак и взял их домой?

— Да, — я смотрю на них прямо сейчас. Прочищаю горло. — Слушай, извини, я оставил телефон дома, а ее телефон умер, так что мы не могли позвонить вам.

Брэм вздыхает.

— Хорошо. Ну...вы пропустили конец большого концерта.

Полагаю это подначка по поводу VIP-билета.

— День был фантастическим. Спасибо тебе, приятель.

— Не пойми меня неправильно, Лаклан, — говорит он,

— но...

Я тяжело вздыхаю

— Что?

— Я беспокоюсь о тебе. Когда ты делаешь что-то подобное. Просто уходишь.

От этого замечания моя челюсть напрягается.

— О чем точно ты беспокоишься?

Он делает паузу.

— Знаешь, — тихо говорит он.
— Пока ты здесь, я чувствую за тебя ответственность.

Я крепко сжимаю телефон, чувствуя прилив гнева, который проходит сквозь меня, расплавленный и горячий.

— Мне, бл*дь, тридцать два года, Брэм. Я здесь чтобы помочь твоей заднице, а не чтобы нянчиться. Ты можешь думать, что знаешь меня, но это нахрен не так.

— Знаю, знаю, — быстро говорит он. — Прости. Хорошо? Извини.

— Ладно, — бормочу я. — Я лучше пойду.

— Подожди, — говорит он. — Просто напоминаю тебе о сегодняшнем вечере

Я хмурюсь.

— Сегодняшнем вечере?

— С Жюстин.

— О, охренеть, твою мать. — Я прижима кулак ко лбу. — Это

сегодня?

— Сегодня понедельник, и это единственный шанс, который у нас есть, Лаклан. Пожалуйста, не отказывайся. Нет ни единого шанса, что Никола позволит мне занять твое место, и я уверен, Жюстин не захочет меня там видеть. Там ждут только тебя.

Кайла. Я думаю о Кайле. Будет ли ей дело до этого? Стоит ли вообще упоминать об этом?

— Сегодня я действительно не чувствую что общение это мое, — говорю я, хотя знаю, это бесполезно. — Особенно с людьми, которые будут там.

— Лаклан, — говорит Брэм. —

Ты на следующей неделе уезжаешь. Просто сходи, выпей, познакомься с ее отцом и расскажи ему обо всем. Это все, что ты можешь сделать и это наша последняя попытка.

— Как насчет... — затихаю я, потирая нос.

— Как насчет чего?

— Ничего, — отвечаю ему. — Хорошо, я сделаю это. Я пойду. Но как только пойму, что все сделано, я уйду.

— Хорошо, — говорит он. — Мы будем в Lion, так что ты можешь позже прийти прямо туда.

— Конечно, ты там будешь.

Вешаю трубку.

И с этой беспокойной энергией

я беру собак и иду на прогулку.

Я сижу на Джайантс Променад и смотрю на лодки в гавани, одна собака на скамейке рядом со мной, вторая у моих ног. Я решаю дать им имена. Питбуль Эд. Терьер Эмили. Я люблю давать собакам человеческие имена. Это уважительно по отношению к ним. Это говорит им, что они одни из нас и нам напоминает об этом же.

Я много раз достаю телефон из кармана куртки, смотрю на него. Думаю о то, чтобы связаться с Кайлой. Спросить как она. В порядке ли она. Хочу упомянуть, что увижусь с Жюстин, и что это ничего не значит.

Но я этого не делаю. Потому что боюсь, что ее ответом будет «Ну, ты можешь встречаться с кем хочешь» или «Это нормально, ты ничего не обязан мне объяснять» или даже язвительное «Почему ты мне это говоришь? Я хочу сделать все правильно, но я не создан для этого. Мы с Кайлой не вместе, а я уже веду себя как я. Неверное время вводить ее в заблуждение прямо сейчас. Или в любое время.

В итоге мы с собаками идем обратно в квартиру. Я все время занят. Иду на пробежку. Иду в тренажерный зал на первом этаже. Сажу в интернете, пытаюсь найти спасательную службу, которая могла

бы найти дом для Эда.

И узнаю подробности о вечере с Жюстин. Все в силе. Она подъедет на лимузине к семи часам. Так что я иду в душ. Укорачиваю бороду до минимума, прилизываю волосы, надеваю черный костюм и галстук. Он выглядит на мне совершенно неестественно, и лишь намек на мою татуировку на ключице - *nunquam iterum* (прим. пер. никогда снова - перевод с латинского) — которая напоминает мне что это все еще я. Большой плохой волк в овечьей шкуре.

К счастью вечер не так ужасен, как я предполагал. Я до сих пор чувствую себя не в своей тарелке.

Ненавижу общаться с подобными людьми, теми, кто сидит наверху и бросает камни вниз. Но порой я могу делать бесстрастное лицо. Я хорошо играю. С Жюстин. С близкими друзьями ее отца. С ее отцом. В костюме и галстукe я выгляжу достаточно респектабельно, чтобы обмануть их всех, и когда я говорю о проекте Брэма, о концепции Брэма, я убедителен. Я рассуждаю серьезно, и это работает. Потому что я верю в это, и хочу, чтоб они тоже поверили.

Где-то после девяти часов, я отвожу Жюстин в сторону и шепчу на ухо.

— Как думаешь, я справился?
Только честно.

Она застенчиво улыбается и проводит пальцами по галстуку, притягивая меня ближе.

— Думаю, ты продал им проект. Не удивлюсь, если он проинвестирует его.

Не в силах сопротивляться, я улыбаюсь ей.

— Хорошо.

Она не отпускает мой галстук.

— Хочешь бокал шампанского?

— Нет, — говорю я ей, — Я в порядке. На самом деле, я должен идти.

Она надувает губы.

— Почему?

— Собаки, — отвечаю я, теребя ухо. — У меня есть собаки. Если я не

выведу их на прогулку, они все уделают.

— Когда ты завел собак?

— Вчера, — говорю я. — Я спас двух бродячих собак.

Она гримасничает. Эта та реакция, которую я и ожидал.

— Бродячих собак? Ты взял двух бездомных собак и поселил их у себя?

Я пожимаю плечами.

— Это наименьшее, что я мог сделать.

— У них мог быть блохи. Бешенство. Кто знает, что у них могут быть за болезни?

— Им нужна была моя помощь.

Она отпускает мой галстук, но

старается выглядеть милой, натянуто улыбаясь мне.

— Хах. Что ж, ну разве ты не великодушный мужчина.

— Кто-то должен быть, — говорю я, мой голос становится резче.

— Полагаю, — говорит она, отходя от меня на несколько шагов. — Миру нужно больше таких людей, как ты.

Я поднимаю бровь.

— Думаешь? — Я слышу неискренность в ее голосе. Так говорят люди, которые на самом деле не верят в свои слова. Они говорят это для того, чтобы выглядеть так, будто им есть дело.

Она делает глоток шампанского и начинает смотреть по сторонам в поисках кого-то получше, чтобы поболтать. Кто знал, что лишь упоминания о бродячих собаках будет достаточно, чтобы оттолкнуть ее? Если бы я это знал, я бы в первый же день рассказал ей о Лионеле и организации. С другой стороны, это не привело бы меня сегодня сюда, и я до сих пор делаю что могу, чтобы убедиться, что все идет как надо.

Я улыбаюсь ей самой очаровательной улыбкой, и от того, как она моргает, могу сказать, она ослеплена. Я редко так улыбаюсь, и когда делаю это искренне, подобная улыбка никогда не адресована

людям, подобным ей.

— Я действительно хочу поблагодарить тебя, Жюстин, — говорю я, мягко беря ее за запястье. — За то, что пригласила меня сюда. Это очень много значит для меня и для Брэма, то, что твой отец хочет творить добро в этом мире. Его помощь очень ценна. И твоя тоже.

Она немного смягчается, но до сих пор смотрит на меня с опаской, чего раньше не было. Прошли времена заигрываний под столом и шаловливых ручонок на заднем сиденье такси.

Я подношу ее руку к губам и целую.

— Береги себя, — говорю я ей.

— И если ты не возражаешь, я скажу Брэму связаться с твоим отцом. — Другой рукой я показываю ей визитку, которую мне дал ее отец.

— Конечно, — говорит она. — Я дам ему знать. Удачи, Лаклан.

Вот и все. Хоть пришлось и нелегко, все закончилось. Еще не время праздновать, пока Брэм и отец Жюстин не встретятся и не обговорят все детали, но у меня предчувствие, что это сработает.

Я быстро выхожу из зала в гостинце и забираюсь в ожидающее такси. Я сначала должен пойти домой к собакам, но реальность такова, что они, вероятно, уже натворили дел, так какая разница? Я

мог бы рассказать Брэму хорошие новости.

Проходит немного времени и такси привозит меня к Lion. Сегодня понедельник, но тут на удивление многолюдно.

Я вхожу в темный, тускло освещенный бар и на меня сразу же смотрят все. У меня занимает минуту понять, что на мне костюм и галстук, и я здесь словно белая ворона.

— Посмотри на себя! — кричит Линден из кабинки позади. Он сидит с Брэмом, Стеф и этим ублюдком Джеймсом. — Секретный агент, работающий на МИ-6!

Я подхожу к ним и встаю около стола, руки застряли в карманах.

— Хотите услышать хорошие новости? — говорю им, покачиваясь на каблуках.

Глаза Брэма округляются.

— Насколько хорошие?

Я пожимаю плечами.

— Ничего еще не точно. Но вот — Я бросаю на стол визитку. — Вот его контакты. У меня был длинный разговор с ним. Он хочет вложиться.

— Что?! — кричит Брэм, почти выпрыгивая со своего места.

Я поднимаю ладони.

— Не горячись, чувак. Как я сказал, ничего определенного. Но он заинтересован. Он услышал меня. И хочет помочь. Теперь мяч на твоей половине.

Линден смотрит на своего брата.

— Думаю это надо отпраздновать. — Он вопросительно смотрит на меня. — Как думаешь, мы можем отпраздновать?

— Если хотите, — говорю я. — Если основываться на предчувствиях и довериться интуиции, я бы сказал да.

Брэм издает крик радости и Линден похлопывает его по спине. Джеймс встает и говорит, что принесет выпить, так что я сажусь рядом со Стефани. Она странно тихая, улыбается Брэму и Линдену, но на меня не смотрит.

Конечно это, свою очередь,

заставляет меня захотеть посмотреть прямо на нее.

— Где Никола? — спрашиваю я. — И Кайла? — Добавляю я, будто это не имеет большого значения.

Но это не так.

Стефани смотрит на Брэма.

— Ну, Никола дома, потому что Ава не слишком хорошо себя чувствует. А Кайла *была* здесь... — Они обмениваются многозначительным взглядом. Наконец Стефани вздыхает и поворачивается ко мне. — Послушай, Линден сказал, что ты на свидании с Жюстин.

Моя голова резко поворачивается, чтобы посмотреть

на Линдена, который избегает моего взгляда.

А Стефани продолжает.

— Я сказала это Кайле.

Теперь я осуждающе смотрю на Брэма.

— Ты знаешь, что это было не свидание. Ты практически заставил меня пойти туда.

— Я знаю! — восклицает Брэм.

— Знаю. К тому времени, как я сюда добрался, они ей рассказали и она ушла. Она была расстроена.

Я вздыхаю и кладу голову на руки.

— Это было лишь ради инвестиций. И только.

— Я пыталась писать ей, но она

недоступна, — говорит Стеф. — Сообщения не доходят. Должно быть, она выключила телефон. — Она кладет мне руку на плечо. — Я сказала ей, потому что она спросила, где ты, и я не хотела лгать. Я знаю, ты ей нравишься... Я просто не думала, что все настолько плохо. — Она делает паузу. — Честно говоря, она убьет меня за эти слова, но ты заставляешь ее вести себя так, словно... думаю, она по уши влюблена.

Эти слова заставляют меня почувствовать одновременно и тепло и холод.

— Вы с Жюстин... — начинает она. — Ну, ты понимаешь...

Я пристально смотрю на нее, и она отодвигается на дюйм.

— Нет, мы этого не делали. — Я встаю как раз, чтобы увидеть Джеймса, идущего с бутылкой шампанского. — Скажи мне, где она живет, — говорю я Стеф.

— Что? Ты собираешься поехать туда?

— Да, — говорю я, доставая телефон. — Какой у нее адрес?

Она называет мне адрес, и я ввожу его в телефон.

— Спасибо, — говорю ей, разворачиваюсь на каблуках и ухожу. Брэм зовет меня, но я не оборачиваюсь. Пусть празднует. Это его детище, его проект. Его страсть.

Мне нужно разобраться со своей.

Глава 11

КАЙЛА

Весь день я порхала словно по облакам сладкой ваты. Не имело значения, что я спала лишь пару часов и мои глаза были окружены кругами сливового цвета. Меня не волновало, что был понедельник, что я ненавижу работать там, где работаю, что я не пополнию ряды авторов в другой части офиса.

Знаю, мне должно быть дело до всего этого. В воскресенье утром на моем будущем стоял еще большой,

жирный крест, я поставила его в своей голове.

Но Лаклан стер все. Он взял весь тот беспорядок, который был внутри меня и заменил его...ну, я не знаю чем. Чем-то, чего ждешь с нетерпением. На что оглядываешься.

Блин, мне нужно увидеть его снова. Он сказал, что мы могли бы выпить кофе на этой неделе, но я не хотела кофе на этой неделе, Я хотела самого его, и прямо сейчас. Я хотела уйти с работы и просто вернуться в его квартиру, появится у него в дверях как в кино, и выбить из него всю дурь. Этот поцелуй был всем, и это лишь верхушка айсберга. Если его губы смогли оставить на мне такой

отпечаток, я не могу ждать, чтобы увидеть, на что они еще способны.

Я как одержимая весь день проверяла телефон, размышляя, напишет ли он мне. Задаваясь вопросом, должна ли я написать ему. Посетовала, что нормальная Кайла, та у которой не было проблем с мужчинами, не сомневалась бы. Мне же было страшно услышать «нет». Боялась профукать что-то, даже не получив шанса иметь это.

С другой стороны, я знала, он скоро уезжает. Очень скоро. Так что терять было нечего. Я просто хотела увидеть его снова.

Но он не написал, и я тоже. А вот Никола и Стеф писали,

практически не переставая. Когда утром, наконец, мой телефон зарядился, я получила миллиард истеричных сообщений от всех. Я не хотела рассказывать слишком много, так что сказала, что мой телефон умер, и мы спасли пару собак. Ни одна из них не знала что ответить на это.

Позже Стеф сказала мне приходить выпить в Lion. И глупая, глупая я пошла туда. Потому что думала, есть шанс, что там будет Лаклан.

Я решила прихорошиться. Чуть завила волосы. Накрасила лицо. Подвела глаза. Втиснулась в юбку со змеиным принтом, черные шпильки

и черный кружевной топ. Я выглядела чертовски хорошо.

Я отправилась в Lion с волнительным трепетом в животе, оглядываясь, в надежде увидеть большого, плохого шотландца. Стеф и Линден были в кабинке, они увидели меня, и Стеф нерешительно посмотрела меня, будто что-то было не так.

Я замедлила темп, пальцами беспокойно стуча по боку.

— Привет, — сказала я.

— Хорошо выглядишь, Кайла, — заметил Линден, и я с подозрением посмотрела на него, размышляя, правда ли это или он просто пытался «быть милым» как

нам велела Стеф.

— Спасибо, — я посмотрела на Стефани, но она не встречалась со мной взглядом. — Что не так? — спросила я ее.

— Ну, ничего, — сказала она. Она похлопала по месту рядом. — Садись. Ты прелестно выглядишь. Особый случай?

Я зло посмотрела на нее.

— А обычно я выгляжу не прелестно? Мне что, нужен для этого повод? — Я села. — Итак... — оглянулась вокруг. — Брэм здесь?

— Пока нет, — сказал Линден.

Я посмотрела на Стеф в надежде, что она прочитает мои мысли. Вместо этого она посмотрела

на сидр в своих руках.

Я откашлялась.

— Так как вам, ребята, остальная часть концерта? — спросила я. — Я пропустила последнюю часть...

— Хорошо, да, хорошо, — Линден сделал глоток пива.

Я вздохнула и набралась смелости.

— А вы не знаете, Лаклан сегодня сюда придет?

— Я не знаю, — сказал Линден. Немного слишком быстро.

Я повернулась к Стефани и легонько ударила ее по руке.

— Эй, что происходит? Почему вы такие странные?

Стеф посмотрела на Линдена и прикусила губу, прежде чем повернуться ко мне лицом.

— Вы с Лакланом, — осторожно сказала она. — Вы просто целовались прошлой ночью, так ведь?

Я откинулась назад.

— Да. Что...какое это имеет значение?

Она сглотнула и снова посмотрела на Линдена.

— Ну, я просто хотела узнать взбесишься ты или нет. Если вы просто целовались, то ты, должно быть, будешь не против.

— Не против чего? Какого хрена, Стефани? Просто скажи это и

все.

— Он на свидании с Жюстин,
— изрекла она, а затем быстро
допила сидр.

Мое сердце резко дернулось.
Буквально, будто хотело вырваться из
груди и сбежать.

— Что?

Она пожала плечами.

— Мне Линден сказал.

Я повернулась к нему, будто
этого его вина.

— Мне Брэм сказал, — сказал
он защищаясь. — Прости, Кайла.
Уверен, это лишь бизнес. Это ничего
не значит.

Тьфу.

— Откуда ты знаешь?

— Она не выглядит как его тип.

— Как и я... — я замолчала и покачала головой. — Бл*дь. Да пошло оно все. Я такая идиотка.

— Нет, ты не идиотка, — сказала Стеф. — Это всего лишь встреча.

— Нет, я это знаю, — довольно жестко ответила я. — Он скоро уезжает, так какая разница, правда? Я просто идиотка, что меня *это волнует*. Как, Господи. Один поцелуй и мое глупое сердце разбито от того, что он пошел на какое-то свидание. Кто эта Кайла? Мне она не нравится.

— Эй, — сказала Стеф, положив руку мне на плечо и сжав.

— Хорошо, что это волнует тебя. Я никогда раньше не видела, чтоб тебе было дело до подобного. Может быть это хорошо...знать, чего ты хочешь в будущем.

Я отмахнулась от нее. В тот момент я не хотела слышать подобную хрень.

— Но тот, кого я хочу, сейчас на свидании с какой-то богатой сучкой, с которой уже встречался пару раз до этого. Я просто...фу. Без разницы. Я ухожу.

Я сердито вылезла из кабинки и поднялась. В расстроенных чувствах вышла из бара и пошла прямо домой. Я снова и снова продолжала песочить себя за чувства,

которые словно рой шершней, бушевали во мне.

Именно этого я и не хотела. Именно поэтому я решила сторониться мужчин. Я думала, что избегая секса я смогу избежать разочарования, но у меня еще не было шанса трахнуться с ним, а я уже адски разочарована.

Так что теперь я у себя в квартире, свернувшись калачиком на диване с несколькими бокалами вина во мне. Я расслабляюсь, не имея никого, с кем можно было бы это сделать. Вино притупляет гнев, но не это странное болезненное чувство у меня в груди. Я просматриваю почти весь сезон «New girl», надеясь, что

Шмидт и Ник заставят меня смеяться, но понимаю, что я стала более унылой. Более жалкой.

Вот хрень.

Я ложусь на спинку дивана и смотрю в потолок. Хочу отмотать назад последние несколько недель и сделать вид, что не ходила тем вечером в Lion, никогда не видела Лаклана МакГрегора потому что до этого все было чертовски хорошо. А потом я увидела его проклятое красивое лицо и помешалась, безнадежно озабоченная. Как мог этот мужчина, как мог любой мужчина, сделать это со мной, сделать такой убогой и такой ранимой. Это никогда не было

частью плана. Я хотела забраться к нему под кожу, а не наоборот. В этой игре я должна была оказаться на вершине, справиться с вызовом, получить то, что хотела.

Это я должна была быть здесь игроком.

Мне хочется подтянуть края моего черного сердца и завернуться в него как в одеяло. С этого момента, когда я чувствую, словно меня заманили в ловушку лишь физически, я сдаюсь. Я собираюсь оставаться верной своей проклятой клятве, и даже если в один прекрасный день нарушу ее, то лишь ради секса и ничего больше. Больше, чем секс это не для Кайлы.

Я начинаю погружаться в сон, чувствуя себя лучше со своим новым планом, задавшись целью. Хочу, чтоб сон сморил меня, а завтра я начну с новой меня. Старой меня.

Звонок домофона заставляет меня подпрыгнуть. Я резко вдыхаю и смотрю на время на своем телефоне, но я выключила его, не желая, чтоб меня беспокоили. Вероятно, это Стеф пришла, чтобы проверить меня. Она пригодилась бы мне раньше, когда я была в ярости, готовая ныть и нести чушь, но теперь я уставшая, сонная, слегка не трезвая и не в настроении говорить ни о чем.

Я подхожу к панели и нажимаю кнопку.

— Стеф?

— Э-э, нет, — через динамик говорит глубокий шотландский акцент. — Нет.

Я замираю. Сердце стучит.

Вот дерьмо. Лаклан?

— Алло? — снова говорит он.

— Кайла? Могу я с тобой поговорить?

Нет, нет, нет. Определенно нет. Подумай о своем плане, новая старая ты, говорю я себе.

Но все-таки я нажимаю кнопку и впускаю его.

Бл*дь.

Я смотрю вниз, что там на мне? Гребаная футболка, которую он одолжил мне и ничего больше.

О Боже. Мне нужно переодеться. Нужно привести в порядок лицо, волосы. Надо было не впускать его.

Но спустя несколько секунд он стучится в дверь.

Я глубоко вдыхаю, стараясь не допустить, чтоб эти дебильные, ненужные, ничем не оправданные эмоции действовали на меня. *Будь холодна*, говорю я себе. *Как лед*.

Я снимаю цепочку и открываю дверь.

Лаклан стоит там. В долбанном костюме и галстуке. Волосы зачесаны назад, борода стала короче. Вечно хмурый. Возвышается надо мной, как какой-то нарядный бог.

О мой Бог. Я обречена.

— Прямо со свадьбы? —

Пытаюсь пошутить я. Во рту сухо как в пустыне.

— Могу я войти? —

спрашивает он. — Пожалуйста?

Не дергайся, веди себя прохладно.

— Конечно, — говорю я, открывая дверь шире, пожимая плечами и делая вид, что мне не больно, что я не сошла с ума и действительно не одета в его футболку.

Он проходит мимо меня и все, чего я хочу, это вдохнуть его запах. Что ж, это не все, что я хочу сделать.

Я закрываю за ним дверь,

ненадолго упираюсь в нее лбом и собираю все свое мужество, прежде чем повернуться к нему лицом.

Он стоит посреди комнаты, глядя прямо на меня. Боже мой. Он так красив, что это почти ранит. Это *причиняет* боль.

— Мне нужно кое-что объяснить.

Я скрещиваю руки.

— Что?

— Я знаю, что тебе сказала Стефани, — говорит он. — Обо мне и Жюстин.

Я пожимаю плечами, пытаюсь сделать вид, что мне все равно.

— А, да, круто.

Он хмурится еще больше.

— Слышал, ты расстроилась.
Я натянуто улыбаюсь.

— Я не расстроилась, —
говорю ему и иду на кухню, чтобы
чем-то себя занять.

— Да, ты расстроилась, —
говорит он, следя за мной глазами. —
Я видел тебя расстроенной. Я знаю,
какой у тебя голос, когда ты
расстроена.

Мне хочется бросить ему вызов,
сказать, что он не знает меня. Но я не
хочу этого. Хочу, чтоб он знал меня.
Хочу, чтоб он думал, что знает.

— Итак, я расстроена? —
говорю я. — Почему же?

Он пару секунд жует нижнюю
губу и, наконец, смотрит в сторону.

— Потому что. Ты хочешь меня.

Ничего не могу поделать и выпускаю потрясенный смешок. Безусловно, это правда, но я не могу поверить, что у него хватает наглости просто говорить такое, так прямо.

Его глаза снова скользят по мне, беспокойно и жадно.

— Разве нет?

Внезапно это уже не так смешно. Я прислоняюсь к столешнице, держась руками за край, пока мой ум пытается придумать, что сказать, как можно ответить на подобное. Наконец, я говорю правду.

— Да, — тихо говорю я. — И что?

— То, — говорит он, понизив

голос, практически нежно, —
прошлая ночь была тем, в чем я
нуждался...уже давно. Это может
быть просто прогулка в парке и
поцелуй с тобой, лапочка, но для
меня...это было гораздо больше. И я
хочу знать, было ли это большим для
тебя.

Я могу лишь смотреть на него,
запертая в интенсивности его
взгляда. Он смотрит на меня так,
будто шаг за шагом снимает слои,
решив добраться до сути.

В горле пересохло, и сердце
стучит от волнения и тревоги. Что он
делает? Что я делаю? Между нами
столько места, и я не знаю, как
преодолеть разрыв и хочу ли я этого,

потому что, если подобное произойдет, это будет намного большим, чем тем, что я смогу вынести.

— Ты уезжаешь в воскресенье,
— говорю я ему. — Это меньше, чем через неделю.

— Ну и что? — говорит он. —
Какое это имеет значение?

Я вскидываю голову.

— Это имеет значение
потому...ну, что может произойти
между нами сейчас и потом?

— Я могу оттрахать тебя по
полной, — хрипло говорит он. — Вот
что может случиться.

Ничего себе!

Неужели он серьезно просто

сказал, что может как следует оттрахать меня? Я смотрю на него широко раскрытыми глазами, потрясенная и заведенная. Мне трудно дышать. Трудно думать.

— Э-э...

— Но прежде чем я это сделаю, — говорит он, начиная развязывать галстук. Он делает шаг вперед. О Боже — Мне нужно, чтоб ты знала, сегодня вечером я помогал Брэму. Жюстин никогда не была чем-то большим, чем услугой, и нет, я не трахал ее. Даже не близко. Как бы то ни было, все сделано. И следующую неделю единственной на моем радаре будешь ты. — Он делает еще один шаг ко мне, снимая галстук и

бросая его у моих ног. — На этой столешнице, в твоей постели, у стены. Всеми способами, которыми только могу.

О Господи.

Мои ноги начинают дрожать, и я крепче хватаюсь за край столешницы. Я хотела бы этого больше всего на свете, и теперь, когда он медленно идет ко мне, словно я добыча, я превращаюсь в куриное дерьмо. Я представляла это совсем по-другому. Теперь, когда он хочет меня, действительно *хочет* меня....я боюсь, что не переживу этого.

Он лишь в футе от меня и я могу чувствовать жар его

присутствия, как он начинает заполнять меня. Он снимает пиджак и бросает его на столешницу, глаза не оставляют мое тело. Моя кожа тлеет под его взглядом, когда он медленно рассматривает меня с ног до головы.

— На тебе моя футболка, — говорит он, его голос мягкий и одновременно грубый.

Он протягивает руку, хватая ее край, потирая ткань между пальцами. Теперь он так близко. Я до сих пор стою словно статуя, сделанная из пульсирующей крови и с дико бьющимся сердцем, и не могу пошевелиться ни на дюйм. Я не могу делать ничего, кроме как наблюдать за ним, за каждым его движением,

каждым вздохом, каждым взглядом. Он такой огромный — он стал моим миром.

Его глаза дрейфуют ниже. Он наклоняется ко мне, его рот на моем ухе, руки двигаются вниз по моим бедрам.

— Еще одна вечеринка без штанов? — бормочет он. Я дрожу, мурашки бегут по коже от его дыхания и баса его голоса. Его большие, теплые ладони прокладывают путь по моей голой коже, поднимая мою футболку и скользя по кружевным трусикам.

— Зависит от того, что ты подразумеваешь под словом *штаны*, — успеваю сказать я.

Его губы так близко от мочки уха, зубы царапают кожу, тепло от его дыхания зажигает фейерверки вниз по моей шее. Его пальцы достигают края моего белья, сдвигая меня немного вперед так, чтобы стянуть его с моей попы. Я стою, зажатая между его горячими ладонями, и это заставляет меня осознать, насколько я маленькая по сравнению с ним.

Мои трусики падают к коленям, а затем вниз на пол, и на мне остается лишь футболка. Он облизывает губы, и я хочу засунуть эти чертовы губы себе между ног и держать их там, пока не кончу. Клянусь, это не займет много времени.

Его хватка на моих бедрах усиливается. Он без особых усилий поднимает меня, помещая мою голую попку на холодную столешницу, и встает между моих ног, мои трусики свисают с одной ноги.

Он кладет свои красивые руки по обе стороны от моего лица, удерживая меня на месте, ноздри раздуваются, пока он тяжело дышит. Так, словно он пытается сдерживать себя, и я хочу, чтоб он отпустил себя и раскрылся, показ мне все, что у него есть. Складка между бровями углубляется, когда он пытается поглотить меня взглядом. Я задерживаю дыхание, желая *столько всего*, и он продолжает исследовать

меня, пытаюсь прочесть.

*Твою мать, просто возьми
меня, хочу сказать я. Прочитай это.*

Мой рот открывается.

Его глаза падают к моим губам.

Его взгляд горит.

Плотский.

Хищный.

Решительный.

Это вспышка света перед
взрывом бомбы.

Затем она взрывается.

Он притягивает мое лицо к
себе, и его губы обрушиваются на
мои, лихорадочно, сумасшедше и
дико. Его руки погружаются в мои
волосы, а мои нащупывают пуговицы
его рубашки. Наши рты теряются в

гонке друг с другом, битве, в которой
выиграем мы оба. Напряженной,
отчаянной. Этот поцелуй не что
иное, как тот другой – чистое
расплавленное тепло, влажные губы
и жесткое давление, словно мы
создаем алмаз.

Мои пальцы на ногах
подгибаются.

Сердце делает сальто.

Я проиграла ему.

Я тону под натиском его языка,
каждое горячее, страстное движение
внутри моего рта делает меня
абсолютно мокрой.

Я оборачиваю ноги вокруг его
талии, жадно и нетерпеливо, и
притягиваю его к себе. Мы стонем

друг другу в рот. Он твердый как камень и прижимается ко мне во всех нужных местах. Малейшего движения достаточно, чтобы ткань его брюк прижалась к моему клитору, и я почти теряю сознание.

Одна рука держит в кулаке мои волосы, тянет их, заставляя меня дрожать, в то время как его губы жалят меня, наши рты беспорядочные и жадные, зубы ударяются о зубы в нашей неконтролируемой нужде поглотить друг друга.

Я абсолютно одержима этим прекрасным мужчиной. Его белая рубашка расстегнута, и я провожу ногтями по его твердой груди,

волосам и пространству, покрытому татуировками. Тянусь вниз к поясу его брюк и расстегиваю пуговицу, пока его рот снова атакует мою шею, посасывая, покусывая, и я откидываю голову назад, чтобы предоставить ему лучший доступ.

Я ловко расстегиваю пуговицу и тяну вниз молнию, прежде чем скользнуть рукой по его твердости. Охренеть. Он не носит белье. Его длинный, горячий член пульсирует под моей ладонью, и он выпускает низкий, грубый рык.

— О бл*дь, — стонет он, тяжело дыша в мою шею. — Я сейчас взорвусь.

— Нас будет двое, — говорю я

ему. Он такой чертовски огромный, и лишь прикосновение к его члену подводит меня к краю. Не знаю, как я справлюсь с ним внутри меня, но умираю от желания попробовать.

Я оборачиваю руку вокруг него и освобождаю его из брюк. Подаюсь вперед, чтобы посмотреть вниз и увидеть его. Он становится тверже в моих руках, кончик темный, покрасневший и блестящий. Боже, я хочу просто положить его в рот, всего его, сосать, и пробовать каждый дюйм.

С другой стороны я хочу его глубоко внутри меня, столько, сколько я смогу принять, несмотря на то, что он может сломать меня

пополам.

Чертовски затруднительное положение.

Я начинаю поглаживать его, размазывая эякулят по шелковистой, горячей длине, останавливаясь около полной головки, прежде чем пойти снова вниз, одной рукой двигаясь дальше к его яйцам. У Лаклана достаточно волос на руках, груди и от паха до пупка, но спасибо Богу за мужскую депиляцию. Я нежно сжимаю его шарики в своей руке, и он вздрагивает.

— О, лапочка, — хрипло говорит он, всасывая в себя воздух. — Не губи меня сейчас.

Я кусаю губы и улыбаюсь тому,

какой эффект произвожу на него. Я хочу погубить его, и хочу, чтоб он погубил меня. Нужда и сила опьяняют.

Он на секунду отодвигается, с сумасшедшим взглядом наблюдая, как мои руки обрабатывают его, вверх-вниз. Царапает зубами свою нижнюю губу, затем медленно поднимает взгляд на меня.

— Тебе надо притормозить, или я кончу прямо здесь, и сейчас, — предупреждает он.

Я останавливаюсь и сильнее сжимаю его великолепный член. Он закатывает глаза, мышцы на его шеи напряжены.

— Щазз, — дразню я.

Он ворчит и движется снова ко мне, срывая мою футболку через голову, заставляя меня отпустить его. Мои соски твердые как камушки, и он сжимает мою грудь, облизывая дорожку между ними. Берет один в рот и меня омывает теплом, пропитанной огнем энергии, исходящей из меня.

— О Боже, — тихо вскрикиваю я.

Он издает одобряющий звук напротив моей груди, распалая меня еще больше. Просовывает руку ниже, скользя по моему клитору, гладкому как грех.

— Ты чертовски мокрая, — говорит он, беря зубами мой сосок и

слегка потягивая. — Я знал, что у тебя маленькая жадная киска.

Я стону, пытаюсь сказать ему, что это было довольно очевидно, но слова исчезают, когда он толкает один большой палец в меня, шершавостью воспаляя мою поразительно чувствительную кожу. Проникновение такое чувствительное, что кажется проходит через меня и я автоматически дергаю бедрами вперед, проталкивая его палец дальше внутрь.

Он издает низкий, гортанный звук и медленно выходит, прежде чем добавить еще один палец. Я кусаю губу, чтобы не закричать его имя,

пока он ловко скользит пальцами по опухшему комку нервов, который грозит уничтожить меня изнутри.

— Черт, — охаю я, мой рот открывается и ловлю воздух, мой разум затуманен.

— Скоро, — говорит он, прежде чем щелкнуть языком по соску. — Вот так. — Он вытаскивает пальцы, а потом толкает три сразу, и я задыхаюсь и дрожу. Обезумев. Его пальцы настолько толстые, что это почти невыносимо. Они размера среднего члена, и он погружает их в меня и обратно, работает ими как одним.

Его большой палец поглаживает мой клитор, и я в

секунде от того, чтобы потерять себя всю.

— Подожди, — отчаянно прошу я. — Пожалуйста. Пока еще нет, не сейчас. Я хочу кончить на твоём члене. Хочу, чтоб ты чувствовал, как я сжимаю тебя, когда кончаю.

Он останавливается и убирает большой палец. Убирает рот от моей груди, его борода мокрая от влаги пока напряженные глаза смотрят на меня.

— Я планирую заставить тебя кончать всю ночь напролет, лапочка.

Я тяжело дышу, моя рука движется к задней части его мощной шеи, уже влажной от пота.

— В первый раз я хочу, чтоб ты

был внутри меня. Так глубоко и жестко, как только можешь. Оттрахай меня до беспамятства. А затем заставь кончать снова и снова и снова.

— Такая чертовски жадная, — бормочет он. Качает головой, на его губах легкий намек на улыбку. — Ты собираешься поставить меня на колени, да, красавица?

— Сначала на коленях окажусь я, — говорю я, наклоняясь вперед и хватая зубами его нижнюю губу, тяну ее к себе. — Я собираюсь взять твой огромный, набухший член в рот и сосать до тех пор, пока ты не забудешь собственное имя.

— Иисусе, — грубым голосом

ругается он, жар в его глазах нарастает. — Маленькая чертова любительница грязных разговорчиков.

Я прижимаюсь губами к мягкому месту, где его челюсть переходит в шею, щетина царапает мои губы.

— Дай мне повод, и я продолжу говорить.

— Ты можешь пожалеть об этом, — говорит он между стонами, пока я сосу его шею. — У меня есть много чего дать тебе.

Мне приходит на ум, что сейчас он разговорчивее, чем прежде. Если мой сильный, молчаливый зверь превратится в спальне в грязного

болтуна, вы не услышите от меня никаких жалоб.

Он тянется немного назад и лезет в карман, его брюки висят низко на бедрах, его пульсирующий член покачивается напротив меня в такт биению его сердца. Он достает презерватив. Фольга шуршит, пока он разрывает его, открывая пакетик, и на минуту я задумываюсь, планировал ли он увидеть меня сегодня вечером.

Я с нетерпением, затаив дыхание, смотрю, как он натягивает презерватив, наслаждаясь легкостью, с которой он это делает. Его брюки падают к щиколоткам, и он располагает кончик напротив моей

влажности, медля, дразня меня. Он улыбается мне, кусая губы, лукавые глаза оценивают меня, пока он потирает налившуюся головку вверх-вниз по моей возбужденной коже.

— Перестань дразниться, — хныкаю я, проводя руками по твердым линиям его талии и хватая за задницу. Боже, она именно такая, как я и думала — твердая, крепкая, круглая. Я прижимаюсь ладонями к его коже и притягиваю его к себе, наслаждаясь ощущением его задницы в моих руках.

Мой мир открывается.

С шипением он толкается в меня одним резким, интенсивным движением. Если бы я не была такой

чертовски мокрой, нет ни единого шанса, что я была бы в состоянии вместить его, и даже сейчас я ощущаю себя такой приятно заполненной, что могу взорваться.

— Ох, лапочка, — с хриплым стоном говорит он. — Твою мать.

Я могу лишь задыхаться, чувствуя, как подгибаются пальцы на моих ногах, пока он скользит дальше.

Это лучше, чем я себе представляла.

Идеально.

Он идеален.

С каждым толчком, его член движется внутрь и наружу, и я скольжу по столешнице. Он кладет ладонь мне на шею, крепко

удерживая меня на месте, позволяя ему входить все глубже и глубже.

Мой разум разрушается, я надламываюсь от ощущения того, как он *слился* со мной, так мощно, совершенно и всепоглощающе, это ощущение забирает все мои мысли. Я просто чувствую, доведенная до отчаяния этой нуждой. И я хочу больше. Настолько больше.

Я жадная, жадная девушка.

Я хватаю его за бицепсы, твердые как бетонные плиты, пока он обрабатывает меня. Я держусь за него, до сих пор пребывая в страхе, отчаянно пытаюсь удержать его рядом со мной. Этот человек, этот зверь, теперь он весь мой, и я собираюсь

упорно трудиться, чтобы быть достойной этого.

Его рот соединяется с моим, двигаясь в глубоком, опаляющем поцелуе. В ритме, который соответствует тому, с каким его бедра толкаются в меня, его член входит все глубже и глубже. Каждый нерв в моем теле натянут, закручивается в тугой узел, и достаточно лишь небольшого нажатия на спусковой крючок, чтобы освободить меня. Каждый глубокий толчок его тела грозит уничтожить меня.

Я пробегаюсь руками вниз к его предплечьям, ощущая жилистые мышцы, удерживающие меня на месте, затем прохожусь обратно к его

бицепсам, к скульптурным плечам, по его голой груди, напряженному прессу, поддразнивая дорожку волос, ведущую вниз к его стволу. Я хватаю его основание, мокрое от моего собственного желания, и он беззастенчиво рычит с необузданной страстью.

Мне хочется заставить его издавать эти звуки вечно. Одного раза будет недостаточно.

Он наклоняется и одной рукой убирает мою руку, поднося ее к клитору и потирая его моими пальцами. Я настолько чувствительна, настолько готова, что хнычу, зная, что не смогу больше сдерживаться.

— Ты сказала, что хочешь кончить со мной внутри, — хрипло шепчет он мне на ухо. — Уже скоро. И я хочу, чтоб твои соседи слышали это

То, что он только что сказал настолько горячо, что я не тружусь говорить ему, что мои соседи уже научились игнорировать мои звуки.

Его рука быстрее и сильнее потирает мои пальцы, и он откидывает голову назад, чтобы посмотреть на меня, как обе его руки отправляют меня за грань небытия.

— Вот сейчас, — говорит он, его глаза такие темные, взгляд глубокий, намеревающийся проникнуть внутрь меня, изучить

меня. — Кайла. — Мое имя звучит как чистейший жар. — Кончи для меня.

Я не могу сдержаться. И отпускаю себя.

Я парю.

Сначала все разворачивается медленно, будто зажгли фитиль, искра путешествует от моего центра и проходит через каждый нерв в моем теле. И тут я взрываюсь с резким толчком, который заставляет меня кричать. Я кричу, стону и извергаю проклятья, но я никогда не кричала во время секса, здесь и сейчас, неистовство вырывается из меня, ему больше некуда деться.

И это не конец. Я как ракета,

оторвавшаяся от земли, вибрирующая, трепещущая в бурно кипящем пламени. Я не могу контролировать свое тело или мысли — я просто лечу по воздуху, взрываясь в волне звезд. Мое сердце наполнено до краев, чувствами, которые практически приносят слезы на мои глаза.

Я уничтожена. Он полностью разрушил меня, и я умираю, как хочу почувствовать это снова и снова, снова и снова.

— Чееерт, — кричу я напротив него, моя голова опускается на его потную шею, я держусь за его твердое тело, будто упаду в пропасть, если не сделаю этого. — О Боже,

Лаклан.

Он односложно хмыкает и отводит голову назад, ухмыляясь глядя на меня сверху вниз. Похоть горит в его глазах, и я понимаю, что он еще не кончил.

— Это была закуска, лапочка, — бормочет он, прижимаясь губами к моему с трудом дышащему рту. — Я буду продолжать всю ночь.

Не могу поверить в то, что собираюсь сказать.

— Мне нужно передохнуть, — говорю ему, мои руки оборачиваются вокруг его шеи, пока лоб покоится на его подбородке. — Сжался надо мной.

— О, я вижу, — говорит он. —

Больше дела, меньше слов это не про тебя.

Я поднимаю голову и смотрю в эти изумительные глаза.

— Я до сих пор пульсирую вокруг тебя. — Откровенно говорю я, восстанавливая контроль над дыханием.

— Я знаю, — отвечает он. — Это лишь еще больше заводит меня. — Он кладет руку на мой рот, проводя пальцем по губе. — Не могу ждать, чтобы попробовать тебя. — Он выходит из меня, снимает ботинки и штаны, а затем сжимает мои бедра и поднимает меня. — Иди сюда, — говорит он, теперь его задница тоже голая. Он несет меня

через кухню в гостиную, где кладет меня на спину.

Он забирается на меня, его твердые, здоровенные бедра по обе стороны от моих, член торчит. Я смотрю на него, широко раскрыв глаза, и в эту прекрасную минуту упиваюсь им. Я хочу облизать каждую татуировку на его теле, исследовать губами каждую скульптурную мышцу. Есть что-то завораживающее, и это не только вид его, наконец-то обнаженного напротив меня, а то, как его глаза удерживают меня на месте, наполненные мыслями и желаниями, которые я хотела бы узнать.

Я ожидаю, что он толкнется в

меня, но он наклоняется, упираясь локтями рядом с моим плечом. Он улыбается глядя на меня вниз, и я нервничаю от подобной нежности. Эта улыбка смягчает его черты. Образовывая морщинки в уголках глаз, и разглаживая складку между бровей. Он теперь уже не тот ожесточенный зверь, но все так же красив.

Он пробегается пальцами по моему носу, вниз по холмам моих губ, глядя на меня так, будто *видит* меня, и это так странно интимно, принимая во внимание наши не-отношения, которые были до сих пор, что я хочу отвести взгляд.

К счастью, он разрывает

контакт за меня. Он лижет край моего уха, от этих ощущений мою кожу покалывает.

— Я хочу попробовать каждый уголок твоего тела, — шепчет он. — Ты не против?

Я с трудом сглатываю.

— Мог бы и не спрашивать.

— Обычно я не стал бы, — говорит он, облизывая мою шею, заставляя спину выгнуться дугой. — Но так как тебе надо передохнуть...

Я запускаю руку ему в волосы и сжимаю в кулак, дергая его мягкие пряди.

— Просто нахрен уже съешь меня.

Он усмехается.

— Вот это моя девочка.

Моя девочка. Его слова ударяют меня кулаком прямо в сердце.

О, Боже.

Он продолжает исследовать губами и языком все мое тело, лаская ключицу, грудь, жестко посасывая соски, пока у меня не начинает кружиться голова, я практически схожу с ума от ощущений. Мои пальцы впиваются в тугие мышцы его спины, отчаянно царапая, когда он продолжает двигаться вниз.

Под его языком мой живот покрывается мурашками, а бедра подергиваются от прикосновения его щетины, исследуемые его мягкими губами.

Наконец, его голова располагается у меня между ног, и я развожу их шире для него, томясь в ожидании. Как и следовало ожидать, он не торопится. Он раскрывает меня, позволяя грубым кончикам пальцев пройти по моей чувствительной плоти.

И я уже задыхаюсь, не в силах молчать и сдерживать себя.

Затем его язык резко двигается, скользя по моему клитору, запуская еще больше фейерверков, разжигающих огонь внутри меня. Мое дыхание неустойчивое, пальцы жадно хватаются за простыни. Мои бедра приподнимаются вверх, желая большего.

Он делает одолжение, помещая губы и рот в него. И наблюдает за мной. Эти дикие глаза наблюдают за каждым моим движением, за тем как он доставляет мне все больше и больше удовольствия, его зубы задевают мой клитор, язык погружается глубоко в меня. Его голова между моих ног это лучший в мире вид, и я выгляжу удивленной и обезумевшей, когда смотрю на него в ответ.

Это слишком. Слишком рано.

Но будь все проклято, если отводя взгляд, я не желаю увидеть это снова.

Так что я смотрю на него и его горящий взгляд направлен на меня,

его брови нахмурены с грандиозной решимостью, как у человека, собирающегося на войну, и я удивлена, что лишь одного его взгляда недостаточно, чтобы я кончила. Я почти могу чувствовать его в глубоких, безнадежных, темных участках меня, куда я никогда не хожу, будто он готов отправиться прямо туда.

Черт, сейчас этот человек сводит меня с ума больше, чем тогда, когда обращался со мной так, будто ему наплевать на меня.

Я больше не могу выдержать его взгляд. Откидываю голову назад, и мир становится теплее, плотнее, будто моя вселенная заполняется

крошечными нагретыми звездами. Она, эта невозможная сила внутри меня, растет и растет, собирая каждый нерв и частичку моего тела, пока они не разрываются снова и снова.

Скольжение его языка спускает курок.

— О, дьявол, — кричу я, и он что-то шепчет в меня, его стоны вибрируют глубоко внутри и это отправляет меня через край. Я отправляюсь туда, падая в паутину горящих звезд, и мои пальцы хватают его за волосы, в отчаянии тянут, пытаюсь удержаться, хотя в этом нет никакого смысла. Оргазм, кажется, никогда не закончится, и я

превращаюсь в дрожащее, бескостное тело.

Я недолго лежу, ноги все еще разведены в стороны, пытаюсь дышать, и тут понимаю, что он еще до сих пор не кончил.

Мне скорей всего понадобится еще одна гребаная передышка.

Но прежде чем я успеваю произнести это, он оказывается на коленях около меня, и, ухватившись за одно бедро и высоко подняв его, располагается у моего входа. Он толкается внутрь, все еще твердый, и я такая мокрая и изнуренная, что он легко скользит внутрь. Он по-прежнему такой же огромный и толстый, как был на кухне. Он

толкается в меня с неотложной настойчивостью, и мне следует отдать ему должное за то, что он так долго сдерживался.

— Я долго не продержусь, сладенькая, — шипит он, его акцент наполнен вождением. Он вколачивается в меня, бедра кружатся, прижимая меня к кровати, пока он двигается вперед-назад. Он беспощаден, тяжело задыхаясь с каждым толчком, такой грубый, плотский звук, который становится все громче и громче, когда он приближается к оргазму. Это такой чертовски прекрасный звук, заставляющий огонь в моей сердцевине разгореться, уговаривая

последнюю частицу пламени, оставшуюся во мне.

Я смотрю на него, на его тело, на этот великолепный образец дисциплины и боли и хороших ген. Он сжимает мою ногу, толкаясь бедрами назад в меня, чтобы проникнуть глубже, и это почти слишком глубоко, но он как раз вовремя выходит, хрипло вздыхая.

Кровать движется, громко раскачиваясь туда-сюда, и я увлечена тем, как он работает, трахает меня словно животное, так, будто это основная, первобытная потребность, и он был рожден лишь для этого. Быстрее, сильнее, глубже. Его темп беспощаден.

Я могу видеть, как он начинает терять контроль, падая через край, и я помогаю себе рукой, чтобы догнать его. Его глаза впиваются в меня, и затем он входит глубоко, так глубоко, что дрожит и бормочет мое имя низким, гортанным голосом, прежде чем позволить себе выпустить череду грязных ругательств.

Я кончаю третий раз за сегодня, я плыву и парю, но на этот раз вместе с ним, и мы скачем вместе, наши тела соединены внутри и снаружи. В этот момент мы двигаемся и чувствуем словно единое целое.

Мое сердце такое огромное и наполненное блаженством.

Я переполнена.

Я счастлива.

Я не принадлежу сама себе.

Лаклан падает на меня, его твердое, потное тело двигается по мне, и я делаю то, чего никогда не делаю после секса. Я оборачиваю руки вокруг него и прижимаю его ближе, пытаюсь удержать его внутри меня так долго, как только возможно, не желая разрывать это тепло, эту связь.

И он остается во мне так долго, как только может, его дыхание щекочет мне ухо, губы слегка задевают шею, прежде чем он выходит и переворачивается. Ему, кажется, едва хватает сил завязать

презерватив, прежде чем он поднимается и тянет меня наверх.

Я послушно следую приказу, ноги дрожат, пока мы идем в мою спальню. Мы оба обнаженными падаем на кровать, и он притягивает меня к себе, не совсем любезно. Я говорю себе, что, в конце концов, мне придется отодвинуться, что я не могу спать, когда кто-то касается меня.

Но мир темнеет. Сны манят своим теплом. И я засыпаю в его руках.

Глава 12

ЛАКЛАН

Я ощущаю прикосновение мягких пальцев на моей щеке. Открываю глаза, моргая в темноте, пока не замечаю тень девушки сбоку от меня, туманный свет проникает в комнату из приоткрытого окна.

Кайла. Я сглатываю, ощущая панику.

— Ты в порядке? — шепчет она.

— Да...— я качаю головой, пытаюсь сориентироваться. — Ага. А что? Почему? ...сколько сейчас время?

— Почти утро, — нежно говорит она, ее пальцы прокладывают путь по моей челюсти. — Тебе приснился плохой

сон.

Черт побери. Сколько она слышала?

— Я не, э, я не помню, — отвечаю я, пытаюсь вспомнить, но чувствую лишь отчаяние.

— Наверное, это хорошо, — говорит она.

— Что я говорил? — с опаской спрашиваю я.

— Ты выкрикивал...— она замолкает, проводя руками по моей груди. — Звал Лионеля.

Я с облегчением вздыхаю.

— Лионель это моя собака, — говорю я ей.

Она наклоняет голову.

— У тебя есть еще собака?

— Ага, дома. — Думаю, нет никакого смысла говорить ей, что во сне я, скорей всего, звал не собаку. Мне снился день, когда я был ребенком, тот день, когда мать оставила меня. Но в постели этой прекрасной женщины нет места для трагедии.

— Должно быть, тебе очень хочется вернуться к нему домой, — говорит она, и хоть и скрывает, я могу слышать следы разочарования в ее голосе. В темноте всегда все яснее.

Я тянусь к ее лицу, притягивая ближе к себе.

— Я полон решимости запомнить эти последние несколько

дней, — говорю ей, нежно целуя уголок губ. — Я с тобой еще не закончил.

Если на то пошло, Кайла открыла ту часть меня, которую я редко показываю другим, если она вообще существует. Прошли месяцы с тех пор, когда я в последний раз спал с кем-то, и то тогда это была какая-то краля, которую я подцепил в баре. Я был пьян и в плохом месте — одно влечет за собой другое — и жалел себя. Я чпокнул цыпочку в туалете, вот как это было. До этого, я не могу вспомнить. После того, как я решил завязать с бессмысленными отношениями на одну ночь, секс отошел на второй план.

Теперь же я горю, будто стою посреди самого пекла, и это назревало давно. Когда я появился у ее дверей, то не был уверен, как она поведет себя, но знал, пришло время перестать делать вид, что она не добралась до меня, что я не хочу поиметь ее любым возможным способом.

И гребаный ад, она была готова к тому, что я дал ей. Слова, вышедшие из ее рта, сбили меня с толку, изменили все, словно я уже не позволил похоти поглотить меня.

Я хочу большего. Хочу ее каждый день, на все то время, пока не уеду.

— Я тоже с тобой еще не

закончила, — хрипло говорит она, и тон ее голоса делает мой член твердым и горячим, напрягаясь под простынями. Ее губы приоткрываются напротив моих, и я скольжу языком внутрь, исследуя ее сладкий, развратный ротик.

Мне нужно трахнуть ее, грязно, горячо и дико. Я жажду ее тело, ее прикосновений, чтобы ее свет заменил тьму, выползающую из моих снов.

— О, ты изумительная штучка, — бормочу я, пробегаясь подушечкой большого пальца по ее напряженному соску, и она выгибается назад, ее тело просит большего. — Я сойду с ума, если не

окажусь внутри тебя.

Она смотрит на меня, и в тусклом свете я вижу ее робкую улыбку.

— Мне нравится сводить мужчин с ума.

— Я знаю, лапочка. Но пожалей меня. Я давно этим не занимался.

Она дергает головой от удивления.

— Правда?

— Правда. Так что прояви немного сострадания и раздвинь свои чертовы ножки.

— О нет, — говорит она, кладя руку мне на грудь и толкая назад. — Ты откинься назад и раздвинь *свои*

чертовы ноги.

Я поднимаю бровь.

— Что?

— Поверь мне, — дерзко говорит она, толкая меня на спину. — Ты этого хочешь.

Она широко раздвигает ноги, и я хочу, чтоб она повернулась лицом к окну, чтоб я более четко мог увидеть эти фантастические сиськи.

— У тебя есть презерватив? — спрашиваю я, мой голос хрипит от нужды.

— Да, на потом, — говорит она, продолжая двигаться назад, пока не оказывается на моих коленях. — Ты не захочешь его сейчас. — Она проводит ногтями по твердым

кубикам моего живота, пресс напрягается от этого трения, и садится у меня между ног.

Мой член смотрит вверх, практически заслоняя ее от моего взгляда. Одной рукой я подпираю голову, другую запускаю ей в волосы, оборачивая шелковистые пряди вокруг пальцев.

Она берет мою длину в руку, и моя кровь пульсирует на ее ладони. Для меня почти слишком много ощущений. Ее рот открывается, пышные губы скользят по кончику, толкая меня в поток страсти, заставляющий меня закатить глаза. Черт, она хороша. Она скользит языком по моим венам, по каждой

неровности, будто не может насытиться, словно я гребаное мороженое в жаркий день.

— Охренеть, — бормочу я, закрывая глаза, потягивая ее за волосы. — Ни за что, черт возьми, не останавливайся.

Она убирает свой рот, влажный сосущий звук, и на какой-то ужасный момент я думаю, что она остановилась, и каждая часть меня напрягается в отчаянии. Потом ее рука движется вниз по моему члену, скользя как шелк, возвращаясь к основам, пока я не начинаю думать, что моя голова может взорваться. Я дергаю бедрами вверх, мечтая об освобождении.

Но она запланировала больше. Она опускает голову и медленно осторожно берет мои яйца в рот, поглаживая меня рукой.

Иисус. Спасибо. *Спасибо.* Редкая женщина будет сосать ваши шары словно конфетки. Интересно, а я могу провезти Кайлу в ручной клади? Она достаточно маленькая.

Я не хочу кончать. Я поднимаю голову, пытаюсь сказать это. В горле пересохло, мысли смешались. Мной завладел первобытный инстинкт, стремление кончить и кончить так сильно, как я могу, и то, что у меня перед глазами вид ее головы между моими ногами, языка и губ, сосущих мою тонкую кожу, пока я не забуду

собственное имя, не помогает.

— Я хочу быть внутри тебя, —
выдавливаю я, язык ощущается таким
тяжелым.

Она качает головой, эти
вибрации сводят меня с ума. Я
крепче хватаюсь за ее волосы. Я хочу,
чтоб она остановилась и в то же
время не хочу, но она единственная, у
кого есть контроль.

— Кайла, — говорю я, прежде
чем еще одна волна удовольствия
лишает меня дара речи.

Она лишь сильнее работает
кулаком, и я понимаю, я пропал.

Оргазм подкрадывается ко мне,
будто кто-то атакует вас сзади. Меня
швыряет в метафизическое

пространство, яйца опустошаются, выстреливая мой груз в никуда. Ничто не имеет значения, потому что я взрываюсь словно детонатор, вспышка света мелькает перед глазами, и из горла вырываются стоны, громкие, хриплые и оглушительные.

У меня уходит несколько мину на то, чтобы отдышаться, а сердцу успокоиться и перестать скакать галопом, словно у животного во время бега. Мои мысли все еще в беспорядке. Я могу лишь лежать здесь, пока Кайла поднимается и ложится рядом со мной, ее голова опирается на руку, пальцы прослеживают татуировку на моей

груди.

— Привет, — говорит она.

Я прочищаю горло.

— Привет, — несмотря на это, мой голос грубый, как наждачная бумага. — Это было...

— Я знаю, — говорит она, полностью уверенная в том, что сотворила со мной. — Это было меньшее, что я могла сделать за три вчерашних оргазма.

Я облизываю пересохшие губы и наклоняю голову, чтобы в полумраке посмотреть на нее. Ее глаза такие влажные и темные, и я знаю, у меня есть плохая привычка смотреть в них слишком долго, но я ничего не могу с собой поделать.

Я тянусь и беру пальцами прядь ее волос, аккуратно отводя от лица. В ней есть что-то такое, что время от времени делает меня нежным. Она усиленно пытается не показывать это, но я могу видеть, насколько глубоко внутри она уязвима. Как сильно она борется, чтобы скрыть это с помощью лаконичности и цинизма, но я знаю, оно там. И это пробуждает мое вездесущее покровительство.

— Полагаю, тебе скоро надо уходить, — мягко говорит она.

Я опешил. Как у собаки, у меня шерсть на загривке встает дыбом.

— Хорошо...

Она оборачивает руку вокруг

моей шеи и наклоняется ближе.

— Я не хочу, чтоб ты уходил. Но у тебя дома две собаки, а мне скоро надо собираться на работу.

Я киваю. Правильно. Собаки. Она права. Я никогда не планировал оставаться на ночь, просто так вышло. Кончить в нее это словно принять сильнодействующее снотворное, а тот факт, что я только что кончил опять — на свой живот — значит, что я могу снова отрубиться.

— У тебя есть полотенце или салфетки? — спрашиваю я ее, кивая на живот, на блестящую лужицу спермы. Мне повезло, что я не попал себе в глаз.

Она встает с кровати, ее

гладкое, соблазнительное тело, словно силуэт женщины в шпионском фильме. Бросает мне коробку с книжной полки, и я быстро вытираю беспорядок.

— Тебе нужен душ? — спрашивает она, когда я заканчиваю. Ее голос падает на октаву, звуча так по Скарлет Йохансоновски. — Могли бы принять его вместе.

Это слова как энергетик для моего члена, я чувствую, как он пульсирует, несмотря на то, что должен быть опустошен. Но я не выдохся. У меня нет никакого намерения, идти домой прямо сейчас, если я могу ему помочь. Сейчас еще так рано, собаки, должно

быть, еще спят. Если я еще чуть задержусь, с ними все будет нормально. Я не знаю, сколько еще минут в моей жизни будет Кайла Мур.

— Конечно, — говорю я ей. Она берет меня за руку и тянет с кровати. Сейчас, когда я нависаю над ней, она выглядит такой хрупкой и крошечной, и, смешно сказать, беспомощной, хоть я и знаю, это точно не так.

Она смотрит вниз, увидев мою растущую эрекцию.

— Черт, — говорит она. — Как такое вообще возможно?

Я гордо стою перед ней.

— Со мной возможно все.

— Ты и правда зверь, — комментирует она.

— Забавно, — говорю ей, — это мое прозвище на поле.

— Полагаю и в спальне.

— Нет, — говорю ей, кладя руки на маленькую талию и подталкивая ее. — Только с тобой.

Она ухмыляется. Выходит из моих рук и идет сексуальной походкой, ее бедра всю дорогу к ванной покачиваются туда-суда. Она включает свет и заслоняет рукой глаза, усиленно моргая.

— Слишком ярко, — говорит она.

— Чтобы лучше тебя видеть, — говорю я, следуя за ней.

Ее ванная комната размером с обувную коробку, с раковиной, туалетом и стеклянной душевой кабиной. Большое зеркало простирается вдоль всей стены, добавляя пространству глубины. Я смотрю на наши отражения. Рядом с ней я выгляжу таким огромным - шрамы, спутанные волосы, десятки тату. Я похож на хулигана, боксера, неудачника. По сравнению со мной, она выглядит как принцесса, такая нежная, мягкая и бледная. Я действительно зверь.

Слава Богу, ей это нравится. В отражении она встречается со мной глазами, и ее губы приоткрываются достаточно для меня, чтобы получить

представление о ее языке.

— Забирайся в душ, — говорю я ей. — Намыль верх.

Она хмурится, подходя к нему и включая.

— Чем ты планируешь заняться?

— Он не достаточно большой для нас обоих, — говорю ей. — Я буду смотреть, как ты моешься. А потом нагну тебя и как следует трахну.

Она наклоняет голову, оценивая меня с выражением удивления на милом лице.

— Опять же, кто ты? Ненасытный мужчина?

— Идеальная пара для

ненасытной девочки. — Дарю ей полуулыбку и киваю головой на душ. — Иди.

— Хорошо, — медленно говорит она, вскидывая брови. Она заходит в душ и позволяет воде течь по телу. Откидывает голову назад, выгибает спину, потоки воды несутся по торчащей груди, тугой попке, каждой мягкой и соблазнительной части ее тела. Это как смотреть гребаное порно, но это вживую и прямо передо мной, и сейчас, в эти последние утренние часы, она вся моя.

Я опираюсь спиной на раковину, и в мгновение ока мой член снова твердый и горячий между

моими руками. Я смотрю, как она выдавливает гель для душа на губку и пробегает ей по всему телу, белая мыльная пена стекает между ее грудей и вниз по бедрам и тазу.

— Поиграй с собой, — говорю ей, мой голос грубый от похоти.

Она ухмыляется мне.

— А ты любишь командовать.

— Опять же, как и ты.

Кайла одаривает меня торжествующим взглядом, ее глаза прикованы к моим, пока ее руки и губка ныряет между ног. Большинство девушек сейчас отвели бы взгляд, ощутив себя открытыми, выставленными на обозрение. Но у нее с этим проблем нет, она

показывает мне всю себя. И смотрит мне в глаза, пока ее собственное удовольствие не заставляет ее прерваться. Ее голова откидывается назад, глаза прикрыты, этот великолепный, похотливый рот открывается, когда она стонет.

Да. Больше я не выдержу.

Я подхожу к кабине, и она прижимается к стене, освобождая для меня место.

— Оставь дверь открытой, — говорю ей. — Положи руки на край.

— Пол намокнет, — говорит она, но все же подчиняется.

— У тебя есть полотенца.

Она пожимает плечами, и я вижу намек на напряженность на ее

лбу. Это не совсем беспокойство — она просто не знает, что будет дальше.

— Мне сходить за презервативом? — спрашивает она.

— Это зависит..., — говорю я. Хватаю ее за волосы и прижимаю ее голову так, что она наклоняется, гладкая, мыльная попка прижимается к длине моего члена. Она нащупывает ручку двери, хватаясь за нее обеими руками. Зеркало напротив прекрасно демонстрирует нас, хоть и начинает медленно запотевать.

— Зависит от того, что? — спрашивает она, но могу сказать, она уже знает, что я запланировал.

Я скольжу пальцами между половинками ее попки, вверх и вниз, исследуя ее клитор, а затем двигаюсь выше.

— Это хорошо? — шепчу я, проводя пальцем по дырочке.

Она кивает, но ничего не говорит. Я медленно толкаюсь пальцем внутрь, затем обратно, убедившись, что он достаточно скользкий и мыльный, прежде чем войти снова. Она сжимается вокруг меня, и я должен дышать глубоко, убедившись, что не лишусь шанса, до того, как у моего члена появится шанс проскользнуть внутрь.

Я выжимаю гель для душа в ладонь, мои глаза встречаются с ее в

зеркале, пока наши черты постепенно запотевают. Я растираю его по своей длине, а затем с одной рукой, удерживающей ее бедра, и другой, расположившейся у основания члена, я толкаюсь в узенькое пространство.

Она задыхается, но придвигается чуть ближе, давая знать, что я могу продолжать. Я делаю это так легко, как только могу, мои движения медленные и осторожные.

— Все в порядке? — бормочу я, надеясь, что она, по крайней мере, получает от этого острые ощущения, даже если они непохожи на мои собственные. Прежде чем у нее

появляется шанс ответить, я отпускаю ее бедра, и моя рука скользит между ее ног. Трудно сказать, она мокрая от душа или из-за собственного возбуждения. Мне нравится делать вид, что это из-за меня.

Она сразу же расслабляется на моих пальцах, расставляя ноги шире на скользкой плитке. Мышцы спины разглаживаются, и голова безвольно свисает, пока она отдает себя мне.

— Посмотри на себя, — грубовато шепчу я. Я хочу, чтоб она посмотрела на свое отражение, на нас, на соприкосновение наших тел. Тьма и свет. — Посмотри на меня.

Она осторожно поднимает

голову, и я встречаю ее страстный взгляд, удерживая на месте. Я толкаюсь в нее и обратно, ее попка такая чертовски тугая, что у меня совсем мало времени — я пропадаю в гладкой хватке, полноте ее молочных ягодич. Я полностью теряюсь в ней.

К счастью, я могу работать в многозадачном режиме. Мои пальцы работают быстрее, пока я жестче врываюсь в нее, с той частичкой контроля, которая у меня осталась. Такое ощущение, что мне не хватает воздуха в легких, и начинают мерцать огни, даже несмотря на то, что все это происходит у меня в голове, пока я стараюсь не разрывать визуальный контакт с ней в зеркале.

Когда ее лицо начинает искажаться, я знаю, она близка, ее рот приоткрывается, глаза трепещут, борясь за то, чтобы смотреть на туманную версию меня когда все, чего они хотят, это закрыться. Она тяжело кончает, дрожа так сильно, что чуть не падает на колени, но мне удастся удержать ее в вертикальном положении, весь ее вес на моей руке. Моя рука напрягается, в то время как пальцы выжимают все до последней капли удовольствия из ее набухшего клитора.

Я не отвожу взгляд. Ни разу. Я возвращаюсь в Шотландию один, и мне необходимо, чтобы в моей голове отпечаталось каждое воспоминание

о ней.

Я кончаю быстро. Резко. Оргазм застает меня врасплох, мои крики эхом отражаются от стен ванной, и я изливаюсь в нее. Ощущения такие охрененные, что я едва могу стоять. Когда мне удастся открыть глаза, размытое отражение Кайлы смотрит на меня в зеркале.

— А ты грязный мальчишка, — говорит она. — И удачливый, — добавляет она. — Уже перешел к анальному сексу?

Я не в силах бороться с усмешкой, появляющейся на моем лице. Я пожимаю плечами и медленно выхожу из нее.

— Я не откажусь от шанса,

если ты рядом. Я не шутил, когда говорил, что проведу с тобой каждую свободную минуту с сегодняшнего дня до воскресенья.

— Как жаль, что через пару часиков ты не можешь заскочить ко мне на работу, — говорит она. — И залезть ко мне под стол.

Я облизываю губы.

— Одно твое слово и я буду там.

Она хватает полотенце и оборачивает его вокруг талии, оставляя свои красивые сиськи обнаженными.

— Не искушай меня. Я и так близка к тому, чтобы бросить работу. — Она кивает на душ. — Не

торопись, — говорит она, а затем выходит из ванной.

Я быстро наношу какой-то шампунь или гель для душа на волосы, не слишком заботясь о том, что это, и через несколько минут выхожу и вытираюсь.

Я голый шагаю в ее спальню. Вялый, да, но, судя по взгляду в ее глазах, она по-прежнему чертовски впечатлена. Каким-то образом она уже одета для работы, а ведь солнце лишь начинает вставать на востоке.

— Ты быстро, — говорю ей.

Она быстро улыбается мне, вдевая сережку в ухо.

— Ничего другого мне не остается. — Ее глаза исследуют мое

тело. — Так, в следующий раз, когда я тебя увижу, надеюсь, ты, наконец, расскажешь мне о своих татуировках.

Моя улыбка исчезает. Я сглатываю, не готовый обнажить себя таким образом.

— Я расскажу тебе парочку историй. Остальные утомят тебя до слез.

— Лаклан, — говорит она, и то, как она произносит мое имя, почти заставляет меня снова затвердеть. Она идет ко мне и кладет руку на мою челюсть. — Тебя никак нельзя назвать скучным.

Я хмыкаю, пожимая плечами. Она может думать, что я занятый, пока хочет меня, но я не собираюсь

вдаваться в подробности. Она станет последней, такой необходимой мне интрижкой, прежде чем я вернусь к регби, собакам и моей нормальной жизни. В этом виде ограниченного соглашения нет места реальности.

Я хватаю ее за руку и целую ладонь.

— Когда я увижу тебя снова? Ты можешь прийти после работы?

Она, кажется, задумывается на минуту.

— Как насчет, в районе восьми?

Я киваю.

— Звучит превосходно.

Ее руки тянутся к моей груди, снова пробегаясь пальцами по моей

татуировке, словно она читает шрифт Брайля (прим. пер. Шрифт Брайля (англ. Braille) — рельефно-точечный тактильный шрифт, предназначенный для письма и чтения незрячими и плохо видящими людьми).

— Подвезти тебя домой? Это не далеко от моей работы.

Обычно я бы настоял на том, что доберусь сам, но сейчас почему-то этого не делаю. Я собираюсь выжать каждую минуту из пребывания здесь.

— Было бы здорово, — отвечаю я.

Достаточно быстро я одеваю костюм, и она подвозит меня до

моей квартиры. Солнце светит вниз на город, и нет ни намека на туман. Все сверкает новыми красками. Абсолютно все.

Я наклоняюсь и кончиками пальцев беру ее нежный подбородок, наклоняя к моим губам. Нежно целую ее.

— Спасибо.

Она вспыхивает, краска расползается по щекам, и кивает.

— Такое чувство, что это я должна тебя благодарить. И сильно.

— За что?

Она улыбается. Смущенно.

— Что наконец-то поддался моим чарам.

Я ухмыляюсь на это и качаю

головой.

— Я поддался им уже некоторое время назад, лапочка. Просто ждал, когда это дойдет до моего мозга. Рад, что это все же случилось, — я снова целую ее и подмигиваю, прежде чем выйти из машины. На тротуаре я наклоняюсь, чтобы видеть ее на водительском сиденье. Поднимаю ладонь. — До встречи.

— До встречи, — говорит она, прикусывает губу и отъезжает. Я смотрю, как она уезжает, а потом всасываю утренний воздух, единственное время, когда город не ощущается грязным. И направляюсь в свою квартиру, готовый разобраться с

собаками и всем остальным, что может еще в этот день свалиться на меня.

Должен признать, остальную часть дня я вроде как ни на что не годен. Я делаю то, что надо сделать — отвожу собак к ветеринару, ищу дом для Эда, занимаюсь в тренажерном зале — но мозгом я не там.

Это изменение для меня, быть в кои-то веки настолько всецело сосредоточенным на человеке вместо регби или спасения. Это хорошо, на самом деле, потому что сохраняет нежелательные мысли и желания на расстоянии. Как правило, мой мозг ощущается рассеянным, будто каждый нейрон проносится через

призму, и вместо света и радуг, есть только оттенки черного и серого. Я снова и снова впадаю в уныние, куда-то глубоко и беспокойно, и уходит много времени на то, чтобы вытащить меня, перетащить меня на светлую сторону.

Я знаю, что укрощаю зверя на моей спине, того, который хочет перетянуть меня на темную сторону. Но уделяя ему слишком много внимания, я даю ему слишком много власти. Но с Кайлой...я все еще могу быть нервной развалиной с ожесточенным сердцем, но, по крайней мере, она является причиной всего этого.

Я снова на прогулке с

собаками, пытаюсь научить Эмили команде «рядом». Это нелегко, она боится каждого человека, автомобиля и объекта, с которым мы сталкиваемся. Иногда, когда я на взводе, собаки реагируют на мое настроение к лучшему или худшему. Я решаю попробовать снова в другой день. Направляюсь обратно в квартиру, когда ко мне приходит понимание. Я могу ходить вечно, но не смогу перегореть.

Звонит телефон. Брэм.

— Привет, — отвечаю я.

— Так, так, так, — говорит

Брэм. — Это ли не человек часа?

— Зависит от того, какой час ты имеешь в виду.

— Кажется каждый, — говорит он — Хочешь, чтоб сначала я рассказал тебе хорошие новости или хочешь рассказать мне свои хорошие новости?

Я прочищаю горло, недоумевая.

— Что, хм, у меня хорошие новости?

— Точно, — говорит Брэм. — Так или иначе. Сегодня утром у меня была встреча с мистером Маллиганом, отцом Жюстин. — Он делает паузу, и я не прошу его продолжать, потому что знаю, он сделает это сам. Всегда такой драматичный. — И он согласился вложиться.

Я ухмыляюсь, чувствуя

облегчение за Брэма.

— Это отлично, приятель.

— Знаешь, я обязан этим тебе,
— говорит он.

Я ворчу, чувствуя дискомфорт
от его слов.

— Да пустяки.

— Это не пустяки, — говорит
он, становясь серьезным. — Без тебя
ничего бы не получилось. — Его тон
добавляет серьезности остальному.
Думаю, мне больше нравится шутник
Брэм.

— Послушай, — говорю я,
пробегаясь рукой по подбородку и
тяну собак обратно, когда мы ждем
на пешеходном переходе. — Я
сделал, что мог. Знаешь, мне

нравится помогать, и если я могу это сделать, я делаю.

— Жаль, что Жюстин не стоила твоего времени.

— Плохо для Жюстин, что я не стоил *ее* времени, — говорю я.

Он усмехается

— Бедная девочка. Полагаю, как и остальные. Знаешь, я думал, ты привык гулять и получать киску везде, где можешь.

— Люди меняются, — говорю я.

— Да, — говорит он. — Меняются. Или все же нет?

Я знаю, куда он клонит.

— Что ж, спасибо, что сообщил мне, кузен. Рад, что это сработало.

— Знаешь, Лаклан, будет прискорбно смотреть, как ты уезжаешь.

— Тебе? Ага.

Он выпускает смешок, который быстро гаснет. Тяжело вздыхает.

— Было бы приятно, узнать тебя немного получше. Честно. В прошлом у нас никогда не было подобного шанса.

— Очень жаль, — говорю я. — Но я никогда не облегчал вам задачу, парни. А потом вы переехали.

— Смешно, что она будет той, кто знает тебя лучше нас.

— Она?

— Это была твоя хорошая новость, да? Кайла. Я получил

инвестиции, ты заполучил девушку.

Я потираю губы.

— У меня нет девушки, — умышленно говорю я. — То, что у меня есть, это ненадолго. Только на несколько дней, вот и все.

Брэм фыркает.

— Ты ж трахнулся. Мог бы звучать счастливее.

Мне действительно не нравится обсуждать это с Брэмом. Это немного странно, во всяком случае, что он и Линден и Стефани и Никола сидят и обсуждают дела друг друга. Мои приятели дома в Эдинбурге так не делают.

Опять же, я заметил, когда дело доходит до них, Кайла как будто

лишняя. Она всегда с краю, даже в тот первый день, когда я увидел ее в баре. Я сделал вид, что она не заинтриговала меня, хотя это не так. Но это была не ее личность или ее внешность, не тогда. Она была не больше, чем точка на моем радаре. Хотя я заметил, что она на самом деле была не с ними. Она была рядом, но отдельно.

Я распознал это, потому что я это понимаю. Я сам живу именно так. Если есть кто-то, похожий на вас, вы это увидите. Это закономерность. Вы узнаете это по взгляду, по отношению к жизни, в песне. Тихий дух взаимопонимания, душевная связь. Я считаю все мы

ищем подобное в каждом, кого видим, везде, где бы не находились, и когда мы это находим, мы обнаруживаем в этом себя. Через мрачное зеркало, как говорится.

Но то, что я увидел в Кайле, было далеко от тьмы. Это был свет.

— Слушай, Брэм, я лучше пойду, — говорю я ему. — У меня здесь парочка дворняг, которыми нужно заняться.

— Да, слышал про это, — говорит он, и это заставляет меня задаться вопросом, что он еще знает. Может Кайла много болтает. — Слушай, я думал...теперь, когда ты с Кайлой...

— Я *не* с Кайлой, — поправляю

я. Время на исходе, я не хочу, чтобы *мы...* кем бы мы ни были друг другу...были большим, чем есть на самом деле.

— Теперь, когда я тебя есть подружка для секса на ограниченное время, — поправляет себя Брэм, хотя это звучит не очень хорошо. — Я подумал, что нам вшестером надо выбраться на выходные загород.

— Я уезжаю в воскресенье, — напоминаю я ему, глядя вниз на Эда и Эмили, которые смотрят на меня большими глазами. — И со мной будет, по меньшей мере, одна собака.

— Я знаю, знаю, выслушай меня. У тебя рейс не раньше обеда, так ведь?

— Угу. В три дня.

— Пятница и вечер субботы, долина Напа. Ты был там?

Я вздыхаю, на самом деле я не хочу, чтобы что-то помешало моим планам заполучить Кайлу всю для себя одного.

— Нет, не был.

— Это примерно в полутора часах езды от города, — говорит он мне. — Великолепное место. Я забронирую всем номера в отеле, и я знаю комплекс с виноградником, который принимает собак.

— Может тебе стоит начать прямо сейчас экономить деньги, Брэм, — советую я. — Шотландцам следует быть поприжимистее.

Он фыркает.

— Я не плачу за всех. Ты заплатишь за свою комнату сам, да? Но послушай, не хочу никому наступать на пятки. Обсуди это с Кайлой и дай мне знать. Остальным я пока ничего не скажу. — Он делает паузу. — Просто для всех нас было бы здорово увидеться пока ты не уехал, и таким образом тебе не придется быть далеко от нее.

Я смотрю наверх, как с запада надвигается туман, развеваясьсь между высокими зданиями, и вздыхаю

— Хорошо. Я спрошу ее. Но если мы поедем, не жди, что будешь видеть нас часто, может только за обедом. Да и это я не обещаю.

— Молодец, — говорит он, прежде чем попрощаться и повесить трубку.

Я засовываю телефон в карман и смотрю вниз на собак.

— Ну что, как насчет того, чтобы попытаться быть незаметными. — Они поднимают голову, будто слушают меня. Иногда я думаю, что так и есть. К счастью, собака никогда не сможет дать вам совет. Они просто слушают и смотрят, как вы принимаете свои собственные решения.

Когда вечером я увижу Кайлу, то спрошу ее, хочет ли она поехать. Просто надеюсь, подобное путешествие не напугает ее. При

нормальных обстоятельствах, я бы не стал мечтать о том, чтобы выбраться куда-то с девушкой, с которой просто сплю, и предполагаю, Кайла чувствует то же самое. Но так как я уезжаю, все немного иначе. Это нарушение правил.

В любом случае я никогда не беспокоился о правилах.

Глава 13

КАЙЛА

Я не могу нормально ходить.

Мое тело болит. Как после игры в регби, но хуже, и в то же время, лучше. Потому что трением между ног и в других местах напоминает

мне о том, что мы делали всю ночь напролет.

Потому как...

О мой Бог.

О мой Бог.

Такое впечатление, что мне нужно весь день щипать себя, за исключением того, что мое больное тело продолжает делать это за меня. Каждое мое движение напоминает мне о Лаклане. Его невероятном члене. Опытных, властных руках. Его великолепных губах...*повсюду*. Этих глазах, пронзительных и пытливых глазах, ни на минуту не отводящих взгляд. Эти глаза прикасались ко мне, ласкали меня, как и другие части его тела. Прошлой ночью я

чувствовала себя окончательно изумительно сраженной этим шотландским зверем, и я до сих пор трепещу.

Это на самом деле случилось.

Он подарил мне лучший секс за всю мою жизнь.

Как, нахрен, я собираюсь когда-нибудь покончить с этим?

К счастью, он хочет увидеть меня снова. Как можно скорее. Я бы пришла сразу после работы – это имеет смысл, ведь он живет рядом с офисом. Но мне нужно собраться с мыслями и взять себя в руки. Мне нужно проанализировать то, что произошло, прежде чем меня снова поглотит страсть, потому что я не

могу бороться с этим мужчиной. Если я не приведу мысли в порядок, неделя с ним затопит меня.

До того, как рабочий день закончился, я, наконец, отвечаю на безумные смски Стеф и Николы и говорю им встретиться со мной в Lion для разговора между девочками.

Конечно, когда я на самом деле добираюсь до бара и вижу Стеф и Николу в кабинке, болтающих друг с другом за пивом, я замираю. Кажется после всего того, что случилось, я не смогу общаться, не звуча при этом как идиотка, не вдаваясь в подробности.

Я делаю глубокий вдох и иду к ним, стараясь сохранить

невозмутимое выражение лица, хотя чувствую, как на моих губах возникает улыбка.

Они обе оборачиваются, чтобы посмотреть на меня, и замолкают.

— Боже мой, — медленно говорит Стеф, оглядывая меня с ног до головы.

— Что? — я смотрю на свою одежду, узкие черные джинсы и блузка с бантом на шее. Я выбирала наряд утром в спешке, пока Лаклан принимал душ. Мои мысли сразу же порхают обратно к его глазам, когда они смотрели, как я намыливала себя, затем на наше отражение, когда он брал меня сзади. В чертову задницу. Я делала подобное раньше,

но никогда не *так*. Так *хорошо*. Адски горячо. И неожиданно, особенно от Лаклана, но человек, которым он был, когда трахал меня, сильно отличается от того, кого я видела раньше.

— Кайла? — Спрашивает Никола.

Я качаю головой и смотрю на них.

— Да, что?

Стеф смеется, широко раскрыв глаза в недоумении.

— О мой Бог. Так ты всё-таки переспала с ним.

Не имеет смысла отрицать очевидное.

— Что заставляет тебя говорить

подобное?

— Ты светишься, — говорит Никола.

— И у тебя самодовольная усмешка на лице, — добавляет Стеф. — Теперь сядь, блин, уже вниз и расскажи нам все.

Я не могу бороться с улыбкой. Сажусь рядом с Николой.

— Ты сегодня работаешь? — спрашиваю ее.

— Ага, скоро начну. Брэм с Авой, — быстро говорит она. — Но не меняй тему. Ты должна нам. Давай, выкладывай все.

— Что произошло? — спрашивает Стеф, взволнованно наклоняясь вперед, крепко сжимая

свое пиво. — Знаешь, он пришел сюда в поисках тебя, и...

— Ты дала ему мой адрес.

— Ты бы предпочла, чтоб я не давала?

Я качаю головой. Если бы не она, прошлой ночи могло бы не быть.

— Ты же знаешь, он был с Жюстин только из-за Брэма, — добавляет Никола.

— Я знаю, знаю, — говорю я ей, стараясь не думать об этом. — Он объяснил.

— А потом вы трахнулись, — кивая, говорит Стеф.

Я смотрю на нее.

— Именно это мы и сделали.

— Ну, — говорит Никола, глядя

на меня большими, жадными глазами, — Как это было?

Я облакачиваюсь на спинку сиденья.

— Сложно сказать.

— Что? — Недоверчиво спрашивает Стеф. — Хочешь сказать, ты не будешь разглагольствовать о его Халк-пенисе?

Старая Кайла рассуждала бы о любом Халк-пенисе, с которым столкнулась, но эта Кайла...этой Кайле не хотелось говорить о Лаклане в таком ключе.

— Я не хочу об этом говорить, — отвечаю ей.

— Так плохо, да? — Сочувственно говорит Никола.

— Нет, — быстро говорю я. —
Нет, нет. Полная противоположность
плохому. Это было... — я качаю
головой туда-сюда, пытаюсь
придумать правильное слово. —
Изумительно. Эпохально. Его член
разрушил меня для всех остальных
пенисов на земле.

Никола и Стеф обмениваются
взглядами.

— Ого, — говорит Стеф. — Вау.
— Да. Я так боюсь. — Я
пропала.

Длительная пауза.

— Так это был Халк-пенис? —
продолжает Стеф.

Я смотрю на нее.

— Его член невероятно

пропорционален его телу, а он огромный мужчина. Это все, что я собираюсь сказать.

— Хорошо, что у тебя было много практики для разминки, — с ухмылкой говорит Никола.

— Заткнись.

— Так и что теперь? — интересуется Стеф.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спрашиваю я.

Она пожимает плечами и делает глоток пива.

— Ну, он уезжает.

— Да, я знаю.

— Так...ты собираешься увидеться с ним до этого.

Я нащупываю телефон в

кармане и смотрю на него.

— У меня есть два часа, прежде чем я встречу с ним в его квартире. Это последний раз когда вы видите меня, пока он не уедет. Я ответила на твой вопрос?

— Понятно, — говорит Никола.

— Вот облом, да? — размышляет Стеф. — Имею в виду... ты, наконец, заполучила его...и он уезжает.

Я вздыхаю и убираю волосы от лица.

— Угу, вот тебе и перерывчик, да? Имею в виду, боже упаси получить реальный шанс с парнем, в которого я влюбилась впервые после Кайла.

Они обе смотрят на меня с открытыми ртами, и у меня уходит минута на то, чтобы понять, что я произнесла вслух то, в чем даже не призналась самой себе.

— Боже мой, — говорит Стеф.
— Ты, правда, сказала, что ты...

Я резко смотрю на нее.

— Нет. — Прочищаю горло. —
Нет. Очевидно. Я не знаю его. Это просто увлечение.

— Это нечто большее, —
говорит Никола. — Хорошо, что ты признаешь это, Кайла. Пришло время почувствовать что-то.

— Пришло время? — бросаю я.
— Хреновый выбор времени. Я не хочу видеть в нем ничего больше, чем

просто машину для фантастического секса. Правда. Так что давайте забудем что я сказала. У меня есть неделя, чтобы оторваться, а потом он уедет, и я снова вернусь к тому, что было. Нахрен. Это лучше, чем ничего.

Никола кусает губы, выглядя до глупого грустной.

— Ну, что еще? — спрашиваю я, закатывая глаза.

— Ты останешься с разбитым сердцем.

— Что? — Вскрикиваю я, хлопая ладонями о стол.

— Ник, — увещевает Стеф. — Давай будем оптимистами.

Кровь так громко шумит у меня

в голове, что я едва слышу Николу.

— Просто говорю, что, если бы я была тобой, — объясняет она, — и у меня, наконец, появились чувства к парню, и мне с ним была отведена только неделя, я осталась бы с разбитым сердцем.

— Это потому что ты плакса, — ехидно говорю я. — Хотя думаю, ты не была такой, пока Брэм не засунул в тебя свой хрен.

— Он был правильным хреном, — подводит она итог. — А это твой правильный член.

— Слушай, — перебивает Стеф. — Теперь у нас у всех есть правильные хрены. Но Кайла с Лакланом, у них не то, что у меня с

Линденом. Или у тебя с Брэмом.

Мне как-то удастся не обижаться на это.

— Ах да, и что же у нас?

Брови Стеф поднимаются к потолку.

— Ну. Как ты только что и сказала, ты не знаешь Лаклана. Он не знает тебя.

— Верно.

— И он уезжает, так что у вас даже нет времени узнать друг друга.

— Верно, — говорю я, растягивая слова.

— И даже если тебе кажется, ты стала немного помягче на поворотах, ты по-прежнему ты, Кайла. Готова поспорить, если б он

не уезжал, ты бы нашла какой-нибудь предлог отстраниться и сбежать. Так что, вопреки тому, что думает Никола, я считаю, что эти отношения, договоренность или что бы это ни было, идеальны для Кайлы Мур. — Она поднимает пиво в воздухе и твердо смотрит мне в глаза. — Иди и вытрахай из него всю душу. Вот за это мы и выпьем.

Никола что-то бурчит, но поднимает свой стакан.

У меня стакана нет, так что я могу только кивнуть им.

— Что ж, тогда все в порядке. За перепих.

— За перепих, — в унисон говорят они.

В районе восьми вечера я паркуюсь на свободном месте и несколько минут сижу в машине, заламывая руки и собираясь с духом, чтобы подняться наверх. Это не значит, что я боюсь. Но я нервничаю. Даже не знаю почему. С тех пор, как я покинула девочек в Lion, я думаю о Лаклане и о том, что мы сделали. О том, что мы можем сделать снова. Чувствую себя так, будто сохну по какой-то знаменитости, кому-то вымышленному, тому, кто заставляет меня чувствовать себя не в своей тарелке. Это нереально.

— Да успокойся ты уже, — громко говорю я себе и наклоняю шею, чтобы посмотреть в окна от потолка до пола в доме Лаклана, пытаюсь сосчитать этажи и понять какое из них его. Я взволнованно открываю пудреницу и наношу помаду на губы, задаваясь вопросом, как быстро она исчезнет, когда я войду в его квартиру.

Он собирается сразу же поцеловать меня?

Будет ли это вечер секса?

Мы сразу же трахнемся?

Все варианты заставляют меня нервничать.

Сделав глубокий вдох, я выхожу из машины и иду к входу. Мой палец

тянется к номеру его квартиры. И тут я пользуюсь моментом, чтобы посмотреть на себя в отражении стеклянных дверей. Я рванула с работы домой, чтобы переодеться в черное платье с бретельками, в стиле ночнушки 90-х, и сексуальные розовые туфли на платформе. Ни лифчика. Ни трусиков. Какой смысл?

Я нажимаю звонок и несколько минут жду, мой пульс стучит в запястье. Из динамика раздается отчетливый голос Лаклана, немного ленивый и мягкий как сливочное масло.

— Кайла?

— Привет, — говорю я. Я хочу сказать что-то еще, вероятно что-то

неловкое, но он тут же выпускает меня. Я громко выдыхаю, пытаюсь снять напряжение, но, пока иду к лифту, продолжаю нервничать. Последний раз я была здесь, когда мы спасали собак. Он был без рубашки. Он казался таким близким и одновременно таким далеким. Но вот теперь, *теперь*, после того, как мои губы знают его вкус, моя потребность в нем сильнее, чем когда-либо.

Я стучу в дверь, закусив губу в ожидании, пока она не распахивается, и я не вижу его, небрежно опирающегося о косяк. Приятные звуки Фионы Эппл «Slow Like Honey» доносятся из комнаты.

— Ты не должна была так одеваться, — говорит он, на его губах слабая улыбка. Боже, я скучала по этим губам.

— Почему нет? — спрашиваю я, поднимая бровь. Спустя секунду я перестаю нервничать и понимаю, насколько легко вот так просто разговаривать с ним.

— Ты делаешь невозможным перейти к закускам, — говорит он, отодвигаясь и впуская меня. Он вернулся к своему обычному стилю — белая термальная кофта, частично расстегнутая так, чтобы показать намеки на загорелую кожу, волосы на груди и татуировки, цепочка с небольшим деревянным крестиком,

зеленые штаны карго. Он нравится мне в таком виде так же, как в костюме.

Я вхожу, каблуки стучат по плитке.

— Думала, что закуска *это* я, — говорю я, оглядываюсь по сторонам. Две собаки лежат рядом друг с другом на диване, свернувшись калачиком как спящие мыши. Они обе одновременно поднимают головы, чтобы посмотреть на меня. Питбуль глухо стучит хвостом, а лохматая собачка слегка дрожит, показывая зубы.

— Не обращай на них внимания. Они все еще осваиваются, — говорит он, закрывая дверь, и

указывая на стол на кухне, где на прошлой неделе я брала у него интервью. — Это закуска.

На столе стоит бутылка красного вина, два бокала, и сырная тарелка, украшенная бри, камамбером, чедером, инжиром, джемом, медом и кростини.

— Вау, — мягко говорю я. — Все это сделал ты?

Он пожимает плечами, издавая пренебрежительный звук.

— Пустяки.

— Романтично, — говорю я. — Я и не предполагала, что ты романтик.

Он поднимает идеально изогнутые брови.

— Да? И кто я, ты предполагала? — Медленно наполняет бокал вином.

Я стою, наблюдая, как он наливает меньше вина в другой бокал. Его предплечье сгибается, татуировка льва будто рычит. Нахмуливает лоб, возможно ожидая моего ответа. Он ведет себя со мной абсолютно непринужденно, но в его глазах всегда есть эта дикость, которая никогда не уходит. Единственный раз, когда я видела в них умиротворенность, это когда он кончил вчера вечером.

— Предполагала ты мужчина, который второй раз на меня и не взглянет.

Он посылает мне кривую улыбку и закупоривает бутылку.

— Что ж, лапочка, ты знаешь, что это не так.

Я медленно иду к нему, глядя сквозь ресницы, как какая-то роковая женщина.

— О, это правда. Ты не хотел иметь со мной ничего общего.

Его взгляд на секунду смягчается, прежде чем он направляется на кухню, доставая две небольшие тарелки из стеклянного шкафа.

— Я не хочу иметь ничего общего с большинством людей. Не принимай это на свой счет.

— Скажи это старой Кайле.

Она понятия не имела, что получит возможность положить твой великолепный член себе в рот.

Тарелки гремят на столешнице.

— А тебе действительно палец в рот не клади.

— Точно.

Он уверенной походкой возвращается в комнату, ставя тарелки вниз. Кивает на кресло.

— Вот. Присаживайся, пожалуйста.

Я кладу сумочку в угол кресла и сажусь. Обе собаки смотрят на меня с дивана.

— Как они? — спрашиваю я его.

Он оборачивается и я,

пользуясь моментом, оцениваю сильные, натянутые мышцы его шеи и плеч.

— Как я уже говорил, осваиваются. — Он садится и кладет руки перед собой. — Завтра придут посмотреть на Эда. Но думаю, Эмили поедет со мной домой.

— Кто из них Эд?

— Пит, — говорит он.

— Забавно, я думала, что для него будет труднее найти дом.

— Как правило, да. Но Эд большой симпатяга, и люди в этом городе чуть толерантнее к хулиганским породам, чем в Великобритании. У Эмили же, несмотря на ее милый вид, — он

оглядывается на собачку, которая тут же скалит на меня зубы, — есть проблемы с поведением. С ней надо поработать.

— И ты тот, кто их учит? — Спрашиваю я. — Потому что, если так, ты заклинатель собак, а это значит, что нет почти ничего, что ты не мог бы сделать.

Он смотрит на свои руки и лениво пожимает одним плечом.

— Я нашел Лионеля на улицах Эдинбурга. Мне удалось научить его. Может чему-то и он меня научил. С собаками ты этого никогда не знаешь. Но...для тренировки собак нужен специальный человек, особенно для тех, кто прошел через

жестокое обращение или травму. Я не такой тип. Я сделаю все, что могу, чтобы спасти их, но я не тот тип, который может учить их послушанию.

— Правда?

Тихая, почти застенчивая улыбка возникает на его губах.

— Собаки с поведенческими проблемами не должны учиться у человека с поведенческими проблемами.

Я жду, что он засмеется, но он этого не делает.

— О, — говорю я, пытаюсь придумать, что бы такого правильного сказать. — Просто ты так просто с ними общаешься. Они

были бездомными, а посмотри на них теперь.

— Я могу заставить собак доверять мне, — говорит он тихим голосом. — Потому что я им доверяю. Но я не могу заставить их доверять другим.

— Потому что ты не доверяешь людям?

Он медленно моргает, а потом тянется к ножке бокала.

— Думаю, я могу доверять тебе. Выпьем за это

— Выпьем, — говорю я, поднимая свой бокал и чокаясь с ним. Я не просто встречаюсь с ним взглядом, я ныряю в зеленый и серый. Они почему-то кажутся

темнее, движущиеся тени. Бездонные. Поведенческие проблемы? Какие? Сколько еще я смогу узнать о нем, пока он не уехал?

Я делаю глоток вина, а он едва прикасается к своему. Лишь маленький глоток, затем ставит бокал на стол и отодвигает в сторону.

— Я никогда не видела, чтоб ты много пил, — говорю я ему, надеясь, что произношу это легко, чтобы он не обиделся.

Он долго и неторопливо смотрит на меня, прежде чем облизывает губы и отводит взгляд.

— Да, из-за тренировок? — говорю я, предлагая ему легкий выход.

Медленный кивок.

— Да.

Он все еще не смотрит мне в глаза. Его внимание сосредоточено на сырной тарелке, и хотя он вроде не хмурится, как делает обычно, его плечи кажутся напряженными.

— Что еще ты должен делать?

— Спрашиваю я. Чувствую, мы немного вернулись назад, и я хочу вернуть это сексуальное подшучивание.

Он барабанит пальцами по краю стола, и я наклоняюсь вперед, пытаюсь взять сыр с тарелки.

— Постоянная работа в тренажерном зале. Много работы на поле. Хорошая диета.

— Полагаю, она не включает вагон сыра, — говорю я, капая меда на свой кусочек.

— Не, всякая скучная ерунда. Куриные грудки, брокколи. Не так уж и весело, но в моем возрасте, если хочешь продолжать играть, ты должен делать подобное. Когда я был моложе, я мог есть, что захочу.

— А сколько тебе? — спрашиваю я.

— Тридцать два, — говорит он, и я немного удивлена. Полагаю из-за того, что он выглядит так мужественно — морщины на лбу, отросшая борода — я полагала, ему между тридцати пятью и сорока. Или может, в этом виноваты его глаза.

Я смотрю в них, несмотря на то, что они резко смотрят на инжир, пока он чистит его так, будто инжир что-то сделал ему. Глаза, которые сбивают меня с толку. Глаза старой души, кого-то кто видел и сделал уже слишком много. В них постоянно идет какая-то борьба, борьба, которую я хочу помочь ему выиграть.

— Это тебя удивляет? —
Спрашивает он, быстро взглянув на меня.

Я откусываю маленький кусочек кростини.

— Вообще-то нет. Просто ты кажешься более зрелым.

Он берет инжир и раскладывает его по козьему сыру и

кростини.

— Играть в регби в тридцать это все равно что напрашиваться на неприятности. Все эти годы ударов, травм, напряжения. Это сказывается. Не знаю, что случилось, но когда мне исполнилось тридцать, все стало немного ухудшаться.

Он предлагает мне остатки инжира, и я беру ягоды из его ладони, мои пальцы задевают его. Одно простое прикосновение, и я чувствую, как оно проходит по всей длине моей руки прямо к сердцу.

Бац! Дождь из искр.

Я сглатываю, пытаюсь игнорировать это чувство.

— Долго ты играешь?

Он нахмуривается, прищуривая глаза, мысленно считая.

— Двадцать два. Да. — Он кивает. — Десять лет.

Я моргаю, пораженная.

— Так долго. Это нормально?

— Полагаю да, — он поджимает губы и рассуждает. — Я хорош в том, что делаю. Им нужен кто-то быстрый, кто-то, кто снесет все на своем пути. Это моя работа. Но я не могу делать ее вечно. После того, как я облажался с моим чертовым сухожилием...знаю, мне осталось недолго.

— Ты говоришь так, будто умираешь.

Он втягивает щеки.

— Регби спасло мою жизнь. Я не уверен, что буду делать, когда закончу.

— Тренировать? — с надеждой спрашиваю я.

— Не, — говорит он, жуя кростини и откидываясь на спинку кресла. Когда проглатывает, добавляет. — Или я в игре, или нет. Иного не дано. Я не так построен. Если я закончил, значит, конец.

И когда это закончится?
Думаю я, мы закончили?

Но конечно мы...мы, даже не мы.

— Может, ты просто займешься благотворительностью...связанной с собаками.

— Да, — говорит он. Он тянется к вину и делает небольшой глоток. Почти ставит бокал обратно, но делает еще один глоток, осушая бокал. — Продолжу заниматься этим. У помощи другим нет срока годности. Как бы чертовски банально это не звучало.

— Это не банально, — говорю я ему. — Это бескорыстно и прекрасно.

— Да брось, — ворчит он, выглядя смущенным. Он смотрит в сторону, сложив руки на своей широкой груди, его нереальное тело снова завладевает моим вниманием, закручивая мысли в сексуальном вихре. Хорошо сыграно, мистер

МакГрегор, хорошо сыграно.

— Почему лев? — спрашиваю я его. — Что за история?

Это пугает его, судя по всему, этого его слабое место.

— Ты о чем?

Я указываю на его предплечье.

— Там. Лев. Смотри. Ты сказал, что расскажешь пару историй. О своих татуировках. Почему ты их сделал.

Он прикусывает нижнюю губу и смотрит мне прямо в глаза.

— Разве я говорил такое?

— Да, — нетерпеливо говорю я. — Прошлой ночью...может быть утром. После одного хорошего траха.

— А, тогда это все объясняет.

— Ну же, дай мне что-нибудь.

— Если я дам тебе кое-что, ты отплатишь мне тем же?

Ничего не могу поделаться и ухмыляюсь как дурочка.

— Конечно.

— Тогда хорошо. — Он ерзает в кресле и снимает футболку, бросая ее на пол рядом. Раздвигает ноги и поглаживает по промежности брюк, взгляд абсолютно дикий. — Присаживайся.

Я снова испытываю головокружение при виде его тела. Мне удастся встать, и я тянусь к нему, как к магниту. Кладу руки на твердую ширину плеч и седлаю его. Мы так близко. Наши рты в дюймах

друг от друга.

Он тяжело дышит. Я задыхаюсь.

Он стена из мышц и чернил. А я такая мягкая и гибкая.

— Что ж, спрашивай, — говорит он, его голос тихий и нежный как кашемир. Этот голос я буду слышать во сне еще долго после его отъезда.

Его глаза не оставляют мои губы.

Я отодвигаюсь, чтобы лучше его видеть, хотя места маловато. Решаю пока оставить льва в покое, и пробегаюсь пальцами по его плечам, тугим и твердым мышцам. В неярких красках бушует шторм, мастерски затемненный старый корабль с

высокими парусами покрывает грудь.

— Эта, — мягко говорю я. —
Почему шторм? Почему корабль?

Он минуту жуёт губы, ища мои
глаза.

— Мне было двадцать четыре.
Я снова стал заниматься ерундой.
Потерял свое преимущество в игре.
Но я справился с этим, и стало
лучше. В гавани корабль в
безопасности, но их строят не для
этого. — Он наклоняет голову, будто
наблюдая за мной, хотя я смотрю
прямо на него. — Это помогает мне,
когда становится страшно.
Продолжать двигаться.

— Тебе бывает страшно? —
спрашиваю я его, не в силах

представить, чтоб этот сильный, мощный мужчина чего-то боялся.

— Постоянно, — откровенно говорит он. — Как жизнь может быть чем угодно, кроме как пугающей? Мы родились здесь. Мы не просили этого. И мы ожидаем, что как-то пройдем через это все, проживем каждый день и не умрем. Мы выживаем, и если не сделаем этого, то умрем. — Он смотрит в сторону, качая головой. — Неа. Мы все напуганы, каждый из нас

Я знаю, что и я тоже. Тому столько причин. Мое сердце немного смягчается, от понимания, что кто-то подобный ему может чувствовать себя так же, как кто-то подобный

мне.

Я слеую пальцами по тексту на его ключице.

— Nunquam iterum, — читаю я.
— Латынь, я полагаю?

— Да, — медленно говорит он, глядя в сторону. — Это значит никогда снова.

— Никогда снова, что?
На его губах появляется мрачная улыбка.

— Никогда снова многим вещам.

— Это все, что я получу?
— Об этом, да, — говорит он, наконец, снова встречаясь со мной взглядом. Его зрачки настолько большие, что гипнотизируют меня.

— Ты получишь еще один. Когда дашь мне что-нибудь.

Я глубоко вздыхаю и осматриваю каждый дюйм его кожи. Лев. «Надежда сильнее смерти» на боку. Отпечаток лапы с внутренней стороны руки. Стая ворон, закручивающаяся в этнический узор вниз по одному бицепсу, образует рукав. Герб, с надписью, похожей на латынь на другом предплечье. Другой герб на груди. Я нажимаю на один из гербов, с кабаном в центре.

— Corda. Serrata. Pando, — говорю я, пальцы выводят слова.

— Я открываю закрытые сердца, — говорит он.

Я замолкаю, смотря на него.

— Что?

— Я открываю закрытые сердца, — повторяет он. — Это герб Локхарта. Я родился в Локхарте. Это девиз клана.

— Опять же, это ужасно романтично, — говорю я ему. — Вот где ты этого набрался. — Я прикасаюсь к его предплечью, другой герб. — Полагаю, это МакГрегор?

— Ага, хотя здесь должно быть МакГрегор или Клан Грегоров.

— *'S rioghal mo dhream*, — пытаюсь сказать я, но запинаюсь. — Что за черт?

— Это род королей, — переводит он. Сухо улыбается мне. — Но я не МакГрегор, и это не мой род.

Это многое объясняет.

Я пробегаюсь рукой вниз по его щеке, и он ненадолго закрывает глаза.

— Думаю, я предпочитаю, чтоб ты был романтическим воином, а не разборчивым малым с родословной.

Он наклоняется, медленно открывая глаза, глядя на меня сквозь ресницы.

— Кто говорит, что я воин?

Я понижаю голос.

— Я говорю, что ты воин.

Ты мой воин.

На данный момент.

Он поднимает подбородок.

— Что еще скажешь?

Я устраиваюсь на его бедрах,

рука ползет вниз по его брюкам. Отодвигаюсь, чтобы расстегнуть верхнюю пуговицу, опираясь на его плечо.

— Я говорю, что тебе нужно вытащить свой член, воин.

Он протягивает руку и проводит по моим волосам.

— Вовлечь тебя в битву?

— Что-то в этом роде, — я кусаю губы, когда тяну молнию вниз. Я могу почувствовать его твердого, обнаженного и готового подо мной. Я адски мокрая.

Он знает. Он кладет руку мне между лопаток, другой скользит между моих ног, толкая платье вверх. Мой клитор кричит от удовольствия

В тот момент, когда его пальцы скользят по нему, гладкому и твердому.

— Господи, — бормочет он, глядя на меня блестящими глазами. — Ты всегда готова.

— Только с тобой, — говорю я, наклоняясь вперед и целуя его шею, вдыхая его лесной, пряный аромат, бросающий меня в новую волну похоти. Я могла бы прожить всю жизнь, похороненная здесь, ощущая пульс на его шее, вдыхая его мужскую сущность.

— Это меня устраивает, лапочка, — говорит он, хватая мое платье и поднимая его к голове. — Прочь. Я хочу присосаться к твоим

фантастическим сиськам.

Боже! Даже того, как он говорит «сиськи» почти достаточно, чтобы заставить меня кончить. Впрочем, этим теплым, слегка ворчливым голосом, он может читать хоть телефонную книгу и это будет лучше всякой грязной порнушки.

Я поднимаю руки, и платье исчезает, теперь я абсолютно голая на его коленях. Кажется это у нас общее.

Но я не чувствую никакого стыда, и если я чувствую себя уязвимой, это чувство слабеет от того, как он смотрит на меня, почти удивленно, будто не может поверить своему счастью. Его глаза

пробегаются по моему телу с желанием, которое я могу почувствовать. Он хмурится, почти сердито, и бормочет что-то так тихо, что я не могу услышать.

Затем наклоняется, сжимая мою грудь большими, теплыми руками, и втягивает сосок в рот. Мое тело превращается в римскую свечу, шипя, пылая, умоляя не останавливаться.

Я громко стону, потираясь о его член, отчаянно желая проникновения.

— Полегче, — бормочет он, посылая дрожь по моему позвоночнику, язык кружит по соску, пока тот почти не начинает болеть.

Другая грудь практически ноет, нуждаясь в его прикосновениях, и когда он переносит на нее свой мокрый, горячий рот, мое тело сотрясается от облегчения.

— Черт, — говорю я со стоном, отбрасывая голову и плечи назад, пытаюсь толкнуться ближе к нему, дико, сумасшедше и отчаянно нуждаясь в большем. Я тянусь вниз, хватаю его член и вынимаю из штанов.

— Полегче, — снова предупреждает он, убирая от меня рот. — Ты не знаешь, какую власть имеешь, — говорит он, глядя на меня.

— Думаю, я в курсе, — дразню

я, сильнее сжимая его.

Он зажмуривает глаза, его полный, соблазнительный рот со стоном открывается. Боже, его звуки практически уничтожают меня, нить все слабеет и слабеет, пока я не распадаюсь на части.

— Пожалуйста, лапочка, — умоляет он, сжимая мое лицо рукой и отчаянно глядя на мои губы. — Еще нет. Позволь мне хотя бы достать презерватив. Он тянется к заднему карману штанов, но я кладу сверху свою руку.

— Позволь мне, — говорю я ему. Дотягиваюсь и вытаскиваю его, разрывая фольгу с одной стороны. Он наклоняется, слегка целуя меня, губы

слегка касаются моих, пока я не начинаю раскатывать презерватив по его толстой, влажной головке. Тогда поцелуй углубляется, медленно, безжалостно проникая в меня, подкармливая голод. Наши рты, губы и языка танцуют друг с другом как дикари, отчаянно, ненасытно и необузданно.

Вдруг он хватает меня за талию и приподнимает на несколько дюймов, располагая член, и тут же опускает меня на него. Я задыхаюсь от вторжения, мое тело такое чертовски жаждущее, но неподготовленное, и я должна помнить, что необходимо дышать.

— Трахни меня, — шепчет он

мне в шею, когда вколачивается членом в меня, мои мышцы расширяются вокруг него настолько, насколько возможно. — Так охрененно, Кайла. Ты ощущается так чертовски хорошо.

Я даже не могу ему ответить. Меня затаскивает в омут, и все, что я могу чувствовать, как он толкается, расширяясь внутри меня, поглощая все мои мысли и чувства. Я никогда раньше не чувствовала себя такой полной, такой невероятной цельной.

Мои ноги не достаточно длинные, чтобы касаться пола, а его бедра настолько большие, что я не очень-то в состоянии скакать на нем. Вместо этого, я сдаюсь на милость

Лаклана, его руки удерживают мою талию, будто я вешу не больше перышка. Он приподнимает меня лишь на дюйм, толкаясь вверх все глубже и глубже, пока я не перестаю контролировать звуки, вылетающие из моего рта.

Я настолько близка к тому, чтобы кончить, и так быстро, лишь от одного его члена, когда забавный звук заставляет меня распахнуть глаза.

Я смотрю через плечо Лаклана и вижу на диване питбуля, кружащего вокруг и пытающегося устроиться покомфортней. Собачонка же смотрит прямо на нас.

— Эм, — говорю я, прочищая

горло.

С каждым толчком дыхание Лаклана ускоряется, он, кажется, не слышит меня.

— Собаки, — успеваю сказать я, надавливая ему на плечо.

Он замедляется и смотрит на меня, приподнимая бровь, его глаза прикрыты и опьяненные от секса.

— Что?

— На нас собаки смотрят, — шепчу я.

Он хмурится, затем вытягивает шею, чтобы обернуться. Когда он снова сморит на меня, у него такое ироничный вид.

— И что?

— Это своего рода странно, что

они смотрят, — говорю я ему.

Он ухмыляется мне, кончик языка торчит.

— В самом деле? Я бы подумал, что ты относишься к эксгибиционистам.

— Эй, так и есть. Я не против, когда *люди* смотрят.

Его брови поднимаются, он страстно смотрит на меня.

— Неужели?

— Именно так, — парирую я, имитируя его акцент. — Но с собаками это странно,

— Ладно, — говорит он. Поднимает меня вверх и выходит из меня, от чего я сразу же чувствую себя обделенной без него внутри. Я

встаю на пол, и когда он поднимается, возвышаясь надо мной, его штаны падают на лодыжки. — Марш в спальню, — командует он, отпихивая штаны в сторону.

Я делаю то, что он говорит, обнаженная и все еще на каблуках, иду через его гостиную.

— Ты это нечто, — бормочет он, и когда я кокетливо оглядываюсь через плечо, он стоит там, абсолютно голый, ноги широко расставлены, демонстрируя каждую тугую мышцу его бедер, член в руках.

Нет, это ты нечто, думаю я.

Оказавшись в спальне, небольшое аккуратное пространство, пахнущее им, я иду к кровати,

скидывая туфли. Но прежде чем дохожу до нее, он щелкает по выключателю и хватает меня за руку.

— Держись, лапочка, — говорит он, ведя меня к окну от пола до потолка, покрывающему всю стену.

Он открывает шторы, и я инстинктивно отступаю от стекла. Мы не только на высоте около двадцати этажей, но у нас отличный вид на многоэтажки через дорогу, и проблеск освященного моста между ними. Мы абсолютно голые и с включенным светом стоим у окна. Любой может нас увидеть.

И тут я понимаю, что Лаклан собирается делать. Любой может

увидеть нас...

Я оборачиваюсь, застенчиво улыбаясь.

— Ты уверен?

Он наклоняется и поднимает меня за талию, прижимая спиной к стеклу. Я всасываю воздух, дрожу, тотчас же испытывая волны головокружения. Я не боюсь высоты, но сейчас, когда гигантский мужчина придавливает вас к оконному стеклу на большой высоте, все ощущается по-другому.

Такое чувство, что я могу в любой момент упасть.

— Уверен, — говорит он, толкаясь в меня. Я оборачиваю ноги вокруг него, плотно сжимая. Он для

меня словно спасательный круг. — Я никогда снова не увижу этих соседей.

Ага, а я может, и увижу, думаю я. Тем не менее, во всем этом есть что-то невероятно эротичное. Я не могу видеть лица людей в темноте, но если они посмотрят наверх, знаю, они увидят мою задницу, прижатую к стеклу, поддерживаемую мужчиной-зверем.

Я вдавливаю пятки в него, крепко держась, пока он медленно толкается все глубже и глубже. Мои руки обхватывают его шею, чувствуя силу в его напряженных мышцах, его горячей, потной коже. Он облизывает мое горло и стонет в меня, пока руки сжимают мою грудь, а член

вбивается в меня.

— Такая пылкая, — хрипло шепчет он. — Вот так. — Он выходит, а потом снова входит в меня, толкая меня сильнее к стеклу. Каждый нерв гудит от напряжения, и мое сердце бьется так быстро, что я боюсь, оно может разрушить и меня и стекло.

Он снова входит в меня, выгибая бедра, его член такой толстый и жесткий, наполняет меня до краев. Я чувствую, как его задница чуть наклоняется, когда он интенсивными, чувственными толчками врывается все глубже и глубже. Его голодный и требовательный рот пожирает мою

шею, и я чувствую себя замечательно желанной и необходимой.

Лаклан безупречная секс машина, созданная, чтобы трахать, кончать, доставляя меня во взрывающийся звездами экстаз. Он беспощаден в своей похоти, и я подчиняюсь ему. Я никогда прежде не чувствовала себя настолько женщиной, никогда не была с таким мужчиной.

— Как я ощущаюсь? — спрашивает он, дыхание неровное, прежде чем охает с очередным длинным, жестким толчком, вынуждая меня застонать.

— Невероятно, — говорю я ему. — Мне нужно больше.

Его рука скользит к моему клитору, и он нажимает на него большим пальцем, потирая с каждым толчком.

— А теперь? — Он откидывает голову назад, чтобы посмотреть на меня, его глаза сверкают огнем с каждым движением члена. — Как твоя маленькая сладкая киска чувствует себя сейчас?

Господи Боженька. Его слова, грязные чертовы словечки, сказанные этим грубым акцентом, вылетающие из этого полного, влажного рта, это больше, чем я могу вынести. Я крепче хватаю его, пока спина снова и снова бьется о стекло. Каждый удар приносит страх

разрушения, смертельного падения, а каждый толчок подводит меня все ближе и ближе к чистому гребаному блаженству.

— Посмотри на меня, — командует он, голос хриплый и надломленный. Я открываю глаза — я даже не поняла, что закрыла их — и встречаю его, в нескольких дюймах от меня. — Я бы весь день мог смотреть, как ты кончаешь, — говорит он.

Я кусаю губы, проглатывая стон, когда его член подводит меня ближе к краю.

— И я могла бы кончать весь день, если ты когда-нибудь захочешь поиграть.

— Ты фантастическая, — шепчет он, быстро целуя меня, горячий, влажный и сладкий, его язык дразнит уголок моего рта. — Такая охрененно фантастическая.

Что-то меняется в его глазах, словно щелкает выключатель, и они выглядят почти зловещими в своей жажде меня. Его темп учащается, бедра как поршни, работают снова и снова, мое тело бьется о стекло, пока я не начинаю задыхаться, не знаю, от страха или от удовольствия. Может быть от того и другого, потому что быть с ним, пока его член лихорадочно вбивается в меня, и страшно и удивительно. Потому что чувства, которые он пробуждает,

угрожая гедонистическому
удовольствию, способны перевернуть
всю мою жизнь.

Он сводит меня с ума. Я
помешалась на нем, на каждом
дюйме, от морщины между бровями
до толстой длины внутри меня, и я
даже не знаю, кто я теперь. Я просто
здесь, занимаюсь жестким сексом
против тонкой панели из стекла
высоко над Сан-Франциско, держась
за мужчину, которому в конечно
итоге придется уехать.

Мой оргазм подкрадывается ко
мне. Я чувствую, как он зарождается
в центре, расширяясь во все стороны
как сверхновая звезда, набирающая
скорость в волнах и волнах и волнах

звездной пыли, пока не вырывается наружу мощным взрывом. Я кричу какую-то чушь, крепко держась за него, отрывая от него взгляд, потому что для меня это слишком. Я не могу сдержаться. Скачу на нем, мышцы резко дергаются, тело безвольно падает на него.

Он кончает с хриплыми стонами и мощными толчками, будто на самом деле собирается выкинуть меня из окна, но это нормально, потому что я уже падаю и падаю и падаю.

Я обессиленно оседаю в его руках, даже не в состоянии держать голову. Каждая часть меня и мягкая и одновременно прозрачная, дрожащая

от напряжения.

Он обхватывает меня за талию, отходит от окна и, поворачиваясь, кладет меня на кровать. Залезает и ложится рядом, кладя одну большую, длинную ногу поверх моих, притягивает меня ближе так, что мое лицо уютно устраивается на сгибе его руки.

Я восстанавливаю дыхание, вдох, выдох, пытаюсь вернуться на землю, пока он проводит пальцами по моим волосам, от макушки до плеча, снова и снова, эта нежность, эта мягкость почти заманивает меня в сон.

Я открываю глаза и смотрю на него. Его голова опирается на руку, и

он рассматривает меня выразительным, удовлетворенным взглядом. В эту минуту все в нем такое мягкое и расслабленное. Ушли даже морщины на лбу и твердость в глазах.

Он откашливается.

— Как ты думаешь, кто-нибудь видел? — Нежно спрашивает он.

Я глотаю, во рту пересохло, я так истощена.

— Надеюсь, что да. Мы показали довольно неплохое шоу. Или испугали их. Думаю, я собиралась упасть через край.

— Я бы пошел за тобой, — мягко говорит он, проводя большим пальцем по моей губе. Я нежно

целую его и закрываю глаза. Мир по-прежнему вращается, но это прекрасно.

Проходит немного времени, как из другой комнаты скулит одна из собак. Я мгновенно открываю глаза и вижу Лаклана, который весело улыбается мне.

— Что ж, — говорит он, отодвигаясь, чтобы встать. — По крайней мере, они позволили мне трахнуть тебя вот так.

Я не могу побороть улыбку и смотрю на его задницу, когда он идет — обнаженный, большой и ответственный — в другую комнату. Борюсь с желанием побежать за ним и укусить его за задницу, как яблоко,

и вместо этого направляюсь в ванную.

Оказавшись внутри, я смотрю в зеркало и едва узнаю девушку, смотрящую на меня. Губы красные и опухшие, лицо и грудь, розовые от оргазма. Мои глаза большие, влажные бассейны, а волосы полная катастрофа. Я выгляжу так, будто у меня было несколько дней безостановочного траха, и эта мысль заставляет меня задаться вопросом, как я буду выглядеть после чего-то подобного.

Когда я выхожу из ванной, то не совсем уверена, что делать. Я должна пойти домой? Остаться на ночь? По крайней мере, остаться немного

дольше? Но Лаклан стоит у двери, уже полностью одетый, с собаками на поводках.

— Давай, — говорит он. — Пойдем, прогуляемся.

Я до их пор абсолютно голая. Смотрю на шелковое платье на полу. Мои каблуки в спальне. Это одежда для траха, а не для выгула собак.

Он улыбается мне, забавляясь, когда я быстро через голову проскальзываю в черное платье, затем направляюсь в другую комнату, чтобы взять туфли. Скольжу в них, и когда выхожу из комнаты, он держит для меня черную кожаную куртку. Она огромная, и ей похоже не один десяток лет.

— Чтоб ты не замерзла, — говорит он, надевая ее мне на плечи. Осматривает меня с ног до головы, любуясь видом. Кивает и издает одобряющий звук. Я закутываюсь в нее и глубоко вдыхаю. Куртка очень старая, но пахнет удивительно, она пахнет им.

Хотя маленькая собачка, Эмили, по-прежнему смотрит на меня, словно я враг номер один, мы заводим собак в лифт и идем по направлению к набережной. Я поражена тем, насколько хорошо они ведут себя с ним, гуляют на поводке, будто это естественно для них. Кажется маловероятным, что он не сможет тренировать их.

Мой разум хочет сосредоточиться на том, что он сказал раньше: *поведенческие проблемы*. Но я отталкиваю эту мысль. Даже если это правда, тот факт, что у Лаклана есть заморочки, не пугает меня. На самом деле, стоит лишь заглянуть ему в глаза, становится очевидно, что глубоко внутри него прячутся какие-то демоны. Моя единственная проблема заключается в необходимости выяснить это. Чертово любопытство. Если он сломан, как это случилось и почему? Потому что его отдали в детский дом? Я могу лишь представить каково это, расти там, где вы на всю оставшуюся жизнь

обзаведетесь демонами.

— Итак, — медленно произносит Лаклан со своим акцентом, когда мы садимся на скамейку, Бэй Бридж почти перед нами. — Мне интересно...хотела бы ты уехать со мной из города на ночь пятницы и субботы?

Мое сердце делает сальто.

— Но я думала, ты в воскресенье улетаешь?

— Ага, улетаю, — говорит он, снова и снова накручивая концы поводка на руку. — Это...до последней минуты.

— Куда мы поедем?

— Напа Велли, — говорит он, украдкой поглядывая на меня. —

Брэм нас пригласил.

— Нас? — повторяю я.

Он кивает.

— Да. Последняя гулянка или что-то в этом роде. Он и Никола. Линден и Стеф. И...ты и я. — Он делает паузу. — Я не сказал ему ни да, ни нет. Сначала хотел спросить тебя. Понимаю, мы не знаем друг друга, и поездка может представлять опасность для отношений. Как будто сами по себе отношения это не опасность. — Он смотрит в сторону и горько улыбается какому-то воспоминанию, на его лице тень от фонарей. — Я также знаю, что это... — Он показывает пальцами между нами, — ...отличается.

— Это не отношения, —
дополняю я, даже если у меня в
груди что-то переворачивается, когда
я говорю подобные слова.

Он на мгновение
прищуривается, глядя на меня.

— Нет. Так что ты скажешь?

— Конечно же, я хочу поехать,
— говорю я ему, положив руку на его
руку, отчасти, чтобы привлечь
внимание, отчасти, чтобы
остановить его нервное ерзанье. Это
почти очаровательно.

— Ты не думаешь, что это
странно? Поехать туда со мной?

*Черт, я бы поехала с тобой
куда угодно.* Но, конечно, я этого не
говорю.

— Будет весело, — говорю я ему. — При условии, что у нас будет достаточно времени для себя.

— Кузенам придется вытаскивать нас из нашей комнаты, — говорит он, и выражение его лица по-прежнему такое искреннее, что я знаю, он именно это и имеет в виду. Он поднимает руку вверх, переворачивает мою ладонь и целует ее, губы такие полные, мягкие и влажные, а взгляд не оставляет мое лицо. Мне нравится, когда он так делает. Не заднюю часть моей руку, а всю ладонь, линию любви, где моя кожа тонкая и нервы воспаляются.

После того, как мы недолго

сидим у воды, наблюдая за автомобилями на мосту и отражением света на серебряной воде залива, мы возвращаемся в квартиру. Еще довольно рано и мы падаем обратно в постель, наши тела снова находят друг друга. Его жажда меня, кажется, не угасает, и я не думаю, что когда-нибудь угаснет. Мы снова трахаемся и трахаемся, каждым способом, каким только можем, пока время не приближается к полуночи, и я знаю, знаю, что должна вернуться домой.

Каким-то образом я заставляю себя уйти от него. Я целую его на прощанье, пока он стоит голый в дверях, не обращая внимания на тех,

кто мог бы пройти мимо. Его глаза нежные, наполненные умиротворением после секса, и он смотрит, как я иду по коридору к лифту. Не улыбаясь, просто наблюдая.

А может, желая, как желаю я, чтоб мы не слышали как тикают часы у нас за спиной.

Обратный отсчет.

Глава 14

КАЙЛА

Я полностью одержима Лакланом МакГреггором.

И не в хорошем смысле, в застенчивой, вежливой, сдержанной,

не поддающейся своим желаниям манере, как было бы у большинства девушек. О нет, я не такая. Я одержима в каждую свободную минуту я не могу перестать яростно мастурбировать, потому что не могу выбросить его из головы манере. Не могу перестать представлять его бедра, как они вколачиваются и врезаются в меня, не могу перестать ощущать его губы на своей коже, то, как он в своей шотландской манере обращается к моей вагине, как он иногда смотрит на меня, будто не может поверить, что я здесь. Не могу перестать представлять его красиво лицо, его татуировки, и те его стороны,

которые они символизируют, стороны, которые он закрыл на замок и редко демонстрирует. Я не могу перестать заикливаться на каждой детали его души.

Потому что это делает меня счастливой. Делает меня такой охрененно счастливой, что думаю, я могу сойти с ума. Мое сердце постоянно надувается, как красный воздушный шар, и чем больше оно толкает грудь, будто тело и душа не достаточно большие, чтобы вместить все эти чувства, тем более живой я себя чувствую. В моей голове тепло, расплывчато, и я проживаю день, словно во сне. Прекрасный сон, который все не заканчивается.

До сегодняшнего дня я могла скрывать свою одержимость. Держала ее внутри. Но теперь, когда он оказался внутри меня, я не могу от нее избавиться. Из-за нее люди на работе спрашивают, не под кайфом ли я. Из-за нее я лучезарно улыбаюсь незнакомцам на улице. Из-за нее я задаюсь вопросом, может, я компрометирую себя, потому что подобные чувства не нормальны и им не следует доверять, но я чувствую себя слишком хорошо, чтобы переживать об этом.

К сожалению, помешательство не означает, что я могу просто забыть о моей нынешней жизни. После работы я направляюсь к Лаклану для

горячего секса, когда звонит мама.

Этот звонок, словно удар в живот.

Она звучит обессиленной. Уставшей. Грустной. Ее голос проникает мне в голову, сердце и крадет воздух.

Как сильно бы я не пристрастилась к Лаклану, к каждой гребаной вещи, касающейся его, я люблю маму и не могу, не буду, отодвигать ее в сторону ради мужчины, независимо от того, насколько хорош секс с ним, независимо от того, как я им увлечена.

Я говорю маме, что приеду и приготовлю для нас ужин. Она

радуется, и я знаю, что поступаю правильно.

Я пишу Лаклану, чтобы сказать ему это, надеясь, что он не запланировал ничего крупного. Закуски и вино прошлой ночью удивили меня. Последнее, чего я ожидала от огромного, грубоватого игрока в регби, так это чего-то романтического.

Он отвечает. *Хорошо, не беспокойся.*

И по какой-то причине ответ разбивает мне сердце. У нас с ним осталось так мало времени. Я смотрю на телефон, размышляя, в то время как остальная часть офиса уходит домой. Хочу, чтоб он

предложил встретиться позже. А потом понимаю, возможно, он ждет, что это предложу я.

Блин, я к этому не привыкла. Я не очень-то переживала о том, какое впечатление произведу на парней, с которыми встречалась или трахалась раньше. Если они казались больше не заинтересованными, я сломя голову двигалась дальше. Но Лаклан изменил правила игры.

Я посасываю губу и стискиваю зубы.

Спрашиваю его то, что действительно хочу спросить.

Хочешь пойти со мной и познакомиться с моей мамой?

Нажимаю отправить и, в

ожидании ответа, задерживаю дыхание. Он собирается сказать «нет». Он будет сбит с толку. Он собирается осторожно выпутаться из моей хватки. И я буду делать вид, что это не ранит меня, скажу, что мы разные, что у нас нет никаких правил. Он уезжает, и это означает, что нам все сойдет с рук, пока он не уедет.

Судовольствием.

Текст на экране заставляет меня засиять.

Пишу ему, что через пять минут приеду за ним. Затем веду сама с собой мини-дебаты, что сказать маме про первого, после Кайла, мужчину с которым она меня увидит. Решаю

сохранить все в секрете – нет смысла волновать ее заранее, тем более, что она станет надеяться, что он нечто большее, чем есть на самом деле. Ну, вы знаете, что-то постоянное.

С другой стороны, она достаточно консервативна. Она может увидеть его татуировки и бороду и просто упасть в обморок.

Значит, будем действовать по обстоятельствам.

Вскоре я подъезжаю к квартире Лаклана, и он идет к двери моей машины. Я наблюдаю за ним, мой рот приоткрывается в восхищении. Должно быть, он в последнюю минуту переоделся, потому что на нем черные брюки, черная рубашка,

а волосы зачесаны набок, и выглядит он совершенно презентабельно. Он даже скрыл все свои татуировки.

Он открывает дверь и забирается внутрь, быстро глядя на меня яркими глазами.

— Привет, — говорит он, надевая ремень безопасности.

— Привет, — говорю я, затаив дыхание. — Ты хорошо выглядишь. — И под «хорошо», я имею в виду, ты такой красивой, что мне хочется заплакать.

Он чешет затылок и смотрит на меня сквозь темные ресницы.

— Не собирался упускать шанс произвести впечатление на твою маму.

Но разве он не пропадет зря? Но я прикусываю язык, взволнованная тем, что он приложил такие усилия. Я, так или иначе, была бы взволнована, тот факт, что он согласился поехать, сам по себе чертовски волнующий.

Я смотрю на него, и он смотрит прямо на меня. Имею в виду, он смотрит на меня так, как умеет только он, и время, вроде как, замирает. Взгляд тяжелый и настойчивый, и я задумываюсь, собирается ли он поцеловать меня. Будто это именно то, что мы делаем, будто есть вообще *мы*.

Он наклоняется, я наклоняюсь, и все происходит так медленно. Весь

поцелуй.

Но это больше, чем поцелуй. С ним все кажется большим.

Его губы встречают мои, рот открывается, посасывая мою нижнюю губу на один влажный, горячий момент, перед тем как углубиться дальше. Я и раздавлена и парю одновременно, один поцелуй убивает меня еще до того, как у нас даже есть шанс начать.

Каким-то образом мне удастся оторваться от него и отъехать, хотя мои губы все еще горят, и я испытываю желание пробежаться по ним пальцами, чтобы сохранить трение.

Он устраивается на сиденье,

расставив ноги, пытаюсь уместить тело на моем маленьком переднем сиденье, и я вспоминаю, как после матча регби мы оба мокрые и грязные возвращались к нему. Это было словно сто лет назад. Конечно тогда он не пытался преуменьшить очевидную эрекцию в своих брюках.

— Хочешь услышать хорошие новости? — спустя несколько минут говорит он.

— Конечно.

— Эда забрали, — довольно гордо говорит он.

— В самом деле?

Он кивает.

— Да. Местная программа по поддержке взятых из приюта

животных связалась со мной, и они сказали, них есть заинтересованные. Женщина с мужчиной пришли сегодня утром увидеть его и влюбились. Эд ушел.

— Ой, ой, — говорю ему, мое сердце трепещет как птица в полете. Не только потому что он нашел дом для собаки, которая в нем нуждалась, а потому что я могу слышать тепло в его голосе, как мед, как счастье. — Я так за него рада. И за тебя.

Он пожимает плечами.

— Я сделал все, что мог. Рад, что это принесло результат.

— А Эмили?

— Она дома. Девочка немного грустит. Но как только я привезу ее в

Эдинбург, все будет хорошо.

— Полагаю, она поедет с нами в Напа?

Он смотрит на меня, брови с беспокойством нахмуриваются.

— С этим все хорошо?

— На сто процентов, — решительно говорю я. — Просто надеюсь, в какой-то момент она научится мне доверять.

— Научится, лапочка, — говорит он, глядя в окно, когда мы едем по мосту. — Мы все со временем приспособливаемся.

Вскоре мы приближаемся к дому мамы, и я подъезжаю к обочине.

— Прекрасное место, —

говорит Лаклан, выходя из машины и глядя на дом. В сумерках этого не скажешь, но по его голосу можно сказать, что он впечатлен.

— Раньше здесь было по-настоящему красиво, — говорю я, мой голос приглушен, пока я открываю низкие ворота во двор. — Во всяком случае, когда я здесь росла.

— Он по-прежнему красив, — говорит он. Наклоняется и берет меня за руку и держит ее, слегка пожимая. Его сила наполняет меня, стирая печаль и воспоминания о времени *после*.

Мы идем вверх по ступенькам, держась за руки, я и мой зверь, и до

того, как у меня появляется шанс постучать, дверь открывается и мама высовывает голову наружу.

Она всматривается в меня лишь секунду, прежде чем ее глаза дрейфуют к Лаклану. И расширяются. Она осматривает его с головы до ног, и я не могу сдержаться и следую ее примеру. Должно быть здорово когда тебя вот так рассматривают две дамы.

К счастью, Лаклан само очарование. Он вежливо улыбается и слегка кивает ей.

— Мама, — говорю я ей.

Она едва смотрит на меня.

— Этот мужчина? Этого мужчину ты привела домой?

Я оглядываюсь на Лаклана, и он встречает мой взгляд с полуулыбкой на губах, приподнимая брови.

— Ну...— говорю я ей, но она грозит мне пальцем, чтоб я заткнулась. По крайней мере, она ведет себя не так слабо, как звучала по телефону.

— Этого мужчину ты привела домой, — говорит она снова, оставляя дверь и подходя к Лаклану. Он отпускает мою руку, чтобы предложить ей. — И почему ты никогда не привозила его раньше?

Я смеюсь с облегчением.

— Прости, мама. Он вроде как новый.

— И я отчасти очарован вами,
— говорит Лаклан, целуя тыльную
сторону ее ладони, его глаза
улыбаются. Обалдеть! Я никогда
прежде не видела его настолько
совершенно очаровательным, и, судя
по виду мамы, могу сказать, что она
тоже под впечатлением.

— О, — говорит она, глядя на
меня с широкой улыбкой. — Кайла,
ты очень, очень правильно сделала.

— Я знаю, — говорю ей. — Но
мама, ты его смущаешь.

— Ерунда, — говорит Лаклан,
отводя плечи назад, от чего выглядит
еще выше и больше рядом с моей
маленькой мамой. — У меня нет
проблем с тем, чтобы услышать, что я

превзошел ваши ожидания.

Я ухмыляюсь ему и хватаю за руку.

— Давай-ка зайдём внутрь, прежде чем твое эго увеличится до таких размеров, что не сможет пролезть в дверь.

Мы заходим в дом, и мама настаивает на экскурсии для Лаклана. Она берет его за руку, и он следует за ней, очень любезный и внимает каждому ее слову, улыбается в ответ на ее улыбку. От такого у меня на глазах выступают слезы, слезы, которые я быстро вытираю. Даже Кайл не вел себя так, так внимательно, с таким участием, а он ведь собирался на мне жениться.

Пока они идут исследовать остальную часть дома, я делаю глубокий вдох, пытаюсь справиться с гонкой в груди, и направляюсь на кухню, посмотреть, что я смогу приготовить на ужин. Я слышу, как они идут по лестнице. Их шаги, тяжелые, длинные Лаклана и короткие, быстрые мамины идут по коридору в комнату братьев, потом в мою спальню, где, я уверена, мама рассказывает Лаклану про меня все смущающие истории.

Затем они идут в спальню моих родителей, и я не знаю, что мама говорит ему, должно быть что-то об отце, и мне вдруг становится больно. Больно. Острая боль достаточно

сильно колет мою грудь, и мне приходится опереться на холодильник и в течение нескольких минут попытаться дышать.

— Кайла? — я слышу Лаклана, а потом он оказывается рядом, пальцы пробегаются по моему лицу, руки ложатся мне на предплечья. — Что случилось?

Я качаю головой, держа глаза закрытыми.

— Все хорошо, — говорю я.

— Кайла, — кричит мама, и я слышу ужас в ее голосе. Последнее, чего я хочу, чтоб она беспокоилась обо мне, когда нет ничего плохого. Просто мое собственное проклятое беспокойство, мои собственные

демоны овладевают мной.

— Я в порядке, — еще раз говорю я, громче на этот раз, делая вдох через стиснутые зубы. — Правда. Это просто судорога. Немного болит в боку.

— Может быть, тебе стоит позволить дать мне приготовить ужин, — говорит мама. Я открываю глаза и вижу, как они с Лакланом вглядываются в меня, и лишь этот взгляд, практически комичный, дает мне силы отбросить все плохое.

— Нет, нет, нет, — выпрямляясь, говорит Лаклан, но не отпускает мою руку. — Миссис Мур, идите, садитесь. Кайла садись со своей мамой. Я все приготовлю.

Я не говоря ни слова, смотрю на него.

— Ты сделаешь это?

— Конечно, лапочка, — говорит он, быстро целуя меня в лоб. Когда он отодвигается, его хитрые глаза посылают мне сообщение. — Иди, побудь с мамой, — тихо говорит он мне.

Я ошеломленно киваю.

— Что ты собираешься делать? — слабым голосом спрашиваю я, когда мама направляется в гостиную, поглядывая на меня через плечо.

— Иди, побудь с мамой, — повторяет он, и я чувствую в его голосе странную настойчивость, заставляющую мое сердце сделать

еще пару кувырков в неправильном направлении. — Я разберусь со всем, хорошо?

Я разворачиваюсь и иду в гостиную, сажусь на диван, а мама устраивается в своем кресле, протягивая руку к спицам. Она в хорошем настроении, хотя тайком поглядывает на меня, когда я включаю телевизор и щелкаю каналы, пытаюсь найти то, что ей понравится. Вот оно. *Теория большого взрыва.*

Но она не обращает на телевизор внимания. Она полностью сосредоточена на мне.

— Ты в порядке? — спрашивает она меня.

— Да, да, — отмахиваюсь я. —
А ты в порядке?

Она слегка вздыхает, глядя вниз на свои спицы и, кажется, на какой-то момент теряется в своем собственном маленьком мирке. Наконец, она говорит:

— Я... сегодня не очень хорошо себя чувствовала. Устала. И голова кружится.

Проглатываю комок в горле.

— Мам. Когда ты чувствуешь подобное, ты же знаешь, тебе надо позвонить своему врачу.

Она качает головой.

— Нет, все в порядке. Это называется стареть, Кайла. — Она смотрит на меня всезнающим

взглядом. — Почему ты не сказала мне, что он придет?

Хоть ее голос и тихий, кухня совсем рядом, и я знаю, Лаклан может нас слышать. Кажется, от него ничего невозможно скрыть.

— Все решилось в последнюю минуту, — говорю я, пытаюсь вести себя легко. — Надеюсь, все в порядке?

— Конечно это хорошо, Кайла, солнышко, — говорит она, улыбаясь от уха до уха, слегка подпрыгивая в кресле. — Хорошо, потому что я никогда до этого не видела тебя такой счастливой.

На этих словах мои глаза порхают на кухню. Лаклан достает

кастрюли из шкафа и смотрит на меня. Я не могу прочитать выражение на его лице, но, по крайней мере, знаю, он слышал, что я выгляжу счастливой.

Я счастлива.

Чувствую, как мои щеки заливают теплом, потому что я не могу игнорировать правду. Я счастлива.

Безумно.

Катастрофически.

Я прерываю наши гляделки и пытаюсь сосредоточиться на Пенни и Шелдоне в телевизоре. Боже, как же я ненавижу это шоу.

— Где ты его нашла? — спрашивает мама.

— Он кузен Брэма и Линдена. Помнишь мужа Стефани? Его кузен.

Она кивает.

— Мне всегда нравилась Стефани.

— Да, мама, я знаю. Дочка, которой у тебя никогда не было.

— О, я говорю так лишь потому, что знаю, как много она для тебя значит. Я была очень счастлива увидеть, что она, наконец, остепенилась. Теперь это может случиться и с тобой.

О Боже. Господи, нет.

Я оглядываюсь, надеясь, что Лаклан занят, что он вообще нас не слышит. Но нет. Я прошу слишком много. Он стоит прямо там,

смешивая что-то в миске, и эти яркие, изучающие глаза всматриваются в мои.

Я отрываюсь от него.

— Этого не случится, — говорю я маме, может быть тверже, чем мне хотелось. — Лаклан в воскресенье уезжает.

Она хмурится, спицы останавливаются.

— Уезжает куда?

— Обратно в Шотландию. Если ты не поняла, он оттуда родом.

— Ой, — говорит она, усиленно моргая. — О Боже. Это ужасно. Ты собираешься поехать с ним?

Я выпускаю резкий,

саркастический смешок. В основном от шока.

— Да, конечно! — Кричу я. — Нет. Нет, на самом деле он очень успешный игрок в регби в Эдинбурге. У него там все. А у меня, ну, вся моя жизнь здесь.

Вся жизнь, и что это? Ничего?

Нет, не ничего. Моя мама. Мои братья. Моя дурацкая работа и мои счастливо живущие в парах подружки.

Это ведь уже что-то.

Но это не *что-то*, чего я хотела.

Этим чем-то было будущее полное надежд.

Это что-то было на кухне.

Оно было недостижимым.

Это что-то прожигало во мне дыру глазами. Мне не надо было смотреть, чтобы это понять. Я это чувствовала. Я всегда хорошо ощущала его глаза на моей коже, всегда желающие большего, чем моя плоть.

— Как жалко, — говорит она. И возвращается к своему вязанию, но ее поза уже не такая воодушевленная, как была до этого. Возможно ли, чтобы моя мама охотнее меня пересекла Атлантический океан, следуя за красивым мужчиной, вместо того, чтобы остаться в Сан-Франциско и продолжать в том же духе? Я стараюсь не думать об этом. В конце концов, то чего хочет она,

черт возьми, и чего хочу я, не имеет
никакого отношения к реальности:
Лаклан собирается уехать.

И я едва его знаю.

К счастью, она больше не
поднимает эту тему, и к тому
времени, как шоу заканчивается, он
объявляет своим глубоким голосом,
что ужин готов.

Мы с мамой обмениваемся
любопытными взглядами и
направляемся на кухню.

Черт.

Будь я проклята.

Лаклан не только разложил
салфетки со столовыми приборами,
но и поставил в середину бутылку
красного вина и мерцающие свечи.

Он двигается так, будто вырос на этой кухне так же, как и я.

— Садитесь, пожалуйста, — говорит он, указывая на стулья. Он не ограничивается жестами, когда речь идет о моей маме и выдвигает для нее стул, прежде чем подвинуть немного вперед. Затем направляется к кухонной стойке и, когда возвращается, ставит миску с картофельным пюре и блюдо с курицей с пармезаном на стол. Не те две вещи, которые обычно едят вместе, но все выглядит чрезвычайно вкусно, а пахнет даже еще лучше.

— Как ты этому научился? — спрашиваю я его. Это не значит, что он не должен быть в состоянии

смешать парочку ингредиентов, но все выглядит безумно хорошо.

Он кивает на тарелку.

— Сначала попробуй, а потом спрашивай. Не могу дать никаких обещаний, — говорит он, усаживаясь между нами.

Я беру немного пюре. Оно лучше, чем на День Благодарения, в этом лишь щепотка перца и какая-то приправа. Что касается курицы, она просто тает во рту.

Я глазею на него.

— Итак, — говорю я между укусами, указывая на него вилкой. — Закуска прошлым вечером не была для тебя какой-то редкостью.

Он ухмыляется, затем потирает

пальцами губы, принимая серьезный вид.

— Я люблю готовить, когда могу.

— Ты должен готовить постоянно, — говорит мама. — Это очень, очень вкусно.

— И ты должен принять это за комплимент, мою еду она почти не ест, — говорю я, слегка пиная его под столом.

— О, это не так, — упрекает меня мама, но это абсолютная правда. Я делаю все возможное, но готовка никогда не была моей сильной стороной. Когда дело доходит до Лаклана, это одна из его многочисленных гребанных сильных

сторон. Клянусь Богом, нет ничего, чего он не мог бы сделать.

Почему, черт возьми, я должна была встретить этого зверя, этого сверхчеловека, который взрывает мой мозг в спальне, вырубает игроков регби в жизни, спасает беззащитных животных, выглядит как гребаный бог и любит готовить, как раз тогда, когда ему надо уезжать? Почему жизнь так чертовски жестока?

— А я-то думала, все шотландцы знают, как делать хаггис, — говорю ему, отталкивая тяжесть в груди и пытаюсь сосредоточиться на том, что передо мной (прим. пер. Хаггис — национальное шотландское блюдо из бараньих

потрохов (сердца, печени и легких), порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.).

— О, я умею делать выдающиеся хаггис, — говорит он. — Если бы у меня здесь было больше времени, я бы посмотрел, что мог бы сделать.

Я натягиваю на лицо улыбку.

— Как бы я не хотела, чтоб у тебя было больше времени, я рада, что тебе его не хватает.

После обеда мама настаивает на десерте и приносит мороженое с зеленым чаем маття, которое Лаклан никогда раньше не пробовал.

— Изумительно, — говорит он

между ложками.

— Я выросла на этом, — говорю я ему. — Знаешь, когда я была ребенком, моей любимой едой были листы, листы нори. Ну, знаешь, сушеные водоросли?

— Это правда, — говорит мама, нежно посмеиваясь. — Я покупала их для суши, но всегда вынуждена была прятать их от нее. Когда я позже находила пакеты, они были разорваны, будто в них залезли мыши.

— Удивительное маленькое создание, — тепло комментирует он, сидя в кресле и изучая меня. — Что ты еще вытворяла, когда была ребенком?

— Ох, что она только не вытворяла, — быстро говорит мама. — Да и теперь она не сильно отличается от той себя. Но у нее были четыре старших брата, чтобы держать ее под контролем. Брайан, Никко, Пол и Тошио. Кайла была нашим маленьким ангелом. Она появилась в один прекрасный день, когда ее отец и я уже не думали, что я смогу забеременеть. Я никогда не думала, что получу мою маленькую девочку. Но вот она.

Мои щеки краснеют, и я начинаю перемешивать мороженое.

— К сожалению, — добавляет мама, — она была полным кошмаром.

Я пристально смотрю на нее, в то время как Лаклан издает смешок.

— Мама, — предупреждаю я ее.

— О, была, была, — говорит она, наклоняясь вперед к Лаклану, ее глаза сияют. — Даже будучи маленькой девочкой, она при каждом удобном случае убегала. Если бы не ее братья, не уверена, что в один день мы бы не потеряли ее навсегда. Они были хороши, защищали ее.

— Ага, только вот в школе это было немного раздражающим — хочу напомнить я ей.

— Для тебя, — в шутку говорит она. — Но для нас это было настоящее спасение. Она была

любвеобильной маленькой девочкой.

— О, это так? — спрашивает Лаклан, глядя на меня большими глазами, явно наслаждаясь происходящим.

— Да, именно так, — говорит мама, прежде чем у меня появляется возможность подтвердить или опровергнуть это. — Каждый день в школе у нее была новая любовь. Сейчас Билли, потом Томми. Однажды она попала в неприятности за то, что поцеловала мальчика и заставила его плакать.

Я со стоном прячу лицо в руках.

Лаклан упорно смеется, такой приятный звук, даже если за мой

счет.

— Что ты сделала, Кайла?

Я держу лицо в ладонях и не отвечаю, потому что знаю, мама сделает это за меня.

Именно так она и поступает.

— Учитель сказал мне, что мальчик не хотел ее целовать, так что она повалила его на землю, а когда он попытался сбежать, ударила его в живот.

— В регби ты сошла бы за свою, — говорит он между смехом.

— Так что, — продолжает мама, — к тому времени, как она перешла в старшую школу, ее братья вели себя как компаньоны. Бедная девочка никуда не могла пойти так,

чтоб они об этом не узнали. Все мальчики держались на расстоянии.

— Что ж, не виню твоих братьев за то, что они защищали тебя, — говорит Лаклан. — Вероятно, в школе ты была такой же сногсшибательной, как и сейчас.

О Боже. Я поднимаю глаза, и он так искренне смотрит на меня, что это ранит. Мое лицо еще больше пылает от такого комплимента.

— Смотри, ты заставил ее покраснеть, — говорит мама, и это не помогает. — Ты забрался к ней под кожу.

— Хорошо, — быстро говорю я, поднимаясь на ноги. — Я собираюсь в ванную. Когда вернусь, можем мы

все договориться, больше не смущать меня?

— Но я люблю смотреть, как ты смущаешься, — практически мурлычет Лаклан.

Я показываю ему фак, что, конечно, заставляет маму выдохнуть от возмущения, и шагаю по коридору в ванную, запираясь там. Делаю длинный, глубокий вдох. Мое сердце колотится, и я не знаю почему. Все идет очень хорошо, но все это заставляет меня беспокоиться. Там в этом пространстве за моим сердцем есть небольшое отверстие, и оно медленно становится все больше и больше.

Я чуть смачиваю салфетку

холодной водой и прикладываю к лицу. Я до сих пор красная, выгляжу так же как после секса. Может именно поэтому Лаклан хочет, чтоб я смущалась.

Когда я выхожу из ванной, Лаклан сидит в гостиной, а мама пытается сделать чай.

— Давай мне и иди, садись, — говорю я ей, беря чайник из ее рук.

Она кладет руку на мою. На минуту я смотрю на эти бледные, красиво покрытые морщинами, усеянные пигментными пятнами руки моей матери. Руки, которые я видела всю жизнь, слегка трясутся. Когда это началось? Когда они стали трястись?

Но я не спрашиваю ее, потому что она смотрит на меня с обожанием.

— Ты не должна позволить ему уйти, — тихо говорит она мне. Ее хватка на моей руке усиливается, дрожание немного уменьшается. — Он мужчина, который тебе нужен.

Я быстро улыбаюсь ей и осторожно убираю чайник подальше от нее.

— Если честно, я не знаю его достаточно хорошо, чтобы так думать. — Я сглатываю и смотрю в гостиную, где он смотрит телевизор. — Но я хотела бы.

— Иногда тебе не нужно узнавать кого-то, чтобы *понять*, —

говорит она — И когда он смотрит на тебя, ты можешь узнать это. Он *понимает* тебя. — Затем она выходит из кухни и бредет в гостиную, чтобы присоединиться к нему. Я дрожу, внезапно становится холодно, и все же делаю чай. Мы пьем чашку за чашкой, смотрим эпизод любимого шоу мамы, Морская полиция: спецотдел, пока не становится поздно, и я знаю, что Лаклану надо проверить Эмили.

По какой-то причине, на этот раз мне трудно прощаться с мамой. Может быть, потому что весь вечер я была очень взвинчена. Я обнимаю ее дольше, чем делаю обычно, и говорю, что буду на следующей неделе.

Может быть, мне удастся притащить с собой Тошио.

Лаклан наклоняется и притягивает мою крошечную маму в медвежьи объятия. Каждая частичка меня тает при виде подобного.

— Твоя мама прелестна, — спокойно говорит мне Лаклан, пока мы едем на машине обратно в город.

— Так и есть, — говорю я, радуясь, что он был настолько очарован ею. И столь же рада, что она была так очарована им.

— До этого ты говорила, что она была больна, — говорит он, кладя руку на заднюю часть моей шеи и потирая большим пальцем кожу. — Что с ней не так?

Моя хватка на руле усиливается.

— Я не совсем уверена. —

Облизываю губы, пытаюсь вспомнить. — Это началось после того, как умер отец. Она долгое время была потеряна. Мы все были. Она была в тяжелой депрессии, и полагаю, вся боль, живущая внутри нее, стала прорываться наружу. Некоторые врачи говорят, что это синдром хронической усталости, другие, что все же это депрессия и тревожное расстройство. Она плохо спит, и у нее всегда повышенное давление. У нее постоянно болят мышцы. Я не знаю, что и думать. Но это продолжается уже несколько лет.

И эти дрожащие руки, но я

надеюсь, что это лишь из-за того, что она перенервничала из-за Лаклана и меня.

— У вас в Америке есть хорошие врачи? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Нет. Хотя, да, есть. Если вы в состоянии за них заплатить. Она никогда не работала, так что у нее нет никаких льгот, которые есть у многих людей ее возраста. Но мои братья и я оплачиваем все это. Мы стараемся и даем ей лучшее, целую кучу разных заключений специалистов. Честно говоря, — произношу я, быстро глядя на него, — думаю, она до сих пор страдает от разбитого сердца.

Он натянуто улыбается мне.

— Влюбляясь, мы всегда рискуем.

Я киваю и оглядываюсь назад на дорогу.

— Очень рискуем.

Когда мы возвращаемся к нему в квартиру, Лаклан приглашает меня зайти. Я колеблюсь. Я хочу пойти, хочу быть с ним любым способом, которым только могу. Но в моей груди есть какая-то тяжесть, и если я буду спать с ним сегодня, чувствую, что будет лишь хуже. Я должна побыть одна, мне необходимо переваривать всё. Мне нужно снова восстановить силы. Такой сильный мужчина делает меня слабой.

В ту же ночь, одна в постели, я смотрю на пустую подушку рядом со мной и задумываюсь, каково было бы, если бы там всегда кто-то был.

Затем задаюсь вопросом, каково это, никогда не иметь никого на том месте.

Как сильно вы можете запасть на кого-то, чтобы назвать это любовью?

Надеюсь, я этого никогда не узнаю.

Глава 15

КАЙЛА

В пятницу время на работе тянется словно патока. Я смотрю на

часы на мониторе, отсчитывая минуты, секунды, пока не смогу пойти домой, взять сумки, забрать Лаклана и отправиться в Напа.

Но когда звучит пресловутый гудок, и я, готовая, жду его на улице около его квартиры, волнение, которое я испытывала весь день, сменяется острым страхом. Я в последний раз здесь, забираю его. В воскресенье он уедет.

Хотя я и не спала с ним после вечера у мамы в среду, вчера все было по-другому. Прямо после работы я поехала к нему и затрахала его до одурения. Конечно же, в его спальне, подальше от осуждающих глаз Эмили. Как ни странно, я больше не

ощущала ту меланхолию, охватившую меня в доме мамы. Я во всех смыслах потерялась в его теле, буквально сливаясь с ним до двух ночи, пока, наконец, не оторвалась от него и не пошла домой спать.

Но теперь, сейчас когда я жду его, когда мы собираемся провести наши последние несколько дней вместе, меланхолия возвращается, напевая у меня в душе как мелодия, которую вы не можете забыть.

Как это часто бывает, становится немного лучше, когда я вижу Лаклана.

Он неторопливо идёт к машине, на плече спортивная сумка, в руке клетка для собаки. На нем

походные ботинки, голубые джинсы с потертостями, белая футболка, идеально подчёркивающая эти трапециевидные мышцы, плечи и закручивающуюся татуировку на руке. У меня перехватывает дыхание, я сжимаю ноги, тепло внутри разгорается сильнее. Эффект, который он производит на меня, никогда не ослабевает.

Он открывает заднюю дверь и ставит клетку внутрь. Я оглядываюсь и вижу Эмили. Ее лохматая мордочка смотрит на меня. Я готовлюсь к тому, что она зарычит на меня или, по крайней мере, покажет зубы, но она лишь пару секунд смотрит на меня, перед тем, как снова посмотреть на

Лаклана. Ясно видно, собака его обожает, она едва ли может оторвать от него взгляд. Интересно, я произвожу такое же впечатление?

— Привет, лапочка, — говорит он, забираясь на переднее сиденье. Он наклоняется, берет меня за подбородок и дарит мне длинный, медленный поцелуй, заставляющий мое сердце пропустить несколько ударов.

Я широко улыбаюсь, ерзая в кресле от возбуждения, и указываю большим пальцем на заднее сиденье.

— Кажется, она со мной свыклась.

— Я же говорил тебе, она освоится, — говорит он, кладя

большую ладонь на мое обнаженное бедро пока мы отъезжаем.

Поездка в Напа проходит отлично. Я выбираю более длинный маршрут через мост Золотые ворота, исключительно потому что он более живописный и даст мне больше времени побыть с ним наедине, прежде чем мне придётся делить его с кем-то ещё.

Мы проезжаем все дальше от Залива и температура поднимается. Вскоре солнце начинает припекать, наши окна открыты, и мы несёмся по двухполосному шоссе, запах виноградников и прогретых полей окутывает машину.

— Что если мы продолжим

ехать вечно? — мечтательно спрашиваю я, душевный плач «Noneymoon» Ланы дель Рей льётся из колонок.

— А почему бы и нет? — отвечает он, подыгрывая мне.

— И где мы окажемся?

— Разве это имеет значение? — его голос такой обнадеживающий, что я должна посмотреть на него. Он быстро улыбается мне и опирается локтем на окно, пробегаясь пальцами по подбородку и глядя на засушливые холмы.

Нет, это не имеет значения. Мы могли бы найти поле, хибару, горный ручей. Могли бы поехать на запад или юг или восток. Могли бы доехать

до ближайшей проселочной дороги и разбить лагерь прямо там, только он, я и Эмили. Мы могли бы не торопиться и растянуть удовольствие, проведя вечность, в объятьях друг друга.

Но реальность так не работает. У реальности на сегодня для нас другие планы. Когда мы добираемся до Напы, и я паркую машину на огромной стоянке Meritage Hotel, я невероятно благодарна Брэму за то, что он организовал все это — возможность для него увидеть своего кузена, пока тот не уехал и возможность для меня сделать то же самое.

— Ну и ну, а здесь чертовски

мило, — тихо говорит он, когда мы выбираемся из машины и достаём свои вещи. Жара окутывает нас, пока мы пересекаем парковку и входим в лобби отеля. И я сразу же вижу нашу компанию.

— Привееееет! — Кричит Брэм, подходя к нам. В руке у него бокал красного вина. Он притягивает Лаклана в объятия, хлопая по спине, и делает то же самое со мной.

— Боже, Брэм, ты уже напился?
— спрашиваю я, когда он отстраняется.

— Мы рано добрались, — говорит он, жестом подзывая остальных. Линден и Стеф подходят к нам тоже с вином в руках, пока я

замечаю, как на заднем плане Никола разговаривает с кем-то на ресепшн.

— Эй, вы двое, — говори Стеф, обнимая меня, как сделал Брэм, хотя она не проделывает то же самое с Лакланом. Ее глаза блуждают вверх - вниз, будто она напугана им. Может, потому что Лаклан немного зло хмурится на неё. Я знаю, вероятно, это от того, что пребывание среди кучи людей заставляет его нервничать, и я тянусь к его руке, сжимая ее.

Он, кажется, расслабляется прямо на глазах, пока взгляд Стефани прыгает то на него, то на меня. Она улыбается мне, а Линден подходит

ближе, чтобы дать своему кузену одно из тех рукопожатий, которое затрагивает все предплечье.

— Рад, что вы приехали, — говорит Линден, прежде чем замечает собачью переноску. Он приседает на корточки и говорит, — А это у нас кто?

Эмили тут же начинает лаять на него, заставляя Линдена отскочить и подпрыгнуть.

— Господи, Лаклан, он такой же неприветливый, как и ты.

— Она, — поправяете Лаклан. — Это мисс Эмили.

Линден фыркает.

— Слишком женоподобное имя для собачки. Ты ее так называл?

— Ага, — говорит Лаклан, глядя вниз на Линдена с намёком на бешенство во взгляде.

— Давай регистрируемся, — говорю я, потянув Лаклана за руку и ведя его к стойке регистрации.

— Ты в порядке? — шепчу я.

Он ворчит в ответ. Полагаю, это значит, что все в порядке. Или что мне не стоит об этом беспокоиться.

Когда мы подходим к ресепшн, то приветствуем Николу, и пока получаем ключи от номера, она говорит мне прийти к ним в винный погреб на дегустацию, хотя, кажется они сами уже вполне надегустировались.

Наш номер находится на

первом этаже и оформлен в средиземноморском стиле. Лаклан выпускает Эмили из клетки, затем пристегивает поводок, открывает дверь на нашу веранду и выпускает ее, чтобы она пописала. Я быстро освежаюсь в ванной, потягиваясь после заточения в машине, а затем бросаюсь на двуспальную кровать, испытывая матрас на твёрдость. Он неподобен. Я бы всю ночь могла заниматься на нем сексом.

Когда он возвращается, Эмили забирается на кровать рядом со мной, и я понимаю, что день и ночь напролёт заниматься сексом с собакой, следящей за каждым твоим шагом, может быть трудновато.

Лаклан ложится рядом, кладя крупную руку мне на живот. Я смотрю, как он дышит, его грудь поднимается и опускается.

— Уже чувствуешь себя не очень дружелюбным? — спрашиваю его.

—Ммм, — говорит он, глядя на меня. — Я бы лучше побыл здесь с тобой.

— Ну, если у тебя запланированы какие-то любовные игры, нам видимо придётся заняться ими снаружи. Здесь за каждым нашим движением будет следить мисс Эмили.

Он пожимает плечами.

— Ну так отправим ее в

ванную.

— Она будет лаять.

Он вздыхает.

— Да, будет.

Я поворачиваюсь к нему и провожу пальцем по лбу, разглаживая складки.

— Всегда такой угрюмый, — говорю я, нажимая на впадину между бровями. — Всегда о чем-то думаешь.

— Если честно, я бы с удовольствием заплатил тому, кто отключит мои мозги, — говорит он. Я следую пальцем вниз по носу, к небольшой выпуклости в изгибе его губ. Он приоткрывает их, беря палец зубами, и нежно прикусывает.

Я внимательно смотрю на него, и могу видеть, как крутятся колесики в его голове. Понижаю голос.

— Я знаю лишь как остановить это. — Высовываю палец из его рта и нежно целую. Он издает слабый стон, который я чувствую нутром. Кладу руки ему на грудь и отстраняюсь назад.

— Но сначала, пойдём, попробуем вино.

Он закрывает глаза, и его голова плюхается обратно на подушку.

— А нам это надо? Почему мы просто не можем остаться здесь, и ты сделаешь то, что выключит мои мысли, а я сделаю так, что твоя

киска намокнет больше, чем водная горка?

— Пойдём, говорю я ему, убирая его руку от меня и поднимаясь. — Мы делаем это потому, что ты хочешь увидеть кузенов до того, как уедешь, а они хотят увидеть тебя. Давай просто выпьем немного вина и исчезнем.

Он что-то бурчит в ответ, но встаёт. Мы оставляем Эмили с едой и водой и выходим из отеля.

Само здание огромное, и мы прогуливаемся по двору и мимо шикарного бассейна. Здесь людно, и кажется у каждого в руке бокал вина, что заставляет нечто в моей голове запнуться и сделать паузу. Может

быть, виноградник на самом деле и не лучшее место для Лаклана.

Я смотрю на него снизу вверх, когда он идёт рядом, глаза осматривают все вокруг, никогда не задерживаясь на одном месте. Я вспоминаю все, что знаю о нем. Поведенческие проблемы. Татуировки, намекающие на туманное прошлое с падениями и демонами. Тот факт, что он не пьёт много, если пьёт вообще, может быть связан не только с подготовкой к сезону. Это может значить совершенно другое.

Но он ничего не сказал мне об этом, и так как подобная информация слишком личная, я сама

спрашивать не собираюсь. Люди, которые лишь неделю занимаются сексом, не должны рассказывать паршивые, грязные и возможно болезненные детали их жизней друг другу.

Винный погреб находится в Estate Cave, расположенной прямо в покатом холме виноградной лозы, примыкающей к задней части земельного участка. Внутри прохладно и туманно, вход в спа слева от нас, а дегустационный винный бар справа. Впереди большие чёрные двери, так и умоляющие открыть их.

Я практически делаю это, заглядывая внутрь и видя большую,

пустую пещеру с изогнутыми каменными стенами и висячими люстрами, когда Лаклан тянет меня назад и Стеф визжит мне в ухо.

— Круто! Вы пришли! — говорит она, когда я поворачиваюсь посмотреть на нее, и дарит мне слюнявый поцелуй в щеку. Я обмениваюсь взглядом с Лакланом. Она пьянее, чем раньше.

— Конечно же, мы пришли, говорю ей, когда она жестом показывает следовать за ней в бар. Несколько человек выстроились вдоль линии, разглядывая каталоги, и строят из себя несостоявшихся сомелье, но мы следуем за Стеф, где все остальные сидят за отдельным

СТОЛОМ.

Когда они замечают нас, то громко приветствуют, и я быстро машу рукой им в ответ.

— Итак, — говорю я, глядя на их пустые, покрытые пятнами от вина, бокалы. — У вас была фора.

— Мы выпили лишь по одному бокалу, — говорит Никола, указывая на два пустых места рядом с собой. Мы с Лакланом садимся, и тут же появляется официантка.

— Привет, — говорит она чрезмерно бодрым голосом. Полагаю вам надо быть бодрым, если вы хотите продать дорогие ящики с урожаем. — Позвольте мне наполнить ваши бокалы. Мы начали

с лёгкого Совиньон Блан. — Она тянется бутылкой к моему бокалу и мастерски наполняет его, но когда двигается к бокалу Лаклана, он кладёт руку сверху.

— Я не буду, — говорит он, не встречаясь ни с кем глазами.

Я с любопытством смотрю на Брэма, пытаюсь понять, странно ли такое поведение для его кузена или нет. Брэм, в свою очередь, внимательно следит за Лакланом, хотя не кажется удивлённым.

— Вы хотели бы другое вино? — спрашивает девушка.

— Налейте ему красного, — говорит Линден. — Он больше похож на любителя красного. Верно, в

красном вине меньше сахара.

Брэм одаривает брата смущенным взглядом и открывает рот, чтобы что-то сказать, когда Лаклан пожимает плечами и убирает руку с бокала.

— Конечно, красное это здорово, — соглашается он.

Я чувствую, как за столом все внезапно напряглись, из-за чего Лаклан оказался в центре внимания, так что я быстро говорю:

— Брэм, огромное спасибо за организацию всего этого.

И тогда все внимание переходит на Брэма с многочисленными выражениями благодарности. Я кладу руку на ногу

Лаклана, его мышцы напрягаются, когда он нервно стучит ногой по полу.

Официантка, на бейдже которой написано «Дженнифер Родригес» возвращается и наливает Лаклану приличную порцию их красного Гренаш Бленд. Вообще-то она довольно привлекательная, с белыми зубами, загорелой кожей, вьющимися волосами медового цвета и отвратительными манерами. Она не перестаёт строить Лаклану глазки.

Но он совершенно не обращает на неё внимания. В то время как она рассказывает ему всю информацию о вине, непрерывно болтая, ее глаза

порхают по его татуировкам, покрывающим большую часть рук и предплечий, он даже ни разу не смотрит на неё. Он лишь делает глоток вина и кивает.

Остальные не получают столько внимания, хотя вино довольно хорошее. Брэм задаёт миллион вопросов обо всем, что мы пьём, но внимание Джен всегда сосредоточено на Лаклане. В какой-то момент она даже трогает его бицепс и кудахчет:

— Мне нравятся ваши татуировки. У моего бывшего была геральдическая лилия на руке и цитата на груди. Я всегда считала, что татуировки на мужчине это очень

сексуально.

Я так близка к тому, чтобы сказать ей отвалить, но Лаклан складывает руки перед собой и спокойно смотрит на неё снизу вверх.

— Просто налейте вино, дорогая.

Джен тут же выглядит взволнованной, пухлый рот на секунду приоткрывается, но затем она возвращается к своим профессиональным обязанностям, избавляя себя от дальнейшего унижения. Мне хочется дать Лаклану пять, но я оставляю свой маленький триумф при себе.

Мы выпиваем по паре бокалов

вина, и когда Брэм начинает заполнять форму заказа на ящик своего любимого, Лаклан наклоняется ко мне и шепчет:

— Встретимся снаружи через пару минут. — Затем он встаёт и широкими шагами выходит из бара.

Я поворачиваюсь лицом ко всем остальным и вижу, как они выжидательно смотрят на меня.

— Что? — спрашиваю я, допивая вино.

— Что с ним? — спрашивает Линден.

— Он твой кузен. Ты должен знать что с ним.

— Да, — говорит он, — но на данный момент думаю, ты можешь

знать его лучше.

Я смотрю на Брэма в поисках поддержки, но он просто продолжает заполнять форму заказа.

— Боюсь Линден прав, Кайла. Сейчас ты эксперт.

— Он так мил с тобой, — добавляет Никола, ее глаза тёплые и приторные.

— Мил со мной? — повторяю я. — Прежде всего, мы не на чертовом юге, да? Во-вторых, этот мужчина ни с кем не бывает *милым*. За исключением, может быть, собак.

Что ж, и он был милым с мамой тем вечером.

Стеф сильно качает головой.

— Нет, нет, нет. Тогда ты не

видишь то, что видим мы. Он хочет тебя, Кайла.

Я закатываю глаза.

— Ну, это само собой разумеется.

— Нет, — громче говорит она, и Линдену приходится шикнуть на неё. Господи, да они уже напились. — Нет, дай мне сказать, — говорит она, кладя руку Линдену на лицо и зажимая рот, — дай мне это сказать, хорошо? Дай мне сказать.

Я смотрю на неё и развожу ладони в стороны.

— Хорошо, пьянчужка. Говори уже.

Она наклоняется вперёд, широко открывая глаза.

— Он хочет тебя. Словно...он влюблён в тебя.

Это заявление вызывает одновременный стон у Линдена и Брэма.

— Да брось, — ворчит Брэм.

— Вы, женщины, считаете, что любой мужик, засунувший в вас свой член, влюблён в вас, — говорит ей Линден.

— Эй, — резко говорю я, тыча в него пальцем. — Не надо валить все в кучу и засовывать меня в твою «вы женщины» категорию. И я знаю, никто из нас здесь так не думает, особенно твоя маленькая женушка, которая влюбилась в тебя задоооолго до того, как ты вставил в неё свой

дурацкий хрен.

Стеф таращится на Линдена, а я продолжаю:

— И ради всего святого, мы едва знаем друг друга, мы трахаемся, так позволь нам продолжить в том же духе, и хватит нахрен об этом. — Я смотрю на Стеф. — И, пожалуйста, последнее, в чем я нуждаюсь, это чтоб кто-то из вас вкладывал сумасшедшие, нереалистичные идеи в мою голову. Никто никого не любит. Я не знаю Лаклана, и он не знает меня, и у нас с этим все отлично. Все отлично, потому что через сорок восемь часов он улетит далеко-далеко. Так что, пожалуйста, просто дайте нам насладиться

нашим временем друг с другом. Нам не нужны осложнения. Нам не нужна любовь и вообще какие-то чувства, потому что то, что мы делаем, охрененно горячо и мимолетно, и я собираюсь взять так много невероятно классного секса с ним, сколько могу. Это понятно?

Брэм, Никола, Стеф и Линден таращатся на меня с широко раскрытыми глазами.

— Черт! — наконец говорит Линден, — Да я просто шутил. Туше, туше.

— Ну а я не шучу, — говорю я, поднимаясь с места. — А теперь, если вы меня извините, я собираюсь найти его. Когда мы вернёмся, не дай

бог кто из вас произнесёт слово на букву «л» или любое другое слово, кроме как пока, хорошо?

Я разворачиваюсь на каблуках и марширую мимо винного бара, половина посетителей смотрит, как я иду, видимо, мой взрыв был немного громковат. И я все ещё адски зла. Почему людям всегда надо попытаться усложнить дерьмо? Почему люди не могут просто перепихнуться и все, дело с концом? Хочу сказать, мои друзья никогда даже не знали имен мужчин, с которыми я спала после Кайла. Почему с Лакланом это настолько чертовски трудно?

Потому что у тебя есть к нему

чувства, шепчет мой внутренний голос. Потому что ты влюбилась в него.

— Проклятье! — рычу я, закрывая уши руками, ходя по кругу в фойе пещеры. — Не хочу, чтоб Стеф оказалась права.

— Кайла? — слышу голос Лаклана.

Я перестаю кружиться и поднимаю голову, чтобы увидеть его по другую сторону тяжёлой двери в туманную пещеру, куда я заглядывала раньше, глядящим на меня со своим вечным беспокойством.

— Да, — говорю я, делая вид, что все нормально. — Привет.

Он хмурится сильнее, жестом

головы показывая мне войти внутрь.

Я прохожу через двери, и он аккуратно закрывает их за мной. Оглядываюсь. Стены из холодного камня, поддерживаемые контрфорсами, делают комнату похожей на половину винной бочки. Я делаю несколько шагов вперёд и всматриваюсь дальше в остальную часть пустого зала. Он похож на место, в котором проходила бы ваша свадьба в *Игре престолов*, в комплекте с альковами и вычурными канделябрами.

— Что ты там говорила? — тихо спрашивает он, подходя ко мне сзади и кладя руки вокруг моей маленькой талии. В его дыхании

запах вина. — Ты не хотела, чтоб Стеф была права по поводу чего?

— Не беспокойся об этом, — говорю ему, закрывая глаза и прижимаясь головой к его груди. — Глупая девчачья болтовня.

— Ммм. Прости, что сбежал вот так, — шепчет он мне в макушку. — Я не мог там находиться.

Не уверена, имеет ли он в виду вино или вообще обстановку за столом, так что я не говорю ничего, лишь:

— Мне тоже хотелось выбраться оттуда.

— Хорошо, — бормочет он, рука скользит по моему бедру. Хочу, чтоб он спустился ниже, между моих

ног, и приподнял подол платья, но вместо этого он берет меня за руку.

— Иди сюда.

Он ведёт меня по длинному, огромному, напоминающую пещеру залу, пока мы идём, звук моих босоножек эхом отражается от стен. В конце висит большое изысканно украшенное зеркало, и холл разделяется надвое. С левой стороны он заблокирован тяжёлой дверью, а справа закрытые от пола до потолка железные ворота между комнатой и тем, что похоже на зону обслуживания. У открытой двери стоит тележка полная полотенец, но вокруг, кажется, никого.

— Не думаю, что мы должны

находиться в этой зоне, — говорю я ему. Я разворачиваюсь, но взгляд в его глазах плавится, и я сразу же понимаю, что происходит. Волосы на затылке встают дыбом, и дрожь скользит вниз по позвоночнику.

— Я тоже так думаю, лапочка, — хрипло говорит он, делая шаг вперёд, пока моя спина не упирается в ворота. — Но здесь нет собак.

Я кусаю губы и оборачиваю руку вокруг его шеи, пока он прижимается ко мне, твёрдость в его джинсах упирается мне в бедро. Он тихо стонет, губы на моей шее, толкая меня дальше к воротам. Столбики царапают мне спину, но это приятный вид боли. Вся боль,

которую вы испытываете во время секса, оправдывает средства, особенно когда это касается Лаклана МакГрегора.

Он кладёт руки мне на бёдра и медленно скользит ладонями вверх, подол платья поднимается вместе с ними. Они оставляют следы космической пыли и тепла, оседающие на моих бёдрах. Он тяжело выдыхает мне в шею.

— Без трусиков, — бормочет он. — Напомни, и почему я должен покинуть тебя?

Я сглатываю, сердце сжимается. Здесь нет места для чего-то кроме секса, особенно здесь, особенно сейчас.

— Потому что ты умный мужчина, собирающийся вернуться к многообещающей карьере.

— Но так ли я умён, если собираюсь оставить такую женщину, как ты?

Я закрываю глаза.

— Новое правило, — говорю ему, рука скользит к его джинсам и расстёгивает ширинку. — Мы никогда не упоминает тот факт, что ты уезжаешь. С этого момента.

Он отстраняется и смотрит на меня, одна рука опускается вниз мне между ног, другая сжимает щеку. Его губы влажные, открытые, такие манящие, а глаза наполнены какими-то волнующими эмоциями, которые я

не могу прочитать.

— Не уверен, что смогу притворяться, — неразборчиво говорит он.

— Тебе и не надо притворяться, — говорю я ему, тихо постанывая, когда его пальцы скользят по моей влажности. — Мы просто не будем вспоминать об этом. Живи настоящим, всегда настоящим. — Моя рука находит жесткую, горячую длину его члена, и я вынимаю его из штанов. — Кстати, ты тоже не носишь белье.

Он закрывает глаза и тихо шипит, когда я оборачиваю пальцы вокруг него.

— Просто пытаюсь не

отставать от тебя, — говори он, голос глубокий и скрипучий.

— Я ценю твои усилия, — успеваю сказать я, когда он погружает палец в меня. Мое тело, кажется, выдыхает от его прикосновения, словно он нужен мне, чтобы дышать. Все во мне умирает от желания, и я жадно сжимаюсь вокруг его пальца, желая большего, нуждаясь в большем.

Но это не про меня. Я скольжу рукой по его члену, размазывая шёлк его влаги по твёрдой, горячей длине. Я хочу разгадать его. Хочу поставить его на колени. Больше всего на свете я хочу выбить этого мужчину из колеи и оставить его в таком же

состоянии, в котором он оставляет меня, словно натянутую струну и волчок, снова и снова ожидающую падения.

Его голова откидывается назад, рот приоткрывается. У него вырывается стон, связки шеи, и плотные мышцы плеч напрягаются. Боже правый, видя, как он умирает от удовольствия, я становлюсь счастливее и безумнее чем когда-либо.

Разумеется, мне хочется дать ему больше. Моя рука мастерски работает над ним, зная, где сжать, как скрутить, и судя по его быстрым вдохам, я уверена, он близок к тому, чтобы кончить. Но он всё-таки

поднимает голову, его взгляд расфокусирован, блуждая по моему лицу, пробиваясь сквозь дымку.

— Повернись, — говорит он, голос такой хриплый, что его едва слышно. — Пожалуйста.

Я делаю, как он просит. Он сдвигает вверх мое платье, так что оно сбивается в кучу у меня на талии, и наклоняюсь, для поддержки хватаясь за железные решетки. У меня такое чувство, будто меня собираются трахнуть в тюрьме, как во время супружеского визита, и мои самые глубокие фантазии всплывают наружу. Подобное не трудно представить, когда позади вас стоит беспокойный, татуированный

мужчина-зверь.

Его руки проходятся по моим бокам, бёдрам, и вниз. Я чувствую, как он приседает позади меня, его пальцы сжимают мою попу, и я пытаюсь оглянуться через плечо, чтобы взглянуть на него. Он стоит на коленях, и я могу видеть лишь верхушку его головы позади меня.

Я почти спрашиваю его, что он задумал, но затем чувствую, как его лицо приближается ко мне сзади, его горячий рот опускается на меня, нижняя губа скользит по моему клитору.

Боже мой. Быть съедений сзади. Да, пожалуйста.

Он стонет в меня, и я чувствую

вибрацию в костях. Я набухаю между его губами, и он посасывает меня, словно созревший плод. Я выпускаю громкий вздох, руки изо всех сил цепляются за прутья. Подобное практически сбивает меня с ног.

— Лапочка, — хрипло шепчет он, откидываясь назад. Он облизывает изгиб моей попки, мое тело взрывается потоком искр. — Не думаю, что смогу когда-то перестать смаковать тебя.

Мой рот открывается, чтобы что-то сказать, но он ныряет, нет, *погружается* в меня, и я выпускаю низкий, гортанный крик, рвущийся из моего горла. Я толкаюсь бёдрами назад в его рот, дикая,

неконтролируемая потребность
разгорается во мне.

— Глубже, — умоляю я, так
отчаянно нуждаясь в освобождении,
моя щека прижимаемся к решетке.

Его язык кружит по мне, затем
палец, потом уже два, и я толкаюсь
назад в него, словно чертово
животное. Знаю, должно быть, я
выгляжу как одна из этих диких,
обдолбанных девушек, которых вы
видите на секс оргии, но мне
плевать.

Я скоро кончу.

Я на вершине, приближаюсь к
краю, готовая для свободного
падения.

Затем он отстраняется, и я

хнычу от разочарования.

— Ты хочешь большего, — хрипло спрашивает он, держась за мою попку. — Скажи, чего ты хочешь. Кончить на моем языке? Или на моем члене? Обоих?

— Боже, не заставляй меня выбирать, — хныкаю я, задыхающаяся и ненасытная.

— Значит на всем. — Он шире разводит мне ноги, босоножки царапают каменный пол, и толкает своё лицо обратно, его язык, пальцы, и рот абсолютно везде.

Я мгновенно кончаю, мое тело заводится с пол-оборота. Я извиваюсь, стону, беспорядок разбросанных нервов, конечности

растворяются словно сахар. Я почти без сознания и не знаю, как мне всё ещё удаётся стоять. Я чувствую, как он поднимается позади меня, и слышу звук разрываемой фольги.

Он сжимает мои бёдра, располагаясь сзади, и одним длинным, медленным толчком входит в меня. Я такая влажная и готовая, что он проскальзывает с лёгкостью. Но ох, когда он выходит обратно, это медленное движение находит нужную точку, и я стону снова и снова.

— Не останавливайся, — шиплю я, когда он погружается в меня, на этот раз глубже, вырывая очередной необузданный звук из

моего горла. — Никогда не переставай трахать меня.

— Иисус, — божится он, голос скрипучий и низкий, — я похороню тебя в себе, если ты позволишь. — Затем он движется быстрее, бедра толкаются все глубже и глубже, пока его кожа громче и громче шлёпается о мою. Комнату наполняет запах секса, пота и мускуса.

Я совершенно потрясена. Это слишком идеально. Это все, *абсолютно все*. Я закрываю глаза и представляю, как мы выглядим со стороны - крепкие мышцы его рук, пока он впивается пальцами в мои бедра, жёстко, несдержанно трахая меня в этом холодном, туманном и

пустом месте, вид его толстого члена скользящего в меня сзади, его тяжёлые шарики, раскачивающиеся у моих бёдер.

Он наклоняется, пальцы скользят вниз и находят мой гладкий и припухший клитор. Он всегда хочет, чтоб я кончила с ним, так что я знаю, он может разгрузиться в любой момент. Но я, по какой-то причине, сдерживаюсь, так сильно, как могу, желая уделить внимание тому, как он красиво отпускает себя, но в то же время не потеряться самой.

Капли пота падают мне на спину. Он продолжает вбиваться в меня, бёдра изменяют угол, пока он не заставляет меня задыхаться, моя

спина выгибается. Его дыхание неустойчивое и мышцы дрожат от напряжения, но он все продолжает и продолжает, скуля и в отчаянии царапая меня.

Наступает такой момент, пауза, резкое всасывание воздуха, когда комната наполняется звуками резкого ворчания, звуками его оргазма, звуками, которые я люблю так сильно, что они толкают меня через край. Это сигнал о его гибели, и его пальцы так сильно сжимают мою кожу, что боюсь, я могу разломаться надвое. Я натянутая тонкая пластина из хрупкого стекла, и я разбиваюсь, и разбиваюсь, и разбиваюсь, когда он вколачивается в меня сзади.

Я едва держусь за решетку. Я едва держусь за себя. Волна за волной, эмоции проносятся сквозь меня, заполняя пустые места, трещины, части меня, которые улетели в космос. Я едва могу дышать, и боль, гребаная боль больше не у меня между ног, она распространилась по всему моему телу.

— Кайла, — шепчет Лаклан, наклоняясь ближе к моей потной спине. — Ох, лапочка. — Он кладет щеку между лопатками, и его рваные вдохи поднимаются и опускаются у моей кожи.

Я закрываю глаза и заставляю себя не заплакать. Это неразумно.

Глупо. Это просто секс. Просто охрененный секс. Но эмоции не уходят. Они засели у меня в сердце, и я не могу сказать, чего они хотят от меня. Это слезы счастья? Слезы грусти? Почему я вообще должна чувствовать что-либо кроме освобождения?

Мои пальцы начинают сползать с прутьев, так что я ослабляю хватку, и это рассеивает чары. Лаклан поднимается с моей спины, и, с рукой на моем бедре, выходит из меня. Я пользуюсь моментом и пробегаюсь пальцами под глазами, прежде чем повернуться к нему лицом.

Он стоит там, штаны на

лодыжках, рубашка сбилась на груди, демонстрируя чернила и прекрасные шесть кубиков. Он стягивает презерватив и завязывает его в конце, но я едва обращаю на это внимание. Этот взгляд в его глазах волнует меня, крадет мое дыхание. В них нет покоя, нежности, которую он обычно получает после секса. Вместо этого он выглядит испуганным, словно я приведение, стоящее перед ним.

Я сглатываю, во рту пересохло, и пытаюсь придумать, что же сказать, но слова убегают от меня. Я пристально смотрю на него, и он на меня, электричество, построенное из невысказанных слов и неизвестных чувств, гудит между нами. В этом нет

ничего неловкого или неприятного. Это просто мы, делаем то, что делаем, пытаюсь выяснить что-то друг у друга, мы сами не знаем что, навсегда запертые в глазах друг друга.

Наконец он подтягивает штаны, подходит ко мне и притягивает меня для влажного, страстного поцелуя, его губы крепко прижимаются к моим, язык пробует меня, как соль, как пот.

Одной рукой он удерживает мое лицо, проводя большим пальцем по губам, серьёзно глядя на меня.

— Прости, если это было немного дико.

Я ухмыляюсь.

— Чем больше дикости, тем лучше. — И это правда, потому что нет ничего скучнее сладкого и чувственного, эмоционально-нагруженного секса, который так часто называют «заниматься любовью», что ж, не думаю, что я могу маневрировать в таких определениях. В конце концов, каким бы диким не был этот секс, он развязал потоки эмоций, с которыми я не способна справиться. У меня всю жизнь было чёрное сердце, и оно не знает что делать с тем, что может превратить его в целое и розовое.

Неожиданно за закрытой дверью слышатся звуки, и мы обмениваемся робким взглядом,

прежде чем помчаться по коридору, Лаклан выбрасывает презерватив в мусорку, когда мы уходим.

Оказавшись в фойе, мы останавливаемся, замечая, что наша компания все ещё сидит в винном баре, посмеиваясь над чем-то.

Я смотрю на Лаклана.

— Мы не обязаны присоединяться к ним.

— Ага, — говорит он кивая. — Но нам следует. Пойдём.

— Я похожа на девушку, которую толь что как следует оттрахали? — шепчу я ему.

Он смотрит на меня снизу вверх и ехидно улыбается.

— О да.

— А ребята, вот вы где, — говорит Стеф, когда мы приближаемся к столику, и уже слишком поздно хотя бы успеть пригладить волосы. Знаю, мое лицо и грудь, должно быть, покраснели. — Я бы спросила, где вы были, но не хочу этого знать.

Я надменно улыбаюсь ей и занимаю своё место как порядочная леди.

— Просто подышали свежим воздухом.

Никола рядом со мной фыркает.

— Думаю, мне возможно надо узнать, где вы дышали своим воздухом.

— Сладенькая, с твоим

воздухом все отлично, — говори ей Брэм через стол.

С вином, выпитым ранее, все разделили где-то пару бутылок. Я смущаюсь от наличия у меня бокала, чувствуя себя одурманенный от того, что выпила раньше, но на удивление у Лаклана тоже есть бокал, так что я присоединяюсь к нему.

В конце концов, наши желудки начинают ворчать, и мы отправляемся на ужин в один из ресторанов. Лаклан быстро останавливается у номера, чтобы забрать Эмили, так как мы узнали, что питомцев можно выводить за пределы патио. И мы проводим несколько часов, выпивая больше

вина и наслаждаясь едой, пока солнце садится на расстоянии, проливая зарево на виноградники.

Я глубоко вдыхаю, наслаждаясь теплотой ночного воздуха и рокотом сверчков, заполняющих тишину. Брэм и Никола извиняются, Никола говорит, что ей необходимо позвонить маме и поговорить с Авой до того, как будет поздно. В конце концов, Линден и Стеф тоже уходят, повиснув друг на друге как два пьяных дурака.

— Наконец-то одни, — говорю я Лаклану, сидящему рядом со мной с широко расставленными ногами и попыхивающему сигарой, на которую официант ничего не сказал. На

самом деле, думаю, они нарочно забыли, что мы все здесь.

Лаклан крикает, хмурит лоб и глубоко задумывается. Думаю, он пьян, но точно сказать трудно. Во всяком случае, пока вечер продолжается, он становится спокойнее.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Его глаза порхают ко мне. Взгляд тяжёлый, жёсткий.

— Я просто отлично, — говорит он, натянуто улыбаясь.

Я сглатываю.

— Такой девчачий ответ.

Он моргает, напряжение надвигается словно шторм.

— Прости?

Даже Эмили поднимает голову.

Я немного отклоняюсь назад, оценивая его. Хотя я и спровоцировала его только сейчас, изменение его настроения удивляет.

Тем не менее, я отказываюсь бояться. Для подобного мы обменялись друг с другом слишком многим.

— Я сказала, что это девчачий ответ. Ты сказал отлично так, будто все не отлично, и если так и есть, я просто хочу знать, что случилось.

Его тёмные брови опускаются, и он смотрит на меня практически исподлобья. Но все ещё ничего не говорит. Засовывает сигару в рот и

смотрит в сторону.

Я вздыхаю и кладу руку ему на плечо.

— Эй. Ты можешь сказать мне.

Он закрывает глаза, ненадолго откидывает голову назад.

— Лапочка, — говорит он, его голос на пределе. — Я в порядке. Я просто...перевариваю то, что происходит.

— И что происходит?

Он качает головой и наклоняется над столом, наливая себе ещё один бокал вина. Я смотрю, как он выпивает его. Закончив, вытирает губы тыльной стороной ладони.

— Ничего не происходит? —

говорит он. Но в его голосе столько горечи и отчаяния, что я чувствую двусмысленность.

Я поднимаюсь с места и беру его за руку, дергая к себе.

— Ладно, вино закончилось. Время идти.

Он вырывается из моих рук.

— Тогда иди одна. Я ещё курю сигару.

Он говорит немного невнятно, так что очевидно он слегка пьян. Прямо на глазах он превращается в мистера Хайда.

Я скрещиваю руки.

— Нет. Я не пойду без тебя.

— Твоя потеря, — говорит он, затем смеётся сам с собой, будто

сказал что-то смешное.

Я проглатываю комок в горле.

— Это не моя потеря. —
Сажусь обратно на место и умоляюще смотрю на него. Проходит вечность. Наконец он кладёт свою сигару.

— Отлично, — говорит он, не слишком радуясь этому. — Теперь мы можем идти.

Он встаёт, немного пошатываясь, и наклоняется за Эмили, но собака все понимает и, уклоняясь, рычит на него.

Мгновение он смотрит на неё, хмурится, будто не может в это поверить. Затем потирает губы, его глаза, словно бусинки, взгляд

тяжёлый, и кивает головой на какой-то воображаемый вопрос.

— Хорошо, — тихо говорит он.
— Хорошо. — Он смотрит на меня и, кажется, понимает.— Хочешь взять ее? Не думаю, что это следует делать мне.

— Да, конечно, — быстро говорю я и беру поводок Эмили. Она все еще в замешательстве смотрит на Лаклана, и он отвечает ей тем же. Она знает, что в нем что-то изменилось, и теперь он это тоже знает.

Собаки с поведенческими проблемами не должны учиться у людей с поведенческими проблемами. Теперь я это понимаю.

Ещё одна часть головоломки под названием Лаклан осторожно встаёт на место. Довольно забавно, что это собака вразумила его, а не я.

Я беру Лаклана за руку, и он не вырывается. Его походка немного неловкая, но мне удаётся провести его вокруг отеля и довести до нашей комнаты.

Он идёт прямо к кровати, падая ничком.

Я закрываю дверь, выключаю свет и спускаю Эмили с поводка, прежде чем иду к нему и стучу по плечу.

— Ты не можешь спать в одежде, — говорю я ему.

Он ворчит.

— Тогда раздень меня.

— Ты вешишь буквально тонну,

— говорю ему, пытаюсь подобраться под него, чтобы расстегнуться рубашку.

— Преувеличение, — бормочет он.

Я шлепаю его по заднице.

— Просто, пожалуйста, сядь.

С тяжелым вздохом ему удаётся сесть. Я быстро стягиваю с него рубашку, его подбородок достаёт до его груди, прежде чем он падает на кровать, создавая незначительное землетрясение на матрасе. Я поворачиваю его на бок и стягиваю с него штаны, на этот раз совсем не сексуально.

— Как ты умудрился так напиться? — спрашиваю я, даже не уверенная, что он меня слышит.

Он глотает несколько раз, глаза все ещё закрыты, и говорит.

— Я не пью много.

— Точно, Регби, — говорю я.

— Нет, — говорит он, немного качая головой. — Я просто не должен. Мне слишком это нравится. Мне это слишком необходимо. Как и много других вещей. Плохих вещей. И тогда я становлюсь бесполезным. Знаешь, раньше это уже уничтожило меня.

Я замираю от этой информации, случайно вылетающей из его рта, затем стягиваю с него

штаны, прежде чем развязать ботинки.

— Я вижу, — в конце концов, говорю я.

— Ты хотела правду, вот она правда. У меня много истин. Это одна из них.

Я бросаю его ботинки на пол и кладу руку ему на плечо.

— Что ж, спасибо, что сказал мне правду, — серьёзно говорю я.

Но он не отвечает, вместо этого из его рта вырывается громкий храп. Странно, что после всего, что он только что сказал и сделал, я все ещё нахожу его и его губы чертовски аппетитными.

Я вздыхаю, натягиваю футболку

и залезаю в постель рядом с ним, моя спина прижимается к его спине.

— Спокойной ночи, — говорю я ему, натягивая одеяло на нас обоих.

Он крепко спит.

Вот прошёл и ещё один день.

Глава 16

ЛАКЛАН

Я просыпаюсь ощущая себя абсолютным мудаком.

Моя первая мысль - сожаление. Не только от того, как я себя чувствую, а от того, что я мог сделать. Я знал, пребывание в компании с постоянным доступом к вину для меня рискованно, но я не

захотел сказать нет. Не захотел, чтобы казалось, что я не могу с чем-то справиться.

Но теперь она знает. Она могла понять это, и когда я рассказал ей, она не выглядела удивленной. Что одновременно и хорошо и плохо. Плохо, потому что я не уверен, насколько все это бросалось в глаза. Хорошо, потому что она вела себя так, будто ее это не беспокоит.

Если только она не была хорошей актрисой. С Кайлой об этом трудно судить. Часть ее хочет открыть душу, а другая часть всегда пытается все скрыть.

Звук открывающейся двери патио, словно терка для сыра в моем

мозгу. Я осторожно открываю глаза и вижу, как внутрь заходит Кайла с Эмили на поводке.

Она замечает, что я проснулся и ласково улыбается мне, закрывая дверь.

— Доброе утро, — мягко говорит она, отстегивая поводок Эмили. Собака сразу же прыгает на кровать и начинает лизать мне нос. Я хочу повернуть голову, но движение слишком болезненное. Дерьмо, не могу вспомнить когда у меня последний раз было похмелье, и мое тело сделает все, чтобы обеспечить мне максимальное наказание.

— Привет, — квакаю я, желая, чтоб мой голос не звучал таким

слабым.

И мне так хочется, чтоб она не выглядела такой чертовски красивой, свет, проникающий сквозь прозрачные шторы, освещает ее сзади словно ангела. Она подходит ко мне, одетая в очередной сарафан, который хочется сорвать с неё, волосы убраны назад в конский хвост и на ее свежем, светящемся личике нет ни следа макияжа.

Что-то во мне сочувствует ей. Как неприятный порез в сердце, медленная смертельная кровоточащая рана. Мне больно смотреть на неё, зная, что я уйду. Эта мысль перекрывает другую боль, ту, что в моей голове. Не удивительно,

что я пил прошлой ночью. Подобное произошло не только из-за давления остальных. Речь шла об облегчении давления в груди, того, которое медленно растёт всю неделю, кирпичик за кирпичиком.

Я сглатываю, облизывая губы, когда она кладёт мягкие, прохладные пальцы на мою щеку. Закрываю глаза, вдыхая ее запах, позволяя ее прикосновения успокоить меня.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает она. Я открываю глаза и вижу, что она присела на один уровень со мной, и смотрит на меня этими тёплыми, тёмными глазами.

Завтра я не увижу эти глаза.

Как я себя чувствую?

Я не в порядке.

Прошло уже очень много времени с тех пор, как я был с девушкой, которая была мне небезразлична, и даже тогда это чертовски напугало меня. Все кончилось плохо для нас обоих. Я допился до реабилитационного центра, а она в ужасе убежала подальше.

Все это, чтобы там ни было между нами, не должно было происходить вот так. Мне следует вернуться обратно в квартиру, собрать вещи, позвонить Алану, нашему тренеру, договориться о встрече с моим братом Бригсом, когда я сойду с самолета. Я должен

готовиться к возвращению к моей старой жизни, той, которую я на шесть недель поставил на паузу.

Вместо этого я беспомощно лежу в постели, потерявшись в женщине, которую не знаю, желая узнать ее получше.

Что за чертов бардак.

— Ты не хочешь узнать, как я себя чувствую, — говорю ей.

— Так я и думала, — говорит она, целуя меня в лоб. Это словно заряд для моего сердца.

Она встаёт и идёт в ванную, пока я изо всех сил пытаюсь сесть. Мне, нахрен, нужно очнуться и пробиться сквозь это дерьмо, или мой последний день с ней пропадет

даром. Затем она выходит, в руках стакан воды и две таблетки ибупрофена.

— На, выпей, — говорит она, и садится на диван напротив кровати, чтобы наблюдать за мной.

Я делаю, как она велела, проглатываю их, пока она с беспокойством поглядывает на меня.

— Расскажи мне, — неожиданно говорит она, указывая на льва на моей руке. — О льве.

От удивления моя голова откидывается назад, лишь добавляя боли. Вздвогнув от боли, я прикрываю один глаз.

— Сейчас?

Она складывает руки на груди.

— Прошлым вечером мне пришлось отвести тебя в кровать. Думаю, я заслужила объяснение.

Я хмурюсь.

— Не уверен, что татуировка ответит на твой вопрос. Какой у тебя *вопрос*?

— Лев, — говорит она. — Когда ты ее сделал? Что она значит?

— Почему? — осторожно спрашиваю я.

— Потому что ты всегда смотришь на неё.

Мои глаза расширяются, и меня ударяет волной смущения.

— Я так делаю? — Черт, никогда не замечал.

— Время от времени, —

говорит она. — Ты может и не замечаешь, но это одно из *многих* мест, куда смотрят твои глаза.

Я с шумом выдыхаю. Она въелась мне в кожу, как татуировка. Я мог бы открыть для неё ещё одну страницу. Мог бы дать ей ещё один мимолётный взгляд внутрь. Если я уеду, она не сможет бросить их обратно мне в лицо. Страницы просто порхнут на землю.

— Хорошо, — говорю я, протягивая вперёд своё предплечье, для нее, чтобы лучше видеть, для меня, чтобы помнить. — Это Лионель. Не моя собака. Мой лев. Я сделал это тату в шестнадцать. Тогда я уже жил с МакГрегорами, но... — я

останавливаюсь, задаваясь вопросом, как я могу объяснить подобное кому-то, кто никогда с таким не сталкивался. — Когда ты растешь в приюте, когда нет никого, кто бы любил тебя, заботился о тебе, думал о тебе, тогда ты цепляешься за все красивое в мире. Лионель был мягкой игрушкой, подаренной мне на день рождения. В тот же самый день, когда мать отдала меня.

Я неохотной смотрю ей в глаза и не вижу там никакой жалости. Мои слова тронули ее, будто она жила так, как я тогда. Я тяжело сглатываю и продолжаю.

— Лионель был тем, кого я по-настоящему любил и единственным

кто любил меня. В месте, которое было очень жестоким и очень холодным и очень темным, он оставался мягким. Даже когда все казалось безнадежным, лев давал мне надежду. Когда множество приёмных семей...не могли справиться со мной. И иногда, иногда я не мог справиться с ними. Наконец, меня взяли МакГрегоры, но...— я облизываю губы. — Иногда хорошим вещам надо адски много времени, чтобы перевесить плохие. Демоны преследуют тебя повсюду. Постоянно. — Я постукиваю пальцем по затылку. — Мои здесь, они тёмные и они всегда ищут слабости во мне.

*Ты моя слабость. Ты
выпустила их снова.*

От этих мыслей я закрываю глаза, плотно сжимая.

Кайла кладёт свою руку на мою, и я, делая глубокий вдох, открываю глаза.

— Не нужно больше ничего говорить, — говорит она. — Я все поняла.

Я качаю головой.

— Нет. Нет, ты не понимаешь и я рад этому. — Резко выдыхаю я. — Таким образом, лев Лионель напоминает мне, что в мире есть хорошее. Всегда есть то, за что стоит держаться. Просто другое слово для надежды, знаешь?

Она медленно кивает.

— Я знаю. — Она ненадолго смотрит в сторону, в ее глазах плещется грусть. — Черт. Лаклан, ты разбиваешь мне сердце.

Я сажусь прямее и кладу руку ей на грудь.

— Нет. В этом нет ничего разрушающего.

Она смотрит на меня сквозь ресницы, рот искривляется в улыбке.

— Будем надеяться.

Наши глаза встречаются, и до того, как я осознаю, что делаю, наклоняюсь, прижимаясь к ее мягким губам, позволяя себе почувствовать ее, попробовать на вкус и смыть грязь.

Мы долго целуемся, медленная, ленивая отчаянная встреча губ, и я понимаю, что все в моем теле напрягается, горячее и возбужденное.

Но она отодвигается, ее изящная рука на моей груди, и быстро пробегает большим пальцем по моему лбу.

— Я обещала остальным, что мы присоединимся к ним за обедом. Мы собираемся в винодельню.

Я хмурюсь, не желая видеть никого кроме неё и особенно не горя желанием идти в винодельню после вчерашнего.

Она продолжает, читая по моему отцу.

— Не беспокойся, это не

дегустация. Ну, это она, но думаю, они уже там. Я сказала им, что мы встретимся с ними в ресторане винодельни на обеде. Это не далеко и я слышала, там хорошо кормят. Продукты прямо с фермы и все такое.

Я стону, глядя на будильник. Одиннадцать. Не могу поверить, что так долго спал. Обычно я встаю в семь и рвусь в бой.

Она держит мою руку и слегка сжимает.

— После обеда я вся твоя. Они это знают. Они не хотят забирать тебя у меня.

Я с подозрением прищуриваюсь.

— Они звучат как хорошие

друзья.

— Они знают, что ты делаешь меня счастливой.

Ее слова, словно удар кулаком в живот, и почти заставляют меня задержать дыхание.

Я делаю тебя счастливой?
Хочу спросить я, но не могу, я не должен. Я проглатываю ее слова и делаю вид, что они не действуют на меня словно чертова рюмка водки.

— Хорошо, — говорю я ей. —
Пойду собираться.

Проходит немного времени, и я готов, Эмили накормлена и выгуляна, и мы с Кайлой в ее машине движемся к винодельне. Должен признать, день абсолютно великолепный, и свежий

деревенский воздух творит чудеса, прочищаю мою голову. Думаю, смог Сан-Франциско начал слишком перегружать ее, и на минуту мое сердце тоскует по Эдинбургу, с его тихими улочками, каменными зданиями и медленным течением жизни.

Я смотрю на Кайлу, пока она ведёт машину, моя рука на ее затылке, большой палец поглаживает кожу. Я мог бы сидеть здесь часами, пока смогу продолжать прикасаться к ней. Я ненадолго задумываюсь, совсем ненадолго, что бы она подумала об Эдинбурге, если бы увидела его. Понравилась бы ей Шотландия? Увидела бы она страну,

город таким, как вижу я? Поняла бы она, почему это дом?

Но подобные мысли бесполезны. Я заталкиваю их в закрытую коробку и смотрю в окно, наблюдая за танцующими в небе воробьями и бесконечной кривой виноградников, простирающихся над полями.

Вскоре мы подъезжаем к винодельне, состоящей из сена, деревенского забора и, простирающихся на большие расстояния, амбаров. В одном из амбаров находится ресторан, и мы находим моих кузенов и их женщин уже сидящих там, провозглашающих тосты и пьющих вино или что-то

другое.

Это заставляет меня крепче держаться за Кайлу. Они четверо выглядят настолько дружными, что я не могу представить Кайлу с ними после моего отъезда. Будет ли она сидеть здесь, счастливая сама по себе, радуясь за своих друзей, но всегда пятое колесо? Будет ли с ней ещё кто-то рядом, какой-то другой парень? Тот, с которым она спит, тот, которого она возможно любит?

Мысли об этом почти делают меня больным. Я вынужден остановиться на полушаге и выпрямить плечи, чтобы сделать глубокий вдох.

— Ты в порядке? — спрашивает

Кайла, и я быстро киваю, радуясь что никто больше не видел.

— Как раз вовремя, — говорит Брэм, поднимая свой бокал. — Мы пили за похмелье.

— Кажется, случай подходящий, — говорю я, придавая лаконичности голосу. Я сажусь и натянуто улыбаюсь всем. Мой бокал наполнен вином, но рядом стоит ещё один с водой, так что я поднимаю его. — Выпьем за то, чтобы чувствовать себя намного лучше, — говорю я.

— За это, — говорят они. Мы все чокаемся бокалами, и я замечаю, что у Брэма появляется сентиментальный взгляд в глазах,

который, полагаю, не замечает никто кроме меня. Я резко киваю ему, не желая сантиментов, затем чокаюсь с Кайлой, которая тоже выбрала воду.

Я смотрю глубоко в ее глаза, свет в амбаре выявляет различные оттенки красного дерева и тика.

— За тебя, лапочка, — тихо говорю я, еле слышно. — Ты достаточное лекарство от похмелья.

Уголок ее рта приподнимается в нежной улыбке, и я импульсивно наклоняюсь поцеловать его.

Брэм прочищает горло, и я неохотно смотрю на него. Может быть, он видит в моих глазах, как я бросаю ему вызов, чтоб он сказал что-нибудь, так что он отводит

взгляд, занявшись меню. Ничего не могу поделать и ухмыляюсь. При всех его деньгах и достатке, Брэм все ещё немного боится своего младшего кузена.

Обед проходит гладко, и даже если вчера Линден действовал мне на нервы, сегодня он более сдержан. Может это похмелье. Все немного поутихли. Все же, когда официантка подходит, чтобы забрать наши пустые тарелки, я понимаю, что внутренне вздыхаю с облегчением. Насколько бы я не был привязан к Брэма и Линдену, и не имел ничего против Николы и Стеф, все, чего я хочу, это провести последние мгновения с женщиной рядом со мной. Мало-

помалу я могу чувствовать, что темнота подкрадывается, трясая чёрными пальцами, завладевающими вашим разумом, и я хочу сделать все что могу, чтобы удержать их в страхе.

Несмотря на то, что темнота, кажется, увеличивается, когда я думаю о Кайле, она для меня и лекарство.

Мы все предварительно договариваемся встретиться позже за боулингом в баре в отеле, даже если я знаю, что не собираюсь приходить. Я попрощаюсь с ними утром. Для меня этого будет достаточно.

Через минуту после того как они уходят и садятся в свои машины, я хватаю Кайлу за руку и веду вдоль

забора с облупившейся краской к одному из сараев на заднем плане. В отличие от сарая, используемого для ресторана и дегустационного зала, этот выглядит запустелым.

— Куда ты меня ведёшь? — спрашивает она, пока я оглядываюсь, проверяя, не смотрит ли никто. С этой точки не видно ничего кроме сенокосов и рядов винограда.

— Знаю, что ты не в восторге от того, что на нас смотрит собака, — говорю ей, заводя в сарай, мимо сельскохозяйственного оборудования, к лестнице, ведущей на сеновал.

— Я так же не в восторге от катания по крысиным какашкам, — говорит она.

Я улыбаюсь и начинаю подниматься по лестнице.

— Жди здесь. Я все проверю.
— Я поднимаюсь и осматриваюсь. Здесь немного сена, но есть куча тюков, сложенных с одной стороны, немного сена разложено на полу. Будет достаточно удобно. И нет, я не вижу никаких крыс.

Я схожу с лестницы и машу ей.

— Давай, иди сюда, — тихо говорю я. — Сено в порядке.

Она сжимает губы, раздумывая. Я встаю на край и расстегиваю свои карго штаны, вытаскивая член, уже твёрдый как камень.

Ее глаза расширяются, я знал, что так будет. Моя девочка -

маленькое ненасытное создание.

— Я сейчас поднимусь, — говорит она, ее рот сладко приоткрывается, когда она карабкается по лестнице. Поднявшись наверх, она встаёт на колени на полу. Руки хватают заднюю часть моих бёдер, ногти впиваются в меня и она смотрит вверх горящими глазами.

И это не то чувство, будто она вожделеет меня как кусок мяса, вначале может и да. Но сейчас, это нечто большее.

По крайней мере, я на это надеюсь.

Она берет меня в рот, нежно обрабатывая, сладко, но и чертовски

возбуждающе. Я закрываю глаза и откидываю голову назад, одновременно желая, чтоб она остановилась, и чтобы продолжила.

Когда я близок к тому, чтобы кончить, я тянусь назад, задерживая дыхание. Она смотрит на меня, так эмоционально, с жаждой, ее идеальный рот открыт и блестит, практически умоляя о моей сперме.

Я облизываю губы и хватаю ее за руки, подтягивая к себе. Кладу одну руку ей за голову, ощущая, насколько она маленькая, как идеально помещается в моей ладони. Стремление защитить ее или трахнуть это война, все время бушующая внутри меня.

Неудивительно, что она сводит меня с ума.

Я не просто хочу прикасаться к ней и быть с ней, я хочу слиться с ней. Хочу настолько глубоко погрузиться в неё, что без меня она будет чувствовать себя опустошённой. Я хочу быть всем для неё, этой маленькой распутницы, перевернувшей мой мир.

Она целует меня в ответ, дико и необузданно. Теперь она держится за меня, ногти на моей спине, впиваются в рубашку, и я так сильно сжимаю ее, что мог бы сломать.

Ее киска это гребаное сокровище, и в этот момент, в каждый миг, который я провёл с ней,

у меня было и есть чувство, что все это принадлежит мне.

Эта мысль поражает меня, идея как могло бы быть. Это не просто ощущение, что она моя. Идея в том, что возможно в другом мире, другой жизни, она могла бы быть моей.

Я плотно сжимаю глаза, отгоняя это чувство прочь. Но оно не уходит. Оно лишь перерастает, растёт, закручивается, сменяется примитивной потребностью обладать ей каждым способом, которым я могу, заставить ее увидеть каково это.

— Ты взял презерватив? — задыхаясь, спрашивает она.

Я в отчаянии качаю головой. На

самом деле не подумал об этом с похмелья.

— Нет, — печально говорю я,
— Не взял.

— Я на таблетках, — говорит она. Ее глаза заволокло прихотью, но она все ещё мыслит здраво. — И я проходила тесты. Чиста.

Я киваю.

— То же самое. — У меня было больше, чем несколько страхов, когда я был моложе. Я не всегда был с лучшими людьми и творил не лучшие вещи. С тех пор я стал более осторожен.

— Хорошо, — тихо говорит она, и я вижу это в ее глазах, взгляд, который говорит мне, что в этот раз

все будет по-другому. Чувствовать ее кожа к коже. Быть с ней полностью обнаженным.

Я должен сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться. Без барьера между нами, я не знаю, как долго смогу продержаться, прежде чем потеряюсь в ней.

Да кого я обманываю? Я уже потерялся в ней.

Я двигаюсь меж ее ног. Эта потребность, эта нужда почти болезненная. Видеть мой голый член твёрдым и готовым, а ее киску открытой, розовой и мягкой - у меня такое чувство, что я миллион раз умираю красивой смертью.

Я говорю себе забыть об этом,

но слова ничего не значат. Причины и логика тоже. В этот момент я хочу глубоко войти в нее и никогда не отпускать.

Медленно, очень медленно я погружаюсь в неё, когда она поднимает свои бёдра, толкаясь ко мне, желая меня глубже. Чем дальше я продвигаюсь, тем шире открывается ее рот. Ее кожа скользит по моей словно бесконечный шелк.

Я целую ее, сливаясь ртами, желая быть так близко к ней, как это возможно.

— Я долго не продержусь, — чуть не хнычу я ей в губы. — Прости.

— Извинишься после, — говорит она мне, ее дыхание такое

воздушное и мягкое от удовольствия, что практически пускает меня под откос.

Но я знаю, что не буду. Я прослежу за тем, чтоб мне не за что было извиняться.

Наши лица в паре дюймов друг от друга, когда я медленно вхожу в неё. Глаза не отрываются друг от друга. Ее полные страсти и трепета, будто она видит меня в первый раз. Я могу только надеяться, что ей нравится то, что она видит, что меня для неё достаточно. Когда наши бёдра встречаются, я заставляю себя успокоиться и мне надо задержать дыхание, чтобы восстановить контроль. В ней есть что-то, что

заставляет меня хотеть полностью потерять его и каждый день с тех пор, как я встретил ее, я схожу с ума.

Она обвивает ноги вокруг моей талии и толкается бёдрами назад, с каждым движением притягивая меня все дальше и дальше в неё. Ее руки на спине подталкивают меня. Наша кожа движется против друг друга, словно мы единое целое.

— Черт, лапочка, — хриплю я, посасывая ее шею, грудь. Мой язык поддразнивает кончик затвердевшего соска, и я втягиваю его в рот одним длинным, сильным движением. Ее стон настолько громкий, такой раскованный, что я чувствую себя словно гребаный король.

Я едва замечаю, что мы на сеновале, в сарае где-то в Калифорнии. Я замечаю лишь ее и тепло, это чертово одурманивающее тепло реальности, что я действительно, на самом деле нахожусь внутри неё, чувствуя ее во всех смыслах.

— Сильнее, — говорит она, выгибая спину. — Черт. Лаклан.

Мое имя на ее губах это тоник. Я толкаюсь бёдрами глубже, колени горят от сена, пока я снова и снова и снова вколачиваюсь в неё. С каждым совершенным толчком ее идеальные сиськи подпрыгивают, и внезапно все мысли исчезают. Нет боли. Нет ничего и это ещё не все. Это чувство

падения, понимания насколько
хорош может быть секс, когда тебе
кто-то по-настоящему не
безразличен.

И она мне не безразлична.
Больше, чем следовало, больше, чем
я когда-либо мог допустить.

— Лаклан... — шепчет она, но
никогда не заканчивает фразу. Она
просто повторяет мое имя. Словно
боготворит меня, словно я ее
божество.

Снова.

И снова.

И снова.

Румянец на ее лице растекается
по груди, и ноги вокруг моей талии
начинают дрожать. Она держится за

меня, будто я собираюсь взлететь, и она не хочет, чтоб ее оставили позади.

Я скольжу рукой по клитору, чтобы подтолкнуть ее, но она уже там. Она громко кричит, дёргая бедрами вверх, тело трясется, словно от землетрясения. Она такая невероятная, когда кончает, пульсирующий, извивающийся ангел, и я причина всего этого. Я тот, кто отправляет это маленькое существо на колени, к краю.

И она делает со мной то же самое.

Мой оргазм подкрадывается ко мне словно удар сзади. Разрушительный. Оглушающий.

Знаю, я громкий когда кончаю. Знаю, что громко стону и ворчу, но от того, как она все ещё задыхается и крепко держится, она это чувствует. Я хочу, чтоб она чувствовала это. Чувствовала меня.

Я разваливаюсь над ней, пот капает со лба и под носом. Я едва могу дышать, но мне все равно. Я содрогаюсь внутри, полностью освобождённый.

Эта женщина. Эта великолепная женщина, внутри которой я только что кончил, женщина, чью прекрасную, изящную шею я целую потому что это единственное, что я могу делать.

Я не могу оставить ее. Я просто

не могу.

Я остаюсь внутри неё так долго, как только могу, пока она не начинает ерзать подо мной. Когда я выхожу из неё, потеря глубже, чем я думал, будет.

Я отвожу волосы с ее влажного лба.

— Привет, — мягко говорю я. Потому что у меня такое чувство, будто мы встретились впервые.

— Привет, — лениво говорит она, расплываясь в улыбке. Ее руки двигаются по моей спине вверх и вниз, словно она не может поверить, что я здесь.

— Мне было очень хорошо, — говорю я ей.

Ее улыбка становится застенчивой.

— Как и я.

— Я мог бы сделать это снова.

А теперь, теперь она выглядит огорчённой. Она сглатывает, пробегаясь легко и мягко кончиками пальцев вверх по моей шее.

— Я тоже могла бы,

Я делаю глубокий вдох, отбрасывая все приличия.

— Я не хочу прощаться.

Она моргает, будто эта идея нечто новое. Спустя мгновение она говорит:

— Я тоже.

Так что же мы тогда будем делать?

Ответа на этот вопрос - ничего,
Но я не хочу, чтобы так было.

— Ты готов? — спрашивает
меня Кайла, последний раз
осматривая номер.

Я киваю, хоть и очень далек от
того, чтоб быть готовым. Когда мы
проснулись, то провели в постели
столько времени, сколько могли,
пока нам, наконец, не надо было
собираться. Теперь мы немного
опаздываем, что не сулит для меня
ничего хорошего, когда мне надо
успеть на самолёт.

Тем не менее, я не могу винить

себя за задержку. Я пытаюсь держаться за секунды, а они просто ускользают сквозь пальцы.

Я хватаю переноску с собакой, свою сумку и мы направляемся к машине. Я планировал вернуться в отель, чтобы попрощаться с Брэмом и другими, но все четверо ждут нас снаружи со своими чемоданами.

— Прости, что не смогли прийти на завтрак, — говорю я Брэму, когда мы подходим к ним.

— Понимаю, — говорит он, и я не могу видеть его глаза, скрытые его Рэйбэнс, но рискну предположить, что у него тот же сентиментальный взгляд, который был вчера во время обеда. Последнее, что мне нужно,

чтоб кто-то заострял внимание на всём этом прощании. Я охрененно ненавижу прощаться; меня практически всю свою жизнь преследуют подобные ситуации.

Было бы неправильно оставить все так, без каких-либо слов, но даже так, мы все делаем быстро. Я обнимаю кузенов, говоря им что было здорово увидеть их снова, и убеждаюсь, что они знают, я именно это и подразумеваю. Целую руки Стеф и Николы, которые все ещё разглядывают меня так же, как люди смотрят на питбуля, недоверчиво и нервно, и, прежде чем у кого-то появится шанс пустить нюни, забираюсь в машину.

Через несколько минут мы выезжаем на шоссе, ведущее обратно в Сан-Франциско. Светит солнце, но настроение в машине тяжёлое, и над нами висят облака. Мы не разговариваем. И музыка не играет. Тишина успокаивает, мы разделяем ее.

Я продолжаю думать об амбаре. Взгляд ее глаз, когда она кончила, то, как ее руки прижимали меня к себе, так крепко, будто она не могла отпустить меня. То, что произошло, уничтожило меня и не уверен, что смогу это исправить. Я ловлю себя на том, что протягиваю руку к ее затылку, держа ее там, будто это поможет сохранить ее рядом.

Она смотрит на меня, глаза и ласковые и грустные.

— Думаю, Брэм будет скучать по тебе, — говорит она. — У него здесь не так уж много друзей, за исключением Линдена.

Я киваю, не желая говорить о Брэме. Я хочу поговорить о нас.

— А ты, — говорю я. — Ты будешь по мне скучать?

Ее брови смягчаются, и мне хочется вдохнуть ее запах, поцеловать в лоб и похоронить руки в ее шелковых волосах. Я знаю, что хочу услышать. Знаю, что мне нужно услышать. Хочу, чтоб она остановила машину, остановила время. Я хочу ее лишь на несколько секунд больше,

чем мне дозволено.

— Конечно же, я буду по тебе скучать, — говорит она, и ее голос тихий, напряжённый. Он говорит мне правду. Что для нее это тоже тяжело. — Я уже по тебе скучаю, а ты ещё здесь.

Я быстро сглатываю, точно зная, что она имеет в виду.

Но что, твою мать, тут можно сказать? Мы оба знали, к чему это ведёт, знали очень хорошо. Я просто не ожидал, что будет так трудно.

Это чертовски убивает меня.

Я провожу большим пальцем по ее шее, и мой мозг наполняется глупыми мыслями, стремлениями, желаниями. Я не смею повторить их

даже самому себе. Я просто с трудом представляю себя на следующей неделе, дома в Эдинбурге. Конечно, регби отвлечёт меня, займёт мое время, как и организация. Но теперь, когда я был поглощён ей, я не уверен, что этого будет достаточно.

Я открываю рот, чтобы сказать ей что-то, что улучшит ситуацию, но на самом деле ничего не поможет. Так что в салоне снова повисает тишина.

Пока Кайла не произносит:

— Черт, пробка, — и я вижу шоссе полное машин.

— У нас полно времени, — говорю я ей. Все что мне надо, это попасть домой, схватить два

чемодана, которые я уже упаковал, и уйти, Эмили уже в клетке, и у меня есть успокоительное, чтобы дать ей перед полётом. У Брэма есть запасной ключ от квартиры, и он сказал, что после моего отъезда вызовет службу уборки.

Но через полчаса мы по-прежнему стоим в пробке.

— Черт, — снова говорит Кайла, сжимая руками руль. — Можешь проверить ещё раз?

Я открываю ее телефон и обновляю приложение с пробками. Мы не далеко от Бэй Бридж, но на шоссе толстая красная линия.

— Все ещё пробка до самого города, но задержка всего около

десяти минут.

— Они всегда так говорят, но все же...— Она посылает мне тревожный взгляд. — Мне так жаль.

— Я успею на рейс, — спокойно заверяю ее. — Не волнуйся. Они говорят, если рейс международный, необходимо прибыть за три часа, но на самом деле, это девяносто минут. Все нормально. Я просто забегу, схвачу вещи и все.

Но время играет с нами злую шутку. Сначала я проклинал его - казалось, что поездка в машине не даст мне достаточно времени, чтобы провести с ней. Теперь поездка грозит никогда не закончиться.

— Знаешь, не думала, что проведу последние минуты с тобой, переживая об этом гребаном трафике, — говорит Кайла, опуская голову на руль. — Что будет, если я просто начну гудеть?

Я смотрю вокруг. Кажется нет никаких аварий, но такое чувство, что все в мире на этом шоссе, ряд за рядом, стремятся попасть на мост, но оплата за проезд заставляет всех замедлиться.

— Быстрее ты не поедешь. И тогда мне придётся выйти и с кем-нибудь подраться, я уверен.

— По крайней мере, ты бы выиграл, — говорит она. — Может быть, перед тем, как сделать это, ты

бы мог снять рубашку.

— Всегда хочешь видеть меня полуголым, — журю я ее.

— Прости? Абсолютно голым, пожалуйста.

Я не могу не улыбнуться искренности в ее голосе. Что, черт возьми, я буду делать без неё? Никто не вызывает у меня улыбку как автоматический ответ, как непроизвольную реакцию.

Проходит час в пробке. Кайла теряет самообладание, и я массирую ей плечи, пытаюсь успокоить. Но, в конце концов, я должен посмотреть фактам в лицо.

Я не успею на самолёт.

— Мне так жаль, — снова

говорит она, и я посылаю ей сдержанный взгляд.

— Опять же, — говорю я ей, — это не твоя вина. Мы не знали о пробке. Во всяком случае, я должен был удостовериться, что мы окажемся на дороге пораньше, но...сегодня было так чертовски трудно вылезти из кровати. — Мы даже не занимались сексом. Просто сплелись, просто дышали, просто были друг с другом.

— Если бы я могла отмотать время назад, — говорит она и ее голос начинает надламываться. Он врезается в меня, остро и глубоко, но она быстро замолкает, качая головой.

— Я позвоню в авиакомпанию

и поменяю билет на другой рейс, — говорю я, доставая телефон. Нахожу в почте номер брони и набираю номер телефона.

— Разве это не будет стоить дополнительных денег? — спрашивает она.

— Это не важно.

— Но...

— Нет худа без добра. Это позволит нам больше времени провести вместе, — говорю я ей. Она моргает, медленно обдумывая мои слова.

К тому времени, как мы начинаем раздражающе медленно заползать на Бэй Бридж, я, наконец, дозваниваюсь до авиакомпании.

Извиняюсь перед клерком, по телефону объясняя проблему.

— Сожалею, мистер МакГрегор, — говорит клерк, — следующий доступный рейс в Эдинбург только завтра, даже если рассматривать вариант полёта через Глазго.

— Хорошо, — говорю я. Это не так уж и плохо. Первая тренировка только во вторник. — Давайте оставим прямой перелёт. Какие-то штрафы за изменение даты или?

— Нет, — говорит она. У вас бизнес класс, так что доплаты не потребуется.

— Самолет полный?

— Места раскупаются, хотя

бизнес класс, по-видимому, будет довольно пустой.

Это заставляет меня сделать паузу.

— Сколько стоит место? — спрашиваю ее, но прежде чем она сможет ответить, я продолжаю, — без разницы, это не важно. — Останавливаюсь и делаю глубокий вдох, потому что начинаю чувствовать сумасшедшее волнение. — Не возражаете, если я попрошу вас подождать минутку?

Я даже не слышу ответ. Убираю телефон подальше от лица и смотрю на Кайлу. Она жуёт губы, брови нахмурены в беспокойстве, а может грусти. У неё на подбородке

крошечный шрам в форме полумесяца, и я понимаю, что у меня никогда не было шанса спросить ее о нем. У меня никогда не было шанса узнать многие вещи.

Но шансы появляются постоянно. Надо просто воспользоваться ими.

— Кайла, — мягко говорю я, словно сам не могу поверить, что делаю это.

Она поворачивает голову, сияющие глаза встречаются с моими.

— Что?

— Поехали со мной в Шотландию.

Это больше требование, чем вопрос.

Но я сказал это.

Она мгновение беспомощно смотрит на меня, пока я не хлопаю ладонью по приборной панели, чтобы привлечь ее внимание к машине, в которую она едва не въезжает. Она давит на тормоз и нас обоих выбрасывает вперед, удерживая ремнями безопасности.

— Что? — спрашивает она деликатно, словно раньше не расслышала мои слова

Я прочищаю горло, набираясь решимости, чтобы сказать это снова.

— Поехали со мной в Шотландию. Завтра. Я могу зарезервировать тебе место в самолете.

Ее рот открывается, но она ничего не говорит. Она растерянно и быстро улыбается мне.

— Я не...ты серьезно?

— Когда я не был серьезен? — если бы она могла почувствовать как быстро и сильно бьется мое сердце, она бы не спрашивала. — Я серьезно. Я куплю тебе билет. Просто поехали со мной. *Пожалуйста.*

Она пристально смотрит на меня, пытаюсь прочитать мое лицо, и я знаю, ей тяжело это сделать. Наконец она качает головой. Я не могу сделать вид, что это не причиняет боль.

— Но я не могу, — говорит она.
— Я хотела бы. Имею в

виду...я...но...моя работа.

— Возьми отпуск.

— Я не могу просто прийти и оставить их. Они меня не отпустят.

Я знаю, что это бесполезно, но ничего не могу с собой поделать.

— Ты можешь спросить. Такое чувство, что они немалым тебе обязаны.

Да пошло оно все. Я подношу телефон обратно к уху.

— Алло, мисс? Да, вообще-то я хотел бы купить еще одно место, бизнес класс. Если есть место рядом со мной или где-то поближе, было бы великолепно.

— Что ты делаешь? — в панике спрашивает Кайла.

Я кладу руку на микрофон на телефоне.

— Не беспокойся об этом.

Клерк спрашивает меня имя Кайлы и информацию.

— Кайла Мур, — говорю я ей, затем замолкаю. Я даже не знаю дату рождения этой девушки. Да какого хрена я вообще тут делаю?

— Ммм, лапочка, — говорю я Кайле. — Напомни мне твою дату рождения?

— Лаклан, — говорит она. — Не надо.

Я смотрю на неё долгим взглядом, пытаюсь понять, что она чувствует на самом деле, о чем думает.

— Не надо что? — спрашиваю ее. — Ты не хочешь ехать?

Она выглядит абсолютно беспомощной, и мне практически стыдно за то, что поставил ее в такое положение. Но, бл*дь, надежда этого стоит.

— Я хочу поехать, — тихо говорит она. — Просто не думаю, что это возможно. Все в последнюю минуту. Ты, правда, хочешь, чтоб я поехала с тобой?

Я быстро киваю.

— Я беру билет.

— Нет.

— Нет, послушай. Я куплю билет. Рейс завтра в три. Я полечу на нем. Если у тебя не получится, так

тому и быть. Но билет на твоё имя будет там.

Она качает головой.

— Я не могу позволить тебе сделать это. Цена...

— Цена будет стоить того, если ты придёшь.

— А если нет? Хочу сказать, если у меня не получится с работой?

Я нахожу силы слегка улыбнуться ей.

— Тогда, по крайней мере, я попытался. — Я громко выдыхаю. — Твоя дата рождения, солнышко?

Я могу видеть, как колесики крутятся у неё в голове. Туда-сюда. Прокручивая каждый сценарий. Сомневаясь, какой ответ

правильный.

Наконец, она говорит.

— Первое июля тысяча девятьсот восемьдесят пятого. И Кайла Энн Мур.

Я ухмыляюсь ей и возвращаюсь к телефону.

— Простите, мисс, вы все ещё здесь? У меня есть нужная вам информация.

И вот так просто появляется надежда.

Глава 17

КАЙЛА

Все изменилось лишь за несколько минут. Абсолютно все. В

мгновение ока я перешла от чувства глубокого, ноющего, безумного отчаяния к мыслям о совершенно новых возможностях.

Потому что он попросил меня поехать с ним.

Это все, о чем я мечтала. На что надеялась. Этот тот самый сценарий, уже несколько дней, снова и снова, разворачивающийся у меня в голове. Мечта, что он попросит меня, что действительно захочет, чтоб я поехала. Знак того, что мы что-то значим, что есть *мы*. Эта ситуация имеет под собой основание, и при правильных обстоятельствах все могло бы идти дальше и дальше.

Он заканчивает разговор по

телефону, его длинные пальцы кружат над ним, будто он не совсем уверен, что сделал. Поворачивает голову ко мне и на его лице появляется медленная полуулыбка. На этот раз его красивые губы изогнуты с чем-то вроде застенчивости. Это обезоруживает, видеть его таким неуверенным и тревожным, хотя я не могу быть уверена, что это из-за того, что он только что сделал или потому что я могу поехать или нет.

Правда в том, что я не знаю, что сказать. Но я знаю, что чувствую. Я не хочу прощаться прямо сейчас. И вдруг у меня есть сила, чтобы все изменить, принять на себя риск и

последовать за ним в другую страну.

Это безумие. Я знаю. Это абсолютное сумасшествие.

Я не должна даже рассматривать этот вопрос.

Но я это делаю.

Я просто не хочу обнадеживать кого-то, особенно саму себя.

— Итак, — после долгой паузы, наконец, говорит он. — У тебя есть место, если ты хочешь.

Я издаю смешок, качая головой.

— Я просто думаю о том, насколько это безумно. Это безумие, правда?

— Да, — говорит он с одним решительным кивком. — Это, безусловно, не нормально. Но почему

нет?

— Если не принимать во внимание тот факт, что меня могут не отпустить с работы?

Он сурово улыбается.

— Хотя они и могут. Объясни им.

Я бурчу про себя, думаю о том, что скажет Люси. Опять же, Кэндис с удовольствием перейдет на мое место. Она, вероятно, ждет не дождется подобной возможности.

— Черт, если они позволяют взять мне весь свой отпуск, есть шанс, что когда я вернусь, у меня не будет работы. Меня легко заменить.

Он поджимает губы, хмурясь пока изучает меня.

— Тебя заменят лишь, если ты позволишь этому случиться.

И как сильно я буду бороться, когда вернусь? Я ненавижу свою работу. Я ненавижу, как мне показали, что я действительно могла сделать со своей жизнью, а затем все перечеркнули. Я ненавижу, что меня не воспринимают всерьез, когда я говорю, кем могла бы быть.

Черт. Если я вернусь сюда, и моя работа будет висеть на волоске... трудно сказать, как далеко я зайду, чтобы сохранить ее.

— У нас, возможно, будет лишь три недели вместе, — говорю я ему.

Он медленно моргает в знак согласия.

— Но это будут три хорошие недели.

Хорошие? Это было бы преуменьшение года. Еще три недели лучшего секса в моей жизни с невероятным мужчиной, чтобы стать совершенно отчаянно одержимой? Они могли бы стать лучшими тремя неделями моей жизни.

Я выдыхаю, пытаюсь изгнать стеснение в груди.

— А как насчет тебя? Что с регби? Я не буду мешать?

— Нет, лапочка, ты не будешь мешать. Наоборот, это может помешать тебе. В том плане, чтобы оставить тебя всю себе, изо дня в день, и никуда не пускать кроме

спальни.

— Я просто не хочу вносить беспорядок в твою жизнь, даже если это лишь на несколько недель, — говорю я слабым голосом.

Он ерзает на сиденье и кладет руку на мою щеку, поворачивая меня к нему. К счастью мы стоим в пробке.

— Я хочу тебя, — говорит он с грубоватой нежностью. — Я хочу больше тебя. И меня не волнует, как я получу это.

Я ищу его глаза, зеленее, чем они были когда-либо. Они яркие и обжигающие, и я *знаю*, что он хочет меня. Я чувствую это в своих костях, и острые ощущения, словно миллион

бомб собирается и взрывается одновременно. Как это вообще случилось? Я совершенно околдована им.

Я прочищаю горло, но, несмотря на это, мои слова тихие.

— У тебя есть я.

Его рот дергает вверх, глаза прищуриваются.

— Еще нет.

Остаток пути мы едем в тишине, но, в отличие от молчания до этого, которое было чистой меланхолией, во время которой мой мозг и сердце боролись друг с другом с идеей попрощаться с ним, эта тишина гудит с энергией. Возможностью. И страхом.

Когда я высаживаю его у
квартиры, страх настолько велик, что
берет меня в тиски. Я словно
приклеена к сиденью. Он хватает
Эмили с заднего сиденья, ставит
переноску на тротуар, а затем
подходит ко мне, открывая дверь.

— Давай, — говорит он. —
Обними меня.

— Что?

Он наклоняется и вытаскивает
меня из машины, я прижата к нему, и
меня вдруг ударяет этой проклятой
волной ужаса, страха, что я могу не
увидеть его снова.

Он обнимает меня, удерживая в
тисках мышц и тепла, и его
замечательного запаха, и целует

верхнюю часть моего лба.

— На случай если это все.

Я качаю головой. Нет, нет. Этого не может быть. Уже нет.

— Я еще должна поговорить с мамой, — бормочу я в него, пальцы царапают его футболку. — Мне не нравится идея о том, чтоб оставить ее на три недели.

— Я знаю, — говорит он.

Поднимаю голову и смотрю на него снизу вверх.

— Если братья пообещают приходить и проверять ее почаще, думаю все будет хорошо. Но не думаю, что смогу поговорить с начальницей до утра. Если она скажет да, я должна быть сразу же

готова. Ты сказал, рейс в три?

— Да.

Я смаргиваю слезы.

— Я собираюсь спросить.

Сделаю все, что смогу.

— Я знаю, ты так и сделаешь,

— говорит он. — Я в тебя верю.

— Так что, это не все, — говорю я ему. — Это не может быть конец.

Он закрывает глаза и наклоняется, чтоб оставить ужасно нежный поцелуй на моих губах. Подобное заставляет меня захотеть заплакать. Мои руки крепко хватают его. Внутри меня все дрожит.

— Иди домой, — шепчет он. — Сделай все, что можешь. И я увижу

тебя завтра.

— А что если нет?

Он грустно улыбается.

— Тогда, по крайней мере, у меня была надежда.

Твою мать.

Не знаю, как мне удастся оторваться от него, но я это делаю. Я едва могу поехать обратно в свою квартиру. Я зомби, полная эмоциональная развалина, но мне никогда за всю мою жизнь не надо было мыслить более ясно.

Я не знаю, что делать. Я знаю, что я хочу сделать, и что должна, но не думаю, что это одно и то же. Что мне действительно нужно сделать, так это обсудить все с мамой, даже

если моя работа действительно позволит мне в последнюю минуту взять весь мой трехнедельный отпуск, она причина, о которой я должна переживать.

Но прежде чем я смогу обсудить это с ней, я должна знать свой план.

Я сразу же пишу Стеф и Николе. *Когда вы, ребята, вернетесь, можете заскочить ко мне? Это срочно. Мне надо с вами поговорить.*

Я раздумываю оставить все вот так, но не уверена, что этого будет достаточно, поэтому добавляю, *Лаклан попросил меня поехать с ним в Шотландию. Завтра.*

Они обе сразу же пишут мне кучу вопросов и говорят, что попросят парней высадить их у меня.

Я наливаю стакан воды из под крана и выпиваю ее за пять длинных глотков. Затем беру наполовину пустую бутылку вина из буфета и делаю несколько глотков прямо из бутылки. После всего вина, выпитого в течение выходных, я до сих пор не устала от него. Более того, мне оно нужно. Я так измотана.

Когда Никола и Стеф звонят мне, я впускаю их, но на самом деле я не придумала никакого решения. Я настолько ошеломлена, что не могу ни о чем думать.

— Кайла, — говорит Стеф,

когда они заходят внутрь. — Какого черта случилось по дороге?

Я перестаю вышагивать и смотрю на них, взмахнув руками как нервная птица.

— Ладно. Хорошо. Итак. Он пропустил рейс. Пробки.

— Я знаю, мы тоже застряли по дороге в город, — говорит Никола. — Он действительно опоздал на самолет?

— Да. Он забронировал билет на следующий, но вылет только завтра. А потом...а потом вдруг посмотрел на меня...

Он посмотрел на меня, и там было то, чего я раньше не видела в нем: надежда. Я чувствовала это

своим существом, и я знала, знала, что для нас что-то изменилось.

— И? — спрашивает Стеф, садясь на диван и скрещивая под собой ноги.

— А потом он спросил, поеду ли я с ним в Шотландию. Он сказал, что купит мне место.

— Так ты сказала да? — спрашивает Никола.

Я качаю головой.

— Нет. Да. Может быть? Я имею в виду...я не знаю, смогу ли я? Что если меня не отпустят с работы? Я должна пойти завтра в офис и спросить, могу ли уехать прямо сейчас и вернуться через три недели. И потом мама. Я не могу оставить ее

так надолго.

Стеф изучает меня.

— Правильно. Веские доводы.

Так ты не поедешь?

Я вздыхаю и падаю на диван, ноги разведены, у меня нет сил.

— Я не знаю. Он все равно забронировал мне место.

— Боже мой, — мягко говорит Никола. — Он сделал это?

Я сглатываю и киваю.

— Я говорила тебе, что он запал на тебя, — самодовольно говорит она.

Я слишком измотана, чтобы закатывать глаза.

— Я этого не ожидала.

— Но ты этого хочешь? —

спрашивает Стеф. — Когда он спросил тебя, какая у тебя была первая мысль?

Я сдуваю прядь волос с лица, мечтая, чтоб мои нервы не были так напряжены.

— Я подумала...пожалуйста, пусть он говорит всерьез. Пожалуйста, пусть это будет не жестокая шутка.

— Что ж, Кайла, — говорит она, глядя на меня понимающими глазами. — Ты должна поехать.

— Но я не могу просто взять и уехать. Все не так просто.

— Хорошо, давай на минутку оставим в покое твою работу и ситуацию с мамой. И кстати, с твоей

мамой все будет отлично. Я даже съезжу провести ее, если у твоих братьев не получится. — Я благодарно улыбаюсь ей. — Так что игнорируй все это. Есть что-то еще, что мешает тебе поехать? Я не имею в виду что-то несущественное, что-то типа боязни разницы во времени или ненависть к шотландской кухне или что-то подобное. Я имею в виду что-то личное. Твои границы.

Я царапаю зубами губу.

— Я не знаю его, — мягко говорю я. — Я три недели назад познакомилась с ним. И была близка с ним лишь неделю. Ты ведь не можешь просто взять и поехать в другую страну с тем, кого не знаешь.

Ни с того ни с чего.

— А какого черта и нет? — спрашивает Стеф, странно глядя на меня. — Ты что, думаешь, он собирается убить тебя и оставить где-нибудь в мусорном контейнере.

— Ну, нет.

— Ты ему доверяешь?

Мой рот открывается, но ничего не выходит. Я пожимаю плечами.

— Полагаю, да. Хочу сказать... ты можешь доверять тому, с кем только что познакомилась?

— Ты можешь делать все, что хочешь, — говорит она. — Ты ему доверяешь?

Я делаю глубокий вдох и

смотрю на Николу, которая с любопытством наблюдает за мной.

— Свое сердце?

Стеф наклоняет голову.

— Ты об этом беспокоишься?

Что поедешь туда, влюбишься и должна будешь уехать?

Упс. Один вопрос и в моей груди будто сделали дыру как дупло на дереве.

— Ну, я чертовски волнуюсь об этом *сейчас!* — говорю я ей, садясь. — Я громко выдыхаю и потираю лицо руками. — Я волнуюсь. Я беспокоюсь об этом, да. Я охрененно беспокоюсь. Но я так же обеспокоена тем, что буду разочарована. Что я узнаю его, и он

окажется не тем человеком, которым я его считаю.

— А кто он, ты думаешь?

Я мягко улыбаюсь им.

— Я думаю, он это все.

Стеф кивает и встает с дивана, направляясь на кухню.

Никола прикусывает губу, улыбаясь.

— Никто никогда не был твоим всем, Кайла. Ты знаешь, что должна поехать. Если не сделаешь это, то будешь корить себя. Ты не захочешь жить с сожалениями, поверь мне.

Стеф возвращается с бутылкой вина, которую я пила раньше, и тремя бокалами.

— Мы должно быть уже все

устали от вина, но мне все равно. — Она выливает оставшуюся часть вина в бокалы, на самом деле это лишь пара капель, и протягивает один мне.

— На самом деле нам еще нечего праздновать, — напоминаю я ей, хотя все равно поднимаю свой бокал.

— Мы отмечаем твое решение. Редко выпадает такой шанс. Ты приняла его независимо от того, какой будет итог и это уже что-то. — Они с Николой чокаются со мной. — Последний раз мы пили за трах. В этот раз мы пьем...ну, за нечто большее. Но мы пьем за тебя, Кайла. Следуй за своим сердцем.

— Банально, — бормочу я,

прежде чем сделать плоток вина. Банально, но уместно. — Ты действительно хочешь сказать, что наведишь маму? — спрашиваю я ее.

Она на минуту кладет руку мне на плечо, глядя мне в глаза.

— Обещаю, что буду.

— Я до сих пор не знаю, что она на это скажет, — замечаю я.

— Она будет рада, если ты будешь счастлива. Все мамы хотят этого для своих детей. Ну, большую часть времени. Я уверена, моя мама так же хочет, чтоб я в ближайшее время завела ребенка.

Я с удивлением смотрю на нее.

— Она уже просит? Ты же только что вышла замуж.

Стеф улыбается и смотрит в сторону, заправляя волосы за ухо.

— Да, верно. Не могу сказать, что я с ней не согласна. Мы уже начали пытаться.

Я смотрю на Николу, чтобы увидеть, в курсе ли она, но она выглядит такой же удивленной, как и я себя чувствую.

— Правда? — пищит Никола.
— Это восхитительно. О, я так за тебя рада.

Я морщу нос.

— Правда, Стеф? Ты собираешься присоединиться к Николе в клубе мамочек?

— Это не так уж и плохо, — упрекает меня Никола. — В один

прекрасный день ты можешь изменить свое мнение.

Я таращусь на нее.

— Ты же знаешь, как я ненавижу, когда люди говорят подобное?

Она выстреливает в меня злой усмешкой.

— О, я знаю. Вот поэтому я так и говорю.

— Как я уже сказала, — продолжает Стеф. — Мы пытаемся. Мне не о чем вам рассказывать, кроме как о бесконечном сексе, и я знаю, вы все уже устали слушать о нем. Но как бы это ни было захватывающе, тебе, Кайла, лучше начать собирать вещи.

Такое чувство, словно в меня сразу же попадают сотни молний. Собрать вещи? Чтобы поехать за Лакланом в Шотландию. И в течение трех недель жить там с ним. Чтобы увидеть, как он играет регби, наблюдать за ним с Лионелем, помогать в приюте и жить в другой стране. Чтобы в течение целых трех недель заниматься бесконечным сексом. Перспектива такая захватывающая, такая пугающая, что я чувствую, будто могу разлететься на осколки по всей гостиной.

— Давай, — Стеф хлопает меня по плечу. — Мы поможем пока ждем Линдена, чтобы он отвез нас.

В моей комнате полный хаос, и

сбор вещей для импровизированного путешествия через океан очень удручает. Погода такая же, как и в Сан-Франциско? Город обычный или шикарный? Должна ли я брать один из своих вибраторов (ответ да)?

К счастью, Стеф и Никола здесь, чтобы удержать меня в рамках и на правильном пути, и каждые несколько минут я чувствую, как прыгаю вверх-вниз от радости. Я делаю это. Я на самом деле делаю это — самую дикую, сумасшедшую вещь, которую когда-либо делала. И даже несмотря на то, что будущее остается неопределенным, и я не знаю, что будет завтра, у меня есть ощущение, что это произойдет. То

чувство, которое пугает меня больше всего. Потому что, черт. Я знаю, знаю, если поеду с Лакланом, то по уши влюблюсь в него. Я уже на полпути.

Когда Линден показывается у моей двери, девочкам пора уходить, и я в значительной степени полностью собрана. Наше прощание своего рода грустное, потому что не думаю, что увижу их в ближайшие три недели.

— Передай привет моим тете и дяде, — говорит Линден, обнимая меня, и на самом деле на этот раз объятие ощущается искренним.

— Ты думаешь, он представит меня родителям? — спрашиваю я.

Линден сухо улыбается.

— Кайла, если он пригласил тебя с собой в Эдинбург, то он серьезен. Так что, да. Я уверен, ты познакомишься с его родителями и со всеми остальными, и сего братом Бригсом тоже. Черт. Я, правда, охрененно завидую. — Он смотрит на Стеф. — Хочешь поехать в Шотландию?

Она качает головой.

— Я вполне счастлива остаться здесь. Но ты можешь воплотить свои мечты с помощью Кайлы.

Он морщится.

— Я не слишком уверен насчет этого, если она все время собирается заниматься сексом с моим кузенком.

— Вы же меня знаете, —

говорю я, пожимая плечами, и обнимая Стеф с Николой, говоря им «пока». Никола смотрит на меня слезливыми глазами, и приходится дать ей подзатыльник и сказать перестать. Стеф немного более тихая, вне себя от радости за меня, больше, чем за все остальное.

После того, как они уходят, я беру телефон, намереваясь позвонить маме.

— Привет, дорогая, — говорит она мне. — Как твоя поездка в Напу? Вино было вкусным?

— Да, вино было хорошее, — говорю я ей, опираясь на кухонную столешницу. По какой-то причине мои ноги дрожат, и не так, как в тот

вечер, когда у нас с Лакланом был здесь первый секс. Боже, это был охрененно хороший секс.

— И отель? — спрашивает мама, и я вынуждена покачать головой, чтобы выкинуть из головы сексуальные мысли. — Расскажи мне об отеле. Помню, как мы с твоим отцом, когда он впервые приехал из Исландии, постоянно ездили в Напу. Мы всегда останавливались в одном и том же месте прямо в городе. Там так красиво.

Я глубоко вдыхаю. Разговоры о моем отце не помогают разговору.

— Отель был очень хороший. С собственным виноградником. Мы как-нибудь поедем туда с тобой.

Путешествие мамы и дочери.

— Это было бы прекрасно. Конечно, если я буду лучше себя чувствовать.

Тьфу. Я словно одной ногой уже в Шотландии, и тут вспоминаю о том, почему моя другая нога должна быть здесь.

— Кайла, — спрашивает она, и я понимаю, что замолчала.

— Да... — я прочищаю горло.
— Послушай, мам. Кое что произошло...и мне нужно поговорить с тобой об этом. Мне нужен твой совет.

— Оу? И что это?

— Хм, ну... ты же помнишь Лаклана?

— Да, конечно. Как он?

— Хорошо, хорошо. Да, он в порядке. Но он завтра уезжает в Шотландию. На самом деле он должен был уехать сегодня, но из-за пробок пропустил свой рейс.

— О нет.

— И когда он позвонил в авиакомпанию, чтоб забронировать место на завтрашнем рейсе, он забронировал место и для меня.

Долгая пауза.

— Что?

— Он хочет, чтоб я полетела с ним.

— А что ответила ты? — с тревогой спрашивает она.

— Ну, вполне очевидно, я

сказала ему, что должна подумать об этом. У меня есть работа, и я не знаю, позволят ли они мне так резко взять отпуск. И опять же, есть ты.

— Я?

— Мне не очень нравится идея оставлять тебя, мама.

— О Боже, Кайла. Будь серьезна.

— Я серьезна. Я знаю, ты не очень хорошо себя чувствуешь и...

— Я в порядке. — Обрывает она меня и ее голос звучит сильнее, чем когда-либо. — Не беспокойся обо мне. Ты не можешь просто взять и упустить что-то удивительное потому что беспокоишься о своей маме. Это глупый разговор.

— Я знаю, но...

— Нет. Никаких но. Ты хочешь поехать в Шотландию? Хочешь?

Мои нервы гудят от энергии.

— Да, — неразборчиво говорю я.

— Тогда поезжай. Пойди на работу, возьми отпуск, если они тебя не отпустят, выясни, как скоро ты можешь уехать. Я ведь знакома с Лакланом. Ты не должна позволить ему уйти, Кайла, — серьезно говорит она. — Не сомневайся в себе. Это твоя дорога. Вставай на нее и езжай туда. Будь с ним. Никогда не знаешь, что принесет тебе любовь.

Но я не люблю его, хочу сказать я. Но я не произношу этого. Потому

что знаю, это случится. Это неизбежно, и я должна прекратить бороться с этим.

— Хорошо. Ты уверена, что все будет в порядке? Что, если с тобой что-то случится?

Она смеется.

— Ничего со мной не случится. Обещаю. Пожалуйста, Кайла. Я просто хочу видеть тебя счастливой, и он сделает тебя счастливой. Твой отец хотел бы того же, я знаю. Воспользуйся шансом и будь с ним.

Я облизываю губы. Говорю маме, что увижу ее, как только вернусь, и что позвоню, как только доберусь до Эдинбурга, если это все же случится. Затем звоню Тошио и

Полу, убеждаясь, что они оба согласна навещать ее, пока меня не будет. Мне не нужно напоминать об этом Стеф. Она позаботится о маме.

Так что, полагаю это все.

Вот оно.

Я едва сплю ночью. Постоянно ворочаюсь и держусь за подушку, воображая на ее месте Лаклана. Я испытываю миллион чувств, словно пробираясь сквозь сны и мечты, и когда к утру моя тревога исчезает, у меня остается ощущение, что мой сон лишь начинается.

Я даже не знаю, как собраться

и держать себя в руках.

Я чищу зубы, и тут
неожиданно...

БУМ.

Я, возможно, буду чистить зубы
в Шотландии.

Я пью кофе и...

БУМ.

Возможно, я буду пить кофе в
Шотландии.

Я представляю лицо Лаклана,
открытое и любопытствующее,
желающее услышать от меня
красивые вещи и...

БУМ.

Все это может быть у меня в
течение трех замечательных недель.
Идея, что мы пока не попрощались и

через несколько часов я, возможно, снова окажусь в его сильных, теплых руках, заставляет меня почувствовать себя пьяной в восемь утра.

Но сначала мне надо пойти на работу. Кажется у меня не очень много принципов, но даже я не смогла бы оставить свою работу просто так. Я должно отбросить осторожность...но сделать это осмотрительно.

Я в последнюю минуту привожу квартиру в порядок, делая вид, что не появлюсь здесь какое-то время, а затем запикиваю чемодан в машину и отправляюсь на работу.

Конечно же, я нервничаю. Мне страшного от того, что я могу сделать

если Люси скажет нет. Боюсь, что эти имеющиеся у меня принципы могут вылететь в окно, и потом где я окажусь?

Что ж, по крайней мере, я буду на самолете в Шотландию.

Я приезжаю на работу на пятнадцать минут раньше, в надежде поймать Люси, прежде чем ее кто-нибудь отвлечет. Когда она замечает меня, глядя на мои обычные узкие штаны для йоги, слипоны и футболку (в самолете вам должно быть удобно) она выглядит удивленной, видимо вдвойне, потому что я никогда не прихожу в такую рань.

— Кайла, — говорит она, когда я захожу в ее кабинет. — Что, э-э,

происходит?

Я натянуто улыбаюсь ей.

— Могу я с тобой поговорить?

Она убирает руку с мышки и обращает все внимание на меня.

— Хорошо.

— Я скажу коротко и ясно, но, пожалуйста, знай, для меня это очень важно и это отличная возможность, которой у меня никогда не было. Я работала здесь достаточно долго, и работала хорошо. Иногда, даже отлично. Во всяком случае, я обычно не прошу о подобном, так что давай просто воспользуемся моментом и закроем глаза, чтобы подумать об этом.

Она поднимает бровь.

— Хорошо. Но я еще не знаю, о чем ты меня спрашиваешь.

Я делаю глубокий вдох, выпрямляя плечи.

— Я знаю, что прошу в последнюю минуту, но...могу я взять отпуск?

— Конечно, — говорит она, глядя в свой компьютер, вероятно ища файл. — Когда?

— Сегодня.

Она перестает печатать.

— Что?

— Да. У меня рейс в три в Эдинбург, Шотландия.

— Сегодня? — повторяет она так же, как и Кэндис, входящая в кабинет и с любопытством

поглядывающая на нас.

— Да.

— Это ведь совсем в последний момент.

— Я знаю, знаю, — говорю я, выдавая ей мой самый умоляющий взгляд. — Пожалуйста.

Она потирает переносицу.

— Ты хочешь взять все три недели?

— Да, да, если можно.

— Ты знаешь, что у нас аврал, обстановка становится напряженной.

— Я знаю, но Кэндис сможет с этим справиться, — говорю я. Не могу поверить в то, что собираюсь это сделать, но высовываю голову из кабинета и кричу. — Кэндис, если я

на три недели уеду, как думаешь, сможешь вести мои дела?

С ликованием в глазах она вскакивает на ноги и практически бежит к нам. В эту минуту я понимаю, что передаю ей работу, над которой трудилась все эти годы, но ничего не могу поделать. Я знаю, что несмотря ни на что, оно будет того стоить.

И к счастью, благодарю рвению Кэндис в работе, она та, кто, в конце концов, убеждает Люси.

— Хорошо, — говорит Люси, настороженно улыбаясь мне. — Ты можешь поехать, Кайла.

— Что? — спрашиваю я, дыхание замирает в груди.

— Иди. Езжай в Шотландию. Но когда вернешься, будь готова много работать. И убедись, что сможет получать там данные. Нам, возможно, придется связаться с тобой по каким-то вопросам.

Она продолжает говорить о чем-то, но я даже не могу ее слышать. Я глупо улыбаюсь, мое сердце словно пузырь, который отказывается лопаться. Этот пузырь выносит меня из кабинета, и весь путь к машине я плыву, парю от радости. Я плыву пока еду, мы с машиной парим от удовольствия, пока я мчусь вниз по шоссе в сторону аэропорта. Ник Кейв «Supernaturally» играет из динамиков, я слушаю его с

тех пор, как Лаклан сказал, что восхищается им. Просто еще одна вещь, которую я делаю, думаю, чувствую из-за Лаклана.

А теперь, теперь я уезжаю вместе с ним.

И он мой.

Мой Лаклан.

Мой зверь.

Мой большой, сломленный мужчина.

Я еду к нему. Я всеми возможными способами собираюсь отдать ему себя.

Свое тело.

Свое сердце.

Свою душу.

Я собираюсь сесть в этот

самолет и первый раз в жизни перестать бояться. Я собираюсь впустить его и молюсь, надеюсь, что он тоже впустит меня.

Я так счастлива, что почти могу заплакать. Но вместо этого я смеюсь, медленно чувство подкрадывается ко мне, когда меня ударяет понимание.

Я не могу поверить, что, черт побери, делаю это.

Это так на меня не похоже.

Но может быть это та я, которой мне всегда хотелось быть.

И когда я добираюсь до аэропорта и вижу Лаклана, стоящего у кассы Virgin Atlantic, где сегодня утром он написал мне встретиться с ним, у меня появляется ощущение,

будто солнце пробивается наружу. Оно освещает все, говоря мне, что это правильно.

Что для нас никогда и не было другого пути.

Мне суждено быть с ним.

Я останавливаюсь на месте и смотрю на него, его широкая спина поворачивается ко мне. Я наблюдаю за ним, невидимая. Словно призрак. И я должна ущипнуть себя, потому что даже в его штанах карго, туристических ботинках и выгоревшей черной футболке, он слишком красив, слишком прекрасен, слишком мужественен, чтобы существовать на этой земле.

Мне так невероятно повезло,

что он попросил меня.

Он попросил *меня*.

Он словно может чувствовать меня и оглядывается через плечо.

Впитывая меня.

Его глаза прищуриваются, и он улыбается мне.

Это так красиво.

Он усмехается мне, потому что теперь знает, он *знает*, что я его.

— Я здесь, — говорю я ему, медленно подходя, мой голос едва слышен.

Он кивает.

— Ты здесь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 18

ЛАКЛАН

— Лаклан?

Как луч света в темную комнату, голос Кайлы проникает в мои сны. Я медленно открываю глаза, на секунду забывая, где нахожусь. Вы можете думать, что это практически невозможно, когда вы в самолете, но черные, навязчивые особенности моих снов быстро покидают сознание, оставляя меня заторможенным.

Когда я задремал, свет в салоне был приглушен. Теперь он яркий, и лучи светят через нижнюю часть

окна крышки самолёта. Дневной свет.

Я поднимаю голову и издаю низкий стон, шея ноет от позы, в которой я спал. Смотрю рядом и вижу, как Кайла нежно улыбается мне.

Она пришла. Не могу поверить, что она пришла.

— Доброе утро, — говорит она, потирая глаза. — Я хотела позволить тебе поспать, но стюардесса сделала своей миссией разбудить тебя. Мы приземляемся через двадцать минут.

Я пытаюсь сглотнуть, в горле невыносимо сухо, и поворачиваюсь в кресле лицом к ней.

— Ты все ещё здесь, — говорю

я, голос хриплый. Я тянусь к ней и прикасаюсь к ее лицу, кожа по ощущениям словно рай.

Она поворачивает голову, чтобы поцеловать мою руку, ее застенчивый взгляд не оставляет меня.

— Конечно я все ещё здесь. Куда я денусь? Пересяду?

— Я думал, все это было сном, — нежно говорю я ей. — И когда я проснусь, окажусь в одиночестве.

— Неа, — говорит она, и я отвожу волосы от ее лица, поглаживая пальцами шелковистые пряди, словно мне нужно ещё одно доказательство, что она настоящая. — Это не сон. Хотя ощущается как сон, да? Имею в виду...я не могу

поверить, что это действительно происходит.

Я медленно киваю.

— Ты поспала?

Она качает головой.

— Слишком взволнована, чтобы спать. Я пересмотрела кучу фильмов. А потом я немного понаблюдала за тобой, пока ты спал, как полная извращенка.

Я улыбаюсь, находя это странно милым.

— Что ж, мне нравится когда ты полная извращенка, лапочка. Когда мы приземлимся, ты можешь пойти дальше. Боюсь, в Эдинбурге я не спущу с тебя глаз.

— Это должно облегчить мое

преследование.

Стюардесса подходит ко мне и говорит поднять сиденье и шторку окна, таким образом немного ругая меня, и самолёт начинает садиться. Кайла склоняется надо мной, чтобы выглянуть в окно, хотя там ничего не видно кроме пятен зеленого между облаками. Я не могу ничего поделаться и закрываю глаза, вдыхая ее запах. Даже после тринадцати часов в самолёте она пахнет невероятно. Это не мыло, не парфюм, это просто она. Что-то такое, что нельзя разлить в бутылки. Что-то, что заставляет мою кровь прилить ко всем нужным местам.

Я двигаюсь в кресле, пытаюсь

не обращать внимания на растущую эрекцию. Кайла слишком занята выглядывание из окна, так что она, кажется, ничего не замечает. Что хорошо, потому что я знаю, если бы она поднялась с сиденья, я бы стал ещё тверже. Как только я привезу ее в свою квартиру, я не буду сдерживаться.

Моя квартира. Я безумно рад, что вернулся и что она со мной. Я даже не знаю, как правильно познакомить ее с Эдинбургом, когда все, чего я хочу, это на несколько дней запереть ее в своей спальне.

Но я возвращаюсь к жизни, которую поставил на паузу. Мне нужно многое нагнать. Просто

надеюсь, я смогу интегрировать ее в процесс так гладко, как это возможно. После того как я представлю ее Амаре и Тьерри, думаю это поможет. И если я наберусь достаточно смелости, то родителям и моему брату Бригсу. Регби и приют занимают довольно много времени, но я с удовольствием вовлеку Кайлу в это настолько, насколько возможно, и настолько, насколько она хочет.

Самолёт слегка трясёт, он сбрасывает несколько футов и поворачивает налево. Несколько человек на борту задерживают дыхание, а Кайла хватает мою руку, крепко держась за меня. Я пожимаю

ее в ответ.

— Это просто турбулентность, — говорю я ей с, как я надеюсь, обнадеживающей улыбкой.

Она кивает, хотя на лице паника.

— Я не очень хороший авиапассажир, — замечает она, впиваясь сильнее когда самолёт снова потряхивает, у меня в желудке все переворачивается.

— Все нормально, — говорю я, сжимая ее руку. Я выглядываю в окно и вижу, что земля становится ближе, забор аэропорта по периметру быстро приближается. — Мы почти на месте.

И в то время, как я могу

чувствовать как бешено стучит ее пульс напротив моей кожи, я знаю, она может почувствовать, что с моим происходит то же самое. Но не потому что я боюсь летать. А из-за того, что произойдёт, когда мы приземлимся. Это очень непросто, чувствовать себя таким счастливым, что она здесь, И в то же время, нервничать о том, что случится дальше. Прошло очень, очень много времени с тех пор, как я позволил кому-то быть в моей жизни, и я собираюсь сделать это с ней. Понятия не имею, что случится, когда ей надо будет уезжать. Хуже того, я понятия не имею, что случится когда, и если, она

обнаружит настоящего меня. Потому что я испытываю желание широко открыть дверь. И позволить ей войти, показать всю темноту и уродство внутри.

Если она сбежит и не вернётся, мне будет некого винить кроме себя. Я боюсь чувства вины, моя привычка к самоедству может снова разрушить меня.

Колёса с визгом касаются земли, и самолёт рвётся вперёд за секунду до того, как тормоза срабатывают в полную силу. Когда самолёт замедляется, Кайла ослабляет хватку, но моя становится крепче.

— Не знала, что ты тоже

боялся, — говорит она, когда я отпускаю ее.

Я лишь улыбаюсь ей. Я бы с радостью предпочёл поменять один страх на другой.

Вскоре мы выходим из самолёта и уже ждём у багажной ленты. Я смеюсь, когда вижу, как к нам по транспортеру едет ярко-розовый чемодан Кайлы.

— Что? — спрашивает она, защищаясь. — Так я узнаю, что это мой.

— Если он ослепляет все вокруг, это вроде как лишено смысла, лапочка, — напоминаю ей, и тянусь чтобы забрать чемодан. Затем мы направляемся к зоне с негабаритным

багажом, чтобы забрать Эмили из собачьего вольера.

Она выглядит напуганной и вольер пахнет чем-то ужасным, но в ее крови все ещё достаточно лекарства, так что она подчиняется и не паникует. Я через клетку шепчу ей успокаивающие слова, и кажется, она понимает, что все будет только лучше.

Изначально, когда я собирался прилететь один, я бы попросил брата встретить меня, но с Кайлой, и, учитывая, что мы прилетели другим рейсом, такси кажется лучшей идеей.

Мы забираемся в такси, и Кайла тут же восхищается насколько у нас все по-другому.

— Я забыла, что вы ездите по другой стороне дороги, — говорит она. И это такси с откидными сидениями и всем остальным такое чумовое. — Для выразительности она пинает сиденье напротив, что заставляет Эмили поднять голову.

— Думаю тебе надо немного поспать, — мягко говорю я, обнимая Кайлу и прижимая ближе к себе.

— Сон это последнее, что мне нужно, — говорит она, скользя рукой по моему животу. Но пять минут езды и она спит.

Моя квартира находится в районе Стокбридж, так что у нас занимает достаточно много времени попасть туда, сражаясь с ранними

пташками, едущими на работу из пригорода. К тому времени, как мы подъезжаем к Норт Ист Серкус плейс, мне почти не хочется будить Кайлу, так крепко она спит.

— Эй, — шепчу я ей, пока таксист открывает дверь и вытаскивает наш багаж. — Мы приехали. — Я убираю руку и легонько трясую ее. У неё занимает вечность открыть глаза, но когда она делает это, то в замешательстве хмурится. Но после того как она, кажется, узнает меня, она улыбается.

— Вау, — говорит она, ее голос хрипит. — Я была далеко.

— Как только я доставлю тебя внутрь, сразу же уложу в кровать, —

говорю я ей, расстегивая ремень безопасности и помогая выбраться из такси. Она прислоняется к нему, неустойчивая, пока я расплачиваюсь с водителем, и смотрит вверх на здание.

— Это все твоё? — спрашивает она.

Я беру ее за руку и отвожу в сторону, до того, как такси отъедет.

— Только первый этаж, — говорю я ей. — Хотя в Америке вы это называете второй. — Она, кажется, не слышит меня, просто моргает от изумления.

Полагаю, здание выглядит совсем иначе, чем она привыкла. Ряд каменных зданий занимает квартал

как связанный комплекс. Несмотря на то, что ложные балкончики и кованые металлические детали похожи на те, которые я видел на зданиях в Сан-Франциско, камень отличает их. И тот факт, что эти были построены лет двести назад.

— Когда то это был один большой жилой дом, — говорю ей, неся багаж и клетку с Эмили к белой выкрашенной двери. Я киваю на сад и апартаменты, расположенные ниже по обе стороны от дорожки-мостика. — Прекрасная пара с ребёнком арендует квартиры на верхнем и цокольном этажах. У меня первый этаж. Верхняя часть здания принадлежит пожилой паре, но они

редко бывают в городе.

— Получается, ты можешь владеть разными этажами в одном доме? — спрашивает она.

Я киваю.

— Здесь это обычное дело.

Она смотрит позади себя на зеленые деревья в парке через улицу, листья которых сверкают от утренней росы.

— Это Серкус плейс, — указываю я на него. — Одно из тех мест, куда я хожу с Лионелем или другой собакой, которую приютил на время. В паре кварталов отсюда, сады на Квин стрит. В этом районе достаточно дружелюбны к собакам и это недалеко от Принсес стрит, замка

и всех мест в городе, куда бы ты захотела пойти.

— Лионель наверху? — спрашивает она, пока я вставляю ключ в дверь.

Я качаю головой.

— Он у Амары. Она привезёт его позже. Но сначала давай-ка разберёмся с тобой.

— О, я в порядке, — говорит она, подавив зевок.

Я оставляю багаж у лестницы и беру клетку Эмили и Кайлу вверх на первый этаж.

— Не могу поверить, что когда-то это был один большой дом, — говорит она, любуясь роскошным синим ковром и отделкой из

тикового дерева на стенах.

— Тогда у людей было много денег, — говорю я, подводя ее к входной двери на лестничной площадке. — И у них были слуги. Возможно даже любовница и внебрачный ребёнок.

Она поднимает брови.

— Ну и где ты прячешь свою любовницу?

— Ты любовница, жена, подружка, ты все, — у меня уходит пара секунд, чтобы осознать, возможно, я сказал слишком много, но милейший розовый румянец растекается по ее щекам. Я не могу открыть дверь достаточно быстро.

Я ставлю Эмили в холле,

закрывая за нами дверь, и беру Кайлу за руку.

— Быстрая экскурсия, пока я дам Эмили немного воды и еды.

В коридоре расположены двери, ведущие к передней и задней части квартиры. В задней части кухня и столовая с окнами от пола до потолка со ставнями, выходящими в частный садик, который я делю с другими жильцами.

— Мать Божья, — говорит Кайла, крутась вокруг и разглядывая все это. — Эта комната огромная. Это самый высокий потолок, что я видела в жизни.

Я быстро захожу на кухню, чтобы наполнить собачью миску

водой и добавить немного собачьего корма в другую. Лионель обычно ест сырую пищу, но Эмили лучше начать с чего-то простого.

Я возвращаюсь и вижу, как Кайла бродит по комнате, пробегаясь рукой по столу из чёрного дуба в середине, восхищаясь всем. Так как комната действительно большая, в углу у меня стоит компьютер и, вдоль одной из стен, длинный, белый кожаный диван.

— Да, места для меня более чем достаточно, — говорю ей, и она идёт вслед за мной обратно в холл, где я приседаю и открываю клетку Эмили. Я наклоняюсь и пытаюсь вытащить ее, но она упирается.

— Дадим ей немного времени,
— говорю Кайле и отхожу. —
Пойдём, позволь показать тебе
остальную часть квартиры. Я киваю
на дверь наискосок от нас. — Вход в
ванную вот здесь. Хотел бы я, чтоб
она была соединена со спальней, но
что я могу поделать?

Я открываю дверь в гостиную,
из окон льётся утренний свет.

— Это салон, комната, которую
вы привыкли называть гостиная.

— Только это не *просто*
комната, — говорит Кайла, снова
поражаясь пока мы заходим внутрь,
разглядывая удобные кушетки, ряды
книжных полок, высоко
подвешенную люстру. Забавно, как

иногда, что бы по-настоящему увидеть что-то, вам приходится посмотреть на это чужими глазами. Я знал, что мне повезло, когда пять лет назад я купил эту квартиру. Наконец-то у меня было достаточно денег, чтобы вложиться во что-то стоящее (через несколько лет после того, как я купил крошечную квартиру в Лондоне, которую всегда сдаю в аренду). Начиная с паркетных полов, декоративных карнизов и мраморного камина, все это было немного слишком для такого парня, как я. Но мой приёмный отец Дональд всегда учил меня вкладывать деньги, и покупка этого места была одной из самых умных

вещей, которые я делал.

Я быстро показываю Кайле двойные двери в спальню, длинную и узкую, окна которой выходят на улицу и парк. Собачья подстилка Лионеля обычно лежит в углу, хотя сейчас ее забрала Амара и он все равно редко использует ее, предпочитая спать в моей кровати, прокрадываясь в середине ночи.

— Теперь, — говорю ей, беря ее за плечи и усаживая на кровать, — ты отдохнёшь. Я подниму багаж и выведу Эмили.

— Нет, нет, — говорит она, пытаясь встать, но я удерживаю ее на месте.

— Я не дам спать тебе целый

день, — заверяю я ее. — Не хочу, чтоб из-за разницы во времени тебе поплохело. Но короткий двухчасовой сон не убьёт тебя, правда, лапочка?

Она кладёт руки по обе стороны от моего лица, и эта нежность заставляет меня закрыть глаза.

— Пойдём со мной в кровать, — мягко говорит она, наклоняясь и прижимаясь ко мне губами. Все мое тело расслабляется - я и не заметил, как был напряжен с момента приземления - и внезапно все, чего я хочу, в чем *нуждаюсь*, это заползти под простыни рядом с ней. Позволить ей уговорить меня.

Каким-то образом я нахожу в

себе силы отстраниться.

— Я приду, — мой голос низкий и грубый даже от одной идеи секса. — Дай мне сначала разобраться со всем.

Она кивает и медленно ложится обратно на простыни, тёмные волосы рассыпаются по белой подушке как какое-то гипнотизирующее чернильное пятно. Если я собираюсь сделать хоть что-нибудь, мне нужно бежать из этой комнаты и от вида ее здесь.

Я закрываю дверь и приступаю. На самом деле у меня не занимает много времени разобраться со всем, думаю, потому что я очень спешу. Мой пульс не хочет успокаиваться, и

я чувствую себя приятно заряженным от волнения и тревоги. Я поднимаю чемоданы и складываю их в холле, разбирая то, что могу, пытаюсь сделать это место более уютным. Затем пишу смс Амаре и даю знать, что она может прийти с Лионелем когда сможет, вероятно, во второй половине дня, так как большую часть дня она проводит в приюте. После этого я чищу клетку Эмили и вывожу ее на улицу, делая круг вокруг Серкус плейс пока она снова не кажется более расслабленной со мной.

Хоть ещё довольно и рано, несколько соседей вышли прогуляться. Когда они видят меня, то поднимают руку в знак

приветствия, но не подходят ко мне, чтобы спросить, где я был и почему они давно меня не видели. Они знают, что я не разговорчивый тип и в то время как я всегда был любезным, я не спешу приблизиться к ним. Тем не менее, соседи должны быть на вашей стороне, когда в Соединенном королевстве у вас есть питбуль или собака другой хулиганской породы. Если вы разозлите неправильного человека, они могут попытаться отнять у вас собаку. Это уже случилось, и Лионель умрет, если это произойдет снова.

Эмили смотрит на меня понимающими глазами, будто знает,

о чем я думаю. Я быстро улыбаюсь ей.

— Все в порядке, — говорю я ей. — Ты в безопасности, И мы найдём кого-нибудь достойного мисс Эмили, да?

Я иду вокруг здания, огибая его слева по Серкус лэйн, чтобы проверить мой Рендж Ровер. Фрилендер все ещё на месте, все как обычно, лишь только капли дождя на чёрной поверхности. Если бы не завтрашняя тренировка, я бы погрузил Кайлу и собак в машину и повёз бы нас далеко за город, в замок Данноттар, может даже к подножью Шотландского высокогорья. Но я и так уже пропустил сегодняшнюю

тренировку, первую в этом сезоне.

Мысль об этом заставляет мои внутренности сжаться. Я знаю, я должен быть там, особенно после того, как столько пропустил в конце прошлого сезона, но я не хочу оставлять Кайлу одну в ее первый день здесь. Бедная девочка не выпалась и находится в городе, где не знает ни души. Кроме того, я действительно эгоистичен. Несмотря на то, что мы совсем недавно приземлились, я чувствую, как время скользит между нами, и скорее рано, чем поздно, оно закончится. Мне нужно провести с ней столько времени, сколько возможно, будто погреться на солнце после вечной

ЗИМЫ.

С этой мыслью, я направляюсь обратно в квартиру. Я отстегиваю поводок Эмили и оставляю все двери открытыми, чтобы она могла исследовать квартиру. Она, кажется, принюхивается, и знаю, может учуять запах Лионеля. Надеюсь, когда он сегодня позже вернётся, эти двое подружатся. У меня была парочка собак, которые не ладили с ним, но пока я держал их в разных частях дома, все было нормально.

Пока она обнюхивает кушетку, я иду в спальню и закрываю за собой дверь.

Вид Кайлы в моей постели, словно удар под дых. Я просто стою

там и люблюсь ей. Она сняла обувь, носки и штаны и лежит на спине в белой футболке и трусиках. Кружевных. Ярко-розовых.

Гребаный ад.

Солнечные лучи льются через окно, купая ее кожу в рассеянном сиянии, и ее лицо невообразимо прекрасно. Безмятежное и в то же время живое. Она нереальна, и просто вид ее в моей собственной чертовой постели заставляет меня почувствовать себя сумасшедшим. Она волнует что-то внутри меня, и не думаю, что когда-нибудь смогу стать прежним.

— Кайла, — шепчу я ей, и она слегка шевелится, с ее губ срывается

нежный стон, что делает меня невероятно твёрдым. Я хочу заставить ее выпустить более глубокие, более голодные звуки. Я хочу заставить ее кончить в своем доме. Я никогда до этого не приводил сюда женщину, в прошлом мы всегда отправлялись к ней.

Я обычно не занимаюсь самообманом, но все равно снимаю одежду, небрежно бросая ее на пол, и надеюсь, что Кайла достаточно проснулась для усталого секса.

Я медленно забираюсь на кровать, матрас двигается под моим весом. Она снова шевелится, когда я сажусь на неё, мои бёдра по обе стороны от неё, твёрдая и толстая

эрекция подпрыгиваете над ее животом. Я наклоняюсь, сжимая ее плечи руками, и медленно пробегаюсь губами вниз по ее лбу, носику, пока не оказываюсь на ее губах.

— Ммм, — нежно говорит она.
— Где я?

— Со мной, — бормочу я, прежде чем оставить дорожку из поцелуев от уголка ее губ к подбородку.

Она поднимает руки, сцепляя пальцы на моей шее.

— В Шотландии? — спрашивает она, ее голос сонный.

— Определенно, — говорю ей, опускаясь и прижимаясь к ее коже.

Она выпускает мягкий вздох.

— Ты голый?

— Ага, — я посасываю мягкую кожу на шее, чувствуя головокружение от ее вкуса. — И очень, очень твёрдый.

— Тогда я рада, что ты разбудил меня, — воркует она и тянется вниз, поглаживая кончик моего члена. Мне даже не надо поднимать голову, чтобы знать, на ее губах дьявольская улыбка.

Стон вырывается из моего рта, когда ее пальцы усиливают хватку, вес моего тела против ее добавляет необходимого давления, я закрываю глаза, поддаваясь чувствам, пока рот проходится по молочно-белой шее и

тело начинает осторожно
раскачиваться над ней. Трение о ее
живот невероятное, моя жидкость
добавляет достаточно гладкости.

До того как я заведусь как
подросток, я тянусь назад и
поцелуями прокладываю тропинку
вниз по ее телу. От плеч, по мягкой
впадинке ее горла, вниз между
грудей, моя рука идеально сжимает
их, по одной за раз. Я люблю
дразнить кожу вокруг ее сосков,
люблю, как она всегда выгибает
спину, толкая грудь вверх, жадную до
моих губ, до моих прикосновений.
Мне хочется продлить этот момент
как можно дольше, выводя круги
языком, а затем легонько обдувая. Я

смотрю, как ее кожа покрывается мурашками, соски становятся тверже, розовеют, и это пытка не взять их между зубами и резко потянуть.

— О Боже, — скулит Кайла, руки пробегаются по моим волосам и дергают их.

— Скажи мне, чего ты хочешь, лапочка, — говорю я ей, голос грубый от похоти. — Скажи мне, чего ты хочешь, и я дам тебе то, что у меня есть.

Она хватает мою голову и придвигает к своему соску.

— Здесь. Дай мне почувствовать боль.

Я улыбаюсь тому, как она

всегда любит командовать, и делаю, как она хочет, прикусываю твёрдую вершину и жёстко всасываю ее в рот. Она кричит, затем низко и хрипло стонет, ее вибрации отдаются в каждой клеточке моего тела. Жёсткая боль в члене сейчас почти невыносима, и все мои мысли постепенно исчезают, остаётся лишь потребность оказаться внутри неё.

На грани отчаяния, я быстро отталкиваю ее трусики в сторону. Под атласом она такая горячая и гладкая. Я беру основание члена и выпрямляюсь, сжимая ее бёдра. Опираясь на колени, я вхожу в неё, едва в состоянии контролировать себя.

Она ощущается так хорошо. Всегда так идеально. Шёлковый, плотный кулак, никогда не отпускающий меня.

Она кричит, глаза расширяются, но я ничего не могу поделать. Сейчас не время для нежности. Внутри меня бушует огонь и она единственный способ не сгореть дотла.

Я крепко беру ее бёдра, руки погружаются в мягкую, нежную плоть, и придерживаю ее ноги, пока выхожу, а затем снова толкаюсь в неё. Она смотрит, как мой член скользит внутрь и наружу, и я то же смотрю, обезумев от грубого, примитивного вида наших тел, дарящих наслаждение друг другу, и того,

насколько идеально мы сочетаемся. Гигантский, тихий мужчина и дикая, крошечная девушка. Кто бы мог подумать, что этот момент, такие мы, когда-нибудь настанет?

— Пожалуйста, не останавливайся, — говорит она. Ее голос такой хриплый, тихий и такой обезоруживающе прекрасный пока я продолжаю вколачиваться в неё. Я мог бы делать это до самой смерти, просто этот бесконечный взаимный обмен, это изысканное удовольствие, которое я получаю, видя, как смягчаются ее черты, как ее тело отвечает мне, словно она находится во сне. Она хочет меня, всего меня, всегда, и когда я даю ей то, что у

меня есть, то, что я есть, она лишь хочет ещё больше.

Я не останавливаюсь, но если я хочу продолжить, мне нужно сменить позу.

— Повернись, лапочка, — шепчу я, быстро выходя и кладя руку ей под попку, поворачивая ее, пока она не оказывается на боку. Я хватаю ее ногу, любясь тем, как выделяются ее мышцы бедра и насколько гибкие у нее суставы, когда она проворно выпрямляет ногу рядом с моим телом. С рукой на ее бедре, я медленно толкаюсь в неё и обратно, скользя ещё глубже, чем до этого. Я ударяю сладкую точку, и ее рот открывается, пока глаза сжимаются.

Она мягкая и бесцельная, пока мои толчки становятся быстрее, и я упиваюсь видом ее подо мной.

Я скольжу рукой вниз к клитору, такому припухшему, розовому и влажному и жаждущему моих прикосновений. Ее тело напрягается, и она выпускает дрожащий вдох, пока я вывожу пальцем дразнящие круги, едва касаясь ее.

Она начинает сопротивляться, желая больше давления, желая скорее кончить от моего члена и моей руки. Я даю ей это, потому что я чертовски жажду ее удовольствия и потому что мои толчки становятся резче, быстрее, бёдра врезаются в неё со

скоростью, которая заставит меня выдохнуться раньше, чем позже.

Я знаю, что она близка. Ее тело трясёт от напряжения, вдохи становятся короткими и быстрыми. Нижняя губа начинает дрожать, и она вынуждена прикусить ее практически до крови. Мне нравится думать, это потому что она потрясена и старается не потерять контроль.

— Вверх, — говорю я, снова выходя из неё и переворачивая ее на живот. — Попу вверх, — я просовываю руки ей под живот и приподнимаю ее, пока ее упругая, дерзкая, маленькая попка не оказывается прямо передо мной.

Оборачиваю руки вокруг ее талии, наслаждаясь тем, какой маленькой она выглядит рядом со мной, и располагаюсь.

— Отличный способ справиться со сменой часовых поясов, — мягко говорит она, Голова опущена вниз, тёмные волосы рассыпались по лицу. Я не хочу, чтоб оно было закрыто. Тянусь вперёд и беру в кулак ее волосы, потягивая назад, так что ее шея выгибается и лицо открывается.

— Это единственное лекарство, — говорю я, резко потянув ее назад.

Она хрипло кричит от вспышки боли, а затем стонет.

— Твой член излечит что

угодно.

С одной рукой, тянущей ее волосы, я наклоняюсь вперед, пока моя влажная грудь прижимается к ее спине, член так глубоко внутри что мы оба втягиваем воздух. Я скольжу рукой по ее горлу. Слегка усиливаю хватку, немного сжимая его, и прикасаюсь губами к её уху.

— Как я ощущаюсь? — шепчу я, облизывая край.

Она содрогается подо мной, и я чувствую, как ее горло движется под моей ладонью.

— Божественно, — удаётся сказать ей. — Ты ощущаешься божественно. — Она глотает, и я ослабляю давление. — Теперь трахни

меня. Трахни меня и заставь меня кончить.

Я всего лишь животное. Я врезаюсь в неё, снова и снова и снова, изголовьё бьется о стену. Я практически вижу нас со стороны, меня, примитивного, глубоко берущего ее сзади, мои мышцы напрягаются пока я толкаюсь быстрее, жёстче, наша кожа раскалена от такой дикой потребности. Она кончает, ее пульс колотится под моей ладонью. Неистово, пронзительно кричит, словно она полностью уничтожена наиболее порочным способом, что практически добивает меня.

Я сжимаю ее горло, ее волосы и

кончаю. Это словно восход солнца глубоко внутри. Оно светит прямо сквозь тебя и оставляет тебя горячим, ошеломлённым и истощенным.

Господи. Я даже не знаю, где я.

Я падаю на неё, задыхаясь, зарываясь лицом ей в волосы.

Твою мать. Она держит каждую гребаную часть меня в этом маленьком теле и своем большом красном сердце.

Я не могу нормально глотать, и мое дыхание медленно возвращается. Всегда есть момент ясности, после того, как вы кончили, и он один содержит жизненно важную истину.

В конце эта женщина будет принадлежать мне.

И я не уверен, завладею ли я ей настолько, чтобы заставить ее остаться.

— Черт, — задыхаясь, произносит она через минуту или две после того как наши тела сплелись друг с другом.

— Что? — выдавливаю я, надеясь, что она намекнёт мне как-то на то, что она чувствует ко мне.

Скажи мне, что ты не хочешь уезжать.

Скажи, что ты останешься достаточно долго, чтобы позволить мне узнать о тебе все.

Скажи, что ты моя.

Меня практически тошнит то того, каким нуждающимся я кажусь

самому себе, и я вынужден оттолкнуть эти мысли. Почему я просто не могу довольствоваться тем, что она вообще здесь? Если бы у меня не хватило храбрости попросить ее поехать со мной, мы бы уже были не вместе и двигались бы дальше, каждый сам по себе. Именно это и должно было случиться.

Но это не так. И если она жадная, то я ещё ненасытнее. И мне никогда не будет ее достаточно.

— Ты определенно знаешь, как поприветствовать меня в своём доме, — говорит она, поворачивая голову, чтобы посмотреть на меня, в глазах светится удовольствие.

— Это наименьшее, что я могу

сделать, — говорю я ей. Целую заднюю часть ее шеи, пробуя кожу на вкус. Хотя я и заснул в самолёте, это был не лучший сон. Меня так и подмывает остаться лежать здесь с ней, хотя я знаю, мы сразу же уснём, что испортит то, что я запланировал на завтра.

Мне как-то удаётся вытащить нас обоих из кровати и добраться до душа. На мне все ещё полотенце, обёрнутое вокруг талии, когда я слышу звонок. Это Амара.

— Поднимайся, — говорю я ей. Кайла нервно смотрит на меня, одетая лишь в обтягивающиеся штаны и топ. На ней нет косметики, волосы влажные и распущены вниз

по плечам.

— Она уже здесь? — пищит она. — Я ведь даже не оделась нормально.

Я успокаивающе смотрю на неё.

— Я тоже. Она привезла Лионеля и она старый друг. Поверь мне, ты отлично выглядишь.

— Да, но ты выглядишь чертовски горячо в полотенце.

— Послушай, — говорю я ей, точно не гордясь этим. — Она уже видела меня без рубашки. — Ее глаза округляются, и я быстро добавляю, — не в этом смысле. Но в регби такое бывает, хорошо?

Она кивает и раздаётся стук в

дверь.

Я открываю глаза и едва замечаю Амару, стоящую по ту сторону двери. Все, что я могу видеть, это прыгающий на меня, сходящийся с ума от радости Лионель.

— Привет, приятель, — кричу я, хватая его и поднимая выше. Он так извивается, что почти невозможно удержать.

Я никогда ещё не был далеко от Лионеля так долго и часть меня боялась, что, когда я вернусь, он не вспомнит меня, но теперь я знаю, это не правда. Своими поцелуями и облизыванием он уже вылил на меня галлон слюней.

Кайла откашливается рядом со мной, и я возвращаюсь к реальности.

— Кайла, это Лионель, — говорю я, пытаюсь оторвать его мордашку от своего лица.

— Ага, я это поняла. Как насчёт того, чтоб представить меня человеку? — бойко говорит она.

Точно. Это.

Я разочарованно улыбаюсь им обеим и ставлю Лионеля на пол. Он готов запрыгнуть обратно, когда замечает Эмили, высовывающую голову из-за угла и сразу же отправляется к ней.

— Прости, прости, мои манеры, — говорю я, зная, что Амара понимает меня. Она привыкла. —

Кайла это моя приятельница Амара. Она работает в приюте. Не знаю, чтобы я без неё делал. Амара, это Кайла. Она... — и внезапно я замираю, потому что не знаю кто она. Мы ещё не обсуждали, кто мы друг другу.

— Я поживу с Лакланом, — мягко заканчивает Кайла, пожимая руку Амаре. Я осторожно смотрю на Кайлу, любопытно, собирается ли она косо смотреть на Амару. Я буду не удивлён. Не то чтобы я расстроился, если она ревнива, но хоть Амара и поражает своим римским носом, огненно-рыжими волосами и веснушками, Кайла сама любезность.

— Приятно познакомиться, — говорит Амара, коротко взглянув на меня. Ее лицо бесстрастно, но могу сказать, что она смущена или шокирована. Я ведь до сих пор никогда не упоминал Кайлу и не говорил Амаре, что вернусь с девушкой. К счастью, она воспринимает это спокойно.

— Как он себя вёл, какие-то проблемы? — спрашиваю я, меняя тему разговора.

— Он по-настоящему ненавидит намордник, — говорит она, пожимая плечами. — По крайней мере, когда его на него одеваю я.

Кайла чуть отпрыгивает назад,

поглядывая на Лионеля, который рысью бегают по гостиной, вынюхивая Эмили.

— Ему нужен намордник?

Я качаю головой, чувствуя, как внутри вспыхивает гнев.

— Нет. Ему он не нужен. Он никогда никого не укусит, даже если он без намордника. Но в Соединенном Королевстве питбуль ущербная порода. Плохая. Они запрещены. Надо изловчиться, чтобы завести одного, во-первых надо доказать, что твоя собака не опасна, и даже тогда они все должны носить намордники. Даже если они старые и мухи не обижают. Иногда, недалёко от дома я гуляю с Лионелем без

намордника, но это потому что соседи знают меня. В других местах нельзя точно быть уверенным, кто вас увидит.

— Это чертовски глупо, — говорит Кайла, протягивая руку к моей, сжатой в кулак. Она раскрывает ее и проскальзывает пальцами внутрь. Мой пульс замедляется.

— Это чертовски тупо, — говорит Амара, кивая и сердито заправляя волосы за ухо. — Закон был принят в семидесятые, когда собачьи бои были проблемой. Его надо изменить, но правительство - кучка невежественных придурков. Хотя мы работаем над этим, пытаюсь

донести до них мысль, что надо запретить людей, занимающихся подобным дерьмом, а не породу.

Я резко выдыхаю через нос.

— Давайте не будем сегодня об этом. Мне надо остаться в хорошем настроении, — честно говорю я им.

Кайла сжимает мою руку и кивает. Смотрит на Амару.

— Что ты сейчас собираешь делать? Хочешь пойти с нами на поздний обед или ужин?

Мы даже ещё не обсуждали обед, но тот факт, что Кайла уже освоилась с Амарой и приглашает ее, согревает мне сердце.

— Спасибо, — говорит Амара.
— Я в порядке. Я собираюсь

вернуться обратно к работе. Может быть завтра. Лаклан, ты можешь привести ее и показать ей, чем мы занимаемся.

— Ага, — соглашаюсь я. — Перед тренировкой. Это будет идеально.

Она машет нам рукой на прощанье и уходит. Я знаю, что до вечера ей не надо возвращаться на работу, так что у меня складывается впечатление, что она пытается дать нам время наедине. Полагаю, потому что я стою тут в одном полотенце.

Я разглядываю Кайлу.

— Так что насчёт обеда, — говорю я. — Что ты ещё задумала для нас?

Она усмехается и игриво наклоняет голову.

— Не скажу, — говорит она. — Мне нравится держать тебя в напряжении.

Она дефилирует в комнату, и я наблюдаю за ней.

Хоть она и пытается выглядеть соблазнительной, потряхивая этой восхитительной попкой, не проходит и двух секунд, как Лионель выскакивает из ниоткуда, прыгает ей на ноги и окружает ее шквалом поцелуев.

Она визжит, и если у неё и был какой-то страх, он исчезает под натиском смеха. Лионель беспощаден в своей любви и

потребности к ласке. И Кайла играючи вопит, когда он гоняет ее по комнате, высунув язык изо рта, не желая ничего кроме ее внимания.

Я знаю, как ты себя чувствуешь, старый друг, думаю я про себя, прежде чем последовать примеру и присоединиться к погоне.

Глава 19

КАЙЛА

Я мечтаю. Я тону. Все вокруг мокрое.

Мое лицо мокрое.

И дурно пахнет.

Собачье дыхание.

Я вздрагиваю, окончательно

просыпаясь как раз вовремя, чтобы увидеть, как длинный розовый язык проходится по моему лицу, оставляя за собой след слюней.

— Оу, Лионель, — бормочет Лаклан, протягивая руку и оттаскивая собаку от моего лица и обратно между нами. — Веди себя прилично.

Я медленно сажусь, пробегаясь рукой по лицу и вытираю собачьи слюни. Смотрю вниз на Лаклана, который держит Лионеля в объятьях, застенчиво улыбаясь мне.

— Прости за это, — говорит он. — Ему нравится будить тебя поцелуями.

Я поднимаю бровь, полностью

очарованная видом Лаклана, его татуировками и мышцами, удерживающего самую сладкую слюнявую собаку, уютно расположившуюся в белых простынях.

— Я не жалею, но я бы предпочла, чтоб вместо него поцелуями меня разбудил ты.

Он улыбается мне, выглядя абсолютно очаровательным, спутанные после сна волосы падают на лоб.

— Это можно устроить.

Прошлой ночью я уже обеспечила себе это. Хотя я каким-то образом и была в состоянии прожить день и большую часть вечера, к

одиннадцать часам, после того, как мы вывели Лионеля и Эмили на их последнюю прогулку по ближайшим окрестностям, я была абсолютно истощена. Несмотря на это, в три утра я проснулась с ясными глазами и готовая к новому дню. Вероятно, вздремнуть после перелета было не такой уж хорошей идеей, но я не жалею о сексе, который получила после. И, конечно же, когда в середине ночи у вас в постели шотландский бог секса, вы будите его минетом.

К счастью, тогда Лионеля с нами в постели не было. Должно быть, он пробрался к нам, когда мы оба насытились и вырубились.

Эмили лает из другой комнаты, и звук крадет все внимание Лионеля. Его уши поднимаются, а лоб покрывается морщинами так же, как часто бывает у его хозяина и он спрыгивает с кровати, мчась в гостиную.

— С собаками в доме ты никогда не сможешь поспать подольше, — говорит Лаклан, его голос все ещё сонный в этой такой свойственной ему сексуальной манере. — Что было неплохо, пока на горизонте не появилась ты. Теперь я думаю, что лучшая часть дня это утро, когда можно поваляться с тобой в постели.

— Не могу с этим поспорить,

— мягко говорю я. Пользуясь случаем, ложусь обратно, двигая мягкие подушки и устраиваясь на моем любимом месте, местечко между его рукой и боком. Кладу пальцы на его широкую грудь, проводя по татуировкам. Такое чувство, что я всегда буду поражаться тому, насколько он идеален как образец мужчины. Каждую тикающую секунду я смотрю на него по-другому. Глубже. И теперь, когда я здесь, в его доме, я не думаю, что для меня есть какая-то надежда.

Вчера, когда я проснулась после своего короткого сна и нашла его, заползающего на меня с этим взглядом, выражающим не только

похоть и страсть, а нечто более глубокое, более реальное, это привело к самому лучшему сексу, который у меня когда-либо был. Он был примитивным и опустошающим. С каждым движением руки я могла почувствовать его настойчивость, почувствовать его сердце, бьющееся словно сердце дикого зверя. Головокружительная искренность была в том, как он смотрел на меня, будто я была золотой пылью, драгоценной и в любой момент способной улететь.

Мы занимались любовью. Для этого не было другого слова, и в то время как раньше, когда другие люди так небрежно и банально

использовали это определение, оно раздражало меня и заставляло смеяться. Теперь, наконец, это случилось и со мной. Я поняла это. То была похоть и страсть и жгучая потребность в телах друг друга, жажда удовольствия, но, кроме того, лихорадочная нужда в человеке.

Я не просто хотела мышцы Лаклана, его губы, его бесконечные постельные навыки. Я хотела его самого, каждую его часть. Тёмные частицы, спрятанные от посторонних глаз, о которых намекают лишь татуировки. Я жаждала всего его, как умирающий человек жаждет ещё одного вдоха.

Я хотела поставить Лаклана на

колени и, в то время как чувствовала, что он страстно желает меня и покорится мне, первая на коленях оказалась я. У меня нет ни одной идеи, как я собираюсь через три недели прийти в себя, ни малейшего представления.

— О чем ты думаешь? — шепчет он мне в макушку, пальцы играют с моими волосами.

Что ты первый во всех смыслах, думаю я про себя.

— Ничего, — отвечаю ему.

— Ага, — говорит он. — Я вижу.

— Думаю, я просто пытаюсь собраться с мыслями.

Он крепче сжимает руку вокруг

меня. Люблю, когда он так делает. Так я чувствую себя абсолютно защищённой.

— Если ты похожа на меня, то у тебя займёт пару дней привыкнуть к новому часовому поясу. Помню, как я впервые поехал за границу в Австралию на Чемпионат по Регби. Я был полной развалиной. Не мог даже завязать собственные шнурки. Не удивительно, что мы проиграли.

Я улыбаюсь, а затем превращаю улыбку в поцелуй, касаясь его груди.

— С трудом верится, что ты мог в чём-то проиграть.

Он хмыкает.

— Тогда я не вправе разрушать пьедестал, на который ты меня

поместила, дорогая.

Я закрываю глаза и слушаю его ритмичное сердцебиение, как он нежно поглаживает мои волосы. Я практически снова засыпаю, сны приходят ко мне тёмными вспышками, желая поглотить меня, когда звонит его будильник.

— Мы можем его проигнорировать? — бормочу я.

— Мы можем проигнорировать будильник, — говорит он. Пододвигается, когда Лионель прыгает на постель, прокладывая путь между нами. — Но мы не можем игнорировать его.

— Я просто хочу поспать, — говорю я за секунду до того, как

получаю лапой по лицу.

— Угу, — говорит он, — но у нас большие планы.

Мой мозг устало припоминает планы, которые мы наметили. Или которые он придумал для меня. В два у него тренировка по регби, а до этого он хочет свозить меня в приют и представить всем, кто там работает. Полагаю, ему стыдно оставлять меня на весь день одну в квартире с собаками, хоть я, честно говоря, не возражаю. Лионель просто большой подлиза и Эмили все лучше и лучше осваивается со мной.

Плюс квартира Лаклана совершенно потрясающая. Я бы никогда не отнесла его к тем, кто

может жить в таком красивом, просторном, историческом месте, но, после того, как я выглянула в окно и увидела все эти каменные дома на улице, стало очевидно, что все здесь живут примерно так же. Это словно оказаться в сексуальном эпизоде Аббатство Даунтон.

Но Амара, которую я недолго видела вчера, кажется достаточно приятной, хоть немного и тихой. И знаю, Лаклан хочет, чтоб я чувствовала себя важной и вовлеченной во все. Последнее, чего я хочу, чтоб он беспокоился.

Нам как-то все же удаётся встать с кровати. Лионель бегают по гостиной, словно сумасшедшее

животное, рот открыт, на мордашке красуется слюнявая улыбка. Пока Лаклан скользит в кроссовки, надевает чёрные тренировочные штаны, белую футболку и бейсбольную кепку, чтобы вывести Лионеля и Эмили на быструю прогулку, я слоняюсь по его элегантной кухне, пытаюсь понять, как сварить кофе. Я нахожу шкаф, полный тайников с чаем, маленький пакетик кофе, и, наконец-то, кофейник.

Я громко с облегчением вздыхаю, ставя чайник, и пользуюсь моментом, чтобы понять, что к чему. Как правило, вы довольно много можете сказать о человеке по его

жилищу, но квартира Лаклана исключение. Он сказал мне, что живет здесь уже пять лет, но, если честно, с точки зрения личных штрихов, она не очень-то отличается от той квартиры, которую он ненадолго снимал в Сан-Франциско. На стенах картины, в гостиной старинные концертные афиши, обрамлённые в экстравагантные рамы, и современное искусство в столовой, но ничего из этого на самом деле не является отражением его личности. То же самое относится и к мебели. В то время как она вся очень красивая, кажется, лишь одна вещь отражает его - это деревянный обеденный стол, с сучками,

текстурой и дефектами.

На книжных полках в основном документальная литература в твёрдой обложке начиная от мемуаров и заканчивая книгами о путешествиях, на полках для книг и на каминной полке всего лишь несколько вещей и фотографий. Фотографии его и команды по регби, одна с ним и Лионелем, и затем одна с ним и, как я предполагаю, его приемными родителями после игры. Его волосы слиплись и он едва улыбается, позируя в форме. Если бы это был мой дом, я бы везде разбросала своё дерьмо. Все что вам надо было бы сделать, это войти внутрь, осмотреться и вы бы сразу

поняли, что здесь живет Кайла Мур.

Если бы я встретила Лаклана на улице и была бы так удачлива, что отправилась с ним сюда, не уверена, что почерпнула бы из его жилища что-то новое о нем, чего уже не знаю. Тем не менее, его квартира весьма привлекательна, как и он сам. Уверена, со временем она станет более и более комфортной. Я адаптируюсь к ней, и она адаптируется ко мне.

Когда он возвращается с прогулки, я слышу, как он таким довольным, игривым тоном разговаривает в холле с собаками. Кофе готов, так что я облакачиваюсь о стол, медленно потягивая чашечку,

пока он заходит на кухню.

— Ничего себе, — говорит он, когда замечает меня, останавливаясь в дверях, чтобы осмотреть меня с ног до головы, и легко качает головой.

— Что? — спрашиваю я, желая знать, почему он смотрит на меня с таким трепетом.

Он пробегает рукой подбородку.

— Ты. Здесь. На моей кухне. В одних трусиках.

Я поднимаю свою чашку.

— И с кофе.

— Женщина мечты, вот ты кто, — говорит он, своей уверенной походкой прогуливаясь ко мне. В то время как он может быть поражён моим видом, я точно также поражена

им, особенно тем как его тренировочные штаны низко висят на талии, демонстрируя эту идеальную V и делая намёк на член. Я рада что могу каждый день продолжать поражать его всеми возможными способами.

Он подходит, зажимая меня между своими большими руками, его тело прижимается к моему. Он смотрит на меня вниз сквозь ресницы, глаза блуждают по моему лицу, небольшая ухмылка на губах.

— Думаю, я могу к этому привыкнуть, — говорит он, низкий и хрипловатый голос проникает в меня. От этих слов мой позвоночник растворяется, кожа танцует в

предвкушении, потому что я знаю, он собирается дотронуться до меня и мое тело нуждается в этом.

— Когда нам надо выходить? — спрашиваю я его, закрывая глаза, когда он наклоняется и целует мою шею.

Он стонет, посылая дрожь через мое тело.

— Куда я снова должен идти?

— На тренировку, — напоминаю я ему. — И сначала ты отвезёшь меня кое-куда. На твою работу. Хотя полагаю мы можем сделать это в другой день, — с надеждой добавляю я.

Он вздыхает.

— Нет, — он тянется назад и

всматривается в мое лицо. — Я хотел бы, но если я не вернусь, то буду в большой беде.

Он не должен говорить мне это. Я знаю, что регби его карьера, и знаю, насколько она важна для него. Последнее, чего я хочу, чтоб он чувствовал за это вину.

Я собираюсь разрядить обстановку. Пробегаюсь руками по его подтянутой талии и сладко смотрю на него.

— Что происходит, когда ты попадаешь в большие неприятности? Другие мальчики стягивают с тебя шорты и устраивают тебе порку?

Он поднимает брови.

— Грязное, грязное создание,

— бормочет он.

Я запускаю большой палец под резинку его штанов, чувствуя его тёплую, мягкую кожу.

— Н-у-у, не разрушай мою фантазию.

— Точно. Ну да, конечно мы снимаем друг с друга шорты и бьем друг друга палками. Иногда намазываем друг друга маслом, и получается одна большая команда. — Он прерывается. — На самом деле такое однажды случилось, но думаю, мы все были слишком пьяны. Не так-то просто отнять мяч у голого, намазанного маслом мужика. Хотя тренировка была отличная.

Я изучаю его, не в силах

понять, серьёзен он или нет.

— Регби очень странный вид спорта.

Он тянется мне за спину за чашкой, которую я оставила для него.

— Рано или поздно придёшь на тренировку и все увидишь сама.

— Я могу? — спрашиваю я, внезапно волнуясь от перспективы увидеть его в действии. Я отхожу в сторону, чтобы позволить ему выпить кофе.

— Если хочешь, — говорит он. — Не могу сказать, буду ли я играть в полную силу, но я могу это устроить. Хотелось бы надеяться, в хороший день. Не хочу, чтоб ты начала думать я не тот игрок, которым ты меня

считаешь.

— Оу, я никогда и не думала, что ты игрок, — дразню я его. — Может быть гей.

Он лишь чуть округляет глаза.

— Точно, что ж, натираание маслом наших голых тел сейчас не помогает, да? — Он делает глоток кофе и закрывает глаза. — Кстати, лапочка, это чертовски вкусно. Если ты до конца дней сможешь мне делать такой кофе, я умру счастливым.

Там, в его глазах немногословие, но все же эти слова ударяются в меня. Боже, это вообще возможно? Мои мысли уносятся вдаль, и внезапно я представляю себя

прямо здесь, на этой кухне, через несколько недель, месяцев, лет. На что это будет похоже? Быть так долго с кем-то таким, как он? Вопреки тому, как я привыкла думать, по крайней мере с Кайлом, эта мысль больше не пугает меня. Вместо этого она согревает мое сердце, заставляя пропустить удар.

— Только вот, — продолжает он, будто только что не вложил мне в голову самые прекрасные образы в мире. — Я бы действительно хотел, чтоб ты была здесь и увидела меня в действии. Наша первая игра будет через неделю после твоего отъезда, и я очень сомневаюсь, что окажусь на поле.

Может мое сердце и пропустило удар, но теперь оно падает.

Я сглатываю и хватаюсь за край его футболки.

— Новое правило. Ни один из нас не упоминает о том, что через три недели я уезжаю.

Его глаза сужаются, и он кивает.

— Все верно. Это честно. Что насчёт того, когда ты забронируешь обратный вылет?

— Оставь это мне, — говорю я, зная, что он уже предложил оплатить мой обратный билет. — Я позабочусь об этом.

— Или, возможно, ты могла бы

остаться здесь на неопределенное время, — говорит он, сфокусировавшись на чашке кофе, пока быстро не поднимает на меня взгляд. Пожимает одним плечом. — Это может быть один из вариантов.

Этот человек искушает меня на каждом шагу. Сначала приезд сюда, теперь идея не уезжать.

— Мы оба знаем, что я не могу этого сделать, — говорю ему. Потом я игриво бью его в плечо. — И эй, что я об этом говорила? Мы не упоминает об этом, ладно? Давай просто...наслаждаться.

— Столько, сколько сможем? — говорит он, и будь я проклята, если не вижу грусть в том, как он

морщит свой лоб.

— Столько, сколько сможем.

После быстрого завтрака, состоящего из сосиски и яиц, знак внимания от Лаклана (и нет, это не двусмысленность), мы оставляем собак и садимся в его машину. Я никогда до этого не была внутри Рендж Ровера, но черт потери, если это не идеальная машина для него - большая, крутая и строгая. Но вместо того, чтобы отправиться в пустыню, мы путешествуем по оживленным улицам города, направляясь в его организацию через весь город.

Я не могу не глазеть на все, мимо чего мы проезжаем. Здания такие разные, такие старые, такие очаровательные и у каждого много своих отличительных неповторимых признаков. Они дышат историей, и я ловлю себя на том, что начинаю нервничать перед знакомством с городом. Я и так чувствую, что у меня недостаточно времени, чтобы сделать все. И хоть я и хочу насытить Лакланом столько, сколько могу, я так же хочу взять по максимуму от Эдинбурга. Вероятно это из-за моей нынешней компании, но у меня уже такое чувство, что город оставит отпечаток в моем сердце.

Мы добираемся до каменного

здания рядом с тем, что кажется окраиной города. Я выбираюсь из машины, не забывая посмотреть направо, прежде чем обойти машину и смотрю на надпись над тёмной деревянной дверью.

— Приют для животных «Любимый забияка»? — повторяю я. Смотрю на него с восхищением. — Это абсолютно очаровательно.

— Ага. Именно. Люди были удивлены насколько слащаво это звучит, учитывая что исходит от меня. Но большинству этих животных кусочек сладкого пиара пойдёт на пользу. Люди смотрят на них как на милых и прелестных, что помогает найти им дом.

Тьфу. И снова этот мужчина нашёл ещё один способ поразить меня. Я смотрю на здание, обратно на вывеску, затем на него, стоящего там, на улице, в чёрных ботинках, чёрных джинсах и серой футболке, порой выглядя так же грубо как хулиган, и все же у него доброе сердце, раз он смог организовать все это.

— Пойдём? — говорит он, протягивая руку.

Я жадно цепляюсь за неё и позволяю ему провести меня внутрь.

Там все не так хаотично, как я могла бы подумать. Здесь есть ресепшн, где я замечаю Амару, разговаривающую по телефону,

которая быстро машет нам рукой, а затем небольшой ряд клеток, похожих на тюремные. Я знаю, Лаклан делает удивительные вещи, но я не могу не съежиться от боли, зная сколько животных проводят здесь жизнь.

— Все хорошо, — шепчет он, беря меня за руку и сильно сжимая. — Собаки здесь, у них есть шанс. Большую часть из них забирают, и они продолжают жить полноценной и счастливой жизнью.

Он ведёт меня вниз по проходу, и хоть мое сердце немного разрывается от вида, он указывает на то хорошее, что получают собаки. Например, все они получают собачьи

кровати и игрушки в своей конуре, так что им не приходится спать на бетоне. У них больше помещений, чем у других подобных приютов и общительные собаки могут легко делиться с другими. Он рассказывает, что благодаря их волонтерам и Амаре, все собаки гуляют по три раза в день, а особо энергичные и четыре, и одна из этих прогулок, длиной около часа, проходит в близлежащем парке. Иногда они гуляют группами, иногда, когда проходит обучение, поодиночке.

Мы останавливаемся у старого питбуля по имени Джо, который любит раздавать слюнявые поцелуи через решетку. Она здесь уже давно,

потому что большинство людей не любят усыновлять взрослых собак, хоть она здорова и достаточно спокойна. Он надеется, что в ближайшее время ее возьмут.

— Иногда я беру ее домой, — признаётся Лаклан мне, пока Джо с обожанием смотрит на него, рассекая хвостом по полу. — Она провела много выходных со мной и Лионелем, смотря телевизор.

— Так почему ты не возьмёшь ее себе? — спрашиваю я его.

— Если до определенного момента ее никто не заберёт, я так и сделаю, — говорит он. — Но суть в том, чтобы разделить любовь. Если кто-то возьмёт ее и затем обнаружит,

какая она веселая, а она из запрещённой породы и взрослая, шансы, что они снова сделают то же самое или, по крайней мере, посоветуют кому-то, очень высоки. У нас есть клиенты, которые возвращаются. Знаешь, те, кто взял собаку и потом понял насколько с ними легко. Так что они берут другую. Или делают пожертвование. — Он достаёт из кармана собачье угощение и даёт Джо, с улыбкой наблюдая, как она с удовольствием ест. — Как только люди понимают насколько легко это сделать, они меняются навсегда.

Он ведёт меня мимо других собак и, хотя мне трудно запомнить

их клички, я влюбляюсь в их прекрасные лица. Одна собака, серая, с широкой белой грудкой, съёживается в углу, пока Лаклан не приседает около решётки, бросив случайный взгляд в её сторону. Он говорит тихим, незаметным тоном, пока, в конце концов, собака не подходит. Она уклоняется, когда Лаклан протягивает угощение через решетку, но голод берет своё и она быстро проглатывает еду.

— Это Бабси, — говорит он. — Я нашёл его на аллее в Лондоне, измученного, избитого и едва живого. Кто-то пробил ему голову, у него не было половины шерсти, кто знает от чего. Я не думал, что он

выживет, но он справился. Он до смерти боится людей. Подонки, которые сделали это с ним, разрушили его веру в людей. И лишь из-за его породы они говорят, что он опасная собака. Да это подобные люди должны быть под запретом, а не порода. Люди жестоки, больны, намного серьёзней, чем животные. — Он вздыхает, сердито проводя рукой по лицу. Если честно, мы не думаем, что Бабси когда-нибудь подружиться с другими собаками или будет усыновлён. У нас было несколько собак, в которых мы вложили наши чертовы души и просто... — Он сжимает губы, качая головой. — Гребаный стыд. Но со

временем Бабси становится лучше. С правильным хозяином, с кем-то терпеливым и добрым и сильным, у него будет шанс.

Мои глаза горят от слез, которые я ухищрюсь сдержать.

— Я не знаю, как ты это делаешь, — говорю я ему. — Как ты можешь вариться постоянно во всем этом и не чувствовать себя чертовски раздавленными?

Она наклоняет голову, широко раскрывая глаза в напряжении.

— Если честно, большую часть времени я охрененно раздавлен. Но я понимаю этих собак. Я знаю, каково это быть отброшенным в сторону, чувствовать себя нежеланным,

верить, что нет никого, кто бы боролся за вас. Я был там. Снова и снова. Это адски больно, но если я не буду бороться за них, кто будет?

Я смотрю ему в глаза, полностью захваченная всем что он есть, и...черт.

Этот мужчина.

Я так чертовски влюблена в этого мужчину.

И тут меня ударяет понимание, потому что, святое дерьмо.

Я что, только что призналась в этом себе? Я только что подумала именно это?

Я так и сделала, да.

К счастью, он снова смотрит на Бабси, в его глазах этот

замечательный, безрассудный вид надежды, другой взгляд, который влияет на меня, в то время как я чувствую головокружение, задыхаюсь, неконтролируемая от осознания своих чувств.

Может это лишь потому что он тут такой мужественный стоит напротив и рассуждает о том, как сильно любит спасти собак, думаю я.

Конечно же, это так. Это много вещей. Это все.

И я абсолютно по уши влюблена в него.

Его глаза порхают ко мне, и он слегка нахмуривается.

— Почти всегда есть это «жили

долго и счастливо», — говорит он, и я моргаю, пытаюсь вернуться в настоящее и понять, что он имеет в виду. — И если мы рискнём и привезём их, даже если отказ разобьёт наши чертовы сердца, это того стоит.

О Боже, пусть это будет не метафора о наших сердцах.

Он улыбается мне, и я вынуждена посмотреть в сторону, потому что я терпеть не могу, когда что-то выводит меня из равновесия.

— Хочешь взять парочку собак на прогулку? Я попрошу Амару присоединиться к нам.

Я киваю, язык ощущается толстым и неповоротливым, мозг

будто пуст. А сердце, в это время, танцует неровный брейк в груди потому что, наконец, узнало что такое любовь.

Самое восхитительное, самое пугающе чувство, которое жизнь никогда не должна была предложить мне.

Когда мы идём забрать Амару, я пребываю в своего рода тумане. Надеюсь, я разговариваю с ней правильно и осмысленно, потому что все, о чем я действительно могу думать это Лаклан, любовь и эта отчаянная надежда, что может быть любовь это что-то такое, что ты можешь выключить, как выключатель. Может это просто

похоть, завернутая в очень сексуальную, душевную, татуированную обертку. Просто адреналин, острые ощущения от пребывания первый раз за океаном, возбуждение от риска. Может это много ещё чего.

Но это чувство не остановит ничто.

Это ощущение, о котором даже нельзя спросить.

Потому что оно реально, и выбивает ритм, который вы никогда не знали и под который могли бы танцевать, и оно там. Оно, нахрен, там и настоящее и заполняет каждую клеточку моего тела.

Мне надо поговорить со Стеф и

Николой. Мне нужен их совет. Приехать в Шотландию ради горячего секса это одно, но приехать и понять, что ты влюблена, это совершенно другое. Это опасно и бесперспективно, и ещё один риск, с которым мне надо иметь дело.

Я не могу даже взять себя в руки, так что я затерялась в своих собственных мыслях, пока Лаклан не понимает, что ему пора на тренировку. Он говорит, что Амара позаботится обо мне и позже подбросит в его квартиру. У меня в сумочке есть запасной ключ, на всякий случай, если я окажусь дома раньше него.

— Увидимся позже, лапочка, —

говорит он, притягивая меня к себе, ох, так нежно, и оставляя затяжной поцелуй на моих губах.

Я вздыхаю напротив его губ, ощущая трепет в груди.

— Хорошо, — говорю я, затаив дыхание. — Удачи.

Он кивает и покидает приют, а я просто стою там как сентиментальная размазня.

— Итак, кого ты хочешь? — спрашивает Амара, протягивая мне поводок.

Я осторожно беру один в руки, но вынуждена покачать головой, чтобы вбить в себя хоть немного смысла.

— Э-э, что?

Она улыбается мне. У неё гигантская, размера как у Мадонны, щель между передними зубами, которая придаёт ей странной сексуальности.

— Собаки, — говорит она. — Какую собаку ты хочешь взять на прогулку?

— Ой, — говорю я. — Ту, которой это нужнее.

— Как насчёт той, с кем полегче? Это Джо, — говорит она, направляясь к клетке Джо и открывая дверь. Она ковыляет ко мне, толстый животик колышется из стороны в сторону, и сразу же смотрит на меня так, будто я собираюсь взять её домой и никогда не отпускать. Даже

у чёрного сердца нет шанса выдержать подобное.

— Она любимица Лаклана, — говорит Амара, пристегивая поводок на Джо и понимающе глядя на меня. — Хотя думаю, ты возможно тоже любимица Лаклана.

Я смотрю в сторону и надеюсь, что тепло на моих щеках не превращается в румянец.

— Эй, — говорит Амара, подходя к другой клетке. — Все в порядке, да? Это хорошо. Я никогда не видела чтоб раньше он так вёл себя с кем-то другим. Не то чтобы были какие-то другие, если ты понимаешь, о чем я.

Когда она приносит двух собак

из общей клетки, я смотрю на неё.

— Позволь предположить, ты собираешься предупредить меня о том, какой он задумчивый, сложный и тихий. Поверь мне, я это знаю. Я слышала подобное дерьмо от его кузенов.

— О, ну это само собой разумеется, — легко говорит она. — Но я бы не сказала, что он обязательно задумчивый, он просто мыслитель. И он не сложный, нет, он просто честный и знает, что будет делать, а что нет. Лично я всегда нахожу что-то очень благородное в Лаклане, как в породе мужчин, которых на самом деле больше не существует. Я рада, на самом деле

рада, видеть его с кем-то, кто заставляет его светиться. Самое время. Ты познакомилась с его родителями?

Я качаю головой.

— Уверена, познакомишься, — говорит она, когда мы выходим из приюта. Она останавливается и запирает дверь, в то время как собаки начинают взволнованно тянуть свои поводки. — Они милейшие люди. Ты им понравишься, и тот факт, что ты здесь, тоже.

Я смотрю на неё.

— Просто сколько ты знаешь о том, почему я здесь?

Она подтягивает хвостик на затылке.

— Я знаю, что он не тот тип мужчины, который знакомится с девушкой и прилетает с ней сюда. Это говорит о нем многое. И тот факт, что ты приехала, многое говорит о тебе.

Она настоящий правдоруб.

— Что я могу сказать? Он действительно мне нравится.

Ей не нужно знать, что это преуменьшение.

Ее глаза украдкой смотрят на меня с улыбкой.

— Я знаю. Ой, пока не забыли.
— Она отцепляет три намордника, висящих вдоль стены с кучей поводков. — Если собаки пойдут без намордника, у нас могут быть

проблемы.

Она протягивает мне намордник, и я смотрю вниз на милую, открытую мордочку Джо, полные надежды глаза и большую улыбку.

— Кажется, немного неправильно делать подобное, — говорю я, фиксируя намордник на ее мордочке, что не особо волнует Джо. — Они лишь заставляют людей сильнее бояться собак. Я уверена, Джо и мухи не обидит.

Амара вздыхает, надевая намордники на других собак.

— Ага, да. Скажи это правительству. Либо мы надеваем на них намордники, либо не можем

вообще ими заниматься. У большинства людей в Соединенном Королевстве предвзятое отношение к этим собакам и намордники делают все только хуже. Если бы они только могли увидеть их, как по-настоящему они умеют улыбаться, они бы так не боялись. Это клеймо, с которым мы пытаемся работать. Люди хотят верить той чепухе, которую слышат об этих собаках, они постоянно спорят и до них действительно трудно что-то донести.

— В Штатах то же самое, — говорю я ей. — Чем больше я провожу время с Лакланом, тем больше обращаю внимания на предвзятость СМИ. Если на ребёнка

нападает лабрадор, что встречается чаще, чем ты могла бы подумать, это едва ли становится новостью, а если и происходит, они не раздувают скандал под названием «нападение собак». Но если это питбуль, все новости кричащими заголовками сообщают об этом. — Я смущённо улыбаюсь Амаре. — Признаю, пока я не встретила Лаклана, СМИ отдавалось меня одурачить.

Она кивает, кладя руки на бёдра.

— Он может быть немногословным, когда ты не знаешь его по-настоящему, но если начнёшь говорить с ним о собаках, он не заткнется. Он делает здесь столько

хорошего. Он очень, очень убедителен.

Она указывает головой на улицу, и я иду за ней. Собаки выглядят ужасающими в намордниках, но, по крайней мере, они виляют хвостами, их носы принюхиваются к новым запахам.

— Так как существует это место? — спрашиваю её с любопытством. — Имею в виду, с точки зрения финансирования?

Она качает головой, раздумывая, пока мы останавливаемся, чтобы дать собакам понюхать траву.

— Все хорошо. Мне платят, неважно сколько, благодаря

собственным деньгам Лаклана. Думаю, если б не тот факт, что он много лет выгодно инвестировал средства, моя позиция была бы чисто добровольческой.

— А волонтеры?

— Они приходят и уходят, но у нас есть четверо действительно преданных идее. Один несколько лет назад играл в регби с Лакланом. Рене. — Ее глаза сияют, когда она произносит его имя. — Он сейчас далеко, но он всегда очень помогает.

— А Лаклан в последнее время не организовывал сбор средств?

— Ну он ведь уезжал, но в начале сезона регби будет ужин...ты ведь будешь здесь в это время? Это

через несколько недель.

Я беспокойно сжимаю
челюсть.

— Я не уверена...

— Меня назначили главной, так
что не уверена будет ли все так же
идеально, как и всегда. Слава Богу,
мне помогала мама Лаклана,
Джессика. Обычно подобные
мероприятия планирует она. Лаклан
без неё становится таким
потерянным, когда дело доходит до
вечеринок и приходится общаться с
богатыми и знаменитыми.

— А что насчёт чего-то типа
календаря с игроками в регби? — я
вспоминаю, что Нейл говорил мне о
чём-то подобном с французами.

Она ухмыляется мне.

— Например, заставить его позировать обнаженным, чтобы спасти животных?

Я ухмыляюсь при мысли о подобном.

— Я не совсем это имела в виду, но эй, если бы я увидела календарь с *ним* обнаженным, то купила бы его. И мне не было бы дело до повода. Женщины чертовски простые создания.

— Тебя не беспокоит, что весь мир смотрит на причиндалы твоего парня?

Сквозь меня пробегает дрожь от такого простого факта, что она назвала его моим парнем. Он мой

парень? Понятия не имею. Но я не собираюсь поправлять ее. Мне нравится, как это звучит.

— У меня бы не было с этим проблем. Ещё один повод чтобы похвастаться, — со смешком добавляю я.

Мы проводим два часа, выводя разных собак на прогулки по окрестностям, пока не приходит время убираться. Амара говорит, что она вернётся в районе восьми с Шарлотт, одной из волонтеров, чтобы взять собак на их последнюю на сегодня прогулку. Должна сказать, даже если для этих собак все это во многих отношениях кажется безнадёжным, о них очень хорошо

заботятся. Я дрожу при мысли о том, как содержаться животные в других приютах, особенно переполненных и с ужасными условиями.

Когда Амара отвозит меня в квартиру Лаклана, я ожидаю увидеть внутри полный бардак. Но обе собаки вели себя хорошо. Лионель прыгает с кушетки, где устроился с Эмили, и с большими глазами, виляя хвостом, бежит ко мне.

Я приседаю и чешу его за ухом, не в силах увернуться от слюнявых поцелуев.

— Я выведу вас через пару минут, — говорю я ему, осторожничая, чтоб не произнести рядом с ним слово на букву «М». Он

просто смотрит на меня этими большими глазами, и я вынуждена отвести взгляд. Если бы он был моей собакой, он бы был чертовски избалован. Теперь я понимаю, почему Пэрис Хилтон таскает везде с собой эту уродливую чихуахуа.

Я иду в спальню, снять футболку и надеть что-то новое и свежее. Я выбираю чёрный топ, с достаточно низким вырезом, чтобы продемонстрировать мой кружевной лифчик. Мои девочки для него должны выглядеть потрясающе. Тот факт, что прямо сейчас он на тренировке по регби, становится горячим, потным и мужественным, обходит других больших мужчин с

присущей ему решительностью и грубой силой, что ж, я почти поддаюсь искушению достать вибратор из своего наполовину разобранного чемодана и заняться делом.

Но вместо этого я решаю сохранить всю себя для него и начинаю обустраиваться. Я открываю шкаф, чтобы увидеть как много у него места, хотя быстро бросаю своё занятие и начинаю рассматривать его одежду.

В его гардеробе практически все то, что я уже видела, только в большем количестве. Несмотря на все его деньги, никаких излишеств. Может Рендж Ровер и дорогой, да, и

эта квартира точно не дешевая, учитывая то, насколько потрясающе она оформлена, но в остальном, Лаклан живет, как и все остальные. У него есть несколько костюмов, все очевидно подогнаны под его широкие плечи, но на них нет дизайнерских лейблов. Большинство его джинс и футболок из H&M или каких-то магазинов, которых я не знаю. Мне нравится в нем это, то, насколько он неприхотлив.

Так как я в режиме «везде сунь свой нос» и, очевидно, не чувствую вину по этому поводу, я перехожу к остальной части комнаты. Сначала кажется, что он придерживается порядка и очень аккуратен, но потом

вы понимаете, что просто у него не много вещей.

Я двигаюсь в ванную, мимо холла, стены окрашены в яркий синий цвет. Я знаю, следить за людьми плохо и особенно неправильно хотеть проверить и аптечку. Но есть лишь пара вещей, которые мне любопытны. Иногда у него бывает такой вид, который он видимо даже не замечает - как он сжимает челюсть, почёсывает руки, эти дико округляющиеся глаза, будто он вот-вот изобьет кого-то, маленькие звуки разочарования, которые издаёт в определённый момент. У нас у всех есть подобные вещи, но с ним...я просто хочу узнать

о нем больше, любимым способом которым могу.

И честно говоря, я хочу узнать больше о том, во что ввязываюсь. Я здесь лишь на три недели, но я хочу узнать Лаклана настолько глубоко, насколько возможно. Кажется он прошёл через столько всего...но сколько ещё осталось? И насколько глубоко сидят его демоны? Теперь, когда мы на его территории, вещи изменились или тот Лаклан, которого я видела в Сан-Франциско один из тех, с кем мне придётся иметь дело?

Я делаю глубокий вдох, нервно оглядываясь через плечо, словно Лионель наблюдает за мной, готовый

наябедничать, и затем открываю шкафчик.

Гидрокортизоновый крем, антибактериальный крем, крем арника. Упаковка таблеток от аллергии, упаковка мышечных релаксантов. Ибупрофен. Аспирин.

Затем три бутылочки лекарств по рецептам.

В одной осталась лишь четверть таблеток: Ативан.

Я знаю их очень хорошо. Они от тревожности. Это меня не удивляет. Многие люди, кого я знаю, сидят на них, и Лаклан точно не самый спокойный парень. Я имею в виду, когда он напряжен, он контролирует себя. От этого

практически захватывает дух.

Вторая бутылка: Перкосет. Болеутоляющее. Должно быть из-за травмы сухожилия, потому что бутылка почти пуста.

Затем стоит Флуоксетин, который мне известен как Прозак. Моя мама долго принимала их, но эта бутылка едва начала. Это либо хорошо, либо плохо. Я видела, как мама отключалась от таблеток, слышала, как она жалуется, что они не только притупляют боль, но и радость жизни. Опять же, бывали времена, когда она действительно нуждалась в них, чтобы пережить день.

Я осторожно закрываю дверцу

шкафчика, задерживая дыхание, боясь, что он, как в триллере, появится в зеркале, что висит позади меня. Но нет. Я в ванной одна, а Лионель скулит за дверью.

Это не мое дело, спрашивать, зачем ему антидепрессанты, и, боже правый, учитывая его историю, или, по крайней мере, ту малую часть, которую я знаю, у него более чем достаточно причин оправдать подобное. Но даже если и так, я ужасно любопытная. Я хочу узнать все и узнать на своих собственных условиях. Я хочу, чтоб он доверял мне достаточно для того, чтобы открыться, впустить меня внутрь и показать все. Показать свои страхи и

демонов прошлого. Я хочу потеряться в его прекрасной темноте.

Я хочу, чтоб моя любовь была тем, что принесёт ему свет.

Но по прошествии этих дней, учитывая ситуацию, в которой мы оказались, я не уверена, что такое возможно. Я даже не уверена, скажу ли я ему когда-нибудь, что чувствую на самом деле, потому что, кто доверят подобным словам от человека, которого ты едва знаешь? Не важно, насколько я уверена в этом, не важно, что люди постоянно, каждый день безнадежно влюбляются. Я не знаю, увидит ли он когда-то, увидит по-настоящему, что и как я чувствую. И худшее во всем

этом то, что все становится только хуже пока дни бегут, и я все больше и больше попадаю под его чары.

Этим вечером я делаю себе чай и располагаюсь на диване, с удобнейшими, огромными подушками, Лионель и Эмили лежат рядом со мной. Я бесцельно переключаю каналы, пытаюсь впитать столько местного колорита Шотландии, сколько могу.

Когда Лаклан приходит домой, я понимаю, что раньше, когда у меня была возможность, мне стоило использовать вибратор. Бедный мужчина выжат как лимон, и хотя он и не хромает, все же идёт с осторожностью, будто его сбил

грузовик.

Он говорит мне не волноваться, что, вероятно, он слишком пытался проявить себя и он будет в порядке. Но, так или иначе, я наслаждаюсь игрой в медсестричку и набираю ему горячую ванную, добавляя немного геля для душа, чтобы сделать пену, и заставить его избавиться от боли.

— Позови меня, если тебе что-нибудь понадобится, — говорю ему, стоя в дверях ванной, наслаждаясь видом его массивного, покрытого чернилами тела в пенистой воде.

Но то, как он смотрит на меня, заставляет кровь в венах застыть.

Взгляд приколачивает меня к месту.

Взгляд, который говорит, что ему нужна я и только я.

Или, может быть, я просто выдаю желаемое за действительное.

Глава 20

ЛАКЛАН

Три ночи подряд мне снится один и тот же сон.

Первые несколько ночей Кайлы в Эдинбурге мои сны были незапоминающимися. Я всю ночь спал крепко и глубоко, и, в отличие от большинства ночей в своей жизни, засыпал я словно по щелчку пальцев.

Но в ночь номер четыре я провалился в волны ужаса, снова и

снова накатывающие на меня, толкающие из сна в реальность.

Иногда я просыпаюсь, хватая ртом воздух, что заставляет Кайлу беспокоиться. Она расспрашивается меня, глазами умоляя поговорить с ней, объяснить. Но я не могу, ещё нет. Пока не буду вынужден сделать это. Не до того, как буду уверен, что она не отвернётся. Мысль потерять это лицо, сама идея потерять ее расположение, это сладкий, полный надежды, голодный взгляд ее глаз, подобная мысль причиняет мне боль.

Это сон уже бывал у меня раньше, и рассказать его, значит дать ей увидеть все темное во мне, ужасного, жалкого человека, каким я

когда-то был.

Это день когда умер Чарли.

Конечно, во сне все искажено и обрывочно. Но достаточно, чтобы напугать. Та же аллея, по иронии судьбы недалеко от трущоб, где я вырос. Тот же Чарли. Тот же Раскаль, бродяжка, которую я называл своей собакой до того дня, когда больше не видел. Будто смерть Чарли напугала наши чувства.

Хотя во сне идёт дождь. И, в отличие от реальности, мы всегда не одни. Вдоль стен аллеи выстроились люди в чёрных и красных цветах регби. Некоторые из них машут флажками, на который сказано, что МакГрегор номер одиннадцать. Они

безмолвны и это самое страшное. Они, с открытыми, двигающимися ртами и осуждением в глазах, болеют за меня, за нас, за нашу кончину, и все, что я могу слышать это звук падающего снега и хриплое дыхание Чарли.

Это был лишь второй раз, когда он принял героин. Я был там в первый раз, но не одобрял это, не в тот первый раз. Логичная, связная часть левого полушария моего мозга не работала, и все же я каким-то образом понимал, что героин это было чересчур. Как если бы это не было намного хуже, чем метамфетамин.

Но во второй раз, что ж, это я

достал для него наркоту. В первый раз все прошло так хорошо, и он ненадолго стал другим человеком. Разве не так и должно быть? Один раз тебя не убьёт. Он сделает все лишь лучше. А два, так вообще отлично.

Но все не отлично. Я поднимаюсь с земли и даже во сне не чувствую своих замёрзших ног. Хромаючи дохожу до линии с фанатами регби и спрашиваю у каждого из них, могут ли они достать немного кокса. Никто не отвечает. Они просто кричат на меня, беззвучно. Мужчины, женщины, молодые и пожилые, на их лицах всегда написана мука. Я прошу,

умоляю дать мне хоть немного, но ничего. Никто не слышит меня, никому нет дела. С таким успехом я мог бы быть невидимкой.

А вот Чарли отнюдь не невидимка. Он всегда был полон жизни. Он кричит мне поторопиться. Помочь ему, говорит, что я ужасный друг и разве он уже не достаточно сделал для меня?

Пожалуй, Чарли единственный друг, который у меня когда-либо был, поэтому я, конечно же, сделаю все, что смогу, чтобы он был счастлив. Я продолжаю пытаться, несмотря на то, что выражение лиц людей меняется, становясь перекошенным, более дьявольским. Везде ощущается

наличие чистого зла, чёрная жирная тень, прилипающая к спине, влияющая на ваши мысли и душу. Даже спустя все эти годы, она все ещё там, ждет, как бы добраться до меня. И когда я добираюсь до последнего человека на аллее, и вижу что это пятилетний я, тощий и весь в синяках, и несильно отличающийся от меня во сне, у меня появляется шанс.

Пятилетний Лаклан вручает мне Лионеля. Он кивает на него, намекая на что-то большее. Я разрываю льва, раздирая швы вдоль брюха, и, словно белый песок, наружу высыпается героин. Он сыпется не переставая, заполняя

пространство у моих ног, все растёт и растёт и растёт. Руки хватают меня за щиколотки, тянут вниз - мой рот, нос, и уши заполняются частичками, голова взрывается фейерверками.

Чарли стоит надо мной, машет на прощание, кровь бежит из его носа и глаз.

— Скоро увидимся, приятель, — говорит он с кровавой улыбкой. — Билет в один конец прямиком в ад.

Я тону в наркотиках, и мир становится чёрным.

Не удивительно, что я просыпаюсь с прерывисто колотящимся сердцем, а легкие кажутся свободными от воздуха.

— Очередной сон? — тихо

спрашивает Кайла, и в полутьме я вижу блеск в её глазах. Она опирается на локти, рассматривая меня, пытаюсь преуменьшить это, но я вижу, как она напугана.

Во рту пересохло.

— Угу, — грубо говорю я, делая глубокий вдох.

— У тебя уже бывало подобное?

Я киваю, лишь раз.

— Мне нужна вода.

Я встаю с кровати, Лионель так крепко спит в ногах, что даже не шевелиться, когда я проползаю над ним.

Оказавшись ванной, я брызгаю холодную воду на лицо и смотрю на

своё отражение. Внутренние уголки глаз окрасили тёмные круги. Как это вообще возможно, одновременно чувствовать себя таким чертовски счастливым и выглядеть так дерьмово? Я открываю медицинский шкафчик и смотрю на свои таблетки. Когда уехал в Штаты, я намеренно оставил Перкоцет дома. Боль утихла, и я не нуждался в искушении. Антидепрессанты лишь запутываются меня и не в хорошем смысле. Ативан большую часть времени работает.

Я наполняю стакан, стоящий на раковине, водой и проглатываю вместе Перкоцет и Ативан. Если это не поможет мне снова заснуть, то, по

крайней мере, поможет дожить до утра. Может быть даже до вечера, когда думаю, мне это будет нужнее.

Когда я повезу Кайлу повидаться с моими родителями, Джессикой и Дональдом, настоящими МакГрегорами. Хотел бы я сказать, что не беспокоюсь об этом с тех пор, как запланировал, но это будет чистой воды ложь.

Дело в том, что я даже не знаю, почему нервничаю. Потому что боюсь, что всплывет мое прошлое? Это кажется маловероятным. Мои родители достаточно уважают меня, чтобы никогда не говорить об этом. Потому ли это, что я боюсь, Кайла не оправдает их ожидания? Тоже

маловероятно. Они наименее осуждающие люди, которых вы бы могли встретить, независимо от их статуса в обществе. Кайла очарует их.

Или то, что я приведу ее знакомиться с родителями - когда я никогда никого больше не приводил знакомиться с ними - говорит намного больше о том, что я чувствую к ней, к нам, чем я когда-либо мог?

У меня есть чувство, которое можно назвать только одним словом.

Я закрываю шкафчик и, закрывая глаза, прижимаюсь лбом к холодному зеркалу.

— Лаклан? — я слышу тихий голос Кайлы из-за двери ванной. —

Ты в порядке?

Я хмыкаю в ответ, прочищая горло.

— Минутку.

Я быстро справляю нужду и когда забираюсь обратно в кровать, она лежит под простынями, наблюдая за мной.

— Я в порядке, — говорю я, забираясь рядом с ней. — Иди сюда. — Оборачиваю руки вокруг ее плеч и притягиваю ближе к себе. Провожу пальцами вдоль линии роста волос, шёлк ее волос и кожи уносят меня в медикаментозный сон.

Джессика и Дональд живут примерно в часе езды от Эдинбурга, их дом лишь в нескольких зеленых участках от Мори-Ферт и легендарных закусочных, где я тратил большую часть своих карманных денег.

Примерно через двадцать минут я подъезжаю к бару Robbie's и паркуюсь.

— Зачем мы здесь? — спрашивает Кайла. — Они живут в пабе?

— Неа, — говорю я ей. — Но пока я рос, часто бывал здесь. Когда мне было пятнадцать, и случился скачок роста, мне надо не надо было использовать поддельное

удостоверение. Там не так сомнительно, как может показаться на первый взгляд. Пойдем, выпьем по пиву.

Она хмурится на меня, так что я улыбаюсь ей.

— Только не говори, что здесь недостаточно шикарно для тебя, — добавляю я, зная, что это спровоцирует ее

— Эй, — говорит она, поднимая на меня ладонь, — не говори со мной о шике. Самые интересные люди встречаются в забегаловках.

— Что ж, это и есть забегаловка, так что поднимайся. Только не заказывай еду.

— Не хочешь испортить мне аппетит?

— Не хочу, чтоб ты заболела, — я выхожу из машины и беру ее за руку.

Честно говоря, я не был здесь со старшей школы, но пахнет все так же. Жир и соль от фритюрницы, рыбное тесто, несвежее пиво, пролитое на красный с зелёным ковёр. Воспоминания вспышками приходят ко мне, не все из них ужасные.

Сейчас около пяти вечера и в пабе довольно много постоянных посетителей, зашедших после работы. Мы занимаем высокий столик у двери, и я спрашиваю, что

она хочет выпить.

— Удиви меня, — говорит она, хотя в ее голосе слышна осторожность, будто я собираюсь принести ей пиво под названием Сюрприз от Хаггис.

— Идёт. — Я иду к загружённому бармену, одетому в серую футболку с пятнами пота по бокам. Уверен это тот же самый парень, который работал здесь пятнадцать лет назад.

Я прислоняюсь к барной стойке и жду, пока он заметит меня, и когда он делает это, его глаза расширяются. Но я не выгляжу как тогда, в период бурного роста или позже.

— Что ж, — говорит мужчина,

вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Лаклан МакГрегор, — я косо смотрю на него, пытаюсь понять, пока он продолжает, — ты лучшая часть Эдинбург Рагби. Скажи, что ты сейчас полностью восстановился. С тех пор как ты ушёл, команда играет хреново.

Это не совсем правда. Конец прошлого сезона был не очень удачным, но такое могло случиться и если б я был в команде.

— Я возвращаюсь, — говорю я ему.

— Блестяще. Тренировки проходят хорошо? Готов к большой игре?

— Ага, — отвечаю ему, не

желая продолжать разговор. — Можно мне пинту эля и пинту сидра для вон той леди? — я указываю на Кайлу. Она сидит за столом, наблюдая за всем этим.

— Не беспокойся, приятель. Это за счёт заведения, — говорит он и тут же вытаскивает пивные бокалы.

— Что ж, тогда твоё здоровье, — говорю я, когда он передаёт мне напитки. Несколько секунд я смотрю на янтарную жидкость, и внезапно моя жажда свирепствует. Я мог бы за секунду, в два глотка выпить это, и облегчение наступило бы сразу же. Вместо этого я несу оба напитка к ней, мои руки слегка дрожат.

— Вот держи, — говорю я ей.

— Этот парень тебя знает?

Я пожимаю плечами.

— Вообще-то нет. Больше похоже на то, что он знает мою игру.

Она смотрит на меня, пододвигая к себе сидр.

— Это потрясающе. Ты знаменит.

Я хмыкаю, поднося пиво к губам.

— Это случается довольно редко.

— Нееееет, — говорит она, — в другой день, когда мы гуляли по этой, по Принсес стрит, на тебя многие смотрели.

— Они смотрели на тебя, — тепло говорю я. — Моя прекрасная

девушка. — Я поднимаю пиво и чокаюсь с ее бокалом. — За...

— За встречу с твоими близкими, — говорит она.

Я киваю.

— Да. За это.— И пью пиво, сразу выпивая половину.

У неё занимает вечность выпить ее, и когда мой стакан пустеет, она толкает сидр ко мне.

— Вот. Я не могу допить.

Я колеблюсь. Лишь на мгновение. Лишь чтобы попытаться сдержаться. Стакан наполовину полон, и я уже чувствую головокружение. Если я прикончу его, знаю, это приведёт меня к той точке, где любая мысль о грехах и

чувстве вины, которая у меня была, магическим образом исчезнет.

Я хочу быть там, особенно сейчас, особенно с этой великолепной, замечательной женщиной, которой я так ужасно не достоин.

Но я этого не делаю. С трудом, но я качаю головой, отказываясь от напитка. Мы идём в машину и едем дальше. Ветер поднимается, пригоняя с побережья серые облака и покрывая все туманом. Из-за него все ослепляющее зеленоватое.

Дому Джессики и Дональда лет триста и выглядит он соответствующе. Каменный забор разрушается, несколько крупных

булыжников не обвалились лишь благодаря мне и моей предрасположенности бегать вдоль него когда я был моложе. По бокам дома растёт уходящий вверх плющ, и хотя сад Джессики, как всегда, ухожен, подсолнухи на южной стороне уже почти доросли до талии.

— Боже мой, — говорит Кайла, поднося руки к груди, когда мы останавливаемся у железных ворот. — Он словно дом из фильма. Ты вырос здесь?

— Ага, — говорю я ей. — Он не особо изменился.

— Как в сказке.

В груди что-то сжимается. В то время как паб навевает в основном

приятные воспоминания, может потому, что я всегда был там с приятелями, дом содержит другие. Это и мой первый настоящий дом с тех пор, как меня отдали на усыновление, и так же это место где я чувствовал себя особенно недостойным. Он вмещает то время, когда моя жизнь начала катится вниз лишь по моей собственной вине.

Господи. Надо было мне всё-таки выпить тот сидр.

До того, как я могу окунуться во все это ещё глубже, передняя дверь, всегда окрашенная в ярко-красный, открывается и, махая нам рукой, выходит Джессика, с Дональдом.

— Лаклан, — зовёт меня Джессика своим певчим голосом. Она одета во все чёрное, веря, что это сделает ее стройнее, хотя она всегда была достаточно худой. Ее седые волосы прямые и блестящие, на ней всего лишь пара драгоценностей и, похоже, немного косметики. Дональд выглядит, как всегда, стильно в своей обычной жилетке, руки засунуты в карманы, и на нем очки, подчеркивающие его пронизательные глаза. Мои приёмные родители одни из самых шикарных и умных людей, которых я когда-либо встречал. Я часто задаюсь вопросом, как они вообще решились принять меня.

Я быстро приветствую их, обнимая обоих, прежде чем гордо показываю им Кайлу.

— Джессика, Дональд, это Кайла, — говорю я им. Хоть я несколько дней назад и упоминал, что привезу девушку, не думаю, что они оправились от шока, потому что оба выглядят опешившими.

Наконец, Джессика качает головой.

— О, она милая, — говорит она, притягивая Кайлу в объятие. Когда она отстраняется, то держит ее за плечи на расстоянии вытянутой руки и всматривается в неё. — Где ты нашёл такую прекрасную девушку? И ту, которая захотела проделать такой

путь сюда с таким, как ты? — добавляет она, издеваясь надо мной, как делает обычно.

Кайла краснеет. Мне нравится, когда она, вся такая уверенная в себе, всегда принимает комплименты с чувством неверия, будто никогда не слышала, насколько красива, будто вообще впервые слышит подобное. И это заставляет меня хотеть говорить эти слова снова и снова и снова, пока она не поверит в них. Если бы только она не выглядела так чертовски великолепно, когда краснеет.

— Очень приятно с вами познакомиться, — говорит Кайла. — Я столько о вас слышала.

Я поднимаю брови. На самом

деле я редко говорил о них, но, кажется, было правильным сказать подобное, потому что Джессика выглядит довольной.

— Это так? — спрашивает она, посылаясь мне вопросительный взгляд. — Надеюсь, хорошее.

— Всегда, — говорю я, и к нам, протягивая руку, подходит Дональд.

— Рад видеть тебя здесь, — говорит он ей. — Как тебе Шотландия?

— Мне все здесь очень нравится — говорит она. — Будет трудно возвращаться домой.

Если бы я был бесчувственным, эти слова не ранили бы так, как ранят. Она кажется тихой после

сказанного, улыбка застыла на губах, почти слишком понимающая. Несколько дней назад она сказала мне, что нам не следует упоминать о ее отъезде, и мы замяли это, живя в блаженстве секса и неги, делая вид, что дни бесконечны и время существует для всех, кроме нас.

— Что ж, просто оставайся здесь столько, сколько хочешь, — мягко говорит Дональд, кладя руку ей на плечи и проводя в дом. — У нас есть для тебя прекрасная чашечка чая.

Как только он заводит ее внутрь, Джессика хватается меня за руку и притягивает ближе.

— Я просто хотела сказать, —

говорит она тихо, глаза светятся, — я не знала чего ждать, когда ты сказал, что приедешь с девушкой. Не хочу делать из этого грандиозное событие. Я очень хорошо знаю тебя, Лаклан, — я нахмуриваюсь, и она продолжает, — Ты никогда не любил проявлять чувства. Но просто хочу сказать, я так за тебя счастлива. Она кажется очаровательной и она красива.

Я с трудом сглатываю.

— Спасибо, — грубовато говорю я, но больше ничего не добавляю.

— Она хорошо к тебе относится?

Я быстро улыбаюсь ей.

— Да. Хорошо.

Она похлопывает меня по спине, довольная этим, и мы идём внутрь в гостиную, где Дональд наливает Кайле чашечку чая. Я сажусь на своё обычное место, старинное, обитое тканью кресло, которое Джессика всегда хотела выбросить потому что оно потерлось в некоторых местах, но я убедил ее оставить его. Они всегда были очень состоятельными и любили демонстрировать это утончёнными способам. Джессика предпочитала уют, но не настолько, чтобы терпеть рваную мебель. Кресло единственное, с чем я чувствовал связь, как бы безумно это не звучало.

Когда вы сирота, вы ищите комфорт в любом месте, где можете найти.

Пока Джессика возиться с едой, доставая песочные коржики и булочки и расставляя их на столе с изящным бело-розовым фарфором, Дональд спрашивает Кайлу из Сан-Франциско ли она и потом принимается болтать о городе. Дональд рано начал работать в области финансов и по долгу службы часто ездил по всему земному шару. Родившись в бедной семье, он всего добился сам, и это одна из причин, почему я так восхищаюсь им. Другая причина - когда была необходимость, он держал меня в ежовых рукавицах.

— А твоя работа? —

спрашивает Дональд, откусывая кусочек коржика, что приводит к падению крошек на ковёр. Джессика издаёт добросердечный цокающий звук и пододвигает к нему тарелку, чтобы больше подобного не повторялось.

И тут я вижу, как Кайла запинается. Она поджимает губы, и знаю, пытается придумать правильный ответ. Наконец она говорит:

— Я работаю в еженедельной газете. The Bay Cara Weekly. В рекламе.

— А, — поправляя очки, говорит Дональд. — Это должно быть очень интересно.

Кайла смотрит на меня и потом произносит:

— Нет. Совсем нет. — Она издаёт сухой смешок, пожимая плечами. — Я всегда хотела быть журналистом, действительно писать статьи, но такое чувство, сколько бы я не пыталась, туда мне не пробиться.

Я прочищаю горло.

— Ну, на самом деле Кайла написала блестящую статью обо мне и Брэме и его трудах, связанных с размещением малообеспеченных слоёв населения.

— Да, — говорит Кайла, медленно кивая. — К сожалению, не думаю, что у меня снова будет

подобный шанс. Она даже мне не зачтется. Она подписана другим человеком.

— Что за чепуха, — говорит Дональд, легонько хлопая по колену и пытаясь говорить без вылетающих повсюду крошек. В этих отношениях все изящество принадлежит Джессике. — Что ты сделала?

— Ничего. В смысле я жаловалась, но редактор меня не послушал. Никто не послушал.

— А ты когда-нибудь думала о том, чтобы писать на стороне, может, бесплатно для начала? — Говорит он, глядя на неё через очки. — Создай портфолио и репутацию, отточь мастерство. Затем начни

подыскивать работу, где тебе будет платить за то, что ты ешь.

Мне всегда хотелось быть родным сыном Дональда, хотя бы ради того, чтоб эти мозги передались мне. Родиться от наркоманской крови всегда то еще преимущество.

— Точно, Дональд, — говорит Джессика. — Отличная идея. Почему бы тебе не начать писать о путешествиях? Ты здесь, может быть Лаклан мог бы показать тебе какие-то не очень известные уголки нашей страны, о которых никто не писал. — Она указывает на меня чашкой чая. — Или еще статья об организации. Даже для гала на следующей неделе. Вы могли бы помочь друг другу.

Мы с Кайлом обмениваемся взглядами. Я не думал об этом, и очевидно, что она тоже.

— Я не знаю, кому может быть интересно подобное, — говорит она.

Джессика отмахивается от ее беспокойства.

— О, не беспокойся об этом. Я знаю многих людей. Как и Дональд. Это будет не за деньги, как сказал Дональд, лишь чтоб ты сделала первый шаг и начала создавать репутацию. И опять же, Лаклан и собаки выиграют от этого. Что скажешь? Тебе было бы интересно подобное, если бы у меня получилось?

Кайла моргает пару секунд,

потом выпрямляется.

— Да. Да, конечно! Было бы здорово. Когда торжество?

— В пятницу, — говорит Джессика, и посылает мне твёрдый, пронизательный взгляд. — Насколько я знаю Лаклана, он вполне может все испортить. Это будет не первый раз. В один год он показался там в своей форме, так как пришёл сразу после тренировки.

Я прочищаю горло. Гребаный вечер для сбора средств для приюта. Джессика проводит его каждый год, и я должен появиться там, подписать автографы, познакомиться с людьми, и пропиарить приют. Я обычно беру с собой Лионеля, и он располагают

людей к себе гораздо лучше меня.

— У меня это совсем вылетело из головы, — говорю я им. — Я был занят.

Кайла понимающе улыбается на это.

— Все нормально. Амара уже все мне рассказала. Я просто была не уверена, когда он.

— Всегда в начале сезона. Люди взволнованы по поводу регби, и обычно я могу привести с собой пару членов команды для поддержки. — Я делаю паузу, отлично зная, что Дональд и Джессика смотрят на меня. — Я хотел бы, чтоб ты была моей парой, если ты не против делить меня с Лионелем.

— Ты же знаешь, я не против.

— Он хороший, правда? — тепло говорит Джессика.

— Кто, Лаклан или собака?

Я издаю смешок.

— О, лапочка, пожалуйста, не надо выбирать.

Мои слова заставляют Джессику с Дональдом обмениваться взглядом, который я изо всех сил игнорирую.

Звенит дверной звонок и Джессика поднимается.

— Это, должно быть, Бригс.

Бригс мой брат, и мне сразу же становится не по себе, что я не связался с ним, когда вернулся. У нас очень хорошие отношения, хотя я,

когда был моложе, протащил его, и Джессику с Дональдом, через ад. И лишь недавно он отстранился больше, чем я тогда. Три года назад его жена и ребёнок умерли в ужасной автомобильной катастрофе, и с тех пор он стал другим. Я понимаю его, хотя не могу сказать, что понимаю его горе, не то чтобы я хотел. Но я понимаю, почему он отгораживается от всех. Это не просто боль потери. Он винит себя за аварию, так как перед этим они поругались. Я никогда не выяснял, по поводу чего была ссора, но, по словам, Бригса, этого было достаточно, чтобы винить во всем себя. Иногда мне хочется обратиться к нему, сказать ему, что я

знаю что такое чувство вины, но у меня не хватает смелости упоминать это дерьмо даже про себя.

— Привет, мам, — говорит Бригс, целуя Джессику в обе щеки. Хотя я и зову их родителями, я никогда не мог называть их папа и мама. Не уверен, может это защитный механизм.

Бригс заходит в дом и с удивлением смотрит на всех нас. В Бригсе можно увидеть черты моих кузенов и наоборот. Он высокий и мускулистый, хотя в последнее время выглядит достаточно худым, с яркими голубыми глазами, которые я не могу описать иначе как обеспокоенные. Благодаря Джессике

его скулы резкие и угловатые. Когда он особенно зол, вам определено захочется покинуть комнату. Я могу заставить кого-то замолчать кулаками, он же может заставить замолчать комнату лишь одним взглядом.

— Лаклан, — говорит он, и в его голосе присутствует веселье, которого там не было раньше.

Я поднимаюсь с кресла и обнимаю его, похлопывая по спине.

— Рад видеть тебя, брат, — говорит он, глядя мне прямо в глаза.

— И я тебя.

Он смотрит мне через плечо и, когда видит Кайлу, поднимает брови.

— А это кто здесь?

Ничего не могу поделаться и гордо сияю, глядя на неё. Я, вероятно, выгляжу как полный дурак, но мне все равно.

— Это Кайла. Она из Сан-Франциско.

— Да? — спрашивает он и кивает ей. — Первый раз в Шотландии, да?

— Точно, — говорит Кайла.

— И ты выбрала гидом эту обезьяну? Это мне следует все тебе тут показать, ага? Показать тебе настоящую Шотландию, а не страну глазами этого вспыльчивого игрока в регби, — говорит он с большой улыбкой. Он моментально переходит от образа мрачного типа к шутнику, и

я вижу, как расслабляются плечи Кайлы.

— Бригс, — предупреждает Джессика. — Будь милым.

— Милый - слово из пяти букв, — говорит Бригс и, к счастью, все смеются. Приятно видеть его счастливым, и я понимаю, возможно, остальные рады видеть счастливым и меня.

Вскоре мы собираемся вокруг стола в столовой, пока Джессика готовит ужин, сочную жареную утку, которую как говорит Дональд, он подстрелил в прошлый уикенд на охоте в Шотландском высокогорье. Разливают вино. Мне приходится приложить усилия, но я отказываюсь

и вместо этого наливаю стакан минералки.

Затем разговор переходит на нормальные темы. Дональд рассказывает о его работе с Lions Club, Кайла о жильё в Сан-Франциско и я немного говорю о тренировках. Бригс очень тихий, даже тише меня, пока Джессика не начинает раскладывать еду и не упоминает тот факт, что он получил новую работу.

Я не делаю из этого события, потому что Бригс такой. После аварии он потерял работу учителя и с тех пор искал новую. Я никогда не беспокоился, он сообразительный парень и работяга, просто он через

многое прошёл. Но Джессику распирает от гордости. Могу сказать, что это причиняет ему дискомфорт.

— Поздравляю, — говорю я ему. — Самое время. Выпьем за это.

И может быть, я сказал что-то неправильно, потому что его глаза резко сужаются и он поднимает стакан.

— Выпьем за меня? Нет, нет. За тебя, Лаклан.

Я нахмуриваюсь, и он продолжает, абсолютно искренне:

— Я серьёзно. На самом деле, абсолютно серьёзно. Я не думал, что мы когда-нибудь будем пить за Лаклана и человека, которым он стал.

Чувство

неловкости

расползается в моей груди.

Бригс смотрит на своих родителей.

— Я, правда, не думаю, что мы делали это. Думаю, мы просто открыли свои объятия Лаклану и приняли его назад, но не думаю, что когда-либо говорили ему, как мы горды что он смог побороть свою зависимость.

Мир перестаёт вращаться вокруг своей оси достаточно долго, чтобы я почувствовал себя больным.

— Бригс, — практически шёпотом предупреждает Джессика.

Но Бригс не замечает этого, не замечает, как мои руки сжимаются в

кулаки, как Дональд и Джессика посылают ему предупреждающие взгляды, и Кайла в замешательстве смотрит на меня. Он не обращает внимания на все это, потому что смотрит в свой стакан с пивом. Будто он говорит ему что сказать.

— Мы, правда, думали, что ты ушёл, брат. Мет, героин. Не многие могут убраться с улиц, выбраться из наркотиков, и на самом деле сделать что-то со своей жизнью, но ты. Ты. Ты сделал все, что намеревался сделать. — Наконец он поднимает голову, чтобы совершенно серьёзно посмотреть на меня, не замечая мои огромные дикие глаза. — За тебя, брат. Я рад, что ты вернулся. Рад, что

ты здесь. И я рад, что и она здесь.

Самая неловкая тишина окутывает комнату, словно невидимо одеяло. Все смотрят друг на друга, а затем тянуться к своим бокалам. Я не могу сделать над собой усилие и дотянуться до своего. Я совершенно парализован. Не только от унижения, потому что когда вы годами живете на улице, вы учитесь не иметь никакого стыда. Вообще. Это страх, охватывающий меня, словно тиски вокруг моего сердца, потому что Кайла не знает ничего из этого, и я не был уверен смог бы я когда-нибудь рассказать ей об этом.

Но вот оно, все открылось, и она может задуматься, осудить и

испугаться.

Я не могу даже посмотреть на неё. Быстро извиняюсь, выхожу из-за стола, и иду в ванную через кухню, проходя мимо холодильника, где хватаю бутылку пива и вхожу в ванную, запирая дверь. Я опираюсь на раковину, вдыхая и выдыхая, желая, чтобы боль остановилась, чтобы сожаление затихло, но этого не происходит. Так что, я хлопаю по крышке бутылки, открывая ее о раковину, и за пять секунд выпиваю до дна.

Я стою. Жду. Мечтая, чтоб все это ушло, чтобы пульс прекратил биться в моих венах.

Чем дольше я остаюсь в

ванной, тем хуже мне становится. Я выбрасываю бутылку в мусорку и направляюсь в столовую. Клянусь, этот момент ужасней любого, который был у меня на поле во время регби.

К счастью, какая удача, что они говорят об Обаме и едва замечают, что я вернулся.

Конечно за исключением Кайлы, потому что она замечает все. И нет ни единого шанса, что мне удастся не затрагивать эту тему.

Я решаю уехать пораньше, сразу после десерта, говоря всем, что мне надо вернуться домой к собакам, особенно к Эмили, которая не привыкла оставаться одна. Мы

прощаемся со всеми, хотя я знаю, что мы увидим Джессику и Дональда на вечере. Когда Бригс обнимает меня на прощанье, он притягивает меня ближе и шепчет мне на ухо:

— Если она все ещё любит тебя, то ее стоит удержать.

За это мне хочется съездить по его чертовой физиономии, но я могу лишь зло проворчать в ответ.

Дорога на машине обратно Эдинбург душит своей тишиной. Я пытаюсь сконцентрироваться на дороге, на белой полосе, скользящей под машиной, чёрном шоссе в направлении потока фар. В подобном вечере есть что-то сказочное, после ужина, поздно

вечером, мы едем вдвоём в темноте, но серьёзность ситуации возвращает меня к реальности.

Наконец, я больше не выдерживаю. Прочищаю горло, смотря вперёд, удерживая взгляд на колёсах.

— Хочешь поговорить об этом?
— спрашиваю я низким голосом, с которого сочится неловкость.

Ответ занимает секунды.

— О чем именно?

Я действительно не хочу ничего пояснять ей, но сделаю это, если необходимо.

— О том, что сказал Бригс. Его тост за меня. О человеке, которым я был.

Она шумно вздыхает.

— Точно. Человек, которым ты был. Тогда расскажи мне о нем.

— Ты действительно хочешь знать? — я смотрю на неё, как она кивает, глаза устремлены в темноту за окном.

— Да, — отвечает она. — Я хочу знать о тебе все. Особенно о событиях, которые сделали тебя тем, кто ты есть.

— И кто я, — мягко спрашиваю я, сердце умоляет. — Кто я для тебя?

Он поворачивается ко мне, кожа освещена бледными огоньками приборной панели.

— Ты Лаклан МакГрегор. И ты мой.

Ещё один удар в живот, но на этот раз слаще, со вкусом мёда.

— Пожалуйста, не надо ничего скрывать от меня, — говорит она. — Ты ничего мне не должен, но я...я хочу понять. Хочу быть здесь ради тебя, хочу узнать каждый дюйм, и не только твоего тела, но и твоих мыслей и твоего сердца и души. Ты ведь знаешь, ты можешь доверять мне. Я никуда не денусь.

Но это ложь. Через несколько недель тебя здесь не будет. Ты заберёшь мое сердце и все мои секреты.

Я проглатываю эти слова и киваю.

— Я расскажу все коротко и не

буду приукрашивать, потому что...—
я вздыхаю, руки на руле уже потные.
— Ты должна понять, мне нелегко
говорить об этом. Я ни с кем об этом
не разговаривал, я даже думаю об
этом редко. Есть множество вещей,
которые просто должны остаться в
прошлом, и человек, которым я был,
одна из этих вещей. Но мне нужно,
чтоб ты знала, все это закончилось.
Все, что было тогда, ушло. Ты
должна доверять мне в этом. Ты
доверяешь мне?

— Я доверяю тебе, — шепчет
она.

— Хорошо, — говорю я,
медленно кивая. — Хорошо...ну, э-э...
когда я впервые оказался дома у

Джессики и Дональда, что ж, это казалось слишком хорошо чтобы быть правдой. Ты познакомилась с ними, ты увидела, какие они. Они прекрасные люди. Хорошие люди. Они взяли меня, тощего, разрушенного мальчишку без потенциала к чему-либо, и они усердно работали чтобы доказать мне, что мир не против меня и не все люди плохие. Но...когда это было все, что я только знал, снова и снова, не легко было поверить в новую правду.

Я усиленно моргаю, пытаюсь подобрать слова.

— Они дали мне все, что я только мог пожелать, в том числе честную, подлинную любовь. Но я

никогда не чувствовал себя достойным. Я окончил школу, получил диплом и пытался жить нормальной жизнью. Проблема была в том...люди знали их, они знали, что я не был их сыном, и, несмотря на то, что это редко бывало проблемой, пока какой-то козел не упомянет об этом, в моем мозгу это было чём-то большим и тяжелым. Полагаю, я никогда не доверял им по-настоящему. Я даже никогда не распаковывал сумку, хранил ее у двери, всегда на всякий случай. Потому что слишком много раз меня выбрасывали из приёмных семей или мне приходилось уйти самому. И эти страшные, ужасные, больные вещи,

скрывающиеся в умах некоторых людей, ждущих чтобы поохотиться на тебя, они всегда были там. Я хотел доверять Джессике и Дональде, даже Бригсу, но не мог. В последний год в старшей школе я сорвался. Та же старая история. Я тусовался с неправильными людьми. Крал машины, пил самогон и стрелял в небо из пистолетов. Затем в дело вступили наркотики, и я проводил выходные в Глазго, соблазняя цыпочек, принимая наркотики, живя как человек, которым я знал, как быть. Недостойным, понимаешь? Я не был достоин лучшего.

Я смотрю на неё, чтобы узнать, слушает ли она, и она смотрит на

меня с таким интересом, таким беспокойством, что я практически чувствую как она там со мной, в моем прошлом, держит меня за руку.

Я продолжаю, в горле становится суше.

— Наркотик, который я принимал, был антисексуальным. Ты могла бы подумать это был кокс, но я не такой шикарный. Никогда не был. Это был кристальный метамфетамин. И алкоголь тоже. Кокс по случаю, может какие-то обезболивающие, если кто-то мог достать их. Так или иначе, это было вначале. Вначале вы всегда разборчивы. Когда вы доходите до точки, то крадете мускатный орех с

кухни своей приемной матери, потому что думаете, что он поможет. Может быть, вы будете закладывать ее украшения и меха. Может быть, украдёте каждую частичку их жизни, жизни, которую они дали вам, чтобы спасти вас, может, вы просто выбросите все это в окно. Потому что вы гребаный эгоистичный трус. Без яиц. Потому что все, до чего вам есть дело в этом гребаном мире, рушится, и каждая клеточка вашего существа исчезает. Все так и есть. Ваша жизнь стирается, словно информация исчезает с карты памяти. Я принимал наркотики, упал и лгал, причинял боль и ранил и ранил и ранил, пока карта не стала

пустой, и ничего не могло причинить мне боль.

От всего этого я практически задыхаюсь. Единственный звук в машине исходит из моих лёгких, пытающихся всосать воздух, осознать то, что я только что сделал. Я только что рассказал Кайле самое худшее, что можно. Я просто рассказал ей, единственной женщине, которая когда-либо волновала меня, что я пал глубоко, безумно, и что я был наркоманом. Нет ни единого шанса, что ее мнение обо мне не измениться навсегда. Правда не заставляет меня чувствовать себя лучше потому что это тот тип правды, который никогда не должен видеть свет.

Минуты идут. Тяжело. Кровь громко пульсирует в голове, и я должен вернуть контроль, чтобы вести машину. Я продолжаю смотреть на дорогу, слишком боясь взглянуть на неё, но и страшась тишины.

— Бригс сказал, ты жил на улице, — тихо говорит она, и я не могу понять, чувствует ли она отвращение или пребывает в шоке.

— Ага, — кивая, говорю я. — Когда ради наркотиков вы закладываете вещи ваших приёмных родителей, их терпение очень быстро истончается. Они делали то, что могли. Я провёл их буквально через ад, прежде чем сам попал туда.

Всегда были ссоры. Я кричал и плакал. Я был таким гребаным мудаком, это просто невероятно. Просто жалкий кусок дерьма. Я не могу...не могу даже сказать насколько ненавижу себя, Того себя, того человека которым был, и все, что я делал. Знаешь, они поступили правильно. Выдвинули мне ультиматум. Вот как ты благодаришь нас за то, что мы взяли тебя? Тогда завязывай или убирайся. И я выбрал убратся. Так или иначе, я всегда этого заслуживал. А это значит - оказаться на улицах. И там я жил несколько лет.

— Несколько лет? — с придыханием говорит она.

Я даже не могу проглотить этот стыд.

— Да. Иногда в ночлежках, иногда на улицах. Я и бродячие собаки, мы были одинаковы. Но собака просто пытается жить, пытается выжить. Я не пытался жить. Я пытался умереть.

И я почти умер. С Чарли это случилось. Чарли умер. На его месте мог быть я. На его месте должен был быть я. Но я не могу даже произнести его имя.

— Твою мать, — ругается она и удивляет меня, кладя руку на мою и сжимая. — Я и понятия не имела. Я знала, что у тебя были проблемы, имею в виду даже просто то, что тебя

усыновили. Но это? Это... я не могу, — она замолкает и качает головой. — Ты просто настолько чертовски сильный.

Я таращусь на неё, нахмурившись.

— Сильный?

— Да, — решительно говорит она. — Ты сильный. И храбрый. Может даже чудесный. Как ты, нахрен, попал оттуда прямо сюда? Со своей карьерой и Ровером! Как это произошло?

Я качаю головой.

— Кое-что произошло. Это не длилось всю ночь. — Но произошло той ночью. Одной ужасной ночью. — В один день я просто пришёл к

Джессике и Дональду и сказал, что мне нужна помощь. Я умолял их. Я на коленях умолял их спасти мне жизнь, взять обратно. Я тогда, наконец, понял, что не хочу умирать. Я хотел жить. И если бы они были другими, они бы просто отвернулись от меня. Я был не их сыном и они были ничего не должны мне. Но они так не поступили. Они приняли меня. Чтобы избавиться от мета и других наркотиков, я отправился в реабилитационный центр. Сфокусировался на физическом. Знаешь, так часто бывает, когда ты надругался так много над своим телом, тебе хочется все исправить. Я стал фанатом спорта и здорового

образа жизни, и, в конце концов, присоединился к местной команде по регби. Понимаешь, регби стало моей новой страстью? У меня была скорость, сила и тот гнев, который я теперь знаю, никуда не уйдёт, и вся эта комбинация была словно супер топливо. Я стал действительно хорошим, действительно быстрым. Остальное уже история.

— Кое что я знаю, — говорит она. — Я понятия не имела. И мне жаль, что я не знала.

— Вообще-то я никогда не хотел рассказывать тебе об этом. Я мог бы прибить Бригса за то, что упомянул это, даже если он сделал это без злого умысла.

— Я могу понять почему ты хотел сохранить все внутри, но...разве это не выматывает? Разве тебе не причиняет боль то, что ты скрываешь от мира такую большую часть себя?

Я пожимаю одним плечом.

— Может быть.

— Я рада, что ты рассказал мне, — говорит она, двигаясь на сиденье и проводя рукой по моим волосам. — Я больше не хочу, чтоб ты боялся быть честным со мной.

— Даже если это значит, что ты можешь захотеть убежать от меня?

— Я никогда не убегу от тебя, Лаклан. Я побегу к тебе. Всегда.

Господи, как бы я хотел, чтоб

это было правдой.

Когда мы, наконец, добираемся до города, я устал и эмоционально опустошён. Кайла говорит мне идти в постель, она выведет собак. Я хочу возразить, но вижу по ее глазам, что она хочет сделать это для меня, такая простая вещь, которая так много значит. Она чертовски заботится обо мне. Она не убегает. Я даже не знаю, как справиться со всем этим.

Я ложусь в постель и заставляю себя бодрствовать достаточно долго, пока не слышу, как она вернулась с прогулки. Я могу слышать, как она разговаривает с собаками в другой комнате, где они располагаются на диване, чтобы поспать, перед тем как

отправятся в собачью кровать, а затем и в нашу. Есть что-то комфортное, мирное в том, чтобы слышать, как она все выключает, убирает и готовится к ночи. В другом мире, милосердном мире, это будет не первый раз и не последний. Все эти ночи будут повторяться, и повторяться и она будет засыпать в моих объятиях со всей моей темнотой, демонами и уродством, в безопасности хранимыми ее сердцем. В идеальном мире, она удержит их там, далеко от меня, так чтобы она могла понять меня лучше, и я никогда не узнаю снова что такое боль.

Она охотно укроет мою правду

внутри себя.

Я охотно позволю ей
попытаться.

Но мир не идеален.

Я просто не знаю, в каком мире
мы находимся сейчас.

Глава 21

КАЙЛА

— Ты уверен, что никто не собирается стягивать с тебя штаны?
— спрашиваю я Лаклана, пока мы выбираемся и Рендж Ровера. Должна признать, я ужасно нервничаю по поводу того, что увижу, как он играет, хотя он не в курсе. На самом деле, я беспокоюсь о многих вещах, но об

этом ему тоже не известно.

— Никаких обещаний, — говорит он, указывая подбородком на внушительный стадион перед нами. — Вот он. Дом Эдинбург Рагби.

Должна признаться, утром я была удивлена, когда он попросил меня посмотреть на его тренировку. После вчерашней ночи, ужина с его приёмной семьёй, и исповеди в машине, я ожидала, что он отстранится от меня, возведёт барьеры и увеличит дистанцию.

Но этого не случилось. Утром, несмотря на то, что утренний стояк не был чём-то необычным для последних семи дней что я в Эдинбурге, он был очень

ненасытным и чрезвычайно ласковым. Но на этот раз все было как-то по-другому. Я чувствовала, что он хочет не только обладать моим телом, но и всем, что к нему прилагается. Манера, с которой его взгляд прожигал меня, был сродни величайшей жажде.

Совершенно очевидно, что я не жаловалась. После случившегося прошлым вечером, мне самой надо было почувствовать себя ближе к нему.

Я не могу лгать, то, что он сказал, напугало меня, и, в то время как я думала, что поняла его, по крайней мере, немного, все это пристрастие к метамфетамину и

жизнь на улице просто убили меня. Все было намного, намного хуже, чем я могла себе представить, и с каждым искренним, неподдельным словом, выходявшим из его рта, мое сердце разрывалось. Не удивительно, что он был настолько напряженным, таким разбитым, таким неверно понятым. Мужчина прошел весь ад вдоль и поперек, и, несмотря на то, что он, словно феникс из пепла, поднялся, чтобы стать человеком, которым стал, дым все еще липнет к нему. Я это чувствую.

И это меня пугает. Страх, что еще не все кончено. Потому что, как это может закончиться? Как человек может пройти через все это и так

легко отделаться? Вы не можете. Даже с самой лучшей терапией и лучшими лекарствами сможете ли вы когда-нибудь справиться с тем, что от вас отказались, усыновили, с наркотиками и бродяжничеством. Одна вещь ужаснее другой, и просто тот факт, что он жив и здоров, удивляет меня.

Но я не хочу жить в страхе за него, и не хочу верить, что в любой момент он может оступить, даже если я недостаточно наивна, чтобы игнорировать некоторые вещи, такие как его отношения с алкоголем. Я хочу, чтобы он продолжал быть сильным, могучим, великодушным. Гордый зверь. Я хочу, чтобы он не

стыдился того, кем он был, потому что это лишь сделало его удивительным человеком. Хотя я и знаю, он думает совершенно по-другому, знание правды о Лаклане заставило мое уважение к нему взлететь до небес.

И теперь, теперь я действительно понимаю его страсть к собакам, то, что он спасает «плохих собак», которых отвергли и забыли. Он, в прямом смысле слова, жил так же, как и они, завися от доброты незнакомцев.

Тем не менее вот она я, собираюсь пойти на стадион, где буду свидетелем того, как он вытащил себя из под обломков.

— Теперь я должен предупредить тебя, — говорит он мне, проводя ключом-картой по замку у одного из задних входов. — Ты можешь заснуть. Мы еще не совсем разыгрались. Я сегодня буду работать над увиливанием от ударов, особенно учитывая, что у меня есть склонность сбивать людей.

— О, я знаю, — весело говорю я. — Я прочитала это на твоей странице в Википедии.

Он стонет.

— У меня есть такая страница?

— Это лишь означает, что у тебя все получается.

— Чтоб тебя! Так или иначе, я не могу больше сбивать людей, без

риска нанести травму себе, так что увиливание мне пригодится.

— Я смогу, по крайней мере, увидеть тебя в схватке? — спрашиваю я, когда мы идем по промозглому, цементному туннелю к освященному зеленому полю в конце.

— Неа. Но наблюдай за схваткой. Подожди и увидишь, что произойдет. — Он искоса смотрит на меня, поджав эти полные губы. — Разве ты не помнишь о регби ничего из того, чему я тебя учил?

Я резко смеюсь.

— Давай посмотрим правде в глаза. Я просто пыталась флиртовать с тобой, может быть получше

рассмотреть твою задницу.

— Если я правильно помню, ты определенно флиртовала со мной.

Я закатываю глаза.

— Ну что ж, тогда ты, кажется, не знал об этом.

Он останавливается и притягивает меня к себе.

— Я знал это и тогда. Просто мне надо было набраться смелости, чтобы предпринять что-нибудь. — Он целует меня в лоб, и мы продолжаем идти.

Мы пришли немного рано, так что он ведет меня на трибуны, где выбирает мне хорошее место.

— Ты достаточно близко, чтобы слышать как Алан, наш тренер,

кричит на нас, и особенно на меня, и у тебя будет возможность увидеть всех. Я лучше пойду в раздевалку.

Я с тревогой хватаю его за руку.

— Что, ты уже уходишь?

— Я скоро вернусь. Туда, вниз, — он указывает на поле. — Постарайся не уснуть.

Он скачет вниз по лестнице, и я смотрю, как подпрыгивают мышцы его задницы, пока он идет. Через несколько минут, когда понимаю, что пройдет еще время, прежде чем все это начнется, я достаю телефон и начинаю писать е-мейлы. Я пишу Стеф и Николе, очень сильно желая пересказать им то, что рассказал мне Лаклан, но знаю, им не нужно знать

это и даже понимать. Это прошлое Лаклана, которое он доверил мне, и я это уважаю.

Я так же пишу маме. Последнее письмо, которое я получила от нее, было несколько дней назад. Она сказала, что скучает по мне, это адски ранит, но у нее все отлично и ее навещали Тошио и Шон. Она не упомянула других моих братьев, Никко, Пола и Брайана, поэтому я так же пишу Тошио, чтобы узнать, сможет ли он напомнить им. После всего того, что Лаклан сказал мне, я чувствую себя странно хрупкой и слабой внутри, и моя потребность знать, что все будет хорошо сильнее, чем когда-либо. Я бы хотела, чтобы

здесь была машина для телепортации, чтобы я могла вернуться обратно, лишь на минуту, и подарить маме длинное объятие. Такие объятия исправляют все.

Но это невозможно, и вместо этого я сижу на трибунах пустого стадиона, в ожидании мужчины, в которого безнадежно и беспомощно влюблена. Мне ненавистно то, что я не могу иметь все, и ненавистно, что природой так устроено, хотеть больше, когда, наконец, вы получаете что-то стоящее.

Наконец снизу раздается крик, и я прекращаю писать письма, чтобы вытянуть шею и увидеть кучу больших здоровенных мужчин,

выбегающих на поле в обтягивающих футболках и шортах. Лаклан находится в конце, разговаривая с мужчиной небольшого роста в ветровке, почти таким же широким, как и он сам. Предполагаю, это Ален, тренер.

Я не могу отрицать, что, при виде Лаклана на поле в той одежде, которая подчеркивает каждый толстый, жилистый дюйм его мышц, мое тело делает двойное сальто назад. Он чертов бог и божество, с которым я сплю. Я должна ущипнуть себя, даже если мой собственный пульс грозит выйти за рамки.

Хотя он идет в знакомой манере, здесь он держится по-

другому. Гордо. Более уверенно. Он ведет себя так, словно владеет полем, владеет самой игрой. Если бы я была девушкой и жила здесь, я бы приходила на каждую игру, чтобы понаблюдать за ним. На самом деле, не удивлюсь, если половина стадиона состоит из девушек, желающих заполучить Лаклана МакГрегора.

Тренировка сама по себе не очень интересная. На поле около дюжины людей, тренер чередует их, и они играют каждый по несколько минут, а затем составляет игроков парами для работы над упражнениями. Как Лаклан и сказал, он проводит много времени, работая

с мячом, увиливая от игроков, бегущих на него. Он обходит их, иногда вынуждая упасть плашмя на лицо, иногда отбиваясь от атаки. Иногда он не обходит их и просто движется на оппонента. Я могу сказать, что он в последнюю секунду отстраняется и не ударяет его со всей силы. Если бы это была настоящая игра и это не был бы его товарищ по команде, он бы врезался в него, уверена, он бы вообще не сдерживался. Он, на самом деле, зверь.

И он охрененно быстрый. Хотя он и не участвует постоянно, и часто проводит много времени, находясь по краям поля, когда он передает мяч,

то мчится по полю так, словно собирается взлететь. Удивительно, как человек его роста может бегать так чертовски быстро, эти мускулистые ноги работают словно машина.

Я в прямом смысле могу сидеть здесь несколько часов, наблюдая за ним. Я не могу отвести глаз. Он настолько увлечен игрой, что лишь несколько раз смотрит на трибуны. Но когда он видит меня и кивает мне, я ловлю себя на том, что застенчиво машу ему словно школьница.

Трудно даже представить его худого и костлявого на улицах, употребляющего наркотики и чувствующего себя безнадежным. На

поле находится совершенно другой человек.

В конечном итоге тренировка заканчивается, и пока все направляются обратно под трибуны к раздевалкам, он бежит вверх по лестнице ко мне, неутомимый, и перепрыгивает сразу через две ступеньки за раз.

— Как дела? — спрашивает он, пот сверкает на его нахмуренном лбу, пока он стоит рядом со мной.

— Хорошо, — говорю я ему. — Ты как...регби машина.

Он смотрит на поле, морщась, пока вытирает пот со лба.

— Да? Я себя так не чувствую.

— Что ж, но ты *выглядишь* как

она. Я...счастливица. Мне повезло. Ты удивительный. Ты впечатлил меня настолько, что я из штанов готова выпрыгнуть.

Он смотрит на меня, уголки его рта поднимаются вверх

— Это так?

— Я никогда не хотела тебя больше, чем сейчас, — честно говорю ему.

Он усмехается.

— Отлично. Ну, это я могу организовать. Ты не против, если сначала я схожу в душ?

Я нахмуриваюсь.

— Ты на самом деле серьезно сейчас о сексе со мной?

— Лапочка, я всегда серьезен,

когда речь идет о сексе с тобой. И да. Может я всегда фантазировал о перепихончике в раздевалке.

Черт. И меня внесите в список. Как будто я уже не возбуждалась, наблюдая, как он становится потным на поле, утверждая свое господство, теперь он смотрит на меня взглядом, который можно описать лишь как расплавленный.

— А как насчет твоих товарищей по команде? Я не *настолько* эксгибиционистка.

— Рад это слышать, — говорит он. — Есть еще раздевалка для другой команды. Она вероятно открыта. — Он наклоняется и берет меня за руку, поднимая на ноги. —

Кстати, сегодня Тьерри, мой хороший товарищ по команде, пригласил нас в паб. Он хочет с тобой познакомиться. Хорошо?

Я однозначно польщена тем, что его товарищи по команде знают обо мне.

— Конечно.

— Хорошо, — говорит он, нежно целуя меня в губы и издавая приятный звук. — Я хочу показать тебя всем, кого я когда либо знал или встречал, — шепчет он мне в рот.

Я практически таю и жадно целую его в ответ, наши языки сплетаются, желая, чтоб он почувствовал себя так, как он заставляет меня чувствовать себя. Я

даже не уверена, как описать то, что он со мной делает.

Он ведет меня вниз по лестнице и через поле, в сторону туннеля на противоположной стороне. В середине я останавливаюсь, глядя вокруг, представляя себе, на что это похоже быть Лакланом, выходить сюда на глазах тысяч поклонников, смотрящих на меня сверху и подбадривающих меня. Не знаю, как он делает это, думаю, он попадает словно в какую-то отдельную зону.

Думаю, иногда он делает это со мной. Словно он видит лишь меня и ничего больше, будто я весь его мир, единственное что существует для

него.

Даже сейчас то, как он посмотрел на меня, как он ведет меня в затемненный туннель, я чувствую себя поработанной его энергией. К черту. Я поработана всем в нем. Его красотой, темнотой. Его членом. Определенно, его членом.

И, безусловно, сейчас.

Он подводит меня к двери и дергает ручку, но она не поддается. Он немного отталкивает меня назад, смотрит в обоих направлениях по туннелю, а затем пинает дверь.

— Вау, ты уверен, что это... — начинаю говорить я, но взгляд его глаз заставляет меня замолкнуть, и

он практически заталкивает меня в комнату. Он закрывает за собой дверь и включает свет.

Здесь все выглядит так же как и в любой раздевалке, которую я видела. Шкафчики, скамейки, душевые в конце. И, к счастью, здесь никого нет. Я смотрю назад на Лаклана, и он уже снимает потную футболку и бросает ее на цементный пол. Его ботинки, носки, шорты идут следом. Абсолютно голый.

— Я, э-э, думала, ты всегда одеваешь белье во время игры, — говорю ему, мои глаза тянутся к его массивной эрекции, которую он держит в руке, медленно поглаживая, вверх и вниз, прожигая меня

опасным взглядом. — Знаешь. Ну, потому, что шорты тянут вниз...

Но мои слова затихают, потому что вид его в раздевалке, с одеждой для регби, валяющейся на полу рядом, всеми его великолепными татуировками и накачанными мышцами, выставленными напоказ, делает меня глупой. Боже, тот факт, что я только что видела все, на что его тело способно на поле, и теперь он собирается показать мне все, что может сделать со *мной* здесь. Я практически задыхаюсь при мысли об этом и знаю, я уже мокрая, как грех

— Мне нравится менять свое мнение, — бесцеремонно заявляет

ОН.

Я расстегиваю джинсы, стоя напротив него, сдвигая их вниз по бедрам, собираясь выйти из них.

— Нет, — хрипло говорит он, в его глазах блеск. — Оставь их вокруг лодыжек.

Я наклоняю голову и моргаю. Что у него на уме?

Он шагает мимо меня, держа член в руке, и направляется в душ. Включает один из них и входит в кабинку, позволяя воде струиться по массивному телу. Его поглаживания усиливаются, и я, мучаясь, смотрю, как его кулак скользит от толстого основания к фиолетовому, набухшему кончику.

— Просто смотри, — сквозь стон произносит он, голова откидывается назад, бусинки воды льются по горлу, вниз по накачанной груди, прокладывая путь к прессу. — Я хочу, чтоб ты умоляла о нем.

— Я *молю* о нем, — говорю я, чувствую себя немного смешно, стоя здесь с джинсами и трусиками вокруг ног, наблюдая, как он дрожит в душе. Я больше всего на свете хочу опуститься на колени, положить этот вкусный член себе в рот, позволив воде обрушиться на меня. Меня не волнует, что я стану мокрая. Я хочу заставить его *кончить*. Предпочтительно у меня во рту, но возьму то, что смогу получить.

— Забирайся на скамейку, прямо сюда, — командует он, открывая глаза, пока вода стекает по голове, увлажняя его волосы, рот с этой пухлой нижней губой приоткрыт, просто напрашиваясь на неприятности. Он практически пожирает меня взглядом.

Я делаю, как он говорит, вставая на колени. Это так чертовски возбуждающе, когда он такой властный. Весь этот сценарий словно порно, так и ждет, чтоб его сняли.

— Повернись, — говорит он, выключая душ. — Лицо в другую сторону.

— Я бы предпочла смотреть на

тебя, — говорю я ему. — Ты себя видел?

Небольшая ухмылка появляется на его губах.

— Делай, как я говорю.

Я пристально смотрю на него.

— А можем мы оба выиграть?

— Ага. Ты выиграешь. А теперь, повернись. — Он стремительно идет ко мне, член с каждым шагом подпрыгивает, в глазах опасность.

Я подчиняюсь, но лишь потому, что знаю, это купится.

Жду, попа в воздухе, верхняя часть тела одета, ненадежно балансируя на скамейке.

Я слышу, как он подходит

сзади, чувствую его присутствие. Его тени нависают надо мной, и я инстинктивно хватаюсь за край.

Секунду идут, и я умираю от нетерпения. Я словно с завязанными глазами, каждая часть меня в состоянии боевой готовности и ждет, что за грешные вещи сейчас произойдут.

Я открываю рот, чтобы попросить и вдруг...

ШЛЕПОК.

... его большая, сильная, влажная рука шлепает мою задницу с такой силой, что я чуть не падаю со скамейки.

Я визжу, громко.

Это *жалит*.

О боже, кожу жжет, и мои глаза начинают слезиться.

Но затем боль начинает исчезать так же быстро, как и пришла, и я тяжело дышу, грудь вздымается, ожидая большего.

— Тебе нравится? — спрашивает он, голос хриплый и низкий, отражает каждую грязную мысль у него в голове.

Я перевожу дух.

— Да.

ШЛЕПОК.

Он снова шлепает меня, другую половинку.

Моя спина выгибается, и я кричу:

— Охренеть.

Голову жжет, словно она собирается лопнуть, и задницу покалывает от ударов, но я никогда за всю свою жизнь не чувствовала себя более грязной и более сексуальной. Это не ощущается игрой, а лишь возбуждающе реальным.

Он кладет руку мне на бедро, и я вздрагиваю от его прикосновений, ожидая большего. Держится за меня, и я чувствую как головка его члена, все еще влажная от душа, скользит по моей чувствительной, горячей коже, там, где он шлепал меня.

Если он пытается успокоить меня своим пенисом, то это не работает. Это лишь раздражает меня. Я хочу его глубоко, глубоко внутри,

пока не перестану здраво мыслить.

Я говорю ему это, и из его горла вырывается неразборчивое ворчание.

Он отстраняется от меня и снова шлепает по моей заднице, сильнее, чем раньше.

— Черт! — кричу я, но потом, прежде чем могу даже переварить боль, его язык оказывается на моей попке, мягким поглаживающим движением облизывая каждый след от удара. Он стонет в меня, и я возбуждаюсь еще больше. От смеси боли и удовольствия мне становится трудно контролировать себя, и я дергаю бедра вверх и назад, желая его.

Он все понимает правильно.

Сжимает мою талию обеими руками, почти полностью обхватывая меня, вот насколько он больше, в сравнении со мной.

Я такая чертовски мокрая, что все, что он должен сделать, это продвинуться на дюйм вперед и он скользит внутрь.

Это ощущается.

Слишком.

Офигенно.

Хорошо.

Угол это все. Он толкается в меня до конца, и я чувствую, как расширяюсь вокруг его толщины, его член проходится по каждому дикому нерву внутри меня.

Из моего рта вылетают

длинные, ноющие стоны.

— Тебе ведь это тоже нравится, да, — ворчит он. — Твои жадные маленькие звуки и твоя маленькая жадная киска.

Я задыхаюсь, крепче сжимая край скамейки, но мои руки настолько потные, что я могу сорваться. Если он отпустит мою талию, я улечу, потому что мои ноги несвободны, и я так наполнена им, растягиваясь как шелк, что сейчас для меня не имеет значение ничего, кроме того, чтобы быстро и сильно кончить.

Он врывается в меня, его бедра кружатся, каждый раз попадая в нужное место, и ощущение внутри

меня растет и натягивается, пока я не чувствую, что могла бы упасть в обморок. Наша кожа громко хлопает друг о друга, бешеный саундтрек к нашему анималистическому траху.

Одним плавным движением он тянет меня за бедра повыше, наклоняясь вперед и одним длинным, сильным толчком ударяет по моей точке G с идеальным трением.

Напряжение рвется, нити слишком натягиваются.

Я кричу, раскрываясь и рассыпаясь, пока не перестану бояться, что от меня ничего не осталось, лишь горячая кровь и чистый инстинкт.

Он стонет, пока я пульсирую вокруг него, и его темп ускоряется. Он вбивается в меня так жестко и тщательно и сурово, словно снова и снова наказывает меня. Я все еще плыву по волнам оргазма, каждый безжалостный толчок продолжает удерживать меня на волне, будто я буду кончать, пока он будет так глубоко во мне. Я парю так высоко, так высоко, что не могу спуститься, даже если бы попыталась.

Это чистое, первобытное блаженство.

— Ты, черт возьми, губишь меня, лапочка, — рычит он, такой дикий и отчаянный в своем ритме, а затем замедляется с одним тяжелым

толчком. Его пальцы впиваются мне в кожу, достаточно сильно, чтобы оставить синяки и его громкий, неистовый стон наполняет комнату, сплетаясь с моим собственным.

— Черт, — грубо выдыхает он.
— Ты меня уничтожила.

Он замирает, капли пота падают мне на спину, наше тяжелое дыхание звучит в унисон, и такое чувство, что ему приходится с трудом вырвать пальцы из моих бедер, потому что он сильно вцепился в них.

В конце концов, он выходит, и я чувствую, как сперма стекает вниз по моей ноге. Он кладет руку мне на бедро, вытирая меня, а затем

наклоняется вперед, оставляя нежные поцелуи вниз по моей спине.

— Спасибо, — тихо говорит он, голос хриплый, как если бы он выпил галлон бензина. — Я никогда этого не забуду.

Порка и секс в раздевалке со звездой регби? Ага. Я тоже не собираюсь забывать об этом.

Я рада, что вечером иду в настоящий паб с Лакланом и его друзьями, хоть немного и нервничаю из-за того, что Лаклан открыл мне прошлой ночью. Я не говорю об этом, потому что не хочу, чтоб он

думал, что я наблюдаю за ним, и я помню, что он сказал мне в Напа, о его отношениях с алкоголем. Я просто должна верить, что он знает, что делает. Он сказал, что все закончилось, он не сорвется, и я просто должна верить ему.

Я провожу некоторое время, пытаюсь выбрать наряд, подходящий для подружки звезды регби. Не то чтобы я его подружка, но...черт. Не уверена, кем еще мне следует быть.

— Ты готова? — Спрашивает Лаклан, когда я в миллионный раз примеряю белый кружевной топ. Я остановилась на скинни и каблуках, но все еще чувствую, что этого не достаточно.

— Тыфу, — говорю я, скривившись глядя на себя в зеркало. — Я не знаю. — Поворачиваюсь к нему лицом, пока он прислоняется к двери ванной. — Я нормально выгляжу?

Он поднимает бровь.

— Ты издеваешься?

— Нет, я не *издеваюсь*, хотя до сих пор не уверена, что это значит.

Он качает головой, подходя ко мне. Изучает мое лицо, недоверчиво моргая, прежде чем убрать волосы с плеч. Мои глаза закрываются, отдаваясь его прикосновениям.

— Это значит, что ты сумасшедшая, если думает, что плохо выглядишь, — говорит он ворчливым

голосом. — И что я никогда не буду думать, что ты не иначе, кроме как, красивая.

— Ты знаешь, как говорить правильные вещи, — говорю я, и он оставляет поцелуй на моей шее, заставляя меня дрожать.

— Потому что я с правильной девушкой, — говорит он у моей кожи.

Я сглатываю, пытаюсь найти в себе мужество, чтобы ответить.

— Кстати об этом, — мягко говорю я. — Я твоя девушка?

Он делает паузу и отодвигается, наблюдая за мной, брови сведены вместе.

— Ты о чем?

— Я твоя девушка? Хочу

сказать, мы ведь на самом деле никогда по настоящему не обсуждали наши отношения, кто мы друг другу, и так... Не хочу быть излишне самоуверенной и считать себя для тебя кем-то большим, чем есть на самом деле. Так что я просто хотела знать, чтобы мне все было понятно, ну понимаешь... что ты чувствуешь по этому поводу.

О боже. Я бессвязно болтающая дурочка.

Он смотрит на меня долгим взглядом, заставляющим меня вздрогнуть. Наконец, говорит:

— Я пригласил тебя поехать со мной в Шотландию. Я купил тебе билет на самолет лишь *надеясь*, что

ты приедешь. Кайла...ты моя девочка. Ты мой прекрасный мир. И я все, кто угодно для тебя, кем ты хочешь, чтоб я был, и знай, что я никогда, ни разу в жизни не чувствовал к кому-то что-то похожее. — Он опускает лицо, глаза фокусируются на моих губах. — Я теряюсь в тебе. Каждый день. И это самое замечательное и самое пугающее чувство в мире. Если быть честным, я начинаю немного сходить с ума от моей привязанности к тебе. Не знаю, буду ли я снова в своем уме.

Иисус. Мое сердце находится вблизи горения. Его слова, как солнце, прогоняют все страшное и темное. Это все, что я хочу услышать.

Я прочищаю горло, пытаюсь вести себя спокойно.

— Так я твоя девушка или как?

Он улыбается мне.

— Ты моя девушка. Моя девочка. Моя женщина. И я весь твой.

— Мой мужчина, — говорю я, целуя щетину на его щеке. — Мой зверь. — Я делаю паузу. — Мой сексуальный раб.

— Чертовски верно, — говорит он, прежде чем поцеловать меня таким глубоким поцелуем, что он крадет мое дыхание.

Довольная тем, что выгляжу хорошо, по крайней мере, для него, я хватаю сумочку, и мы уходим в ночь.

Лаклан вызывает такси, и всего через десять минут мы на Грассмаркет, направляемся в паб. Этот находится в подвале, хотя внутри много тикового дерева и оранжевые в зеленую клетку сиденья.

Лаклан кивает головой на стол у середины комнаты, где сидят его товарищи по команде. Я узнаю их обоих, несмотря на то, что раньше видела издалека.

— Привет, привет, — говорит один с крючковатым носом и копной темно-рыжих волос. Другой, с оливковой кожей и мрачно красивый, лишь кивает с застенчивой улыбкой.

— Джон, — говорит Лаклан рыжему, а затем кивает на другого. —

Тьерри. — Он произносит его имя как «Тиа-ерри», что звучит для меня ужасно по-французски. — Это Кайла.

— Ага, — говорит Тьерри низким голосом, и посмотрите, у него ужасный французский акцент. — Приятно, наконец, с тобой познакомиться. Должно быть, это ты причина того, почему Лаклан был неуклюжим на тренировке.

Лаклан посылает ему презрительный взгляд, который заставил бы любого другого человека вжаться в кресло, но Тьерри лишь медленно улыбается нам, довольный собой.

— Оу, — говорит Джон, пихая

Тьерри локтем в бок. — Тебе лучше следить за своим ртом, приятель, или я расскажу Лаклану все о твоих последних похождениях за прошедшее лето.

— Последних похождениях? — Повторяет явно заинтересованный Лаклан. Он садится напротив и кивает мне, чтоб сделала то же самое. — Что я пропустил?

Тьерри закатывает глаза, но ничего не говорит. Скрещивает руки на широкой груди и смотрит в сторону.

— Слушай сюда, — говорит Джон, наклоняясь вперед с глуповатой ухмылкой. — Я узнал об это лишь несколько минут назад, так

что ты не можешь винить меня, что у меня все свежо в памяти, но, оказывается, летом дома в Париже, Тьерри встретил девушку. Она разбила его чертово сердце, хотя, если знать нашего Тьерри, вероятно, это он сломал ее. Всегда играешь жертву, а, Тьерри? На поле и за его пределами.

Лаклан усмехается и посылает мне заговорщический взгляд.

— Тьерри это то, что мы называем бабник, так что даже мысль о том, что кто-то способен разбить ему сердце, почти радостная новость.

Я смотрю на Тьерри и сразу же понимаю, почему он разбивает

сердца. Он не так высок и не так сложен как Лаклан, и у него лишь парочка татуировок на бицепсе, но с темными глазами, медовой кожей, мягкими губами и густыми черными волосами, он довольно запоминающийся. Если бы я не была привязана к самому великолепному, великодушному мужчине на планете, я бы немного пофлиртовала с ним. Он, безусловно, выглядит так, словно создан для скорости и ловкости

— Итак, — кивая, говорит ему Лаклан. — Хочешь поговорить об этом?

Тьерри посылает ему холодный взгляд.

— Верно. С тобой в первую

очередь.

Лаклан пожимает плечами.

— Справедливо.

— Хотя, должен сказать, удивлен, что ты посмел привести эту прекрасную женщину познакомиться с нами, — говорит Тьерри. Он виновато улыбается мне, — игроки в регби известны отсутствием изящества.

— Только французские игроки в регби, — шутит Джон. — Видела бы ты его, когда он делает попытку. Он практически танцует бальные танцы на линии, как чертов слюнтяй, танцующий вальс.

— Что ж, я тоже не очень изящная, — говорю я им. —

Вероятно, поэтому у меня так хорошо получилось поладить с Лакланом.

— Поладить? — Повторяет Джон. — Ты говоришь как он.

— Я собираюсь купить тебе выпить, — говорит Лаклан и быстро отходит от стола. Я не пропускаю предупреждающий взгляд, который он посылает товарищам по команде.

Они, конечно же, игнорируют его.

— Итак, где ты познакомилась с Лаком? — спрашивает Джон. — Не говори мне, что в Америке они играют в регби.

— На самом деле, так и есть. Он ненадолго присоединился к начинающей лиге, — говорю я им.

Тьерри смеется.

— Хотел бы я это увидеть. Должно быть, это была игра в одни ворота.

— Он пытался преуменьшить свои возможности, но не думаю, что это сработало. — Я обращаюсь к Джону. — Я познакомилась с ним через друзей. Две мои лучшие подруги вместе с его кузенами.

— Ха! — говорит Джон. — Кажется, мне надо поехать в Америку, чтобы встретить хорошую женщину.

— Нет. — Тьерри указывает на него своим пивом. — Тебе надо поехать во Францию.

Он качает головой.

— Говорят, они там все сердцеедки, так что нет, спасибо. Кайла, ты знаешь, глубоко внутри, мы все кучка простачков, ищущих любовь в неправильных местах.

Я пожимаю плечами.

— Разве мы не все такие?

Они оба обмениваются вопросительными взглядами. Тьерри наклоняет голову в мою сторону.

— Думаешь, ты ищешь в неправильном месте?

Я не уверена, как быть с подобным вопросом, потому что он странно серьёзен для того, что мы только что обсуждали.

— Надеюсь, что нет, — говорю я им, как раз когда Лаклан

возвращается, ставя две больших пинты темного пива на стол, пена растекается по краям.

— Прости, лапочка, — говорит он мне. — У них нет сидра, а их домашнее вино дрянь.

— Все нормально, — говорю я ему, на самом деле дома всему остальному, предпочитая темный шотландский эль.

— Надеюсь, они не доставили тебе неприятностей, — говорит он, осторожно глядя на них обоих.

— Они? — Спрашиваю я. — Они просто милашки. — Я поднимаю бокал. — За вас, простачки.

Мы все чокаемся, и как по

команде, музыка в пабе становится громче.

Заходит ещё больше людей.

Небо за узкими подвальными окнами темнеет.

К тому времени, как я разделалась со своим гигантским пивом, Лаклан пьёт уже третье, так же как Тьерри и Джон.

Они все пьяные и я изо всех сил стараюсь догнать их. Суть в том, что здесь группка девушек, строящих глазки Лаклану и Тьерри, грохочет музыка, и я словно выпала из этого пьяного разговора. Они пытаются вовлечь меня, но их акценты становятся неразборчивее, я едва понимаю, что они говорят. Я просто

хочу ещё выпить, так что это все перестает беспокоить меня. Но пиво такое крепкое и густое, что занимает вечность, справится со вторым бокалом.

Теперь атмосфера в пабе полностью изменилась. Люди продолжают врезаться в стол, проливая наши напитки. Я вижу, как Лаклан пару раз сжимает и разжимает кулаки, в глазах этот дикий, пронзительный взгляд, лицо краснеет.

Но Тьерри и Джон слишком пьяны, чтобы заметить или волноваться, подпевая какой-то визгливой мелодии.

Я наклоняюсь к Лаклану и мне

все ещё приходится кричать, чтобы быть услышанной.

— Хочешь, пойдём и посидим где-то ещё? Здесь так громко и люди продолжают задевать наш столик.

Не могу слышать, что он отвечает, больше похоже на ворчание.

Не знаю. У меня появляется какое-то странное чувство. Он ушёл от того расслабленного состояния, в котором был в начале вечера и стал напряжённым и нервным. Не хочу винить в этом четыре шотландских эля, но не вижу других причин. Имею в виду, знаю, он не очень любит бывать в обществе, особенно когда куча людей ведёт себя как идиоты, так что, возможно, добавить

алкоголь было не самой удачной идеей. Если бы мы могли просто вернуться домой, могли бы сесть на диван и смотреть телевизор или просто нашли бы друг друга в простынях на кровати.

В конце концов, какая-то девушка с неряшливыми светлыми волосами, веснушками и сиськами, поднимает вверх подбородок, шатаясь на каблуках и повисает на Лаклане.

— Ты Лаклан МакГрегор! — кричит она ему с гнусавым английским акцентом, из-за тяжёлых, накладных ресниц ей трудно держать глаза открытыми. — Я видела фотографии твоего члена.

Мои глаза расширяются, кожа незамедлительно пылает. Она что, только что сказал то, что я думаю?

Она недолго смотрит на меня, достаточно, чтобы пройтись взглядом с головы до ног, затем смотрит на Тьерри.

— Я видела и твой член. Оба очень впечатляющие. Кстати, меня зовут Полли. Хотите купить мне выпить?

Я действительно жду, что кто-нибудь объяснит мне. Смотрю на Лаклана с открытым ртом, но он не смотрит на меня. На самом деле, он даже не взглянул на неё. Он смотрит на своё наполовину пустое пиво так, словно хочет разбить бокал об чью-

ТО ГОЛОВУ.

Джон тот, кто объясняет мне все.

— Пару лет назад они оба снялись обнаженными для календаря регби, — громко говорит он. — Меня, конечно же, не позвали. Думаю, потому что рыжие лобковые волосы не очень выглядят на фото, даже в черно-белом варианте.

Так регби календарь с обнаженными игроками существует. Когда Нил и даже Амара упоминали о нем, я думала это шутка. Полагаю, это не так.

И тут я немного успокаиваюсь. Если она видела его член на календаре, тогда, вероятно, все его

видели, и я ничего не могу с этим поделать, кроме как гордится, что этот член принадлежит мне.

И хоть мне и не нравится, что эта сучка прикасается к моему мужчине, я не собираюсь что-то говорить или делать. Не поймите меня неправильно, дома в Сан-Франциско у меня нет проблем с тем, чтобы высказать что-то кому-то. Помню, как однажды я влезла, когда какая-то цыпочка угрожала избить Стефани из-за какого-то парня, даже не помню кто это был. Мне пришлось превратиться в сумасшедшую азиаточку, и, к счастью, большего не понадобилось. Но мне кажется, что с шотландскими

или английскими девушками, такими как эти, справиться не так уж легко. Так что я продолжаю держать рот на замке и игнорировать происходящее.

Пока это становится невозможно игнорировать.

Потому что теперь эта расфуфыренная шлюшка стоит позади Лаклана и пробегается своими руками вниз по его рукам, шепча ему что-то на ухо.

— Эм, прости, *Полли*, так ведь?
— говорю я, поднимая палец вверх.
— Не думаю, что ты хочешь это делать.

Она смотрит на меня с одним закрытым глазом. Она похожа на вдрызг пьяную проститку.

— Не лезь не в своё дело, — невнятно говорит она.

Теперь я смотрю на Лаклана, задаваясь вопросом, почему он не двигается, не реагирует. Я даже не знаю, в курсе ли он, что происходит, такое впечатление, что он словно в трансе, и это мне совсем не помогает.

Отлично. Я сама могу о себе позаботиться. Я наклоняюсь и кладу руку ей на плечо. Оно липкое и холодное.

— Полли, не уверена, что ты поняла, но это мой парень, а значит он мое дело. Теперь, будь так добра, убери свои руки, здесь масса свободных мужчин, которые, я

уверена, с радостью проведут ночь с такой, как ты.

Она ухмыляется.

— О, отвали, ты, лярва.

Моя голова откидываешься назад. Я даже не знаю, что значит «лярва», но, предполагаю, ничего хорошего. Я готова посмотреть на Джона и Тьерри в поисках поддержки, раз уж Лаклан впал в ступор, когда внезапно над нашим столом нависает тень.

— Что здесь, мать вашу, происходит, а? — гремит голос, и я смотрю вверх, чтобы увидеть большого верзилу с лысой головой и глазами бусинками, стоящего за своей лярва-цыпочкой. Он смотрит

на девушку и как она повисла на Лаклане, в глазах у него словно лазерные лучи и он пытается прожечь дыру в них обоих.

— Эй! — кричит парень, хватая девушку за руку и оттаскивая от Лаклана. — Какого хрена ты делаешь с моей девушкой, ты мудака?

Я вздрагиваю. О нет. О нет.

Зря ты это сказал, приятель.

Я замираю на стуле, внимательно наблюдая за Лакланом, дыхание стучит у меня в горле. Я чувствую, что Тьерри и Джон делают то же самое. На самом деле, весь бар, кажется, затих, хотя может это лишь мое воображение. Все словно замерли, затаив дыхание.

Лаклан не оборачивается, лишь наклоняет голову, словно, наконец, слушает. У него этот взгляд как у бешеной собаки, словно вулкан вот-вот взорвется. Плечи и шея напряжены, будто кто-то задел его, зайдя так далеко, и он готов взорваться.

— Что? — говорит Лаклан, голос настолько жёсткий и низкий, что я едва его слышу.

— Ты гребаный глухой? — говорит парень, наклоняясь ближе так, что практически кричит Лаклану в ухо. — Я сказал, держись, бл*дь, подальше от моей девушки, педрила.

Лаклан медленно сглатывает. Я

наблюдаю, как его кулаки сжимаются так сильно, что кожа белеет. Глаза зловещие, зрачки становятся крошечными, значит безжалостными. Мне очень хочется схватить его и увести отсюда. Мне следовало сделать это давным-давно.

И парень не отступает. Может у него и есть мышцы, но он чертов идиот. Вместо этого он улыбается Лаклану, показывая уродливые зубы.

— Вы, игроки в регби, думаете, что вы важные шишки, так ведь? Словно вы лучше остальных. И можете делать все, что, нахрен, вздумается. Что ж, нет. Я знаю все о тебе, ты жалкий говнюк. Ты хочешь, чтоб у тебя было все, но ты этого не

заслуживаешь, не как остальные из нас. — Он смотрит над головой Лаклана на меня и в его глазах столько отвращения, что мне практически становится дурно. — Почему бы тебе не пойти и не позаботиться о своей подружке-китаезе и оставить мою в покое.

У меня такое чувство, словно меня ударили в лицо. У меня уходит секунда, чтобы осознать, что он только что назвал меня гребаной китаезой, одним из самых старых, неактуальных расистских терминов. Я не могу даже думать, или дышать или реагировать, кроме как безмолвно смотреть на него, будто я даже не уверена, кто я сейчас. Но,

черт возьми, если эти слова не заставляют меня ощущать себя мусором.

В отличие от моей, реакция Лаклана незамедлительная.

Лаклан вскакивает из-за стола и с ужасающим рёвом, заглушающим весь паб, оборачивается и бьет парня прямо в лицо. Достаточно сильно, чтобы кровь вылетела из его рта, достаточно сильно, чтобы звук хруста костей осел где-то внутри меня.

Парень отлетает назад, но не падает. Он хватается за лицо, все ещё улыбаясь, хотя клянусь, я вижу, как зуб выпадает у него изо рта, и его глаза дразнят Лаклана.

Но на это уже нет времени.

Лаклан подлетает к нему, кулаки сжаты, плечи подняты, взгляд самый безумный, какой я только видела. Он похож на кого-то совершенно другого и если у парня есть хоть какие-то мозги, он уберётся отсюда к черту, потому что не думаю, что Лаклана можно остановить.

И он этого не делает. Парень пытается ударить и попадает Лаклану в челюсть, но тот даже не уклоняется и не двигается, просто принимает удар и продолжает наступать, словно ничего не случилось. И когда он подходит снова, он подходит с кулаками и парень летит назад через стулья и чьи-то столики.

Лаклан прижимает его к полу и бьет кулаком в нос.

Щеку.

Подбородок.

И опять.

И ещё раз.

Снова и снова и снова.

Буйное, одичавшее животное.

Тот же звук ломающихся костей и пролитой крови, словно кто-то шлепает два куска мяса друг о друга, повторяющаяся игра слов.

Кошмар.

— Прекрати это, перестань! — кричит девушка, пытаюсь оттащить Лаклана.

Это заставляет его прерваться лишь, чтобы оттолкнуть ее и

проорать:

— Заткнись, сучка. — Тьерри и Джон пользуются случаем и, наконец, приходят в себя, вскакивая со стульев, и бегут к ним, пытаясь оттащить его назад.

— Отвалите, — кричит Лаклан, нанося ещё один удар. Парень теперь на столе, беспомощно стонет и едва двигается. Его лицо все в крови. Лаклан тянется за бутылкой пива, разбивает ее о край стола и держит у горла парня.

— А ну, нахрен, извинись перед ней, — возмущается Лаклан, его собственное лицо забрызгано кровью того парня.

Но парень не может даже

говорить. Наконец, Джон и Тьерри действуют сообща и, сильно дёрнув, оттаскивают Лаклана назад.

Лаклан просто стоит там, глядя на парня, в то время как в пабе все молчат. Даже музыку выключили. Слышно лишь как парень пытается двигать своей сломанной, окровавленной челюстью и тяжёлое, хриплое дыхание Лаклана.

Внезапно Тьерри вручает мне мою сумочку и шепчет:

— Вы оба должны уйти прямо сейчас. — Он едва уловимо кивает на бармена, который звонит в полицию. — Уже вызвали полицию, вам обоим надо выбираться отсюда.

Я безмолвно киваю, снова

начиная чувствовать свои
конечности.

Ненавижу признавать, но, когда я тянусь и хватаю Лаклана за руку, мне страшно. Не то чтобы я думала, он причинит мне боль, я просто не уверена, что в этот момент он хотя бы знает, где он и кто я.

Он вздрагивает от моего прикосновения, но медленно поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Я убираю руку, теперь мои пальцы красные и липкие.

— Мы должны идти, — говорю ему, мой голос пищит. — Пожалуйста?

Он мгновение смотрит на меня,

пока, как будто бы, наконец, не узнает меня. Затем кивает и поворачивается, мчась прочь из бара, отпихивая стулья со своего пути.

— Я обо всем позабочусь, — говорит мне Тьерри, кладя руку на спину и подталкивая меня. — Просто заведи его домой.

Я облизываю губы и бегу за Лакланом, догоняя его на улице. Он идёт так быстро, так торопится, что я вынуждена перейти на бег.

— Лаклан, Лаклан, поговори со мной, — умоляю я.

Он ничего не говорит, просто продолжает идти. Наконец я вижу такси, едущее в нашем направлении, и торможу его. Когда оно

замедляется, я быстро снимаю кардиган с сумочки и вытираю кровь с его лица. Если он будет выглядеть слишком грязным, таксист может не взять нас.

Он позволяет мне сделать это, такой послушный, хотя и не смотрит на меня, он неверующе смотрит в пространство. Я понимаю, теперь мой кардиган в чьей-то крови, но, по крайней мере, Лаклан снова похож на человека. А не на того, кем он был в пабе. Я до этого много раз видела драки в баре, но такие - никогда.

То, что было там, это грубо и жестко. Чрезвычайно опасно.

Такси останавливается рядом, и я открываю дверь, толкая Лаклана

внутри, с облегчением видя, что он не сопротивляется. Водитель смотрит на нас в зеркало заднего вида, но я играю трезвую американку.

— Дом четыре, Норт Ист Секус Плейс, — быстро говорю я ему и, посмотрев на меня и Лаклана, он кивает.

— Ага, — говорит он. — Тяжёлая ночь?

— Можно сказать и так, — говорю я себе под нос.

— Добро пожаловать в Шотландию, девочка, — говорит он с натянутой улыбкой, и мы спускаемся по дороге.

Лаклан резко падает на мое

плечо всем своим весом, но я все же оборачиваю руку вокруг него, крепко держа. Не уверена, пытаюсь ли я успокоить себя или его. Мы оба в шоке.

— Мне так жаль, — бормочет он, голос такой высокий, он практически плачет. — Мне так жаль, лапочка.

— Шшш, — тихо говорю я ему, сжимая плечо. — Все в порядке.

Он качает головой.

— Нет, я никогда не буду в порядке. — И после этого он не говорит ничего.

Когда мы добираемся до его квартиры, я расплачиваюсь с таксистом пачкой американских

долларов, лежащих на дне сумочки, и помогаю Лаклану выбраться из машины. Он может стоять, но с трудом. Я прислоняю его к двери и шарю по карманам его джинс в поисках ключей. В другой день и другое время, я бы пошутила на тему того, что лапаю его, но сегодня не до шуток. Я не представляю, как мы в ближайшем будущем вообще будем о чём-то шутить.

Открываю дверь и тащу его вверх по лестнице. Мы оказываемся внутри квартиры, Лионель и Эмили выходят, чтобы поздороваться, нуждаясь в том, чтобы их выгуляли. Но, как только они видят Лаклана, становятся менее дружелюбными.

Как если бы они не были уверены, что этот мужчина действительно их хозяин.

Я веду Лаклана прямо в кровать, на которую он сразу же падает. Поворачиваю его на бок и затем цепляю поводки к Эмили и Лионелю. Сейчас поздно, я не тружусь одевать намордник на Лионеля и быстро выгуливаю их вокруг парка.

Кажется, собаки расслабляются со мной, но я взвинчена. Не имею понятия, как буду спать сегодня после всего этого. Я хочу поговорить с кем-нибудь об этом, но боюсь. Лаклан такой закрытый, и было бы нечестно по отношению к нему

рассказать кому-то еще, что он натворил, даже если это был бы кто-то типа Стефани, которой я рассказываю многое, кто не станет судить ни меня, ни его.

Я решаю умолчать об этом на данный момент и думаю, что может однажды смогу поговорить об этом с Тьерри. Они с Джоном не выглядели удивленными тем, что произошло. Может, избиение кого-то это нормально для шотландской культуры, понятия не имею, хотя тот факт, что нам с ним надо было удирать из паба из-за полиции, не вяжется с моей теорией.

Опять же, у меня здесь осталось не так много времени. Хотя

сегодня мы и объявили нас парнем и девушкой, настоящей парой, и даже если я знаю, что каждый день влюбляюсь в него, я просто не уверена, куда мы движемся. Если я уеду, что будет тогда? Отношения на расстоянии? Это вообще работает?

А если я останусь, если это вообще возможно? Смогу ли я справиться с ним и всеми его демонами? Это единичный случай или начало чего-то большего? Он сказал, что его прошлое позади и мне необходимо верить в это, но я не могу делать вид, что он не может пасть жертвой своей тьмы. А если это лишь намёк на то, что будет, достаточно ли я сильна, чтобы

пробиться к нему? Чтобы выжить? Подобное это слишком, для этих новых отношений.

Я вынуждена напомнить себе, что я, возможно, опережаю события. Этот вечер, каким бы пугающим и ужасным не было увидеть его в гневе, может быть просто случайностью, и у нас вместе может быть красивая история любви.

Все так запутано. Абсолютно все. И я запуталась. Почему все не может быть просто? Почему я не могу просто любить его, и почему он не может просто любить меня и почему любовь не может быть единственным, с чем нам надо справляться? Вместо этого, прошлое

держится за него и у наших отношений есть срок годности.

Я люблю сломанного, раненного мужчину, который может разрушить нас обоих.

Понятия не имею, каким образом это все может закончиться хорошо.

Позже, той же ночью, я забираюсь в постель и делаю все, чтобы не открывать снова своё ожесточённое сердце. Я хочу вырвать его, хочу закрыть. Я напоминаю себе обо всем красивом и открытом.

Но затем он переворачивается, хватает меня за руку и крепко держит.

Так *крепко*.

Его глаза закрыты, и когда он говорит, я едва его слышу:

— Кайла, — хрипло говорит он.
— Я люблю тебя.

И я начинаю рыдать.

А он опять засыпает.

Глава 22

ЛАКЛАН

Я сплю без сновидений. Ни кошмаров, ничего. В каком-то смысле так даже хуже, потому что, когда я просыпаюсь и медленно начинаю осознавать, где я и что произошло прошлым вечером - что ж, думаю кошмар был бы предпочтительней. По крайней мере,

я бы знал, что он не реален.

А это реально.

Моя голова пульсирует с тошнотворной болью, во рту привкус гнили и кислоты, словно я могу попробовать на вкус своё собственное чертово сердце. Костяшки жжёт в тех местах, которые снова и снова били того мужика.

Я противен сам себе.

Это чувство ранит больше всего.

И я до ужаса боюсь открыть глаза.

Если я продолжу держать их закрытыми, мне не придётся встречаться лицом к лицу с чем-

либо.

Но картинки резко взрываются в моем сознании, напоминая мне, что эта часть меня никогда не уходит. Что сделано, то сделано, и сделал я это на глазах женщины, которую люблю.

— Эй, — слышу я ее голос, и он звучит так ангельски, чистый и светлый, полная противоположность мне. — Эй, — говорит она снова, ее нежная рука на моей, слегка трясёт меня. — Я бы дала тебе поспать, но знаю, через час у тебя тренировка.

Черт.

Твою мать.

Тренировка.

Господи, я такой гребаный

задрот.

Я медленно открываю глаза, свет вызывает мини взрывы глубоко у меня в голове. Я вижу Кайлу, заглядывающую мне в глаза. Ее глаза припухшие и она выглядит усталой. Все ещё прекрасной, но мне больно понимать, что, вероятно, именно я стал причиной беспокойной ночи, страха и печали.

Я облизываю губы и пытаюсь говорить, но не могу. Слова не выходят.

— Хей, — снова говорит она, нежно трогая мою скулу. Она смотрит на меня так, будто я до сих пор нравлюсь ей. Не знаю, как такое возможно. Она, наконец, увидела, на

что я похож. Я удивлен, что она вообще все ещё здесь,

Я пытаюсь прочистить горло,
— Прости, — квакую я, глядя на нее с мольбой, желая, чтоб она могла открыть мою грудь и увидеть, насколько я сожалею. Мое сердце ощущается отсыревшим, наполненным водой.

— Все нормально, я понимаю, — говорит она.

Я качаю головой, несмотря на то, что это движение заставляет мой мозг будто бы обрушиться внутрь.

— Ты не должна понимать. Этому нет оправданий. Я просто...мне жаль. Я не знаю, что произошло.

— Ну, ты был пьян, — говорит она.

Я закрываю глаза, потирая лоб. Проклятый стыд, будто наковальня в моей груди, и я не могу пошевелить ей. Мне и не следует.

— Я знаю, я был пьян, и мне, кажется, не следовало быть таким.

— Но этот парень вёл себя как мудака. Он сам напрашивался. Он хотел, чтоб ты его ударил.

— Я знаю. Знаю и я пытался этого не делать. — Я посылаю ей взгляд полный боли. — Но когда он обозвал тебя и я просто...я не мог спустить ему этого. Прости, но моя терпимость к расистским недоумкам ниже, чем терпимость к мужчинам,

оскорбляющим мою женщину. Я был не в себе. — Я втягиваю воздух. — Я просто потерял долбаный *контроль*.

— Я знаю, — успокаивающе говорит она, но я не хочу, чтоб она меня успокаивала. Потому что это не нормально. Это никогда не нормально. Сейчас я не заслуживаю, чтоб меня успокаивали.

На секунду закрываю глаза.

— И я не должен был сорваться. Я должен был уйти. Начнём с того, что мне вообще не следовало там быть. Я не знаю, что произошло, в один момент все было в порядке и потом...я избивал мешок с костями.

Она морщится от этих слов, и я

тут же сожалею о сказанном.

— Прости, — быстро говорю я ей. — Я просто...больше подобное не произойдёт.

— А подобное уже случилось? — осторожно спрашивает она. — Потому что, казалось, Тьерри вёл себя так, будто у тебя раньше были проблемы с полицией.

— Ну, да, так и есть, — говорю я ей. — Но не из-за этого, имею в виду, я участвовал во многих драках. Это Эдинбург. Здесь случается подобное. И я игрок в регби. Каждый хочет доказать свою значимость кому-то такому, как я. И в прошлом у меня были проблемы. На улицах. Знаешь...ну тогда. Но я никогда не

был арестован, это я могу тебе гарантировать.

Я вздыхаю и опираюсь на локти, одеяло спадает вниз к моей талии. Я смотрю ей прямо в глаза.

— Когда я впервые взял Лионеля, некоторые кретины жаловались на него. Без каких-либо причин. Лионель всегда был милым. Но у кого-то был на меня зуб и им это не нравилось. У меня забрали Лионеля на короткий срок под видом запретительного акта о его породе. Я не видел его несколько недель, пока они оценивали его поведение. К счастью, он с честью прошёл все тесты. Но насчёт меня, они были не уверены. Так или иначе, судья вернул

мне Лионеля. Пока он в наморднике, я могу держать его у себя. — Я прерываюсь. — Но если я когда-либо попаду в неприятности с полицией, я с ужасом думаю о том, что они могут объединить два дела и навсегда забрать Лионеля. И в конечном итоге уничтожить, что именно они всегда и делают. Так что мне надо вести себя хорошо.

— Прости, что говорю тебе это, — говорит она, — но прошлой ночью ты вёл себя не лучшим образом. — Она смотрит на свои руки, и прядь волос падает на лицо. — И мне ненавистно говорить тебе подобное, но...ты напугал меня. Очень.

Бл*дь. Слышать подобное от

неё, словно получить пулю в грудь.

Она продолжает.

— Не потому что я чувствовала себя в опасности. Я просто не знала, кто ты. Не знала, что ты будешь делать. Ты ...пожалуйста, просто сейчас не волнуйся. Я не хотела видеть, как тебе причиняют боль. — Наконец, она смотрит на меня, ее глаза влажные от слез и это заставляет пулю войти ещё глубже, разбивая моё долбанное сердце на миллионы кусочков. — Я ... так сильно волнуюсь за тебя, ты даже не представляешь, Лаклан. Даже себе не представляешь.

Я тянусь к ней, накрывая ладонью ее щеку, полностью

поглощённый всеми возможными эмоциями. Но на первый план, как всегда, вырывается надежда.

Память возвращается ко мне, туманная, но чувство чертовски ясное.

— Прощлой ночью, — говорю я хрипло, ища глубину в ее тёплых глазах, — я сказал тебе, что люблю тебя. Это действительно произошло? Или это был сон?

Небольшая улыбка поднимает уголки ее губ.

— Ты сказал мне, что любишь.
Я ворчу, смотрю в сторону и быстро киваю.

— Хорошо. А что ты ответила?
— Ты уснул до того, как я

смогла что-то ответить, — говорит она.

Я смотрю на неё, внезапно боясь, что она продолжит.

—Что бы ты сказала? — спрашиваю ее, желая, чтоб мой голос не звучал так слабо и пронзительно.

Она так долго смотрит на меня, что я практически уступаю страху, отрицанию и тому факту, что я ничто, кроме как грустный, жалкий дурак.

— Знаешь что? — быстро говорю я, дыхание ранит лёгкие. — Я не хочу знать, забудь об этом, это не важно.

Она наклоняется и быстро целует меня в губы. Мягко, нежно,

всегда так прекрасно. Прислоняется лбом к моему, наши рты в дюйме друг от друга.

— Я бы сказала тебе, что тоже люблю тебя. Что я отчаянно, глупо влюблена в тебя.

Я закрываю глаза, пытаюсь сдержать рыдание, рвущееся из груди.

— А теперь? При свете дня?

— При свете дня, я люблю тебя даже больше.

Я не могу справиться с этим. Все мое естество хочет разрушиться.

— При свете дня, — говорит она мне, — я могу видеть все твои трещины, темноту и недостатки, и я влюбляюсь во все это. И надеялась,

ты сможешь полюбить все во мне, все что таится в моей темноте, все что блестит в моем свете. Я хочу, чтоб ты любил каждую маленькую частичку меня, потому что все это принадлежит тебе.

Сначала ее слова ранят, они причиняют *боль*, потому что я чувствую их глубоко внутри, словно нож вонзается мне прямо в грудь. Но это не боль, это радость и настолько сильная, что я не могу справиться с ней. И нож, нож раскалён, затем становится тепло и это все разливается во мне, лучше, чем самый сладкий, самый безжалостный наркотик.

Мне хочется плакать. Кричать.

Орать. Я не создан для этого, и я словно петарда с энергией, которой некуда выплеснуться.

Я могу лишь прошептать:

— Я люблю тебя, — несмотря на то, что мой голос надламывается, в целом, я чувствую себя лучше. — Я люблю тебя, — говорю я ей и одновременно целую.

— Я люблю тебя.

Целую щеку.

— Люблю тебя.

Целую шею.

— Люблю тебя.

Я целую округлость ее груди.

А затем мои руки скользят вниз по ее телу, я переворачиваю ее и оказываюсь сверху, я ненасытен и

жажду каждой частицы любви, которую могу получить.

Мы двигаемся в медленном ритме, неторопливо и сладко. Я стягиваю ее нижнее белье и отталкиваю в сторону, и она открывается мне, будто позволяя взять ее впервые. Ее ноги оборачиваются вокруг моей талии, будто она собирается никогда не отпускать меня.

И мне хочется верить, что не отпустит.

Что через три недели, она не оставит меня.

Не уверен, что человеческое сердце способно на это. Как оно может пережить радость от того, что,

наконец, полюбило кого-то, экстаз от того, что, наконец-то, получило любовь, и все же так бояться боли, которая ещё будет?

Потому что эта боль придёт.

Как долго ещё мы сможем игнорировать остальное?

— Останься со мной, — шепчу я, толкаясь в неё глубже.

— Я никуда не собираюсь, — говорит она, задыхаясь, шея выгнута, голова откинута назад. Словно богиня.

Но это не то, что я имел в виду.

Мне не требуется много времени, чтобы кончить и когда я это делаю, наши глаза встречаются, и я чувствую, будто ускользаю все

дальше и дальше и дальше. В прошлое. В будущее. Я полностью теряю себя и не знаю, чем это все закончится, если в конце я вообще буду единым целым.

Я переносу вес на локти, моя голова опускается на подушку, в то время как она нежно касается моей спины.

— Останься со мной, — снова говорю я, мой голос грубый от напряжения. — Не уезжай домой.

Она напрягается рядом со мной, руки замирают на моих плечах.

— Не уезжать домой?

— Уволься. Переезжай сюда. Будь со мной.

Не могу поверить, что сказал ей это, но уже поздно. Она хочет всего меня, у неё буду весь я.

— Лаклан, — осторожно говорит она, — я не могу этого сделать.

Я откидываю голову назад, чтобы посмотреть на неё.

— Почему нет?

Она нахмуривается.

— Потому что! Я много трудилась ради той работы, которая у меня есть.

— Ты ненавидишь свою работу.

— Но все же, это моя работа. Что я буду делать здесь? Я не смогу найти работу.

— Ты можешь делать все, что

захочешь.

— Ага, легко сказать. Я всю свою жизнь потратила на то, чтобы добиться того, что у меня есть, ты не думаешь, что я должна держаться за это? Это сумасшествие, отказаться от всего этого.

— Это не сумасшествие. Сумасшествие никогда не открывать новые возможности, сумасшествие никогда не использовать свой потенциал, никогда не узнать что в этой жизни заставляет твоё сердце биться чуть быстрее. Кайла, кто ты на самом деле и та, кем ты думаешь, тебе следует быть, это две разные вещи.

Она умоляюще смотрит на

меня.

— Тогда кто я?

— Ты это ты, лапочка. И ты знаешь, чем ты хочешь заниматься. Джессика сказала, что поможет тебе с писательством.

— Ага, — говорит она. — Бесплатно. Писать без оплаты. Как я буду жить, пока не наработаю себе портфолио, и пока оно не станет достаточно большим, чтобы хотя бы найти работу?

— Я мог бы...

Она кладёт палец на мои губы.

— И не надо говорить, что ты мог бы содержать меня. Я знаю, что ты можешь и будешь, но я этого не позволю. Я не так воспитана. Я все

делаю сама.

Я качаю головой на ее упрямство.

— Я могу помочь тебе устроиться на работу. Ты можешь работать в приюте. Как Амара.

— Амара говорит, что ты едва можешь позволить себе платить ей, — говорит она мне, и это заставляет меня скривиться, потому что я знаю, это правда. — Ты не можешь позволить платить и мне тоже.

— Я смогу, — говорю я ей. — Моя квартира в Лондоне. Я мог бы продать ее, если придётся.

— Нет, ни в коем случае. Ни в коем случае я не позволю тебе сделать это для меня.

— Почему нет?

— Потому что я...ты едва меня знаешь. Я этого не стою.

Я вздыхаю, сжимая глаза.

— Пожалуйста, не говори так. Не говори, что я не знаю тебя когда все, что я чувствую, это будто знаю тебя всю свою чёртову жизнь. Не надо так и не говори, что ты этого не стоишь. Это ведь мне решать, разве нет?

Она отводит взгляд, моргая.

— Я не хочу, чтоб ты что-то делал для меня.

— Вот незадача, лапочка, потому что, если ты хочешь остаться со мной, я сделаю все, что могу, чтобы убедиться, что ты можешь

остаться здесь. Так что, только скажи. Одно твоё чертово слово и ты можешь оставаться здесь так долго, как хочешь.

— Это безумие, — тихо говорит она.

— И любовь заставляет тебя делать безумные вещи. Или, по крайней мере, так утверждают, но я начинаю думать что каждое гребаное клише - правда. Так что, просто признай это. Прими это. Будь безумной и делай эти немного сумасшедшие вещи.

— Я...я не могу, Лаклан.

Я стону, руки сжимают подушку. Я знаю что это абсолютно чертовски эгоистично просить ее

отказаться от всего и остаться здесь со мной. Я знаю это.

— Если бы я мог переехать в Сан-Франциско, — медленно говорю я.

— Ни в коем случае, — говорит она.

— Ты действительно не хочешь, чтоб я был рядом с тобой?

Она берет меня за подбородок и заставляет посмотреть на неё.

— Послушай меня, — говорит она, глаза сверкают. — Ты прав, говоря что дома у меня не так уж много вещей, от которых надо отказаться.

— Я никогда этого не говорил.

— Это, правда, — говорит она.

— У меня работа, которая мне не нравится, и я фантазирую, как брошу ее. И хотя у меня есть друзья, по которым я всем сердцем скучаю, и семья которую люблю больше всего на свете...я не знаю достаточно ли страха находится далеко от них, чтобы удержать меня от отъезда. Но ни в коем случае, ни в каком вид и форме ты даже не должен рассматривать вопрос о переезде в Калифорнию. У тебя здесь карьера, и определенно чертовски хорошая карьера, и у тебя собаки и твоя благотворительность и так много всего остального хорошего. Если вообще говорить об этом, я буду единственной кому надо найти

способ остаться здесь.

Моя грудь болит от возможности.

— Только скажи слово, пожалуйста. Скажи, что хочешь остаться, что ты попытаешься, и я тебе обещаю, обещаю тебе, я сделаю так, чтобы все получилось.

Она ищет мои глаза, переваривая все это. Я практически вижу, как крутятся колесики, взвешивая каждый вариант, так же как она делала в машине, когда я позвал ее сюда. Такое впечатление, что это было в другой жизни.

— Мне нужно подумать об этом, — говорит она. — Дай мне ещё неделю, и я буду знать наверняка.

Я тру губы и киваю.

— Хорошо, — говорю ей, целуя в лоб. — Спасибо тебе.

— Теперь, — говорит она, шлепая меня по заднице, — Убирайся из кровати и иди на тренировку. Достаточно того, что у тебя похмелье, я не хочу, чтоб твой тренер звонил мне и выражал недовольство.

Я киваю, стыд снова, словно желчь, заползает мне в горло. Я быстро собираюсь и вовремя выхожу из дома. Я вынужден остановиться у магазина на углу, чтобы выпить бутылку Гатотрейд и пару таблеток ибупрофена и потратить несколько минут, чтобы успокоиться, прежде

чем показаться на тренировке.

Я ожидаю что все в курсе того, что произошло. Не то чтобы команде было до этого дело, но обычно Алан ругает нас за нарушение дисциплины за пределами поля. Но все ведут себя нормально, конечно за исключением Тьерри и Джона, которые с беспокойством разглядывают меня, и кажется, никто не заметил мои повреждённые костяшки или бледный синяк на челюсти. От первого и единственного удара от того парня.

Это должно означать, что парень жив и здоров. Но в перерыве я все-таки иду к Тьерри и отвожу его в сторону.

— Привет, спасибо за прошлую ночь, — быстро говорю ему, оглядываясь вокруг и понижая голос.

Он смотрит на меня, с неодобрением качая головой.

— Ты мне должен, — говорит он со своим французским акцентом. — Нарисовалась полиция и мы с Джоном должны были поведать продуманный рассказ о том, как какой-то парень подошёл к нашему столу с желанием подраться.

— Ты сказал им, что это был я?

— Нет, не сказал, — возмущённо говорит он. — Джон с удовольствием взял вину на себя. Он всегда ищет больше авторитета на улицах. Знаешь, тебе повезло, что ты

местный герой. Все свидетели сразу стали такими забывчивыми, и согласились с нами. Злобный мудак пришёл в поисках неприятностей, Джон выбил из него дерьмо. Конец истории.

Я сглатываю, чувствуя тошноту.
— Как парень?

Он пожимаете плечами, делая глоток воды.

— Не знаю, не держал его за руку. Но он ушёл из бара на своих двоих и до того, как приехали копы, если это поможет тебе почувствовать себя лучше. Думаю, ты вышел сухим из воды. О чем ты, нахрен, думал?

Я резко смотрю на него.

— Я, очевидно, вообще не

думал.

— Я знаю, просто...успокойся, мужик. Прости, я должен был думать головой, когда притащился тебя в бар. Думал, тебе становится лучше. Последний раз все было нормально.

— Это было несколько месяцев назад, — напоминаю ему я. — И я в порядке, — добавляю быстро. — Просто сейчас столько всего происходит. Это сбивает меня с толку.

— Девчонка, — задумчиво говорит он.

— Это не ее вина, — решительно говорю я. — Она не имеет к этому отношения.

— Но она в твоих мыслях, да,

это она сбивает тебя с толку. Нет?

Я шевелю челюстью, пытаюсь снять напряжение.

— Я сейчас через многое прохожу. Этого больше не повторится.

— Лучше б так и было, Лак, — говорит он, кладя руку мне на плечо. — Потому что, эта девушка влюблена в тебя. Поверь мне, ты не хочешь просрать это.

Я кошусь на него.

— Так что же на самом деле произошло в Париже?

Но он лишь улыбается и уходит прочь.

Я просто вздыхаю и возвращаюсь к игре.

Поле для регби это единственное место, где я всегда могу отбросить все, мое прошлое и будущее, и просто жить в настоящем.

Но остальную часть тренировки я абсолютно бесполезен. Может это из-за похмелья, но скорее всего по другой причине. Блаженство этого утра в кровати с Кайлой, слыша, как она говорит, что любит меня, говорит, что она, возможно, сможет остаться, в сочетании с ничтожным поведением прошлым вечером, стыд от моего агрессивного поведения, как я заставил ее почувствовать себя. Как быстро я перешёл от «один напиток заставит меня расслабиться» к полному

отсутствию ограничений.

— МакГрегор, — кричит мне Алан, когда я покидаю поле. — В следующий раз соберись. Нам нужна твоя резкость.

Я киваю, ворчу и направляюсь в раздевалку, чтобы принять душ.

Мне необходимо собраться и как можно быстрее. Ради всего.

Глава 23

КАЙЛА

— Пожалуйста, останься со мной.

Я снова и снова слышу его слова, и каждый раз, когда мой ум воспроизводит их, каждый раз, когда

перед глазами всплывает тот взгляд, отчаянный, нуждающийся, мое сердце разрывается на части. Как вообще возможно, чувствовать себя такой живой, такой целой, от знания того, что он хочет, чтоб я осталась, и даже вообще обсуждает этот вопрос, в то время как мне хочется рухнуть и расплакаться от того, что это кажется таким невозможным?

Имею в виду, как я могу остаться здесь? Это то, чего я действительно хочу?

Я знаю ответ на последний вопрос, но над первым надо много работать.

— С тобой все будет хорошо?
— спрашивает меня Лаклан. Его

голос настолько низкий, такой тихий, что я отворачиваюсь от окна гостиной, чтобы посмотреть на него.

Спортивная сумка, полная принадлежностей для регби, переброшена через плечо, лоб нахмурен. После того, как он сказал, что хочет, чтоб я осталась, он ведёт себя иначе. Словно боится сказать лишнее, будто его слова выведут меня из себя и я сбегу.

Я поднимаю чашку с кофе.

— У меня есть кофе. Я буду в порядке.

— Погода сегодня не очень, — говорит он, и я снова смотрю в окно на потоки дождя.

Пожимаю плечами.

— Идеальный день, чтобы остаться в помещении. Хотя жаль, что я не увижу, как ты изваляешься в грязи на поле.

— Вообще-то сегодня мы на треке, занимаемся физподготовкой, — говорит он. — Ты можешь пойти со мной.

Я не уверена, что мне следует так делать, не после того вечера. Иногда я переживаю, что именно мое присутствие на тренировке, рядом с его коллегами, вывело его из себя. Я качаю головой и посылаю ему маленькую улыбку.

— Все хорошо, я целый день буду бездельничать здесь с собаками, и смотреть Викарий из Дибли. К

тому же, мне надо подготовиться к твоему гала ужину и мне понадобится много времени, чтобы выглядеть шикарно.

Его глаза путешествуют по моему телу, он смотрит на мои кружевные шорты и майку.

— Ты можешь просто одеть вот это, я не буду возражать.

— Не уверена, что этот наряд поможет репутации «Любимого Забияки». Когда ты вернёшься?

— К половине четвёртого точно. — Он облизывает губы, кажется, собираясь сказать что-то ещё. Затем просто кивает мне. — Увидимся позже, лапочка

— Пока, — говорю я нежно,

глядя как он уходит.

После того, как дверь закрывается, я сажусь на диван, натягивая на себя одеяло, хоть в комнате и не холодно. Мне просто нужен комфорт.

После нескольких эпизодов с Доной Френч, я решаю вытащить свой ноутбук. Захожу на рабочую почту, которую, признаю, не проверяла с тех пор, как приехала сюда, и пролистываю письма.

К моему удивлению, они все просмотрены Кэндис. Полагаю, Люси дала ей мой логин и пароль. Когда ты работаешь на кого-то, ни о чем личном не может быть и речи, и кажется, она с лёгкостью

справляется в мою первую неделю отсутствия.

На самом деле, когда я смотрю на ее ответы, совершенно очевидно, что она делает мою работу гораздо лучше, чем я когда-то. Возможно, лучше, чем я когда-либо буду.

И от этого мне грустно. Действительно очень грустно. И я сожалею. Не потому что она делает работу лучше, а потому что мне эта работа была настолько не интересна, что я никогда не могла найти достаточно страсти, достаточно эмоций, чтобы дорожить ей. И если я останусь на этой работе, как я всегда ожидала и будет, я никогда не достигну той точки, где буду

полностью отдавать себя ей. Потому что, в конце концов, для меня это не имеет значения. Я искала удачу и успех на стороне.

И теперь я нашла Лаклана. И хоть он и не моя цель жизни, он приносит мне столько радости, любви, каждую чёртову эмоцию, и я чувствую, будто живу в цветном мире вместо того, чтобы существовать в оттенках чёрного и белого. Что если бы я могла найти работу там, где я могу почувствовать похожий тип радости от моей ежедневной работы? Что если я могла бы найти смысл в тех вещах, которые делаю каждый день, найти страсть, которая конкурировала бы с той страстью,

что я испытываю к нему. Кто сказал, что лишь один аспект вашей жизни может быть чертовски фантастическим?

Чем дольше я смотрю письма, тем больше понимаю, что Кэндис, по каким-то причинам, любит выполнять свою работу и даже больше, любит делать мою работу. А я в своей работе вообще ничего не люблю. Теперь, когда я знаю что такое любовь, я не хочу застрять там, где она отсутствует.

Я делаю неуверенный вдох, когда понимание ударяет меня. Мне необходимо найти свою цель и свою страсть. Мне надо бросить работу и рискнуть.

Мне надо остаться здесь, с ним, и начать с начала.

Но это знание не помогает этому произойти и не делает легче.

Страх всегда будет сдерживать вас.

Я проверяю телефон, чтобы понять, который час сейчас дома. В Сан-Франциско все ещё спят, значит, я не могу поговорить с мамой и спросить ее, что она думает о моем переезде сюда, даже мысли об этом причиняют мне боль. Я не могу поговорить со Стефани и Николой и рассказать, что я люблю его, и он любит меня и даже несмотря на то что он облажался, я все ещё хочу рискнуть и быть с ним, постоянно.

Так что я делаю себе чашку чая, прижимаюсь к собакам и смотрю в окно на барабнящий дождь, как вы делаете, когда чувствуете задумчивость и меланхолию.

Полагаю, я в какой-то момент заснула, потому что просыпаюсь, когда Лаклан заходит в комнату и оставляет поцелуй у меня на лбу.

— Тяжёлый день? — несерьёзно спрашивает он.

Я смотрю на него снизу вверх, его лицо покраснелось от бега. Он выглядит как образец здоровья. Трудно представить, что лишь несколько дней назад он страдал от похмелья и был отягощён собственным позором.

— Ага, утомительный, — говорю я ему, подавив зевок. — Уже половина четвёртого?

Он кивает.

— Ага, но нам на ужин к семи. Поэтому можешь продолжать дремать, если хочешь.

Мое тело, кажется, не прочь поспать ещё, но я не собираюсь упускать возможность принарядиться к его главному событию. Я даже ходила с Амарой по магазинам на Принсес стрит в поисках идеального наряда. Имею в виду, когда у меня ещё будет возможно надеть что-то подобное? Каждая девушка лишь раз в жизни получает момент Золушка и это мой.

Я собираюсь использовать его по полной.

Я готовлюсь медленно, наслаждаясь каждым моментом. Платье, выбранное мной, стоит не много, но выглядит дорогим. Длиной до пола, чёрное, с высоким воротом и открытой спиной с вырезом почти до моей попки. По бокам с обеих сторон разрезы, демонстрирующие туфли, и я решила выбрать свои ярко-розовые туфли на платформе, просто чтобы не казаться *излишне* строгой.

Одевшись, я выхожу из спальни и иду в гостиную, где меня уже ждёт одетый Лаклан. Он встаёт и нам требуется момент, чтобы полюбоваться друг другом. Я думала,

что для этого мероприятия он выберет смокинг, но он в темно-синем костюме тройке.

С килтом.

Боже правый.

— О мой Бог, — говорю я. Он похож на гребаного горца, готового к балу перед боем.

— Ты сногсшибательно выглядишь, — говорит он мне, подходя и беря меня за руку, заставляя покружиться вокруг. — Черт возьми, не думаю, что смогу позволить тебе выйти из дома.

— Ты и сам не плох, — говорю я ему, жестом показывая повернуться. — Давай-ка рассмотрим тебя как следует.

Он делает, как я прошу.

— Никогда до этого не видела мужчину в килте?

— Никого кроме волынщиков на улице и я не мечтала сделать это с ними. — Я тянусь вниз и поглаживаю его тёплые, сильные квадрицепсы, мои пальцы приподнимают подол килта и двигаются выше и выше. И ещё выше.

Я ухмыляюсь.

— Никакого белья, да, — нежно говорю я, сжимая его. Он твердеет под моим прикосновением. — Рискованно получить эрекцию в этом. Получится не хилая палатка.

— Хах, и не говори, — хрипло говорит он. — Но если ты не

прекратишь обрабатывать меня своими ручками, мы очень сильно опоздаем. Я об этом позабочусь.

Это всегда так заманчиво, особенно когда он ощущается таким восхитительно горячим, длинным и толстым под моей рукой.

— Я сделаю все по-быстрому, — говорю ему, опускаясь на колени и приподнимая килт над головой.

— Проклятье, — говорит он с хриплым стоном, пальцы сжимаются в моих волосах, когда я беру в рот так много его длины, как могу. Солёный вкус на моем языке стимулирует меня, мне хочется заставить его закатить глаза. Он такой большой и сильный мужчина, состоящий из

стольких тёмных и повреждённым частей, но тот факт, что я могу погубить его своим языком и руками, увлекает больше, чем все остальное.

У меня не занимает много времени заставить его кончить, выстреливая прямо в заднюю стенку моего горла.

— Черт, — бормочет он, напрягая голос. — Лапочка, ты меня уничтожила.

— Хорошо, — говорю я, вытирая рот тыльной стороной ладони и выглядывая из под килта. Он смотрит на меня такими ленивыми, полуприкрытыми глазами, и я знаю, что сделала работу хорошо. Его настроение изменилось,

он был на краю пропасти, а теперь вернулся в мир. Может если я просто продолжу трахать его на протяжении всего вечера, все пройдёт гладко?

— Я готова идти, — говорю ему, вставая. — Сказала ведь, что я быстро.

Он качает головой, а потом импульсивно целует меня. Мне нравится, что ему все равно, был он только что у меня во рту или нет.

Я спрашиваю его, собирается ли он вызвать такси, но так как мы берём Лионеля, за нами на машине заедет Амара. Она тоже отлично выглядит в своём простом коктейльном зеленом платье, рыжие волосы подняты высоко вверх.

— Ну, разве вы не три королевы бала, — говорит она, когда мы забираемся внутрь. Даже у Лионеля темный кожаный поводок и галстук бабочка, подходящий к килту Лаклана.

— Ты и сама хорошо выглядишь, — говорю я и горжусь тем, что я была той, кто предложил ей это платье когда мы ходили по магазинам.

Гала ужин проходит в отеле рядом с замком, и у нас занимает немного времени добраться до места, хотя Амара говорит, что сначала высадит нас, и потом поищет место для парковки. Когда я вижу на улице всех этих элегантных людей,

выстраивающихся в очередь чтобы попасть внутрь, то начинаю нервничать. В смысле здесь даже есть человек с камерой, желающий сделать фотографии всех, кто входит в отель.

— Это папарацци? — спрашиваю я Лаклана.

Он смотрит в окно и хмыкает, пожимая плечами. Полагаю, он не знает, но это напоминает мне, что я обещала Джессике, что попробую написать статью о сегодняшнем вечере. Я вынимаю из клатча свой телефон и проверяю батарею, убеждаясь, что она достаточно заряжена, чтобы сделать пару замёток и записей о вечере. Это уже

облегчает ситуацию.

Я смотрю на Лаклана, изучая его красивое лицо. Он, кажется, совсем не нервничает, но из глаз ушла мягкость, и он наблюдает за миром с долей твёрдости.

— Эй, — нежно говорю я, не чувствуя к нему ничего кроме любви. Беру его за руку. — Спасибо, что пригласил меня.

Он смотрит на меня так, словно у меня две головы.

— Конечно же, я пригласил тебя. Это ведь само собой, не так ли? Куда идёшь ты, туда иду и я.

Но на мгновение его слова повисают в воздухе, потому что мы оба знаем, что это не совсем правда.

Я задаюсь вопрос, если я попрошу его поехать со мной в Сан-Франциско, он поедет? Бросит ли он ради меня все? Почему у нас не может быть отношений, где ни одному из нас не пришлось бы чём-то жертвовать?

Полагаю, мир просто не работает таким образом. Я не эксперт в любви, но судя по тому, что я вижу вокруг, любовь это не что-то лёгкое. Николе понадобилось адски много времени, пока она не нашла парня - правильного парня - пока не нашла Брэма, и даже тогда обнаружилась не совсем приятная правда, с которой ей пришлось примириться. Стефани и Линден

всегда были друзьями, пока не заключили то дурацкое соглашение и затем Линден напортачил, надолго разлучив их, пока они не поняли, что нуждаются друг в друге. И мои папа с мамой. Казалось, у них была эпическая, сказочная история любви, но в конце их разлучила смерть. Самое большое препятствие из всех, которое ничто не может преодолеть.

Так что нет никаких причин для того, чтоб наш путь был лёгким. Я просто не понимаю, почему все должно быть настолько трудным. Я воображала, что, если когда-то встречу кого-то, кого люблю всем сердцем и душой, по крайней мере в начале, все будет гладко, пока на

нашем пути не возникнут сложные препятствия.

Но нет времени для жалости и сомнений, не сейчас. Я в течение многих лет, после долгого медленного ухаживания, была с Кайлом, и никогда не чувствовала к нему того, что чувствую к Лаклану. Это само по себе делает все остальное стоящим.

— Пойдём, лапочка, — говорит он мне, когда Амара подъезжает к парку. Фотограф уже направляет на нас вспышку.

Я замираю, но Лаклан кладёт руку мне на спину и наклоняется, шепча:

— Все в порядке. Просто

улыбайся. Мне это не нравится, но это лишь на один вечер и это благое дело. Подумай о собаках.

Я думаю о Лионеле, выходящем на тротуар, Лаклан притягивает меня к себе, рука вокруг моей талии, и стоически смотрит в камеру. Лионель скользит между нами, услышав небольшую команду от Лаклана, и садится, тоже морщась от вспышек.

Должна признать, трудно не улыбаться, находясь в руках такого мужчины, особенно когда люди выкрикивают его имя. Я знаю, нахождение в центре внимания это последнее, чего хочет Лаклан, но он с лёгкостью справляется с этим, что

удивляет меня,

Но он не тратит много времени на позирование, и вскоре быстро увлекает меня в отель. Лионель горделиво идёт рысью рядом с ним.

Внутри настоящее сумасшествие. Везде нарядно одетые люди и хотя я знаю, что одета соответственно, я не чувствую себя частью этого. Это та часть общества, к которой, знаю, я никогда не буду принадлежать, и лишь железная хватка Лаклана на моей руке сохраняет меня в здравом уме. На самом деле, он отпускает мою руку лишь для того, чтобы обменяться с кем-то рукопожатием, а потом снова держит меня.

Я не могу запомнить ни одного имени. В разных частях зала я замечая Тьерри, Джона и нескольких других игроков и позже мы видим Амару, Джессику и Дональда, но кроме них, все люди, с которыми я знакомлюсь, сливаются в одно пятно. Довольно очевидно, что многим из них плевать на животных, или в частности на Лаклана, они просто хотят быть замеченными, делающими правильные дела перед правильными людьми. Но благотворительность по неправильным причинам все же благотворительность и если подобное может помочь собакам, это хорошо.

Должна сказать, я полностью сражена тем, как со мной обращается Лаклан. Я действительно беспокоилась об этом мероприятии, даже больше, чем готова была признаться самой себе. Но, пока я потягиваю шампанское, он и не думает пить, и я чувствую вину из-за того, что он пьёт лишь газированную воду с лимоном. В то время как к нему снова и снова подходят люди, он всегда представляет меня как свою девушку. Всегда вовлекает меня в беседу, никогда не забывает обо мне, всегда держит за руку или вокруг талии. Он делает меня частью своего мира, насколько это возможно, будто я постоянный

элемент, будто всегда и была им.

И я ничего не могу поделать и смотрю на него большими, круглыми глазами. Если бы я была героиней мультфильма, у меня бы в них были сердечки, и я бы постоянно вздыхала, и, уверена, со стороны я выгляжу именно так. Я поражена его лаконичными слова, произнесенными этим изысканным акцентом, то, как этими магнетическими глазами он концентрируется на каждой персоне, удерживая взглядом. Я знаю, он делает это, потому что должен, обычно он не настолько располагает к себе, но он так чертовски хорош, что это дурачит даже меня.

Вечер продолжается, и я все больше влюбляюсь в него. Клянусь, если вы подойдете поближе и посмотрите, то увидите, как сердце внутри моей грудной клетки распирает от радости. Я не могу перестать улыбаться. Я не хочу когда-нибудь переставать улыбаться.

В какой-то момент группа начинает играть, и Лаклан передает Лионеля Амаре, вытаскивая меня на танцпол.

— Ты танцуешь? — спрашиваю я его, когда он обнимает меня. Начинается «Young and Beautiful» Ланы Дель Рей.

— Немного, — признается он с улыбкой, от которой у меня

поджимаются пальцы на ногах. — Но ради пары шагов я могу притвориться.

Ладно, может, танцы и не являются одним из скрытых талантов Лаклана. Мужчина не может быть хорош во всем. Но он хорошо справляется, притворяясь и, по крайней мере, не наступает мне на ноги.

Мы остаемся на танцполе больше, чем на несколько песен. Я не спешу возвращаться к общению с окружающими и полагаю, он тоже. Вероятно, именно потому мы танцуем так долго.

— Я просто хотел тебя лишь для себя, — говорит он, зарываясь

лицом мне в волосы. Словно читает мои мысли.

— Сколько обычно длится этот вечер? Имею в виду, когда ты обычно уходишь? — спрашиваю я его, глядя как мимо нас скользят очередные нарядные завсегдатаи.

— Я, как правило, ухожу одним из последних, — говорит он. — Не хочу быть тем парнем, который организовывает вечеринку, просит денег, а затем сваливает.

— Нет, ты не такой. Тогда мы останемся до конца.

— До самого конца, — говорит он.

Играют Битлз «All My Loving» и он прижимает меня крепче, руки

проходятся по моей обнаженной спине и оказываются на моей талии. Он очень тихо поет песню мне на ушко, и я закрываю глаза, позволяя словам опуститься глубже, позволяя этому мгновению длиться так долго, как только возможно. Все остальные исчезают и есть только он и я, и наш мир для двоих.

— Я так тебя люблю, — шепчет он, колючая щека прижимается к моей. — Так сильно. И нет никакого дна. Я просто продолжаю падать.

Я тоже падаю. Но у моего сердца выросли крылья. Они грозятся унести меня навсегда и каждый раз, когда я буду падать, несясь к пропасти, они снова

поднимут меня.

Я никогда не думала что такое возможно.

Я не хочу, чтоб было по-другому.

— Я люблю *тебя*, — нежно говорю я, задыхаясь от всех этих эмоций, ползущих вверх по моему горлу, овладевающих мной. — Я не могу покинуть тебя. Я не оставляю тебя. Я хочу остаться.

Я не планировала говорить такие слова, и они застают меня врасплох, но это не значит, что они не искренние.

Верхняя часть его тела застывает, шаги замедляются. Он откидывает голову назад и

осторожно смотрит на меня.

Я сглатываю и киваю.

— Да, — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — Да, да. Я хочу остаться. Мне невыносима мысль о том, чтобы оставить тебя. Я не могу вернуться к той жизни, которая у меня была, не после жизни здесь, хоть и такой короткой. Я знаю, чего хочу, и я хочу тебя.

Он перестаёт двигаться и берёт мое лицо в ладони, я могу почувствовать, как его сила проникает в мою кожу.

— Ты понятия не имеешь, каким счастливым ты меня делаешь, — говорит он, качая головой. — Ни малейшего понятия. Ты даже не

представляешь, — он целует меня сильно, страстно и, погружая пальцы мне в волосы, прижимается лбом к моему лбу. — Я дам тебе все, что нужно. Я буду всем, кем ты захочешь. Я позабочусь о тебе.

Я готова возрастить, что мне не нужно, чтоб обо мне заботился мужчина, но я держу рот на замке и не говорю ни слова. Потому что Лаклан необходим мне, по крайней мере, с точки зрения моего сердца, и я так же знаю, как иногда важно чувствовать себя нужным. Я хочу, чтоб он почувствовал это, знал, что я нуждаюсь в нем так же сильно, как он нуждается во мне.

— Я знаю, что ты так и

сделаешь, — в конце концов, говорю я. — Ты мой мужчина.

Он тяжело дышит мне в шею, почти задыхаясь.

— Я собираюсь сделать тебя счастливой.

— Ты уже делаешь меня счастливой, — правдиво отвечаю я. — Иногда я думаю что невозможно быть миру ещё лучше, но затем оказывается что в моем сердце больше места, чем я думала.

Он блаженно вздыхает, несколько минут прижимая меня ближе. А затем шепчет:

— Нам надо найти комнату, — и его голос возвращается к тому страстному, рычащему тону, который

за секунду делает мои трусики влажными. Черт да, нам надо найти комнату. Все эти декларации о любви должны найти выход.

Он берет меня за руку и шагает по танцполу, плечи отведены назад, делая длинные, широкие шаги, словно он король всего. Мои глаза ищут уборную, пока мы уворачиваемся от людей, особенно избегая Джессику, потому что ей не надо знать что мы собираемся делать. Мы исчезаем за углом, проходя мимо ресепшн, и находим уборную. Это лучшее, что мы можем сделать.

Он затягивает меня внутрь, смотрит по сторонам коридора,

чтобы убедиться, что нас никто не видел, а затем запирает дверь.

Я прижимаюсь к раковине, руки по краям, в ожидании его атаки.

Но он не наступает на меня, по крайней мере, не сразу. Он просто смотрит на меня и наши глаза встречаются.

— Что? — шепчу я, боясь разрушить чары.

Он наклоняет голову в сторону, наблюдая за мной и хмурясь, словно я какая-то загадка, которую он собирается разгадать.

— Ты имела это в виду? — спрашивает он. — Когда говорила, что останешься?

Это практически ранит, он

звучит таким сомневающимся.

— Конечно, да. Я подразумевала каждое слово.

— Обещаешь? — спрашивает он, подходя ко мне и опираясь обеими руками на край раковины.

Я поднимаю мизинец.

— Клянусь на мизинце.

Он взглядом отклоняет подобное.

— Не, это ерунда. Твоего слова более чем достаточно, — убирает волосы мне за уши, — я хочу заставить тебя почувствовать себя так же невероятно, как ты заставляешь меня чувствовать себя.

Он хватает меня за бёдра и поднимает вверх так, что я

балансирую на краю раковины, мои руки хватаются за край, чтобы удержать равновесие. Дергает платье вверх, затем приседает, и голова оказывается между моих ног.

Мне едва хватает времени прийти в себя, подготовиться. Он поедает меня словно голодающий, пальцы раздвигают меня в стороны, язык и рот такой мягкий и тёплый. Я чувствую каждое ощущение словно молоток, каждый толчок, словно удар, исходящий наружу.

Я так сильно хочу его. Хочу его глубоко внутри, всего его. Но, судя по его удовлетворённым стонам и голодным звукам, он просто хочет поглотить меня. Он хочет доставить

мне столько удовольствия, сколько способен подарить мне в пределах человеческих возможностей, потому что он не уверен, что делает достаточно, заставляет меня чувствовать достаточно.

Но он именно такой.

Его рот беспощаден. Он неумолим. Язык погружается глубоко в меня, прежде чем лизнуть клитор и всосать его в рот. Я почти кричу, мое тело на высоте сознания, на грани перезагрузки. Он опускает одну руку вниз и двумя длинными, прекрасными пальцами входит глубоко в меня, поворачивая их. Тепло струится глубже, мои нервы, словно миллион бутылок

шампанского, готовых вот-вот лопнуть. Это медленное, закручивающееся предвкушение, заставляющее мой рот открыться, шею выгнуться назад, пока она не встречается с зеркалом.

Я одновременно и сверхчувствительна и едва осознаю, что происходит. Ноги сжимаются вокруг его лица, движимые его губами и языком, пальцы напротив меня, внутри меня, жёстче, глубже и он отвечает, действуя так, будто я всё, что ему необходимо для жизни, словно без меня он умрет.

Нетерпеливыми руками он притягивает меня к себе, его язык твёрдый и настойчивый и мир

начинает сходить со своей оси. Этот мир, созданный лишь для двоих.

Я хочу почувствовать его, *ощутить* его, прикоснуться к нему. Мои бёдра резко врезаются в него. Он тянется языком обратно к моему клитору, щёлкая по нему так быстро снова и снова, что я больше не могу дышать.

Он стонет напротив меня.

И затем я освобождаюсь.

Я просто чертовски свободна.

И я парю, кончая ему в рот, практически падая с раковины. Его руки сжимают мою талию, удерживая меня, пока он заканчивает начатое, жестко посасывая губами, вырывая крик из моего горла.

Я громко кричу. Я знаю. Я всегда такая. И мне все равно, если кто-то за пределами уборной услышит мои крики, потому что каждый в целом гребаном мире обязан узнать что он за любовник. Он любит каждой своей частичкой и отдаёт каждую часть себя.

Когда мой оргазм у его губ стихает, он выпрямляется, глядя на меня лихорадочными глазами. Глазами, которые говорят, что он знает меня, знает, что мне нравится и никогда не перестанет давать мне это.

Но я абсолютно эгоистична. Я хватаю его голову и целую его, долго и нежно, мой вкус на его языке

придаёт мне силы.

Он стонет мне в рот, это звук идёт прямиком из его нутра, заставляя мою кровь бежать быстрее.

— Видишь, насколько ты хороша на вкус, — шепчет он, губы двигаются к моей шее. — Мне никогда не будет достаточно тебя.

Я нащупываю под килтом его член, беру в руку твёрдую длину, такую горячую и пульсирующую в моей ладони. Он придвигается ближе, и я ввожу его, такая влажная и готовая для него, что он скользит внутрь словно шелк, наши тела привыкают друг к другу с чудесным чувством легкости.

Я оборачиваю ноги вокруг его

талиии, каблуки впиваются ему в задницу, пока он начинает вколачиваться в меня, снова воспламеняя каждый мой нерв с каждым медленным, гладким плавным движением.

Я хнычу, когда мы находим наш ритм, как мы всегда находим его, и в этот раз, и в этот раз я знаю, это не конец. Мое тело болит от такой сильной жажды его и без единого слова его тело отвечает, всегда давая моему даже больше, чем нужно.

— О, Кайла, — задыхаясь, стонет он напротив меня, пока капли пота падают с его лба мне на ключицу. Я почти уверена, что вот-вот пойдёт пар. Он толкается жёстче,

и глубже, и такое чувство что весь воздух устремляемся прочь из моих лёгких и я цепляюсь за его тело, пока его движения ускоряются.

Я прижимаю ногти к его спине, цепляясь крепче. Кожа сильно хлопается друг от друга, густой звук эхом отражающийся от стен. Каждый толчок длинный и жёсткий, и он с усилием кряхтит, пока член не ударяет меня в идеальное место.

Я взрываюсь словно атомная бомба.

Его бёдра ударяются о мои, безжалостно и сурово, и он тоже кончает со шквалом стонов, снова и снова шепча мое имя, пока царапает мои бёдра, выпуская каждый дюйм

себя внутри меня, выстреливая так далеко и глубоко, как только может.

Это так чертовски красиво.

Когда мы оба восстанавливаем дыхание, когда наши сердца замедляют свой бешеный темп, он выходит из меня, и я спрыгиваю вниз с раковины, попа практически онемела.

Мы не знаем что сказать друг другу. Не думаю, что нам надо что-то говорить. Мы посылаем друг другу ленивую, понимающую улыбку. Он берет пару кусочков туалетной бумаги и вытирает внутреннюю часть моих ног, убеждаясь, что я сухая. Затем предлагает мне руку, словно джентльмен.

Как леди, я принимаю ее, и мы выходим, чтобы насладиться остатком вечера.

Глава 24

КАЙЛА

Следующие несколько дней пролетают в каком-то туманном виде блаженства. С тех пор, как я сказала Лаклану, что остаюсь, я наслаждаюсь самой идеей. И наслаждаться для нас обоих, это значит много горячего, счастливого секса. Мы упиваемся тем, что наши отношения были продлены, что ограниченное количество дней, первоначально дарованное нам, растянулось до

бесконечности.

Хотя что я действительно делаю, так это избегаю непростых решений. Тяжёлых звонков. Я не хочу звонить маме и говорить, что могу не приехать домой. Не хочу писать письма Стефани и Николе и говорить им, что рискую всем ради Лаклана. Не хочу связываться с работой, и говорить, что ставлю их перед фактом, ещё и издалека.

Лаклан говорит, я просто могла бы поехать домой, привести все мои дела в порядок и затем вернуться обратно. Но почему-то подобное заставляет меня нервничать. Я знаю, вероятно, правильно сделать именно так, но я также чувствую, что это

может все усложнить. Если бы я снова увидела маму, если бы она выглядела более хрупкой, чем раньше или звучала более грустной, не думаю, что я смогла бы уехать. И где бы я оказалась потом? Последнее, чего хочет от меня мама, чтоб я чувствовала себя обиженной на неё, и хотя я бы так никогда не сделала, знаю, что провела бы остаток жизни, нянчась со своим разбитым сердцем и задаваясь вопросом, что могло бы быть.

Поэтому я отказываюсь быть сознательной и ответственной взрослой. Я виню в этом свой затуманенный разум, находящийся под избытком любви и гормонов.

Ещё несколько дней откладывая тяжёлую часть от необходимости прощаться, необходимости оправдать своё решение. Вместо этого мы с Лакланом планируем мое будущее здесь, и все, что это решение повлечёт за собой.

Я уже упоминала о множестве горячего, офигенного секса? Что ж, он занимает большую часть нашего времени. Но с Джессикой, обещавшей мне помочь с писаниной, это означает сконцентрироваться на создании моего портфолио. На следующий день после званого ужина, даже в состоянии лёгкого похмелья, я написала парочку абзацев в стиле, который вы видели в

одном из бульварных журналов, как раз для коротенькой колонки. Джессика внесла несколько поправок и сказала, что передаст статью кое-кому, кого она знает.

Я все ещё не получила ответ, но я просто счастлива, что она хочет помочь мне, что думает, я могу. Кажется, Лаклан тоже верит в это, как и в то, что я могла бы работать в приюте с Амарой.

Я хочу попытаться получить работу самостоятельно, на своих условиях, но знаю, что это не просто, когда вы находитесь в Шотландии как нелегальный эмигрант. Имею в виду, мне разрешено легально находиться здесь определенное

количество времени, но без визы я не смогу работать. Лаклан говорит, что ему будет легко содержать меня и единственный другой выход, это неофициальная работа в каком-то баре, но это звучит не так уж плохо.

На самом деле, в этом есть что-то романтическое. Если бы я вернулась обратно домой, я бы ненавидела идею работать в баре. Хочу сказать, Никола работает в Burgundy Lion, но это лишь временно и она умеет работать с людьми. А я всех ненавижу. Мысли о том, чтобы обслуживать их, наливать алкоголь, не укладываются у меня в голове.

Но здесь, в Шотландии, я определённо могу быть девушкой за

стойкой. Здесь я могу быть, кем захочу. Вот она прелесть путешествия, отбросить все, что вы знаете в сторону, и начать с начала.

Тем не менее, я не хочу начинать серьёзные поиски, пока все не станет официальным. А это значит, как только я официально уволюсь с работы, как только расскажу все друзьям и семье, тогда можно и начинать.

Я просто хочу, просто мечтаю, что в глубине души не будет этого крошечного, мелочного чувства, которое говорит мне, что дела не будут складываться так, как я хочу. Что все это будет не так легко. И на моем пути возникнет много

душевной боли.

Когда наступает утро понедельника, я встаю с намерением, когда проснуться все остальные, живущие по тихоокеанскому времени, сделать несколько телефонных звонков. Может это решение делает меня немного раздражительной, я не знаю. Но Лаклан тоже встал не с той ноги. Даже Эмили немного раздражена, но Лионель, как обычно, спокоен и с опаской поглядывает на нас.

Думаю, я приближаюсь к решающему моменту. Технически мне осталось здесь несколько дней и если бы я была поактивней, то уже забронировала бы билет и улетала в

конце недели. Может ещё и это добавляет какого-то непонятного волнения, это чувство неизвестности.

Но если я что и знаю, так это то, что кофе решает *все проблемы*. Я иду на кухню, чтобы сделать целую кучу кофе, пока брюзга Лаклан что-то односложно бормочет в ванной.

После одной чашки я чувствую себя лучше, сознание проясняется, и Лаклан заходит на кухню в полотенце, обёрнутом вокруг талии, волосы влажные после душа. Я всегда нахожу время оценить его, имею в виду, девушка ничего не может с собой поделатъ. Жить с ним это как находится в чьем-то

девчачьем микроблоге на Tumblr, полном высоких, мускулистых, татуированных мужчин. И под этим блогем я подразумеваю свой собственный пару лет назад.

— Я сделала кофе, — говорю я ему немного тихо, но до второй чашки кофе мой мозг пребывает в тумане.

Он открывает холодильник и вынимает коробку с яйцами.

— Спасибо, — говорит он, но не смотрит на меня.

— Тяжёлая ночь? — Спрашиваю я. Мы оба довольно поздно пошли спать, и мне понадобилось несколько часов, чтобы заснуть, моя память все

прокручивала каждую важную вещь, которую мне необходимо сделать.

Он пожимает плечами и, наконец, смотрит на меня. Его глаза выглядят немного жутко, налитые кровью. Полагаю, он тоже не очень хорошо спал.

— Я в порядке, — говорит он, вытаскивая сковородку, чтобы приготовить яйца. — Так что, сегодня ты поговоришь с начальством, да?

Точно. Вот что его беспокоит.

Я киваю, надеясь, что моя улыбка скрывает, насколько я не уверена. Опять же, не по поводу переезда сюда, просто...что ж, ничего нельзя сказать наверняка, но,

кажется, все мои страхи подкрадываются ко мне.

— Я позвоню им, когда там будет девять.

Он внимательно изучает меня.

— Ты, правда, собираешься бросить работу?

Господи. Он что, сказал это так прямо? Мой страх усиливается.

— Как мы и говорили.

— Хорошо, — говорит он и поворачивается обратно, чтобы заняться завтраком.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, подходя и кладя ладонь на твёрдые, жилистые мышцы спины.

Он останавливается, на мгновение подбородок резко

опускается.

— Да. Нет. Просто. Прости, лапочка, — посылает мне натянутую улыбку. — Один из тех дней, когда ты просыпаешься не в настроении. Понимаешь?

— Конечно, — говорю я, тянусь за его чашкой и наливая немного кофе. — Но кофе лекарство от всех бед, мы это знаем.

— Спасибо, — мягко говорит он, беря ее у меня. — Я просто...затаил дыхание, полагаю. — Он делает глоток, прежде чем поставить кружку вниз и вернуться к яйцам. — И приближается первая игра против Глазго, и я одновременно и хочу играть и не

хочу. Хочу доказать себе, что вернулся, но не хочу рисковать, пойти туда и все провалить.

— Думаю, ты знаешь своё тело лучше, чем кто-либо, — говорю я ему, надеясь что, таким образом, помогаю. Последнее, чего я хочу, это заставлять его ещё больше переживать. — И твоё тело точно знает, что надо сделать, чтобы выиграть игру. Конечно же, я видела не так уж много твоих тренировок, но я бы солгала, если б сказала, что не смотрела видео за видео на YouTube как ты играешь, давишь людей, набирая очки за попытки, и просто чертовски наслаждаешься этим. Ты будешь в порядке.

— А мы? — спрашивает он, глядя на меня. — Что насчёт нас?

— Тебе никогда не стоит беспокоиться о нас, — говорю я ему и в этот момент сама верю в свои слова.

Лаклан уходит на тренировку по регби, а я остаюсь в квартире, думать о всех телефонных звонках, которые должна сделать. Хотя я и знаю, что это правильно, что я хочу это сделать, я не уверена насколько это важно. Хорошо, я знаю насколько это важно. Именно это заставляет меня медлить, когда я смотрю на

телефон, вертя его в своих руках, словно считая, когда мне придётся нажать на спусковой крючок.

Что если у нас ничего не выйдет? Что если я брошу все ради него, чтобы остаться здесь, чтобы быть с ним, а наши отношения недостаточно сильны, чтобы справиться со всем, что встретиться нам на пути? Мы ведь новички в этом, не только с точки зрения знания друг друга, но и в любви. У нас обеих немного опыта, как минимум у меня - нет. Не подобного. И что, если переезд сюда тяжелей, чем кажется, что если когда первые сладкие месяцы пройдут, я начну обижаться на Лаклана за то, что ему

самому не пришлось идти на какие-то жертвы?

Не хочу, чтоб это случилось. Но если я не рискну, то никогда не узнаю. Истинная правда в том, что я люблю его настолько сильно, что это уничтожает меня. Моя первая встреча с ним посадила семя, и я понятия не имела насколько быстро и пышно оно расцветёт внутри меня. Я безнадёжно запуталась в любви, пока она растёт во мне как прекрасный сорняк, полностью беспощадный.

Часть меня хочет раскрыть сорняка-убийцу и вытравить его из меня, потому что я никогда не была из тех девушек, которые чувствуют подобное, делают безрассудные

вещи, которые я собираюсь сделать. Другая часть хочет упиваться дикостью, принять ее, сходить с ума, безжалостно и беспрепятственно.

В районе четырёх Лаклан ещё не вернулся с тренировки, и я решаюсь сделать звонок. Я выбираю маму, потому что она всегда должна быть на первом месте, даже впереди работы.

Телефон звонит и звонит и звонит. Дома ранее утро, но она в любом случае всегда встаёт на рассвете. Я вздыхаю и вешаю трубку, чувствуя странное чувство облегчения, что мне пока не надо сообщать ей новости.

Я собираюсь позвонить

Стефани, просто чтобы чувствовать, что я что-то сделала, когда слышу, как Лаклан открывает дверь. И я слышу голоса.

Я вытягиваю шею с дивана, чтобы увидеть, как он заходит в коридор вместе с Бригсом. Лионель и Эмили рядом со мной спрыгивают с дивана, Лионель виляет хвостом на брата Лаклана, Эмили лает на него.

— Оу, да заткнись ты, — говорит ей Лаклан, и это первый раз, когда я слышу, как он кричит на собаку. Что оставляет неприятный вкус у меня во рту.

Я осторожно слезаю с дивана и иду к ним.

Лаклан другой. Перемена в нем

очень заметна. Голова опущена, плечи ссутулены, в глазах уклончивая напряжённость. Он не в своей форме, на нем джинсы и футболка с треугольным вырезом, но не думаю, что он принимал душ после тренировки. На руке пятно грязи.

— Привет, — говорю я Бригсу, переводя взгляд на него. — Рада видеть тебя снова. Если бы я знала, что ты придёшь, привела бы себя в порядок.

— Оу, пожалуйста, — говорит Бригс, демонстрируя очаровательную улыбку и очень белые ровные зубы, без сомнения созданные ортодонтом. — Ты прекрасно выглядишь.

Лаклан раздраженно уходит в

столовую, направляясь на кухню. Я наблюдаю за ним, а затем снова выжидательно смотрю на Бригса.

— Что-то произошло? — быстро спрашиваю я, понижая голос.

Он поджимает губы, бросая взгляд в столовую.

— У меня сегодня было время, так что я пришёл посмотреть тренировку. Пару дней назад я говорил ему, что могу зайти, так что он был в курсе. Я всегда стараюсь посмотреть парочку игр, своего рода традиция, да? Что ж, я успел только на заключительную часть тренировки, потому что опоздал, и оказался там как раз вовремя, чтобы увидеть, как он протаранил Денни.

Денни его товарищ по команде. Лаклан не отступил. Теперь Денни травмирован, кто знает насколько сильно. Возможно вывих плеча.

У меня отвисает челюсть.

— Дерьмо. У Лаклана проблемы?

Бригс хмурится, глаза становятся равнодушно холодными.

— Трудно сказать. Я так не думаю. Лаклан отличный нападающий и иногда он не осознаёт собственную силу. Тренер это знает. Черт возьми, он поощряет это в нем. Но, даже учитывая, что команда не беспокоиться, если Денни не станет лучше к первой игре, виноват будет Лаклан.

Я даже не уверена, как осмыслить все это. Последнее, в чем нуждается Лаклан, это чувство вины.

Я подыскиваю слова, желая услышать от Бригса, что все будет хорошо, но Лаклан выходит из кухни, глаза смотрят в пол, проскальзывает мимо нас к двери.

— Куда ты идёшь? — спрашивает его Бригс.

— На прогулку, — бормочет Лаклан, закрывая за собой дверь.

— Мне следует пойти за ним, — говорю я Бригсу, но он кладёт руку мне на плечо.

— Дай ему немного пространства, — говорит он, посылая мне умоляющий взгляд. —

Доверься мне.

— Он, должно быть, очень ужасно себя чувствует. — Я скрещиваю руки на груди, внезапно чувствуя холод. Не хочу, чтоб Лаклан шёл на прогулку один, потерявшись в своих внутренних муках. Ему надо, чтоб я была там, чтоб вытащила его из темноты.

— Я считаю, он чувствовал что-то ужасное, — говорит Бригс. — в противном случае он бы не ударил так сильно, — он пристально смотрит на меня, засовывая руки в карманы. — Послушай, я не утверждаю, что знаю о ваших отношениях с Лакланом. Иногда я едва понимаю наши с ним

отношения. Знаешь, когда его взяли в семью, я едва закончил школу. Я вырос с множеством приёмных братьев и сестёр, приходящих и уходящих, но Лаклан, по какой-то причине, задержался, хотя его практически невозможно было понять. Моя мама увидела что-то в нем и не захотела сдаваться. Полагаю, он увидел то же самое в нас. Но это была трудная дорога. И я был к нему так зол, к этому молодому хрену, который вёл себя так, словно мы ничего не сделали для него. Я просто не понимал его демонов. — Он делает паузу, глядя в сторону, на лице написана боль. — Хотя теперь я знаю. Знаю, каково это

жить с чувством вины, верить, что ты ничего не стоишь. Я это знаю.

Он прочищает горло и смотрит в пол.

— Я прошёл через кое-что, мягко говоря. И мне жаль, что тогда давно, когда Лаклан нуждался во мне, меня не было рядом. Хотя теперь я буду с ним, можешь на меня положиться. Дело в том, — он смотрит на меня, — что он возвращается. Медленно, но верно. Не знаю почему, могу лишь предположить. Хотя это никогда не будет проблемой. Он никогда не распространялся о своём прошлом, потому что его прошлое сделало его таким, какой он есть. Люди с

зависимостями...наивно полагать, что в один прекрасный день они излечатся. Это работает не так. Это постоянная болезнь, понимаешь? Болезнь, для которой нет никакого реального лечения, лишь способ управлять ею. И он не может справляться с ней в одиночку. Ему необходимо, чтоб окружающие поддерживали его. Понимаешь?

Его тон заставляет меня слегка ощетиниться.

— Я понимаю. Я здесь *ради* него.

— Я знаю. Ты очень заботишься о нем.

Я выпрямляюсь.

— Я люблю его, — говорю я,

голос мягкий, но слова сильные.

— Это даже лучше, — говорит он. — Но иногда любви не достаточно. Ты должна знать, он снова и снова и снова будет причинять тебе боль, и ты должна научиться любить его, даже когда ненавидишь. Такова реальность. Это факты. Ты должна знать, что, если, ты, правда, любишь Лаклана и хочешь быть здесь ради него, хочешь увидеть, как он выберется из этого ада, это станет для тебя жестоким испытанием и сломает тебя. Такое будет случаться. Это уродливая правда и не так много людей созданы для подобной ответственности.

Он смотрит на меня в

ожидании ответа, но я все ещё чувствую себя так настороженно, что едва могу говорить. Он не знает, что я за человек, через что я прошла в своей собственной жизни.

Кроме того, я отказываюсь верить, что любви не достаточно. Как ее может быть не достаточно, когда такое чувство, что она может изменить мой внутренний мир, если не каждую частичку меня? Её должно быть более чем достаточно.

— Я сильнее, чем ты мог бы подумать, — наконец, говорю я.

— Рад это слышать, — говорит он. — Знаешь, он хороший парень. Действительно хороший. Сердце ангела, воина, называй, как хочешь.

Просто все это такой гребаный позор. Снаружи он такой сильный, а внутри такой напуганный, брошенный маленький мальчик.

— Он не безнадёжен, — говорю я ему, зная, что мои слова значат так мало, от кого-то нового в его жизни.

— Нет, полагаю, нет, — говорит он с тяжёлым вздохом. — Но уверен, порой так кажется. — Он вытаскивает телефон и проверяет время. — Хочешь, чтоб я остался с тобой пока он не вернётся? Он, хм, может быть не трезв, когда вернётся с прогулки.

Я хлопаю глазами.

— Может быть не трезв?

— Прямо сейчас он, скорее всего, в пабе вниз по улице.

У меня такое чувство, что у меня выбили почву из под ног.

— Он пьёт? Ну и какого черта ты не позволил мне пойти за ним? Я могла бы это предотвратить!

Он медленно качает головой.

— Нет, не смогла бы. Ты не можешь. Ты думаешь убедить его не пить, сказав ему, что он не должен? Установишь правила? Это так не работает.

— Он слушает меня!

— Что я сказал о том, что любви не достаточно? Он не слушает тебя, Кайла. Все зависит от него, и когда он в определённом

настроении, ты для него словно не существуешь.

Мое горло словно закрыто, словно не способно глотать.

— Пожалуйста. Пожалуйста, можем мы забрать его из паба? Ты не знаешь, послушает он или нет. Меня или тебя. Я просто не могу позволить ему напиваться. Он может ранить себя. Может ввязаться в драку, причинить кому-то боль. Что, если он останется там на всю ночь? Твою мать, ты только что сказал, он чувствует себя ужасно из-за того, что сделал на тренировке...я не могу...

Я не могу просто стоять здесь и представлять себе это.

Я поворачиваюсь, хватая с

полки сумочку и ключи.

— Я собираюсь найти его. Что это за паб?

— Кайла, — предупреждает он, загораживая дверь.

Даже если Бригс высокий, сильный мужчина, он легко отодвигается, когда я отталкиваю его в сторону.

— Не скажешь мне, и тогда я проверю каждый паб в округе. — Я смотрю прямо на него. — Я люблю твоего брата, хорошо? И не собираюсь позволять ему делать это с собой.

Он смотрит вверх, размышляя.

— Отлично, — говорит он. — Я иду с тобой.

Мы с Бригсом идём на улицу, солнце уже за домами, создает туманный, золотой цвет. Люди выгуливают собак, смеются, и трудно поверить, что мы ищем Лаклана, мужчину очарованного темнотой, который вообще не может видеть солнце. Мое сердце болит, стуча с перебоями, пока я продолжаю представлять самые худшие сценарии. Знаю, прошло не так много времени с тех пор, как он ушёл и может быть, возможно, он в настроении послушать.

Если мы вообще сможем найти его.

Потому что его нет в первом пабе, в который меня привёл Бригс.

Нет и во втором, и в третьем.

Он не отвечает ни на смс, ни на звонки.

И теперь я вижу, Бригс действительно начинает беспокоиться, линии в уголках глаз углубляются. Эдинбург большой город, полный пабов и людей, ищущих неприятности. Даже так, мы несколько часов ищем по разным районам, прежде чем решаем вернуться обратно из Старого города, вверх по Дандас стрит. Солнце уже давно нет, и повсюду тьма.

Все это время я едва чувствую что-то за исключением нехорошего предчувствия в груди, губы пересохла и искушены от волнения. Я

продолжаю говорить себе, что Лаклан взрослый человек, он знает, что делает, он, вероятно, в порядке и продолжаю повторять это себе снова и снова. Наконец, у меня не остаётся никаких мыслей, я просто с паникой двигаюсь дальше.

— Может, он вернулся в квартиру, — говорю я Бригсу, когда мы поворачиваем на нашу улицу.

Он молчит в ответ.

Но, когда мы поднимаемся по лестнице к входной двери, она уже открыта.

— Привет? — спрашиваю я, легонько толкая ее. Я ожидаю, что сейчас выбегут собаки, но их нет. Бригс шагает передо мной, на

случай, если мы попали в засаду к грабителю или что-то подобное.

— Лаклан? — говорит он и мы слышим движение на кухне.

Мы оба идём через столовую и выглядываем из-за угла. Лаклан сидит за кухонным столом, голова опущена назад, глаза закрыты, кулак вокруг бутылки виски. У его ног под столом Лионель и Эмили, смотрят на нас вверх большими глазами. Лионель разок мягко стучит хвостом.

— Эй, — говорит Бригс, подходя к нему и вытаскивая стул. Он наклоняется, пытаюсь заглянуть ему в лицо, привлечь его внимание. — Мы искали тебя.

Лаклан что-то ворчит и кулак

вокруг бутылки сжимается. Но все ещё не открывает глаза.

Бригс смотрит на меня, на лице вопрос. Не уверена, что он знает что делать, что будет дальше. Я тоже не уверена, но пока он смотрит на меня, Лаклан поднимает подбородок, лишь на дюйм, и смотрит прямо на меня.

Его глаза пугающие. Налитые кровью и такие чертовски холодные и суровые, такое ощущение, что они сделаны из стали.

Я пытаюсь смягчить выражение лица, дать понять, что беспокоилась о нем, сказать ему, что все в порядке, даже если это не так.

Кажется, это не работает. Он на мгновение фокусирует взгляд на

Бригсе, и, клянусь, собирается сломать бутылку пополам. Затем снова смотрит вниз, ноздри трепещут, и закрывает глаза.

В конце концов, Бригс встаёт и подходит ко мне, наклоняясь к моему уху. Лаклан снова смотрит на нас. Я не узнаю в нем своего парня. Это животное из другой ночи, но намного, намного хуже.

— Хочешь, чтобы я остался? — шепчет мне Бригс.

Я не боюсь Лаклана. Отказываюсь бояться. Я смогу справиться с ним когда мы вдвоём. У меня такое чувство, что, возможно, присутствие Бригса заставляет Лаклана напрягаться и уходить на

тёмную сторону.

— Я в порядке, — говорю я Бригсу. Быстро добавляя: — спасибо тебе.

Он кивает и хлопает меня по плечу, прежде чем покинуть комнату.

— Позаботься о ней, Лаклан, — говорит он, и проходят самые длинные и тяжёлые секунды, пока я не слышу, как закрывается дверь.

Я выдыхаю, словно все это время задерживала дыхание. Теперь есть лишь он и я. Я стою у двери на кухню, он сидит за столом. Его костяшки все ещё белые от того, как сильно он сжимает бутылку. Не могу сказать, сильно он пьян или немного. Он кажется совершенно разумным и

если бы не полупустая бутылка, я бы вообще не подумала, что он пил. У него суровый взгляд, впрочем, как обычно, кажется принимающий все с пугающим количеством ясности.

Я подхожу к столу и сажусь напротив, кладя руку ладонью вверх, отчаянно нуждаясь в его прикосновениях, поцелую его губ.

— Поговори со мной, — говорю я ему.

Он смотрит мне в глаза, и я не могу ничего прочесть в них.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Лаклан. Бригс рассказал мне, что случилось на тренировке. Мне так жаль, это была не твоя...

— Бригс сказал тебе, —

неразборчиво говорит он, вот теперь я слышу алкоголь в его голосе.

— Да. Он объяснил. Он беспокоится.

Он кивает, злость искажает его губы.

— Я вижу.

— И мы беспокоились о тебе, когда ты просто взял и сбежал.

Он поднимает брови, один глаз прикрыт.

— Да неужели. Почему?

О Боже, как бы сказать по деликатней.

— Помнишь один вечер в баре? Я не хотела, чтоб *это* случилось снова.

Он так сурово смотрит на меня,

что я отодвигаюсь.

— Ты нихера не понимаешь, да?

Кулак сжимает мое сердце.

— Я пытаюсь, — тихо говорю я.

— О, ты пытаешься, — говорит он, поднимаясь с места и поворачиваясь, кладя руки за голову. Он немного наклоняется влево, практически падая, но держится. Господи, да он пьян. — Ты пытаешься. Это вот так ты пытаешься?

Кухня словно наполняется зыбучим песком и все медленно начинает вращаться, стремясь к центру, и тонет. Я чувствовала себя

беспомощной и безнадёжной до этого, бродя по улицам и тщетно ища его. Но теперь, когда он здесь, в безопасности, чувство такое же сильное.

Я не знаю что сказать или что сделать. Как будто он говорит о чём-то случившемся с кем-то ещё, не со мной.

— Я что-то сделала не так? — спрашиваю я.

Внезапно он оглядывается, берет бутылку и бросает ее в противоположную стену, крича:

— Бл*дь! Ты нахрен сама-то себя слышишь?

Собаки выбегают из под стола, стекло разлетается по полу. Я где-то

слышу стук отбойного молотка, но понимаю, это лишь сердце стучит моих в ушах. Смотрю, как виски стекает по стене, и за шоком часть меня рада, что он не может выпить остальное.

Я теряю дар речи. Застываю. Могу лишь смотреть на него, желая чтоб все это был дурной сон, желая, чтобы он был кем-то другим. Я хочу, чтоб мужчина, которого я люблю, вернулся.

— Что, теперь нечего сказать, да? — кричит он на меня, слюна вылетает изо рта, лицо красное до висков. — Спорим, ему ты наговорила массу всего.

Я беззвучно качаю головой.

— Ему?

— Моему братику, —

иронизирует он.

У меня ум за разум заходит от попыток понять его.

— Бригс? А что с ним?

— Конечно, конечно, —

говорит он, направляясь к холодильнику и дёргая дверь. Пивные бутылки, которых раньше там не было, гремят, и он хватает одну, открывая с сердитым поворотом.

— Это они всегда и говорят. Всегда ложь, гребаная ложь, — невнятно произносит он. — Я думал, ты лучше.

— Лаклан, — я повышаю голос.

— Понятия не имею, о чем ты

говоришь.

— Думаешь, я не знаю ложь, которую он распространял обо мне? — Он бормочет так неразборчиво, что я едва могу понять его. Садится и заливает половину бутылки себе в глотку.

— Пожалуйста, — беспомощно говорю я. — Просто успокойся и мы сможем поговорить как разумные взрослые люди. Просто объясни мне, что ты имеешь в виду.

Он сердито качает головой, подначивая неприятной улыбкой.

— Ты такая же, как и все остальные. Ждёшь пока кто-то облажается, так что ты можешь отшвырнуть его и перейти на кого-то

ещё. Я это знаю. Знаю его и знаю тебя, и у меня никогда, с самого начала не было вашей любви. Ни от одного из вас.

Он предполагает то, что я думаю?

Если так, то это безумие. Он безумен.

— Ты думаешь что-то произошло со...мной и твоим братом? — спрашиваю я, практически смеясь, потому что это, должно быть, хренова шутка. — Сейчас?

— Я жду тебя здесь уже хрен знает сколько времени! — говорит он, ударяя кулаком по столу, заставляя пену в его пиве подняться

наверх.

— Что? — ору я, кровь кипит.
— Мы пошли искать тебя! Ты просто ушёл!

— Я же сказал, я говорил, говорил вам, что пошёл прогуляться, — он качает головой, повторяя себе.
— Я же сказал вам, что пошёл прогуляться.

— Ты пошёл в чертов паб, вот куда ты, твою мать, пошёл, утопить свои печали и упиваться своим гневом.

— Ты, — резко говорит он, глаза словно кинжалы, палец указывает на меня, — ты знаешь дерьмо про меня, да? Ага? Ты его понимаешь? Ничего ты не знаешь,

так что, твою мать, не смей сидеть здесь, смотреть на меня свысока и осуждать.

— Я не осуждаю тебя! — кричу я на него. — Я указываю на правду. Ты ушёл напиться. Мы с Бригсом....

— Даже не произноси его имя, — говорит он сквозь стиснутые зубы.

— *Бригс*, — громче говорю я, — и я пошли искать тебя, остановить тебя.

Его голова дергается назад, словно от пощёчины.

— Остановить меня? Остановить от похода в паб, чтоб выпить пару проклятых пива? Кто ты, нахрен, такая?

— Лаклан, — умоляю я,

чувствуя что все это выходит из под контроля.

— Нет! — орет он, вскакивая на ноги, стул с шумом падает на паркет. — Нет! Кто. Ты. Бл*дь. Такая?!

— Я та, кто любит тебя!

Он смеётся. На самом деле смеётся, голова откинута назад и это самый грустный и горький звук, который я когда-либо слышала.

— Любишь? Ты нахрен не любишь меня.

К глазам подступают слезы. Я медленно качаю головой, трясина затягивает меня.

— Пожалуйста, пожалуйста, просто послушай себя. Я люблю тебя.

— Если ты любишь меня, то я не чувствую к тебе ничего, кроме жалости.

— Не делай этого, пожалуйста, давай не будем идти по этому пути.

— Мне жаль тебя за то, что любишь такой унылый мешок с дерьмом, как я. Прояви немного гребаного уважения, ха?

— Ты не понимаешь.

— Я все отлично понимаю. Ты просто тупая девица, приехавшая сюда потому, что думала, что влюбилась. Держу пари, ошибаться больно.

Я не могу дышать. Просто не могу. Такое чувство, что кто-то наполнил меня водой, быстро

заморозил и каждый орган внутри меня, в этот один ужасный момент, останавливается.

— Тебе нужна помощь, — удаётся выдать мне и слова парят в воздухе между нами. — Тебе нужна помощь, Лаклан. Это не ты.

Очередной мерзкий смешок.

— Это я. Проснись, бл*дь. Я предупреждал тебя. Предупреждал тебя, какой я. Не моя вина, что ты гребаная идиотка.

Мой желудок сводит от такого количества боли, что я вынуждена закрыть глаза. Руки сжимаются в кулаки. Я пытаюсь сделать спокойный вдох, чтобы облегчить боль, но не могу.

— Знаю, мне не следовало приезжать сюда, — шепчу я себе.

— Некого винить кроме себя, дорогуша.

Мои глаза резко открываются, желчь поднимается вверх по горлу.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать?

Я умоляю, прошу, молюсь, чтоб что-то в его глазах изменилось, чтоб он понял, что говорит, понял на кого кричит. Кто я ему. Так бывает в кино. Когда пьяный герой видит свою ошибку и трезвеет, приходя в себя, не чувствуя ничего кроме раскаяния к женщине, которую обидел, я бы приняла это, если бы он только видел, что делает со мной.

Но это не кино. В реальной жизни, этой реальной жизни, он не успокаивается. Его глаза все ещё подразумевают это, тёмные, полные такого количества ненависти, что вы можете почувствовать ее каждой частичкой души.

Надо было попросить Бригса остаться. Следовало подготовиться. Мне следовало знать, что все может быть настолько плохо, что он может быть так ужасен.

Но я этого не сделала. В конце концов, я гребаная идиотка.

— Ну? — говорит Лаклан. — Наконец замолчала? Нечего больше добавить? — он прищуриваются на меня, пока допивает остатки пива. —

Никаких возражений про это пиво, а?

Я делаю ещё одну последнюю попутку. Одна последняя надежда в аду.

— Лаклан, — говорю я, мой голос дрожит. — Я люблю тебя. Не важно, что ты сказал и во что веришь, я люблю. И клянусь, ты верил мне, чувствовал, до недавнего времени. Пожалуйста, не забывай об этом. Я не жалею о том, что приехала сюда, не важно что с тобой происходит. Но ты должен работать со мной, пожалуйста. Ты должен понять, что ты пьян.

— Ой, да отвали.

— Ты *пьян*, — громко повторяю

я, пытаюсь не кричать, пока он не поймёт, пока не увидит. — У тебя проблема и в этом нет ничего зазорного, но если ты не остановишься, это убьёт нас, убьёт тебя. Пожалуйста. Если ты не можешь помочь себе сам, пожалуйста, позволь мне тебе помочь.

Он несколько мгновений смотрит на меня, затем вскидывает бровь.

— Это все?

— Нет, — разочарование душит меня. — Нет. Это не все. Ещё кое-что, — я делаю паузу, закрывая глаза, потому что боюсь увидеть правду. — Ты не любишь меня?

Время на пределе. Проходит слишком много минут, и мое сердце стучит так громко, что я боюсь, не смогу услышать его ответ.

Наконец он говорит, тихо и грубо:

— Как я вообще способен любить кого-то, кто может любить меня?

Черт.

С меня хватит.

Мои глаза резко открываются, гнев ударяет в меня.

— Знаешь что? — огрызаюсь я на него. — Я действительно устала от твоего «я бедненький и несчастный» дерьма!

Но он просто пожимает

плечами, глядя в сторону.

— Ты знаешь, где дверь.

— Невероятно. — Говорю я. —

Ты себя слышишь?

— Хочешь, чтоб я показал тебе дверь? — говорит он, глядя мне за спину, словно он абсолютно чертовски серьёзен.

— Ты серьёзно угрожаешь выгнать меня отсюда?

— А мне надо угрожать тебе?

Ух. Весь воздух высасывает из моих лёгких.

— Нет, — говорю я, по лицу начинают стекать слезы. — Нет, тебе не надо угрожать мне, козел. Я сама найду дверь. — Я прохожу мимо него и ненадолго останавливаюсь рядом,

глядя на него с такой яростью, что она может соперничать с его собственной. — Не знаю, кто ты или что ты сделал с Лакланом. Но я знаю, что *этого* тебя я не люблю. У меня нет ничего кроме *ненависти* для этого тебя.

Он ничего не говорит. Но это не важно.

Я проношусь мимо него и выхожу в коридор. Я едва могу видеть сквозь слезы. Даже не знаю, куда я собираюсь, но сумочка на мне и, по какой-то причине, я думаю что это все, что мне нужно, что я буду в порядке.

Лионель сидит у двери, скуля и просясь на улицу, выглядя

напуганным и жалким. Если я не возьму его, никто этого не сделает. Лаклан безнадёжен.

Так сильно безнадёжен.

Я хватаю их поводки, пристёгивая Лионеля, а затем нахожу Эмили, трясущуюся под журнальным столиком. Я быстро покидаю квартиру, практически сбегая вниз по лестнице, и затем выхожу в ночь. Несусь вниз по улице, собаки бегут рядом, нервные, напуганные, не уверенные что происходит.

Я тоже не знаю, что происходит.

Я просто продолжаю идти и идти и идти.

Потому что мне некуда идти.

В конце концов, я падаю на скамейку в парке около Уотер оф Лейт. Здесь темно и, вероятно, очень опасно, может даже с двумя собаками. Но в этот момент я не боюсь ничего, кроме демонов, завладевших человеком, которого я люблю.

Я опускаю голову на руки и ломаюсь, дикие всхлипы вырываются из моего горла. Я плачу, потому что не чувствую ничего кроме безысходности, плачу потому что люблю его так сильно, что не знаю, где заканчивается он и начинаюсь я. Я плачу потому, что он не заслуживает этого, потому что он никогда не просил о жизни, которая

ему досталась.

Мой сломленный зверь.

Как можно кого-то любить и
одновременно ненавидеть,
безжалостная шутка сердца.

Не знаю, как долго я остаюсь
сидеть на скамейке, но, в конце
концов, собаки становятся
беспокойными и хотят вернуться
домой. И у меня на самом деле нет
выбора, кроме как вернуться. Собаки
принадлежат своему владельцу, и я
тоже принадлежу ему, возможно
только лишь на ещё одну ночь. Я
честно не знаю, что принесёт
завтрашний день.

Пока я направляюсь обратно,
мне страшно, что он все ещё там, все

ещё злой, все ещё тот ужасный человек, которого я ненавижу. Сказанные им слова эхом отдаются у меня в голове, незнакомый, чужой, бездушный взгляд его глаз. Каждое воспоминание ударяет меня, словно нож для льда, равнодушно, резко и глубоко.

Но к счастью, когда я захожу в квартиру, не вижу никаких признаков его присутствия, пока не захожу в спальню. Он спит, растянувшись на кровати и громко храпя. Обычно я бы принесла ему воды и ибупрофена от похмелья, но сегодня, что ж, сегодня он может идти нахрен, и если он проснётся чувствуя себя как дерьмо, то хорошо, он заслужил подобное и

даже хуже.

Не могу представить себе, как можно делить постель с существом, которым он стал, так что я переодеваюсь в ночнушку и ложусь на диване. Лионель сворачивается в ногах, Эмили на ковре подо мной. Их присутствие утешает, но его не достаточно.

Я пытаюсь не заплакать снова, но в этот момент практически невозможно отключить эмоции. Моего чёрного сердца уже давно нет, а это новое бьется в агонии. Единственное хорошее в рыдании то, что оно работает так же хорошо, как и снотворное и проходит немного времени, прежде чем я засыпаю.

Я ненадолго просыпаюсь в темноте, возможно в середине ночи, чтобы увидеть тень Лаклана у подножия дивана.

Я задерживаю дыхание, выжидая.

Он кладёт толстое одеяло на меня, укрывая.

Затем поворачивается и ковыляет обратно в спальню.

Я натягиваю одеяло на плечи и закрываю глаза.

Глава 25

ЛАКЛАН

Чувство вины это не эмоция.
Это живой, дышащий организм.

Другой человек, живущий внутри вас, иногда кричащий так громко, что вам хочется содрать кожу и позволить ему уйти.

Но вы не можете.

И вы не в силах сделать ничего, чтобы заставить его замолчать.

Абсолютно ничего.

Есть вещи, которые, как вы думаете, помогут вам.

Порочные, прекрасные вещи.

Секс.

Наркотики.

Алкоголь.

Они все поют вам свои сладкие песни, надеясь, что вы не распознаете зло под ними. Они - искушительница, обещающая

облегчить вашу боль, обещающая мягкие, тёплые объятия. Они обещают вам мир.

И они приносят его. Они всегда выполняют свои обещания. Может быть, на минуту, может, на несколько часов, они позволяют вам поддаться глубинному течению.

Вот почему вы продолжаете возвращаться. Потому что они не лгут.

И потому что на следующий день чувство вины усиливается. Словно вы худший человек, чем были до, если это вообще возможно. Словно ненависть к себе внутри вас может быть ещё глубже.

Но так и есть.

Снова и снова.

Изо дня в день.

И есть только один способ
справиться с этим.

Притупить боль.

Надеть маску печали.

Притупить ненависть.

Вы снова делаете это с собой.

До конца своих дней.

Но я не хочу подобного до
конца своих дней.

Потому что в моей жизни есть
кто-то, кто делает ее стоящей. Это
заставляет меня хотеть стать лучшим
человеком. Заставляет меня хотеть
бороться против всех вещей, с
которыми я сталкивался снова и
снова.

Ирония в том, что, думаю, я уже потерял ее.

Мне даже не надо открывать глаза, чтобы понять, она не со мной.

Ее отсутствие ударяет меня сильнее, чем боль в голове и неприятное, повторяющееся волнение в желудке. Когда Кайла не в постели рядом со мной, я чувствую себя совершенно потерянным.

Одиноким.

Каким-то образом я отталкиваю жалость к себе, отвращение и ненависть, и пытаюсь сформулировать план. Мозг заторможен и продолжает возвращаться к старым шаблонам, выясняя, что исправить, пока не

станет слишком поздно.

Если уже не слишком поздно.

Я открываю глаза и солнечный свет, проникающий через окно, практически ослепляет меня. Я моргаю, набираясь храбрости, отталкивая большую агонию, бушующую внутри меня.

Я не помню большую часть вчерашнего дня и это проблема.

Раньше это не было проблемой. Провалы в памяти. Было в них что-то чистое и аккуратное. Что бы ни происходило в мире, я ничего не помнил. Даже если кто-то говорил мне, что я кого-то ударил или сказал что-то ужасное или заблевал весь бар, или что там ещё было, я не мог

вызвать в памяти эти моменты. Так я притворялся и делал вид, что все это делал какой-то другой парень, потому что я, ну я бы определённо знал, если б делал подобное.

Но теперь я понятия не имел, что натворил и не мог больше делать вид, что это случилось с кем-то другим. Теперь в это была вовлечена Кайла, и я волновался о ней больше, чем обо всем остальном.

Я помню тренировку. Помню...что ж, помню время до тренировки. Когда пошёл в паб через дорогу и выпил две пинты эля. Утром я не ел ничего, за исключением яиц, и согласно своей странной логике подумал, что два

пива будут лучше, чем ничего.

Но это был лишь предлог. Я это понимал. Я проснулся уставшим и обеспокоенным о том, каким будет решение Кайлы. Хоть она и сказала мне, что собирается остаться, это не было реальным, пока она не сообщила кому-то ещё, кроме меня. Я так привык, что люди говорили мне, то что думали, я хочу услышать и я хотел увидеть это, узнать.

Я хотел расслабиться. Хотел снять напряжение.

Но ваша искустительница работает совсем по-другому.

Вместо этого она накрутила меня.

Подлила масла в костёр.

Денни раньше уже бесил меня во время тренировок и, по какой-то причине, мне хотелось причинить ему боль. На самом деле причинить боль. Словно, если мой гнев найдёт выход, станет лучше.

Так что я причинил ему боль. Как только он подошёл ко мне, желая забрать мяч, я врезался в него и в этот момент подумал, *ни в коем случае приятель, тебе меня не остановить.*

И поэтому я остановил его. Сам же я едва почувствовал удар.

Алан разозлился. Все разозлились. И Бригс, я видел его на стадионе, наблюдающего за мной, и мог оттуда сверху почувствовать все

его разочарование.

Я облажался.

Одним из худших возможных способов.

Я причинил боль одному из своих, то есть причинил боль одному из товарищей по команде, что означает, я причинил боль самому себе.

Но в этом и была цель, так ведь?

После этого все одно сплошное размытое пятно.

Я покинул стадион и пошёл вверх по улице к тому же бару, в котором был до этого. Туда пришёл Бригс, пытаясь поговорить со мной, но порой он последний человек,

которого мне хочется слышать. Иногда он мой брат. А иногда лишь напоминает, что я на самом деле не связан с ним. Что моя семья, это не моя кровь. И что моя кровь думала, что я не заслуживаю того, чтобы оставить меня с собой.

Я помню, как вернулся домой в квартиру, но мне было так стыдно от того, что произошло, я был так зол, что не мог оставаться там. Я не хотел, чтоб Кайла видела меня. Я даже не мог поговорить с ней и посмотреть ей в глаза.

Затем мое сознание мутнеет.

Что я помню, так это чувство. Гнилая, чёрная смола моего сердца и души, куда попала темнота. Попала и

распространилась словно рак. Я помню гнев и ярость и паранойю и ревность и все остальное, что причиняет боль и режет и бьет прямо в душу.

Я знаю, что все это, должно быть, было направлено на неё.

Я молюсь о чуде. Знаю, она познала на себе всю тяжесть произошедшего.

Я больно сглатываю, рот словно наполнен опилками, и медленно поднимаюсь с кровати.

Шатаясь, иду к двери, комната вращается, пока я двигаюсь. Я тяну за двойные двери и выглядываю в гостиную. Там нет никого кроме Лионеля и Эмили на диване, на

дополнительном одеяле, которое я обычно храню в конце кровати.

Вспышки возникают в моем сознании, фрагменты памяти.

Помню, как в середине ночь взял одеяло для неё, спящей на диване, и укрыл им.

Я помню это.

Память уничтожает меня.

Мне приходится втянуть воздух, чтобы сдержать рвущееся наружу рыдание.

Прошлой ночью она даже не спала со мной в одной кровати.

И теперь ее нигде не видно.

Я иду в коридор, ванную, кухню.

Лишь я и собаки.

Как это обычно и бывает.

Как это, вероятно, и будет всегда.

Лионель следует за мной по пятам, пока я ищу ее, показывая свою верность. Он любит меня лишь потому, что я люблю его, но это все, что я могу получить и все, что я могу принять. Он - константа. Он никогда не бросит меня, даже если он видел меня в моем худшем состоянии больше раз, чем можно сосчитать.

Эмили с нами совсем недавно. Она остаётся на месте, с опаской поглядывая на меня. Она ещё не знает меня от и до. Во многих отношениях, она как Кайла. Думает, что может доверять мне, надеется на

лучшее. Но это не лучший я, это худший я и доверие, имеющееся у нее ко мне, медленно разрушается. Думаю, Эмили будет поблизости потому что я спас ее, оставил ее. Ну и потому что, в конце концов, она просто собака.

Но Кайла, определённо, намного сложнее. Она красивая, заботливая, сексуальная как ад, многогранная личность и я знаю, я причин ей боль способами, которые, вероятно, непоправимы. Ее нельзя приучить к определенным условиям, наградить за хорошее поведение. Ее преданность не бесконечна. Она не предлагает любовь беззаветно, потому что я взял ее и предложил ей

ласковое слово. Я должен провести всю жизнь, пытаясь завоевать ее, проявить себя, постоянно предлагая ей своё сердце и душу. В любви и в жизни нет никаких гарантий, и ее любовь это то, что я никогда не смогу принять как должное, если я все же настолько удачлив, чтобы все ещё иметь ее.

Я хожу по квартире, ища признаки ее присутствия. Сумочка исчезла, но чемодан и все остальное все ещё здесь.

Понятия не имею, куда она исчезла. Я размышляю о том, стоит ли позвонить Бригсу или даже Амаре, но я не уверен как все объяснить. Конечно, я несколько раз

звоню ей, но попадаю прямо на голосовую почту. Даже звук ее радостного, саркастичного голоса ощущается, словно нож в сердце и я снова истекаю кровью.

Что если я облажался настолько, что ничего нельзя исправить?

Что если я на самом деле, действительно, потерял ее?

Твою ж мать.

Что я сделал прошлой ночью?

Так что я жду. Сажусь на диван и жду и жду, пока это становится больше похоже на борьбу, чем на ожидание. Потому что снова то же чувство вины и ненависть, и стыд и они бродят вокруг, пытаюсь затащить

меня на дно, заглушить меня, пока я не смогу сделать очередной вздох.

И там, на улице, в ближайшем пабе есть что-то, что может увезти меня далеко от этой боли. Эта песня слышна даже из аптечки в ванной, Перкосет, другой способ притупить все эти чувства. Я не могу делать вид, что каждый божий день не глотаю парочку этих штук.

Но я достойный противник. Я придерживаюсь своей позиции, хотя знаю, это заставило бы уйти физическую боль. Не могу сосчитать, сколько раз за сегодняшнее утро меня уже стошнило.

Когда приближается полдень, а она все не возвращается, у меня нет

инного выбора, кроме как пойти на тренировку. Это последнее чего я хочу, последнее, что мне нужно. Я не хочу видеть осуждающие взгляды своих товарищей по команде, не хочу чувствовать себя виноватым во всем этом, и опять же, не хочу шевелить долбанными мышцами, потому что мне плохо.

Но я не могу просрать абсолютно все в моей жизни.

Я медленно собираюсь и затем оставляю Кайле записку на столике в коридоре, написанную моим корявым подчерком.

Я пошёл на тренировку. Сразу же после, пойду домой. Пожалуйста, не уходи. Мы сможем

справиться с этим, пожалуйста, останься и подожди меня.

Я минуту смотрю на неё, и слова звучат так бездушно и бессмысленно, как будто они могли бы когда-нибудь убедить такую женщину как Кайла, если она решит уйти. Но я все равно оставляю ее там потому что это все, что я могу сделать.

Тренировка невыносима. Если бы здесь не было таких людей, как Джон и Тьерри, как мой тренер, который, кажется, верит в меня независимо от того, что я делаю,

даже когда я все испоганил, я бы развернулся в тот же самый момент, как ступил на поле. Я бы просто ушёл. Я прошёл через столько всего, но у каждого есть свой переломный момент и сегодняшний был бы моим, если бы у меня не было там несколько поддерживающих лиц.

Хорошая новость в том, что с Денни все будет хорошо. Полагаю то, что я был слегка пьян перед игрой, сыграло мне на руку, потому что, когда я метнул в него мяч, это было не прямое попадание в суставы. Хоть он и не был на тренировке, что было хорошо, потому что не уверен что смог бы иметь с этим дело, Алан сказал, что через пару дней он

вернётся, готовый к большой игре. Не знаю, что бы я делал, если бы получилось так, что один из наших звёздных игроков не смог бы играть. Поскольку, в соответствии с указаниями Алана я не играю в первой игре, мы действительно должны охрененно сыграть против Глазго.

Дорога от стадиона к квартире кажется, длится вечность. Я постоянно разминаю руль, костяшки белые, боясь, что когда вернусь, Кайлы не будет. Возможно ли, что она просто уехала и села на ближайший рейс? Может, оставшиеся сумки не стоили того? Может спастись от меня, картины наших

разрушенных отношений, было для неё единственным выходом. Если у неё в сумочке был паспорт, это все, что ей было нужно, чтобы исчезнуть.

Не могу винить ее в этом. Все что я знаю, что мои надежды, как я войду в квартиру и увижу ее прекрасное лицо, могут быть напрасными. Прямо сейчас она может быть где-то над Атлантикой. Прямо сейчас она может направляться в свою новую жизнь, не оглядываясь через плечо. Может именно поэтому мои звонки не проходят, а сообщения не доставляются. Она в самолёте, направляется далеко-далеко.

Последний раз, когда я был

рядом с ней, я даже не смотрел ей в лицо. Что, если это был последний раз, когда я видел ее? Что, если моим последним воспоминанием о ней будет ощущение меня слишком постыдным, чтобы даже взглянуть в её сторону? Если бы я знал, что это конец, я бы схватил ее, держал бы крепко-крепко, изо всех сил, смотрел бы в неё так глубоко, что не знал бы где, заканчиваюсь я и начинается она.

Я бы все сделал по-другому.

Я бы никогда не дал ей повода уйти.

Я вынужден остановить машину, водители объезжают меня, сигнали. Мне наплевать. Я ни на что

не способен. Мысль о том, чтобы так скоро, даже не попрощавшись, потерять ее, изнурительна.

Я остаюсь там, стоя в неположенном месте, пытаюсь дышать, голова лежит на руле. Я остаюсь сидеть так, пока не нахожу мужество продолжить путь и посмотреть в лицо правде, какая бы она не была.

Я нахожу место для машины на углу здания моей квартиры и направляюсь вверх. Жду около двери и прислушиваюсь, надеясь услышать внутри какое-то движение, которое немедленно положит конец моим страданиям, по крайней мере, уменьшит их. Если она все ещё здесь,

у меня все ещё есть шанс сделать все правильно.

Я быстро отпираю дверь и вхожу. Лионель бежит ко мне, прося почесать его за ухом. Я приседаю вниз, рассеянно глажу его, прислушиваясь к любым звукам.

Там. На кухне. Закрывается дверь холодильника.

Надежда поёт где-то глубоко внутри меня.

Я направляюсь прямо туда и вижу ее, стоящую со стаканом сока в руке. Она смотрит на меня, будто ждала меня, волосы безжизненные и свисают вокруг лица. Глаза красные и припухшие, и я могу почувствовать каждую унцию боли, исходящую от

нее как ядовитые солнечные лучи.

— Я думал, ты ушла, — выдаю я, бросая сумку на пол.

Она мгновение смотрит на меня, лицо искажается.

— Я пыталась.

Облизываю губы, не в силах сказать правильную вещь. Все, что я могу сказать это:

— Кайла, прости, — слова выходят резким шёпотом.

Она поднимает подбородок, пытаюсь удержать его от дрожи, и все, чего я хочу, это броситься через комнату и обнять ее, пообещать что все будет хорошо.

Но я остаюсь стоять на месте. Потому что знаю, обнимать ее прямо

сейчас было бы безнадежно.

— За что ты извиняешься? —
резко спрашивает она.

— За то, что произошло?

— И что произошло? Ты
помнишь?

Чувство вины одной ногой
медленно нажимает на мои лёгкие. Я
качаю головой.

— Нет.

Ее лицо искажается.

— Тогда почему ты
извиняешься?

— Потому что, — выкрикиваю
я. — Потому что знаю, что напился и
знаю, что был в плохом настроении и
сделал что-то очень, очень
неправильное. Я не знаю что, но...я

чувствую это. Я чувствую, что ты столкнулась с этим. Это торчит во мне словно ножи, и я не могу избавиться от них. — Я прерываюсь, пытаюсь дышать. — Знаю, я причинил тебе боль. И ты не знаешь, как я сожалею об этом. Обо всём том неправильном, что сделал.

— Но ты даже не знаешь что именно, — задыхаясь, говорит она, словно не веря. Взгляд ее глаз - ещё один удар в живот. — Ты даже не знаешь, что сделал, что сказал. Ты не знаешь, каким человеком ты становишься.

— Я догадываюсь.

Она горько улыбается.

— О нет, не думаю что ты,

твою мать, догадываешься. Ты не тот мужчина, который стоит здесь. Ты не ты. Ты кто-то, кого я ненавижу.

Ненавижу.

— Ты гребаный дьявол, вот все что я знаю. Имею в виду. Ужасный. Смотришь на меня так, словно не узнаешь, говоришь со мной будто я кто-то другой и неважно, что я говорю, как убеждаю тебя в чём-то, ничегошеньки не работает. Словно я перестаю для тебя существовать. Как я могу справиться с этим тобой? Как ты можешь пообещать, что я не увижу снова эту твою сторону?

Я хочу пообещать. В своём отчаянии, я хочу пообещать ей все. Но знаю, что не могу. Потому что,

если я дам обещание, и это произойдёт снова, другого шанса у меня не будет.

— Послушай, лапочка, пожалуйста. Я собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы удостовериться, что подобное не случиться снова.

— Ты сказал, что дни твоей зависимости позади. Но это не так. И ты это знаешь.

Но дело в том, что до этого момента я не знал этого. Годами я находил слишком много оправданий, слишком много отговорок. До тех пор, пока я продолжал строить карьеру, пока не жил на улицах, пока, казалось, нормально ладил со всеми,

это не был откат назад. Я больше не был похож на наркомана. Я не был бессилен и не становился рабом чего-то вне моего контроля. Я не был Лакланом Локхартом.

Иногда на то, чтобы осознать правду, уходят года. Иногда для этого нужна лишь секунда.

Вот она моя правда и она не медлит: я всегда буду Лакланом Локхартом.

И я всегда буду вести кровавую битву.

— Ты разобьёшь мне сердце, — шепчет она, слезы текут по лицу, и она практически сердито вытирает их.

— Нет, — говорю я, качая

головой. Иду к ней, отчаянно хватая за плечи, — нет, нет, нет.

— Да, — кричит она, избегая моего взгляда. Вблизи ее разочарование наводит ужас. — Да. Если это продолжиться, да. Ты разрушишь меня. Или я первая себя сломаю.

— Пожалуйста, — прошу я ее, темнота в груди душит меня. — Мы можем справиться с этим. Я обещаю тебе, обещаю, мы сможем.

— Нет, — говорит она, быстро качая головой, губы сжаты. — Мы не сможем. Мы недостаточно сильны. Я недостаточно сильная.

— Нет, ты такая, — говорю я ей. — Кайла, Ты самый сильный

человек, которого я знаю. И знаю, я слишком давлю на тебя, лишь прося даже примириться со мной, не говоря уже о переезде сюда, но, пожалуйста. Я люблю тебя. Люблю тебя так сильно, что не могу ясно мыслить, и это разрушает меня. Ты разрушаешь меня для всего остального, и может, ты и не видишь, но нет ничего другого, что я хочу больше, чем оказаться у твоих ног.

Я падаю на колени, обнимая ее ноги.

— Я не могу потерять тебя. Не уходи от меня. Не оставляй меня. Я, наконец, нашёл тебя. *Тебя*. Я не хочу прожить остаток жизни без тебя рядом. Не думаю, что смогу.

Она неподвижно стоит в моих руках, и я рыдаю на ее бедре, держась за неё так сильно, потому что чувствую, если не отпущу ее, она никогда не сможет уйти. Я опустошённый, раненый мужчина в ногах женщины, которую люблю и молю остаться.

Когда ее руки находят мои волосы и нежно касаются кожи на моей голове, я практически плачу от облегчения. Ее прикосновение, ее любовь успокаивают меня, словно повязка на ране, и я растворяюсь рядом с ней.

— Прошу тебя, — бормочу я у ее ног. — Я никогда не был серьезней, чем сейчас. Я сделаю все

что угодно.

— Реабилитационный центр,
— шепчет она. — Или консультации.
Что-то, Лаклан, тебе нужно что-то
подобное и оно должно быть больше,
чем я могу тебе дать.

— Да, — говорю я, хотя даже
сама идея о возвращении в
реабилитационный центр из-за
алкоголя, спустя более десяти лет
после того, как я был там из-за
метамфетамина, кажется неловкой и
постыдной. Несмотря на это, если я
пойду туда, это не станет секретом,
весь мир узнает об этом и о том, что
я за человек. Но я сделаю это для
неё. — Я пойду.

— Ты должен хотеть пойти

туда, — говорит она.

Я смотрю на неё вверх, опуская подбородок на её бедро.

— Я хочу пойти, — говорю ей.

— Но ты не можешь сделать это для меня, — говорит она.

Но я сделал бы это для неё. Я сделаю для неё все, все что угодно.

— Я не хочу быть больше таким, — признаюсь я, голос глухой от боли. — Не хочу быть мужчиной, которого ты ненавидишь, лишь мужчиной, которого ты любишь.

Она тяжело вздыхает, и я чувствую, как тяжело у неё на сердце. Я ненавижу, что я сделал это с ней, моей красивой, радостной девочкой.

— Я только не знаю..., — замолкает она. — Эти отношения такие новые и... разве все не должно быть проще?

Я с трудом сглатываю. У меня нет ответа. Потому что, даже если любить её пугает меня, не любить ее, пугает меня больше. Как любовь может быть проста? Как она может быть чем-то, кроме как абсолютно ужасающей?

— Любить тебя легко, — говорю я спустя мгновение, — это единственное, что я знаю.

Она смотрит на меня сверху вниз, брови смягчаются, несмотря на то, что я могу видеть битву в глубине глаз. Я не завоевал ее снова, ещё не

полностью.

— Мне надо в ванную, — шепчет она мне, и я отпускаю ее ноги, поднимаясь. Она посылает мне маленькую улыбку, пока я нависаю над ней, и уходит.

Я вытаскиваю стул и сажусь, голова на руках, в ожидании явного признака того, что все будет хорошо. Но нет ведь никаких признаков, да?

Все что я знаю, вещи должны измениться. Насколько бы не было больно и страшно, я изменяюсь. Я взгляну правде в глаза, справлюсь со всем до тех пор, пока она будет оставаться со мной. Мысль о ее уходе это большая чёрная дыра умиления в груди, не обещающая ничего, кроме

пустоты.

На столе, напугав меня, звонит ее телефон, и я смотрю на него. Ей не часто звонят, и сейчас это Тошио, ее брат. Обычно я бы позволил ему продолжать звонить, но в ее эмоциональном состоянии, ей, возможно, надо поговорить с ним, кто знает, может быть, она уже звонила ему, желая поехать домой.

Я отвечаю.

— Алло. Это Лаклан.

Пауза. Затем.

— Лаклан. Кайла там?

Что-то в его голосе заставляет меня занервничать.

— Она в ванной, должна вот-вот выйти. Повесишь на телефоне?

— Конечно, — говорит он так тихо, что я едва его слышу.

Я встаю и несу телефон в ванную, стучу в дверь.

— Кайла? — спрашиваю я, она открывает дверь, выходя в коридор. Я показываю ей телефон.

— Это твой брат Тошио.

Она хмурится.

— Хорошо, спасибо. —
Подносит телефон к уху, слегка отворачиваясь от меня. Прочищает горло. — Привет Тошио. — Длинная пауза. — Ммм, нет, — говорит она и ее голос немного срывается. Она смотрит на меня, но она не видит меня. Ее глаза медленно расширяются.

Она задыхается, рот открывается.

— Что?! Когда это...— рука порхает к груди, и я оказываюсь прямо рядом с ней, смотрю на неё, пытаюсь понять что происходит. Ее губа дрожит, и она начинает трястись. — Нет. О нет. Нет. Боже мой, — всхлипывает она. Глаза закрываются, и я кладу руку ей на талию, чтобы поддержать ее. Случилось что-то совершенно ужасное, гораздо страшнее того, что произошло прошлой ночью.

Теперь она кивает, пытаюсь дышать и глядя перед собой измученными, остекленевшими глазами.

— Хорошо, — быстро говорит она. — Хорошо, я буду там. Я приеду. Только... — она прижимает кулак ко лбу и кричит: — О Боже. Боже.

Телефон выпадает из рук, скользя по полу.

Я быстро нагибаюсь, пытаюсь поднять его, чтобы дать ей, но звонок уже завершён. Она отворачивается от меня, пальцы прижаты к глазам, рот открыт, и я вынужден потянуть ее за руку, чтобы она не врезалась в стену.

— Что случилось? — серьёзно спрашиваю я, отрывая пальцы от глаз. — Кайла?

Она смотрит на меня с новым видом ужаса. Ее рот открывается и закрывается. В конце концов, она

говорит:

— Мама. У неё был инсульт, они так думают. Они не знают. Боже. Они...они нашли ее. Несколько часов назад Тошио нашёл ее дома и...и...— она громко сглатывает, облизывая губы. — Она в коме. Чтобы защитить мозг, доктора были вынуждены ввести ее в кому. Господи, — задыхается она и практически падает. Я быстро обнимаю ее, удерживая. Она начинает дрожать в моих руках. — Мне надо ехать домой. Мне прямо сейчас надо ехать домой. Я никогда не должна была оставлять ее. Никогда не должна была уезжать от неё.

— Это не твоя вина, —

пытаюсь сказать я, но знаю, мои слова бесполезны. Мой старый добрый друг, чувство вины, способно блокировать все остальное.

— Я должна вернуться домой, — повторяет она, на лице застыл чистейший испуг. — Я должна попасть на ближайший рейс домой.

Я закапываю поглубже сокрушительный страх.

— Конечно, — говорю ей. — Позволь мне разобраться с этим. Иди, собирай вещи. Мы доставим тебя обратно к твоей маме. Все будет хорошо, договорились, лапочка? Все будет отлично.

Она кивает и в оцепенении поворачивается обратно, направляясь

в спальню.

У меня такое чувство, что меня сбили грузовиком. Если ее мать не выберется, Кайла будет полностью уничтожена. Более того, она станет сиротой, как и я. И хотя она росла с двумя любящими родителями, в то время как у меня была лишь мать и то ненадолго, я знаю, что значит чувствовать себя в этом мире совершенно одиноким.

Это разрушит ее.

Я прислоняюсь к стене, пытаюсь дышать. Наши отношения висят на волоске, вероятно в данный момент я последний человек, в котором она уверена, и сейчас она вынуждена ехать домой. И даже если

бы она хотела видеть меня там, я не могу поехать с ней из-за регби.

Но я все же должен удостовериться в этом. Я мог бы попытаться.

Я направляюсь в спальню и вижу, как с пустым выражением лица она запихивает все в чемодан.

— Хочешь, чтоб я поехал с тобой? — спрашиваю её.

Она едва смотрит на меня.

— Ты не можешь. У тебя регби.

— Я знаю, но это ведь важно.

Она хватает джинсы из корзины для стирки. Это произойдёт так скоро. Она действительно уезжает.

Было бы совершенно эгоистично опасаться, что она может

никогда не вернуться.

— Ты останешься здесь, — говорит она. — Это...я должна быть рядом с братьями. Мы должны выяснить, что делать дальше.

— Я знаю, — мягко говорю я. — Но я мог бы сделать что-то. Ну, знаешь, если я тебе нужен. Для поддержки. — Правда, в том, что, вероятно, сейчас я ничего не мог бы сделать. Не прямо сейчас, перед нашей первой игрой. Но если она нуждается во мне, если хочет, чтоб я был там, я сделаю все, что смогу.

— Ты останешься здесь, — снова говорит она.

Я киваю.

— Хорошо. Я просто хотел

убедиться.

Я иду к компьютеру и быстро бронирую ей билет на следующий рейс из Эдинбурга. Самолёт улетает сегодня вечером, с пересадкой в Нью Арк и затем в ЛА, но, по крайней мере, она доберётся так скоро, как возможно.

И вот так, за считанные секунды, уже второй раз за день, оба наши мира полностью меняются. Мы оба молчим и мчимся в аэропорт, с Лионелем и Эмили на заднем сиденье, которые составят мне компанию в том, что я знаю, будет очень одинокой дорогой обратно.

Все происходит настолько быстро, что мое сердце и разум едва

ли могут осознать происходящее. Одну минуту я умоляю ее остаться, дать мне второй шанс. А в следующую, она уезжает и от нас уже ничего не зависит. Она уезжает и вопрос с нами, как парой, кто мы друг другу, остаётся абсолютно нерешенным. Но прямо сейчас это наименьшая из наших проблем и я не думаю, что заслуживаю останавливаться на чем то, что хотя бы отдалённо касается меня.

Все это лишь о Кайле. И здесь мое сердце снова и снова надламывается. Потому что я знаю, насколько она любит свою маму, какую ответственность чувствует за неё. Я просто хочу быть рядом с ней,

пройти через все это. Хочу быть опорой, в которой она так отчаянно нуждается. Хочу быть рукой, к которой она потянется в ночи, плечом, на котором она поплачет.

И пусть весь мир подождёт.

Я чокнусь от этих мыслей.

И вот мы стоим перед пунктом досмотра, она уже слёзно попрощалась с Лионелем и Эмили в машине, зарегистрировалась, и теперь мы стоим в нескольких шагах друг от друга, и короткая дистанция между нами уже ощущается, словно огромный континент.

— Знаю, я потом пожалею об этом моменте, — тихо говорит она, голос все ещё безжизненный, она в

шоке.

— Ты о чем? — спрашиваю я, потянувшись к ее руке. Она холодная и липкая.

Она несколько раз моргает, а затем изучает мое лицо, глаза останавливаются на моем носу, губах.

— Я знаю, что в будущем, когда все так или иначе устаканится, я оглянусь в этот момент и буду жалеть, что не смогла осознать все это. Что не видела кто стоял передо мной. Буду жалеть, что не смогу воссоздать в памяти твоё лицо. — Она качает головой, и одинокая слеза скатывается по ее щеке. — До меня ещё не дошло ничего из этого, что я

уезжаю. Я не знаю, что произойдёт.
С ней. С нами.

Я поднимаю ее руку,
переворачиваю ладонью вверх и
целую ее.

— С твоей мамой все будет в
порядке. Ты приедешь, и с ней все
будет хорошо. Она узнает, что ты
рядом. Она справится с этим,
хорошо? И мы. С нами тоже все будет
хорошо. Лапочка, когда ей станет
лучше, ты вернёшься в Шотландию.

Но как только я произношу эти
слова, я вижу взгляд в ее глазах.
Взгляд, который говорит, что она не
знает. Взгляд, который говорит что
она, возможно, все равно
планировала уехать.

Печаль прорезает себе дорогу у меня в груди.

Она никогда не планировала остаться.

Мне приходится напрячь все силы, чтобы не рухнуть на пол прямо в аэропорту.

— Мне жаль, — говорит она.

Я пытаюсь улыбнуться. И проваливаюсь.

— Не надо.

— Я люблю тебя, ты же знаешь.

Мое зрение затуманивается.

— Я тоже тебя люблю. — Но голос надламывается и очевидно, что я полностью уничтожен.

Вероятно это последний раз, когда я вижу ее.

И теперь я знаю, что я тоже буду жалеть об этом моменте.

Что не заставил себя сесть на ее самолёт.

Что все испортил и лишил нас шанса.

Что позволил ей уйти.

Я не могу позволить ей уйти.

Со слезами на глазах я беру ее лицо и крепко целую губы, позволяя всей моей любви, заботе, боли раствориться в ней, словно она может взять всего меня с собой.

Я выпускаю мягкий всхлип напротив ее рта, руки начинают дрожать.

Это конец.

Мы оба ошеломлены.

Тяжело сопя, она отстраняется
первая, тушь скаталась под глазами.

— Я должна идти, — шепчет
она.

Затем разворачивается.

И уходит.

Исчезая за перегородкой зоны
безопасности.

И я теряюсь в расстоянии
между нами.

Глава 26

КАЙЛА

Стюардесса говорит мне
пристегнуть ремень, но я едва ее
слышу. Я едва могу двигать
пальцами, настолько они холодные.

Я чувствую себя куском льда, онемевшим до костей, но думаю, именно это сохраняет меня живой, удерживает меня от потери рассудка из-за беспокойства и боли. Так что я принимаю этот путь, медленное движение под водой. Я надеюсь, он окутает меня навечно.

Если я попытаюсь хотя бы подумать о чем-либо из этого, то меня разорвет на части, так что я пытаюсь как можно сильнее удержать все вместе. С одной стороны моя мама, она в коме, на пороге жизни и смерти, и ничего бы не произошло, если бы я была там. Случившееся полностью моя вина и мне некого винить кроме себя.

С другой стороны есть Лаклан, мужчина, которого я люблю, мужчина с демонами, с которыми я не в силах бороться, которые сопротивляются мне. И я оставила его. Оставила его в Шотландии и бросила наши отношения разрушенными без шанса все исправить. Я могу никогда не увидеть его снова и это тоже, даже при всех его недостатках, саморазрушении и ужасных пристрастиях, тоже ощущается словно смерть.

Отбрось все это, думаю я про себя. Вытащи своё чёрное сердце и отключись от всего.

Это позор. Но это

единственный способ, с помощью которого я собираюсь справиться со всем этим, хотя уже знаю, существенную частичку себя я оставила в Шотландии.

Когда, в конце концов, мой самолёт приземляется в Сан-Франциско, я ходячая статуя. Единственное, что пробивается через это оцепенение, это вид моего брата Никко вместе со Стефани в зоне прибытия.

— О, милая, — нежно говорит Стефани, заметив меня, подбегая ко мне с распростертыми объятиями. Она крепко держит меня, шмыгая носом, и мне приходится приложить усилия, чтобы не сломаться и не

погибнуть. Я должна оставаться сильной, потому что, если лишь ее вид заставляет меня заплакать, я не смогу справиться с тем, что мне предстоит в ближайшие дни.

— Мне так жаль, — шепчет она, отступая. Ее глаза опухли от слез. — Тошио позвонил мне и рассказал, что произошло, сказал, Никко собирается встретить тебя. Я должна была приехать с ним. — Лаклан не смог приехать?

Я качаю головой, не в силах ничего объяснить.

Она морщится.

— Все нормально. Я здесь. Мы все здесь ради тебя. Никола, Брэм, Линден. Мы поможем тебе

справиться с этим.

Я киваю, очень благодарная за это. Смотрю на Никко и посылаю ему нежную улыбку.

Никко второй старший брат, действительно умный инженер-программист с женой и малышом. Он всегда был тихим, спокойным и мудрым и я рада, что он приехал встретить меня. Никко всегда обеспечивает необходимый комфорт.

— Кайла, — говорит он, обнимая меня. — Я должен был быть там. Мы должны были сделать больше.

Я качаю головой.

— Нет. Я не должна была уезжать.

— Нет, — непреклонно говорит он, отводя голову назад. Пристально смотрит на меня. — Кайла, ты столько сделала для неё. Так много. Просто ее сыновья не были рядом, а должны были. Мы никогда не должны были позволять тебе брать на себя так много.

О Господи. Теперь у него в глазах слезы. Я не могу этого сделать.

Отворачиваюсь.

— Давай просто пойдём. Пожалуйста. Мне нужно увидеть ее.

Поездка в больницу ощущается нереальной. Она кажется ничем иным, кроме как плохим сном. Опять же, последние двадцать четыре часа один сплошной ночной кошмар, с

Лакланом во главе всего это. Я зажимаю глаза, и перед глазами возникает образ Лаклана на коленях, изо всех сил держащегося за меня, пока он, рыдая, извиняется. Знаю, он имел в виду все, что говорил. Я это знаю. Но ущерб уже нанесён.

Мой прекрасный зверь. Не думаю, что когда-то увижу его снова.

От нахлынувшей боли я наклоняюсь вперёд, и Стефани тянется с заднего сиденья, протирая мою руку, говорит, что все будет хорошо. Она не знает и половины всего.

Оказавшись в больнице, мы поднимаемся наверх, и я сталкиваюсь с мучительными

стонами, стерильными запахами, тяжестью в воздухе. Каждый шаг дальше по коридору кажется длинней, чем первый, и часть меня начинает паниковать, что, если к тому времени, как я доберусь до палаты, будет уже слишком поздно.

В конце концов, мы доходим до отделения интенсивной терапии и видим Пола и Брайана в небольшой комнате ожидания, разговаривающих с врачами. Я быстро обнимаю их, пока они говорят мне, что Тошио едет сюда, ему надо было куда-то подбросить Шона.

Доктор, высокая блондинка с серьезным лицом, продолжает говорить мне все, пока Стеф держит

меня за руку.

У мамы обширный инсульт и в мозге образовался сгусток крови.

Когда Тошио пришёл в дом и увидел ее на кухне, не реагирующей на слова, он вызвал скорую.

Они сказали, повреждения указывают на то, что она достаточно долго пролежала на полу.

Я задумываюсь о том времени, когда звонила ей, чтобы рассказать свои новости.

И она не ответила.

Могло это быть в то же самое время? Могла ли я быть настолько эгоистичной в своём стремлении остаться с Лакланом, что звонила ей, чтобы рассказать это, пока она

страдала от гребаного инсульта?

Отвращение к самой себе достигает иного уровня.

Затем врач говорит, что ее ввели в состояние искусственной комы в надежде снизить внутричерепное давление и избежать отека мозга. Это поможет избежать последствий и нежелательного некроза и у мозга есть шанс на выздоровление.

— И каковы шансы на выздоровление? — тихо спрашиваю я. Смотрю вокруг на лица своих братьев и поражаюсь, насколько угрюмыми они выглядят. Они уже знают. Конечно же, они уже в курсе. Шансы не велики.

Врач натянуто улыбается мне.

— Пока мы не можем сказать наверняка. Это зависит...если отек спадёт, тогда мы сможем попытаться вывести ее из комы и посмотреть сможет ли она очнуться, и на каком уровне находятся ее показатели.

— *Сможет* ли она очнуться?

— недоверчиво спрашиваю я.

— Наша задача как можно скорее вывести ее из комы. Мы не хотим дольше необходимого держать ее в этом состоянии. Но все ещё существует риск. Мы никогда, даже если мы уменьшаем воздействие, не знаем, очнётся ли пациент. Но иногда это единственный шанс, который у нас есть. — Она сочувственно наклоняет голову. — Когда мы

решаемся ввести пациента в кому, мы уже говорим о крайностях. У вашей мамы впереди трудное время, вам всем надо быть очень сильными.

Я почти падаю в обморок. Хватка Стеф на моей руке становится сильнее, удерживаясь меня в вертикальном положении.

— Могу я ее увидеть? — шепчу я.

Врач кивает.

— Конечно, идите за мной.

Мы входим в ближайшую комнату, и она открывает шторы.

Там лежит моя мама.

Но это не моя мама.

Моя мама всегда была маленькой, но никогда такой

крошечной. И не такой старой.

Это маленькая умирающая женщина, с серой, почти прозрачной кожей, болезненно худая, к ней присоединена куча приборов. Они издают звуковые сигналы, контролируя ее, единственный признак того, что она не умерла. Минуту я смотрю, как на мониторе бьется ее сердце, затем смотрю снова на неё, пытаюсь сопоставить две картинки, доказательство того, что она жива.

— Это не она, — шепчу я, поднося руки ко рту, ожидая, что кто-нибудь согласится со мной, скажет мне, что все это большая шутка. Но никто ничего не говорит. Количество

боли между нами ошеломяете. Я даже не в силах осознать все это, и мой мозг снова отключается. Словно нажали выключатель.

Но я все же поднимаю ее руку, кожа такая вялая и тонкая, и я держу ее, пытаюсь придать ей сил, крича про себя, чтоб она возвращалась, чтобы, *пожалуйста*, прошла через это.

Ответа нет. Не знаю, почему я думала, что он будет. Так или иначе, они должны подождать, перед тем как вывести ее из комы. Но даже так, я думаю, может быть, возможно, просто мое присутствие здесь, нахождение всех ее детей рядом, даст ей знать, что у неё есть многое, за

что стоит бороться.

Мне страшно, я в ужасе от того, что там, где она находится сейчас, она может увидеть папу, он может протянуть ей руку и она собирается взять его за руку. Она собирается позволить ему забрать ее, потому что это все, чего она хотела со дня его смерти.

Я не в силах остановить слезы, стекающие по лицу. Я даже не могу полностью отключиться.

Стеф держит меня и я так рада, что она здесь, и рада, что здесь мои братья, но я знаю, кто мне действительно нужен, в чьих руках я хочу оказаться сегодня вечером.

Учитывая все, что случилось,

всех, кого я теряю, я поражена, что все ещё могу чувствовать в груди своё сердце. Я уже думала что там лишь пустота и ничего не осталось.

Следующие несколько дней проходят как в тумане. Мне как-то удаётся вернуться на работу, хотя после того, как я двигаюсь словно робот, Люси говорит мне взять ещё отгулы. Я знаю это ещё и потому, что Кэндис очень эффективно выполняет мою работу, но я об этом не беспокоюсь. Мне вообще ни до чего нет дела.

Так что большую часть времени

я провожу в больнице. Сажу рядом с мамой, держу ее за руку и разговариваю. Просто разговариваю. Обо всем. Счастливые моменты. Старые воспоминания, которые есть у нас, хорошие дни, случавшиеся в прошлом. Все, что было до этого, кажется светлым. Ничто и никогда уже не будет прежним. Я это знаю.

Когда может, приходит Стеф. Иногда с Линденом. Иногда это Никола и Брэм. Обычно здесь один из моих братьев. Они все извиняются, что им никогда не следовало позволять мне вваливать все это на себя, что мне нужна была их поддержка, что им надо быть менее эгоистичными, потому что они

были воспитаны совсем не так.

Но на самом деле не имеет значения, что они говорят. Я никого из них не виню. Я виню лишь себя за то, что меня не было здесь. Если бы я никогда не поехала в Шотландию, возможно, этого бы никогда и не случилось. Я не знаю, к чему бы это привело, но уверена, если бы я отвезла ее в больницу, все могло бы быть по-другому.

Самое смешное, что я все больше и больше начинаю понимать Лаклана. Это горе и чувство вины другого рода, но, в конце концов, меня так же съедают эмоции. Когда я дома, я ловлю себя на том, что выпиваю пару бокалов вина просто

что бы захмелеть, очутиться там, где мне не надо думать, а просто дожить день и уснуть.

Я мало разговариваю с ним. Он постоянно пишет мне, спрашивая как я, как мама. Я всегда отвечаю лишь парой предложений. Кажется так легче, даже если я беспокоюсь о нем. Даже если я хочу знать в порядке ли он, что он получает помощь. Я хочу знать, как прошла его игра. Но вместо того, чтобы спросить его, я смотрю в интернете. Он не играл в этой первой игре против Глазго, но они выиграли, и это принесло малюсенькую, грустную улыбку на мое лицо.

Спустя примерно неделю после

маминого инсульта, врачи говорят, что отек немного спал и они настроены оптимистично.

Мы все собрались в больнице, братья и я с тревогой стоим около палаты, пока что-то происходит за закрытыми дверями. Может, именно оно. Мы можем войти туда, и она может улыбнуться нам, пусть даже слабо, но она может снова нашей мамой. Возможно, она расскажет нам о снах, которые видела об отце и мы бы посмеялись, поплакали и сказали бы ей спасибо, что вернулась к нам, своим детям, которые нуждались в ней больше, чем мы когда-либо были в состоянии сказать.

Но, когда врач выходит из

палаты, мы сразу же понимаем, что новости плохие.

Она выдыхает и смотрит нам всем в глаза.

— Ничего не вышло.

Пол уходит у меня из под ног.

— Она жива, но...мы не можем отключить ее от системы жизнеобеспечения. Она не смогла вернуться.

— Так она все ещё в коме? — спрашивает Пол, звуча раздражённым. Это всегда было работой моего старшего брата. Сердиться.

Доктор кивает.

— Как я говорила, введение ее в медицинскую кому всегда

последнее средство, особенно для человека ее возраста. Это всегда своего рода прыжок веры.

— И что же нам теперь делать? — паникует Тошио. — Что...что мы можем для неё сделать?

— Для начала, мы откажемся от барбитуратов, которые фактически отключают ее мозг. Но иногда мозг не начинает реагировать снова. На данном этапе невозможно определить, насколько сильны повреждения после инсульта, и каковы последствия пребывания в коме. У неё был шанс очнуться. Но она пока не очнулась. Мы подождём ещё несколько дней. Но, к сожалению, я не думаю, что она

выйдет из этого состояния. Единственное, что вы можете, это ждать. Молитесь, если необходимо,
— Молиться? — с насмешкой говорит Пол.

Никко толкает его локтем, чтобы он заткнулся, а потом говорит врачу:

— Послушайте, как долго она может оставаться в коме? Ее мозг ведь реагирует, правильно? Ну, ведь люди постоянно выходят из комы. Думаю нам даже не надо обсуждать какие-то альтернативные варианты, пока мы не дадим ей все время, которое ей нужно.

Тошио кивает, вытирая слезы.

— Ага. Иногда люди

просыпаются спустя несколько лет и с ними все нормально.

Да, грустно думаю я. Но эти люди молоды. А наша мама нет.

Я смотрю на доктора и знаю, она думает об этом же. Такова правда и я потратила всю свою жизнь, пытаюсь смириться с этим, зная, что я буду вынуждена смотреть, как мама умирает и, вероятно, в это время я все ещё буду молода.

Но доктор не говорит ничего такого, вместо этого она говорит:

— Мы продолжим поддерживать системы жизнеобеспечения пока вы, как ее семья, не скажете нам прекратить.

Я закрываю глаза и чувствую

руку Никко вокруг себя.

Мне хочется верить, что нам никогда не придётся принимать такое ужасное решение.

Я хочу верить, что мама все ещё может выбраться.

Я хочу верить во многие вещи.

Но я не знаю, сколько веры у меня осталось.

Глава 27

ЛАКЛАН

В течение нескольких дней после того, как Кайла уехала, я вижу лишь с товарищами по команде и Амарой. Мой мир уменьшился до крошечных размеров.

Без Кайлы рядом, все просто сжалось. Когда она была здесь, мир был широким и бесконечным. Теперь это снова словно лунатизм, каким он и был до того, как она пришла в мою жизнь.

Так что пока я игнорировал звонки от своей семьи, даже от Брэма из Штатов, я не слишком удивлён, найдя Бригса, во второй половине дня звонящего в мою дверь и бросающего камни в мое окно.

Я высовываю голову из окна, глядя на него вниз.

— Знаешь, у меня есть звонок.

— И ты бы ответил на свой звонок? — спрашивает он.

— Не раньше, чем ответил бы

какому-то мудаку, кидающему камни мне в окно, — вздыхаю я и достаю ключи из кармана, бросая их ему вниз.

Если честно, я нервничаю по поводу нашей встречи. Последний раз я видел его в тот день, когда между мной и Кайлой все закончилось, и я все ещё не могу вспомнить всего, что произошло. Но он был там, по крайней мере, в какой-то момент.

Он заходит и закрывает за собой дверь.

— Привет,— засовывает руки в карманы своего модного костюма и не спеша прогуливается, наблюдая, как туфли стучат по деревянному

полу, прежде чем поднять на меня взгляд.

— Я видел игру. Поздравляю.

— Спасибо. Хотя ты же знаешь, я для этого ничего не делал, — говорю я ему, садясь на диван. Лионель шлёпается мне на колени, умоляя почесать живот. Он знает, когда я чём-то обеспокоен, и это больше для меня, чем для него.

— Ха, уверен, все играют лучше, потому что знают, ты скоро присоединишься к ним. — Он делает паузу, косясь на меня. — Как Денни? Казалось, он в прекрасной форме.

Я киваю, пытаюсь игнорировать растущий стыд.

— Угу, он в порядке. Полагаю

то, что я был немного пьян во время тренировки, помогло. Я был не в состоянии причинить много вреда

Я смотрю на него в ожидании реакции.

Он лишь поднимает брови.

— Я знаю. Я много думал об этом. Это не совсем дружеский визит.

Я откидываюсь назад на спинку дивана и смотрю вниз на Лионеля, как моя рука бежит по его животу.

— Полагаю, будет слишком просить подобное от моего брата.

— О, так я теперь твой брат, — говорит он. — Понимаю. Только когда ты трезвый.

— Мне жаль, — говорю я, злясь

от того насколько слабо звучит мой голос. Жалким.

— Я знаю, что тебе жаль, — говорит он. — Но думаю, ты не достаточно сожалеешь. Знаешь, Лаклан, думаю, я достаточно хорошо тебя знаю. Я не утверждаю, что знаю о тебе все, но это лишь потому, что ты не раскрываешь свои карты. И не зря. Но я думаю, даже если технически мы с тобой не связаны, мы одинаково решаем проблемы. Мы тонем в саморазрушении. Потому что, когда боль становится слишком большой, это становится удобным. Ты можешь увлечься своей грустью, своим чувством стыда. Я знаю, я так делал. — Он прикусывает губу и

смотрит в потолок, будто общаясь с Богом. — Я так делал. И только сейчас я чувствую себя достаточно сильным, чтобы уползти. Но ты должен обнаружить этот момент. Ты нашёл свой десять лет назад, когда твой друг умер и ты был слишком испорчен, чтобы спасти его. Но ты и я. Люди. Все мы. У нас у всех по жизни много подобных моментов. Всегда есть больше, чем один конец. Это твой другой. Ты должен выбраться из него, я говорю тебе это как твой брат, твой друг, кто-то кто любит тебя и знает. Ты прямо сейчас должен выбраться из этого.

Я смотрю прямо перед собой, позволяя ноше опуститься на меня.

— Это не так просто, — говорю я ему и сожалею об этом сразу же, как только произношу эти слова. Осторожно смотрю на него и вижу столько возмущения и боли на его лице, что мне становится стыдно.

— Не говори мне, что это не так просто, — тихо говорит он, голос дрожит. — Я потерял жену и сына. Одновременно. Их забрали у меня и мне некого винить в этом кроме себя. Знаешь, какими были последние слова, которые я сказал ей? — Я качаю головой, не желая знать это. — Это было - пожалуйста, прости меня. Я умолял ее о прощении, потому что крупно облажался. И у неё никогда не было шанса простить меня. Она

забрала Хэймиша и убежала от меня. Она ехала быстро, и дороги были мокрые, а потом у меня не стало семьи. Ирония заключается в том, что я так или иначе был на грани того, чтобы потерять их. Так что не говори мне, что это не так просто. Это самая трудная гребаная вещь, которую нужно сделать, выйти из чёрной дыры на свет, где ты можешь чётко увидеть что ты за кусок дерьма. И я все ещё выбираюсь из нее, но, по крайней мере, теперь я знаю, что сделаю это. — Он закрывает глаза и быстро качает головой. — Я должен. Я не могу прожить остаток жизни, ненавидя себя. Это вообще не жизнь.

Мне нечего возразить.

Он быстро садится напротив меня, опуская локти на колени.

— Я говорю это все не для того, чтобы обесценить то, через что ты прошёл. Это не соревнование, чтобы выяснить, чья жизнь стала хуже. Да? Это обо мне, я говорю с тобой и пытаюсь помочь. Ты позволишь мне помочь тебе? Я знаю, Кайла хотела, но ее здесь больше нет, а я не собираюсь никуда исчезать.

Я хочу сказать ему, что не вина Кайлы, что она ушла, но, думаю, мы оба знаем что, в любом, случае это моя вина.

— Что за помощь? — глухо спрашиваю я.

Он тянется в передний карман и вытаскивает кусочек сложенной пополам бумаги, держа его двумя пальцами.

— Это номер моего психолога.
— Я безучастно смотрю на него, пока он качает им, — возьми его. Позвони ему. Запишись на приём. Пожалуйста.

Я колеблюсь. Моя гордость умоляет отказаться.

— Бригс...

— Нет, — говорит он. — Ты хочешь, чтобы сила тяжести забрала тебя обратно на дно? Ты хочешь, чтобы то, что случилось с Кайлой, случилось с кем-то ещё? Хочешь потерять свою организацию, свою

карьеру, потому что, я гарантирую, все это случится с тобой, если ты прямо *сейчас* что-нибудь не сделаешь.

— Это своего рода вмешательство, — бормочу я, но беру бумажку.

— Так и есть, — говорит он мне. — Нашим родителям не стоит знать об этом, это лишь между нами. Но мне надо знать, что ты позвонишь ему. Я бы посмотрел, как ты делаешь это прямо сейчас, но я не твоя чёртова нянька, я тебе доверяю, да.

Он поднимается на ноги.

— Я также надеюсь, ты заглянешь в реабилитационный центр. У них отличные условия для

спортсменов. Они осторожны. И знаешь, в этом нет ничего зазорного. Не заставляй меня петь тебе песню Эми Уайнхаус. — Он кивает мне. — Я буду на связи. Заставь тренера вернуть тебя на поле. Ты нужен им.

И на этом он уходит, оставляя меня сидящим на диване.

— Что думаешь об этом, Лионель? — спрашиваю я его, держа бумагу. Он обнюхивается ее, затем понимает, что она неинтересная и снова засыпает.

Я уже бывал в центре реабилитации, но психолог это совсем другое дело. До сих пор все мои рецепты выписывались врачами команды. Расскажите о своих

проблемах, вот вам пилюли, чтобы это исправить, бум, вы готовы.

Но психолог вытащит на поверхность каждую уродливую деталь вашей жизни. Я не думаю, что достаточно силён, чтобы пережить это, я и так сталкиваюсь с этим в своих ночных кошмарах.

Хотя я не сбрасываю подобное со счетов. Для этого я слишком уважаю Бригса. Я поднимаюсь и вешаю бумажку на холодильник, под магнит, так чтобы она каждый день попадалась мне на глаза, пока я, наконец, не наберусь мужества что-нибудь сделать.

Завтра игра номер два и я знаю, Алан выпустит меня на поле. Я и нервничаю и одновременно чувствую облегчение. Я не хочу облажаться, но я так рад, что период ожидания закончен. С уходом Кайлы я везде вижу ее призрак, преследующий меня, так что мне надо что-то ещё, что заставит меня продолжать, толкнет меня на правильный путь.

Тем не менее, мне нужно услышать ее голос. Лишь на минуту. На все смс и звонки, которые я совершал, она едва отвечала, ответы были посредственными и я хочу от неё большего. Мне нужно быть там с ней. Я не могу себе представить, что

она сейчас переживает.

Я звоню ей. У меня время в районе обеда, значит у неё уже утро.

И как обычно гудки, гудки и снова гудки.

Я уже готов повесить трубку, как она отвечает:

— Алло?

Звук ее голоса почти ломает меня.

— Кайла? — говорю я. — Это я. Лаклан.

— Я знаю, — безэмоционально говорит она. Она шмыгает носом, и я задаюсь вопросом, плачет ли она?

— Ты в порядке? — спрашиваю я. — Как мама?

— Она...она все ещё в коме.

— Дерьмово, лапочка. Мне жаль. Я пытался до тебя дозвониться...

— Знаю. Я много времени провожу в больнице, а они не очень приветствуют использование телефонов

— Это нормально, я понимаю, — я делаю паузу, упираясь кулаком в лоб и закрывая глаза. — Просто...не представляешь как приятно слышать твой голос. Я скучаю по тебе. Так сильно.

Так сильно, что у меня жжет в груди от этих слов.

Слышу, как она сглатывает.

— Угу. Я тоже по тебе скучаю. — Ее голос такой хрупкий словно

стекло, словно она на самом деле не верит в то, что говорит. Но я все же цепляюсь за это. Она скучает по мне.

— Я...я постоянно думаю о тебе. Ты знаешь. Я люблю тебя, — шепчу я.

Но между нами лишь тишина, раскинувшаяся на океан.

Я продолжаю, не в состоянии справиться с этим.

— Я знаю, я действительно напортачил, лапочка, но...

— Лаклан, — устало говорит она. — Это не важно.

— Нет. Это важно. Ты важна. Я меняюсь, клянусь, я знаю, что у меня проблемы.

Она сердито ворчит.

— Да, у тебя проблемы. Но у меня тоже есть проблемы. Моя мама в чертовой коме. Прости, если сейчас я не хочу слушать твою печальную историю.

Ауч.

Ни один удар в регби не ранил так сильно как это.

— Хорошо, — неровно говорю я. — Мне жаль.

— Я знаю, — говорит она. — Послушай, я должна идти. Я собираюсь обратно в больницу. Я просто...понимаешь, теперь это моя жизнь? Просто жду, что будет дальше.

— Я мог бы приехать, — говорю я ей. — Я могу помочь.

— Нет, ты не можешь помочь,
— быстро говорит она. — Ты не можешь помочь даже самому себе. Оставайся там, где тебе и следует быть. Ладно. Послушай, прямо сейчас я просто не могу иметь с тобой дело, разбираться с тем, кем мы были, пожалуйста, просто...не звони мне больше. И не пиши. Я в состоянии справляться лишь с одним горем.

Я чувствую, как последняя частичка надежды во мне съёживается в комок, сдуваемая холодным ветром, и никогда не вернётся.

— Пока, Лаклан, — говорит она.

Я не могу даже пошевелить губами, чтобы ответить. Она вешает трубку и все, что у меня было связано с ней, незамедлительно обрывается. Я могу чувствовать это, эти раны глубоко внутри.

Я на самом деле потерял ее.
Свою любовь.

Я встаю, хватаю кошелек и ключи и ухожу.

Иду в ближайший магазин, беру бутылку виски, затем иду и сажусь в парк напротив квартиры. И сижу там несколько часов.

Я выпиваю почти половину чертовой бутылки.

Когда я просыпаюсь, я все ещё на скамейке и какой-то мужик

пытается украсть мою обувь. Я бью его, хватая за лицо, и он убегает по траве, перепрыгивая через забор.

Я неуверенно поднимаюсь на ноги, оставляю бутылку, и каким-то образом мне удаётся проникнуть в свою квартиру.

Когда я снова просыпаюсь, то лежу на животе в коридоре.

Рядом со мной лужа рвоты.

Моей рвоты.

Несколько кучек дерьма и моча тоже рядом.

К счастью, это не мое. Прошлым вечером я не выводил бедных Эмили и Лионеля на прогулку.

Нет, вместо этого я сделал

такое благородное дело и упился в хлам, убиваясь горем, что Кайла оставила меня с нескончаемым потоком виски.

Я больше не могу так поступать.

Бригс прав. Так я не верну Кайлу, да и, вероятно, я так или иначе не верну ее, но однажды, если мне только снова выпадет шанс, я не могу снова все просрать.

Я не могу больше гробить свою жизнь.

У меня есть мои собаки. Мои друзья. Брат. Семья.

У меня есть такие прекрасные, замечательные аспекты моей жизни, а ведь когда-то я был лишь малышом

С плюшевым львом.

У меня не было ничего, и я многого добился.

И посмотрите где я теперь, напиваюсь, жалею самого себя, пытаюсь просто бросить все это.

Я медленно поднимаюсь с пола.

Убираю дерьмо.

Веду собак на очень, очень долгую прогулку, практически до побережья и обратно.

Я выговариваю им все, что накопилось, извиняюсь, привлекая взгляды прохожих, как происходит всегда, когда я разговариваю с собаками, но мне все равно. Им надо это услышать. А мне надо избавиться

от этой тяжести в груди.

Когда я возвращаюсь обратно домой, то иду прямо к аптечке и на короткий миг чувствую, как меня охватывает чувство вины, угрожая снова сделать слабым, и Перкосет зовёт меня по имени, предлагая веревку, так же как прошлой ночью протянул мне верёвку скотч.

Но, оказывается, веревка ничем не отличается от петли.

Я принимаю таблетки и, хотя их осталось совсем немного, опустошаю пузырёк и смываю их в унитаз.

Затем направляюсь на кухню, хватаю номер телефона с холодильника и, прежде чем начну

сомневаться, записываюсь на приём
через несколько дней.
Администратор так же достаточно
любезен, предлагая мне
реабилитационную клинику для
краткосрочного пребывания, где я
могу остаться на выходные, так что
это не помешает играм.

Есть люди, с которыми мне
нужно поговорить. Джессика и
Дональд. Алан. Амара и Тьерри. Я
должен быть с ними откровенен, так
же, как был со мной Бригс. Они
должны знать, что происходит в моей
жизни. Должны знать, что я не в
порядке, у меня не все хорошо, и мне
нужно так много любви и поддержки
от них, сколько я могу получить. Я

хочу сделать это для себя, но я не могу сделать это в одиночку. Я делал это один слишком долго. И этого не достаточно.

Теперь я знаю, кем я хочу быть.
Все ещё собой.
Просто лучше.

Глава 28

КАЙЛА

Прошло три недели.

Она в коме, она недоступна уже три гребаных недели.

Моя жизнь превратилась в ад, но я даже представить не могу, что переживает она, где она в этом мире в таком безнадежном, безжизненном

состоянии. Я могу лишь надеяться, что где бы, как бы, в каком бы подвешенном состоянии она не находилась, мой отец держит ее за руку. Я знаю, чем сильнее он её держит, тем меньше вероятность, что она вернётся к нам. Но, в то же время, я не могу вынести мысли о том, что она одна, потерялась внутри себя.

Потому что я тоже потеряна.

Так запуталась.

И сквозь всю эту боль я продолжаю думать о Лаклане, о том, как обошлась с ним по телефону. Я сказала ему оставить меня в покое и никогда не звонить снова, но по правде это была ложь, просто тогда я

этого не понимала. Я оттолкнула его, набросилась на него за то, что волновался за меня, заставила его думать о себе хуже, чем, я уверена, он уже думает.

Я просто хочу все вернуть обратно. Хочу услышать его голос, чтобы он держал меня в своих сильных руках и сказал, что все будет хорошо, даже если мы оба знаем, что не будет. Но лишь слышать это от него...у меня было такое чувство, словно мы вдвоём против мира и что он может защитить меня от всего.

Он просто не мог защитить меня от самого себя.

Опять же, он не мог защитить самого себя от чего либо.

Я не лгала, когда сказала, что скучаю по нему. Потому что, я скучаю. Постоянно. Непрерывно. Эта тупая, пульсирующая боль в моем сердце никак не уходит. Это иной вид боли, не тот, который я ощущаю из-за мамы и они обе ужасно невыносимы.

И когда он сказал мне, что любит меня...на одну блаженную секунду я вспомнила как это легко, иметь его любовь и как охотно отдавать ему свою, и такое впечатление, словно это было давным давно, словно мы были маленькими влюблёнными детьми и мир был солнечным, бескрайним местом, нашей площадкой. Я так сильно тоскую по тем дням, что это

заставляет мои внутренности
скручиваться, страстно желая того,
чего, вероятно, у меня снова никогда
не будет.

В пятницу Пол звонит мне на
работу и просит встретиться с ним в
больнице после обеда. Мне даже не
надо спрашивать Люси, могу ли я
уехать. У меня такое чувство, что они
просто ждут подходящего времени,
чтобы уволить меня, они просто не
хотят быть полными уродами и
увольнять постоянного сотрудника,
чья мать умирает. На самом деле, я
ничего не делаю, потому что Кэндис
взяла на себя всё, а даже если и
пытаюсь и нахожусь в правильном
настроении, то не прилагаю особых

усилий. На меня столько всего навалилось, и я не собираюсь драться за работу, которую собиралась бросить.

По дороге в больницу я решаю забрать Тошио, нуждаясь в поддержке, даже если надо поспешить. Мы все знаем, о чем речь, что нас ждёт.

В течение трёх недель не было никаких улучшений.

Пришло время решить, сколько ещё мы можем делать это с ней.

И, давайте посмотрим правде в лицо, как долго мы можем продолжать делать это с собой.

Хоть ее удар и сплотил нас, и мы стали ближе друг к другу, чем

когда-либо, мы все впятером изможденные и мертвенно-бледные, лишь тень нас в прошлом. Наша мама не хотела бы этого для нас.

— Так ты думаешь это все? — спрашивает Тошио, на его лице отражается боль.

Сглатываю и кивая.

— Да. Думаю нам надо принять решение. Вместе.

Она минуту смотрит на свои ногти, а потом говорит:

— Шон порвал со мной.

Я ошарашена, не ожидая подобного.

— Он что?

— Ага. Чертов мудак, верно? — Он пытается улыбнуться, но вместо

этого по его щеке сползает слеза. — Прости, я просто... я так охрененно зол. Так зол. Имею в виду, я через многое прошёл с ним. Его последний разрыв, смерть его кота, его боязнь зппп. Затем он потерял работу, а я был вынужден поддерживать его, помнишь? А потом...а потом он сказал, он больше не может находиться рядом со мной, что я слишком изменился. Я унылый. Унылый! Конечно, я твою мать, унылый! — Он бьет кулаком по приторной панели. — Я унылый и чертовски злой. Почему он не может любить меня таким?

Я издаю небольшой рычащий звук.

— Не могу в это поверить. Кто избавляется от кого-то, когда тот переживает трудные времена? Имею в виду, знаю, на работе, вероятно, хотят от меня избавиться, но они сдерживаются из вежливости.

— Ну от него я не получил ни грамма любезности. Обычно я не хочу подобного, но бл*дь, милый, просто, нахрен, притворись, пока мне не станет лучше.

Я просто в ярости и полностью на его стороне. Тошио был с Шоном, по меньшей мере, год.

— Я убью его.

— Я убью его первым, — говорит он, прищуривая глаза и глядя в окно. — Ты просто pomoжeшь мне

похоронить тело.

Мы погружаемся в тишину. Не могу поверить, что этот засранец разбил сердце моему брату, будто оно уже не разрушено. Не могу и представить, как ему тяжело.

Но опять же, могу. Я испытываю то же самое. Только это моя собственная вина, не Лаклана. Лаклана, который постоянно, каждый день нуждался во мне, Лаклана, который всем сердцем любил меня, даже когда у него не было шанса любить себя. Лаклана, который никогда бы не ушёл, потому что мне было больно, и я скорбела. Он бы лишь предложил мне свои руки и целовал бы меня, пока боль не

превратилась бы в воспоминание.

Он дал мне все, что мог, каждую частичку себя, показал даже грязные, холодные и мрачные стороны. Он совершенно запутался, подчиняясь демонам, о которых никогда не просил. И все же в конце я была той, кто не смог справиться с ним. Я та, кто эмоционально оставил его. У меня было лучшее, и я потеряла это, и в процессе потеряла и себя тоже. Несмотря на то, что всегда было нелегко, и всегда была борьба, чтобы помочь ему освободиться от своих оков, держать в страхе его драконов, это не значит, что все, что случилось, не было чём-то хорошим. Любовь это всегда

хорошо, неважно кто даёт ее вам.

Добравшись до больницы, мы вынуждены ждать Брайана, ему не так просто уйти с работы. Так что мы просто стоим там, поглядывая друг на друга, обнимая себя руками и переступая с ноги на ногу. Никто не хочет произносить ни слова, пока мы не соберёмся вместе.

Затем приходит Брайан, и Пол начинает разговор:

— Я разговаривал с врачом и местным неврологом и... — он закрывает глаза, качая головой. — Мы больше не можем позволить этому продолжаться. У неё нет шансов. Я хотел бы, чтоб шанс был, как и все мы, но... думаю, мы

должны подумать о том, чего бы хотела она.

— Она не хотела бы, чтоб мы отказывались, — говорит Тошио, его сердце сейчас очень уязвимо. — Я не хочу, чтоб это был конец, не сейчас. Я не готов.

— Никто из нас не будет готов, — говорит Никко. — Я не был готов прощаться с отцом. Я все ещё не готов, ты же знаешь. Иногда я вижу его во сне, и я так рад, что он не умер, словно это все была какая-то плохая шутка. Но ...мы не можем продолжать делать это с ней. Пол, врачи, они правы. Она находится в подвешенном состоянии, между папой и нами. Эгоистично

продолжать удерживать ее здесь ради нас.

— Ради неё, — сжимая кулаки, сердито говорит Тошио. — Что, если она вернётся к нам? Что, если у неё есть шанс? Если мы оборвём ее жизнь, мы убьём ее.

— Она уже ушла, — тихо говорит Брайан. — Она ушла в тот день, когда это произошло. Мы просто обманываем сами себя.

— О, конечно, — выплёвывает Тошио. — Не сыпь нам соль на рану, делая нас идиотами за то, что хотели, чтоб она жила. Если бы мы никогда не дали ей шанса, мы бы сожалели. Мы бы ненавидели себя.

— Прошло время, и шансов

больше нет, — огрызается Пол. — Ты разве не видишь? Это конец для неё, для нас. Мы должны отпустить ее. Так будет правильно, даже если причинить нам боль.

Тошио ходит по комнате, пиная стулья.

— Я не могу...я не могу согласиться с этим.

— Но тебе придётся, потому что мы должны принять решение вместе. Нам нужно твоё согласие, Тошио. Если ты этого не сделаешь, то будешь всю жизнь обижаться на нас, а наша семья и так уже сломлена, так что мы этого не переживем.

— Ну а что об этом думает Кайла? — спрашивает Тошио, делая

паузу, чтобы стрельнуть в меня взглядом. — Она к маме ближе всех. Это она должна решать.

Остальные головы моих братьев с любопытством поворачиваются ко мне.

Я качаю головой.

— Нет. Пожалуйста, не надо вешать это на меня.

— Она права. Она сделала достаточно, — говорит Никко. — Она ухаживала за мамой, когда никто другой этого не делал. Но...все же, Кайла, нам нужно знать, что ты чувствуешь.

— Что я чувствую? — повторяю я. — Как ты думаешь, что я чувствую? — Я прижимаю ладонь к

груди. — Иногда я удивляюсь, что вообще жива, что у меня даже есть сердце. Три прошедшие недели я была в тумане. Я не могла видеть ясно, неважно, как сильно пыталась. Знаешь...я думаю о том, как оставила маму и...мне следовало знать, что что-то не так. Ее руки, понимаешь, у неё тряслись руки, и я должна была сказать что-то, что-то сделать. Я никогда не должна была уезжать в Шотландию, никогда не должна была оставлять ее.

— Они дрожали до этого, — быстро говорит Тошио. — Ее руки и ноги, когда она гуляла. Это продолжалось уже некоторое время, Кайла. Я думал, ты знала.

Я закрываю глаза, пытаюсь вспомнить, но теперь все воспоминания размыты. Сейчас я лишь вижу ее, лежащую на больничной кровати, едва цепляющуюся за жизнь.

— Я не заметила, — тихо говорю я, и мне так стыдно. И я думала, мы были так близки.

— Ты не всегда можешь заметить подобное, когда постоянно видишь человека, — говорит Пол. — Это ни чья-то вина. Иногда такова жизнь, и она делает с нами то, что ей угодно. — Он вздыхает, проводя рукой по редющим волосам. — Но мы. Мы пятеро здесь, мы отвечаем за то, что будет дальше. Кайла.

Пожалуйста. Мы думаем, пришло время отключить ее от приборов. Думаем, пришло время попрощаться, отпустить ее. Что ты думаешь?

Мой подбородок трясется, и я моргаю, сдерживая слезы. Такое жуткое бремя для одной души. Я не Бог и я поиграла бы в Бога лишь, если бы могла вернуть ее обратно.

Но я знаю, глубоко-глубоко внутри, я знаю, она никогда не вернётся.

Она сделала свой выбор оставить нас. И что она где-то там просто ждёт. На лодке посередине реки. Мы с одной стороны, любовь всей её жизни с другой.

Я тихо плачу, но не смахиваю

слезы. Лишь киваю.

— Хорошо, — выдавливаю я. —
Давайте прощаться. Но...через
двадцать четыре часа с этой минуты.
Чтобы у каждого из нас было время с
ней наедине. И для Тошио, просто на
случай вдруг она очнётся. — Он
благодарно улыбается мне, но я не
могу ответить ему тем же.

Я выхожу из комнаты ожидания
вниз по коридору на улицу. В воздухе
на парковке мелкие капельки тумана
и даже если от них мне холодно,
лучше так, чем ещё хотя бы минуту
оставаться внутри.

Я сажусь на обочину, кладу
голову на руки и пытаюсь дышать. Не
могу поверить в то, что я только что

сказала. Не могу поверить в то, что происходит. Через двадцать четыре часа, если она не очнётся, у меня не будет мамы. Я никогда снова не увижу ее улыбающееся лицо, так же как никогда и не увижу отца.

Я стану сиротой.

Сиротой.

У меня вырывается тихое рыдание, и я начинаю дрожать. В моей жизни слишком много потерь, чтоб хотя бы попытаться сдержаться.

Мои руки трясутся так же, как тогда тряслись руки мамы, я вытаскиваю телефон, готовая набрать Стеф, чтобы рассказать ей, что происходит.

Но она не тот, с кем я хочу

поговорить. Не прямо сейчас.

Я набираю номер Лаклана, и, пока идут гудки, успокаиваю своё сердце, пытаюсь понять, сколько там сейчас времени. Должно быть, там ещё вечер. Боже, надеюсь, что он неподалёку, что я ему все ещё не безразлична, что он не нашёл кого-то другого, хотя знаю, учитывая глубину его любви, все эти вещи кажутся невероятными.

Когда он отвечает с:

— Кайла? — я вдыхаю так резко, что закашливаюсь. — Кайла это ты?

— Да, — удаётся сказать мне. — Я просто...я хотела поговорить с тобой.

— Хорошо, — произносит он своим прекрасным акцентом: глубоким и вкрадчивым. Я закрываю глаза, воображая, как он окутывает меня. — Я так рад, что ты позвонила мне.

— Я тоже, — шепчу я. — Мне жаль, что последний раз я была такой язвой.

— Нет, послушай, — говорит он. — Я заслужил это за то, каким ужасным я был.

— Ты не ужасный.

— О, лапочка, ты же знаешь, я могу быть таким.

— Но это не ты. Не тот ты, которого я знаю и мне следовало быть более чуткой. Я не хотела, чтоб

все закончилось так, как закончилось.

— Я знаю, но у тебя не было выбора. Тебе нужно было уехать. — Он делает паузу. — Как...как она?

Я издаю маленький звук.

— Завтра мы отключим ее от системы жизнеобеспечения. В ближайшие сутки я должна выяснить, как попрощаться.

Он тихо стонет.

— Мне очень жаль, любимая моя. Я не могу... если есть что-то, что я могу для тебя сделать, пожалуйста, только скажи. Хотел бы я забрать всю твою боль и унести ее от тебя. Я хотел бы сделать что-нибудь, чтобы помочь тебе пройти

через это.

— Я знаю, ты хотел бы. Полагаю, поэтому это ранит ещё больше. Потому что ты мог бы быть здесь. Имею в виду, если бы не регби. Как...как твои игры? — спрашиваю я, пытаюсь сменить тему.

— Хорошо, — медленно говорит он. — Пару раз проиграли, чуть больше выиграли. Кайла...только скажи мне, что тебе надо, чтоб я сделал.

Мне надо, чтоб он был здесь. Но я знаю, он не может.

— Ты...ты все ещё любишь меня? — смело спрашиваю я.

Он задыхается, услышав это.

— Я никогда не переставал

любить тебя. Пожалуйста.
Пожалуйста, поверь. Ты
единственная причина, по которой я
вижу свет.

Мое сердце расширяется,
чувство такое странное и
непривычное, учитывая последние
события.

— Тогда, пожалуйста,
продолжай любить меня. И, если ты
не можешь быть здесь, тогда мне
нужна твоя любовь. Как бы слащаво
это не звучало, мне она необходима.
Мне нужна ее сила.

— У тебя она есть. Вся она.
Весь я. — он прерывается. — В
какой ты больнице? Доктора
хорошие, за ней хорошо

присматривают?

— Я в UCSF, — говорю я. — И да. Они одни из лучших. Они делают, что могут, и они очень терпеливы. Они хотят для неё лучшего, как и все мы.

— Это хорошо...хорошо, — мягко говорит он. — Это значит, что о ней заботятся лучшие люди. Это все, что ты можешь сделать, Кайла. Ты сделала все, что могла.

— И теперь я должна попрощаться.

— Мне так жаль.

Я едва могу выдохнуть. Поднимаюсь на ноги и смотрю вверх на здания, зная, что проведу уикенд здесь. Я не уйду до самого-самого

конца.

— Спасибо, — говорю я ему.

— За что?

— За то, что взял трубку.

— Я всегда буду брать трубку, когда ты звонишь. Ты это знаешь.

Как замечательно что это правда.

— Я лучше пойду, — мягко говорю я.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — Я кладу трубку. Такое чувство что вся моя храбрость уходит вместе с этим.

Но даже так, несмотря на все это, его слова придали мне немного силы.

Я кладу телефон обратно в

карман и иду в больницу.

Я не знаю, как переживаю эту ночь, может, сплю от силы час на креслах в комнате ожидания. Мы все остаемся с ней ночью, хотя Никко первый кто попрощался и уехал, направляясь обратно к своей семье. Мы обнимаемся и плачем, и это настолько невероятно ужасно, что мы все вынуждены проходить через это.

В какой-то момент, я перебираюсь к ней и просто разговариваю. Я оставляю лучшее на потом, в конце дам ей знать что

чувствую. Не хочу делать вид, что она мертва, пока она не ушла. Так что я разговариваю с ней, как и последние несколько недель. Обо всем, о чем могу.

В конце концов, когда где-то в небе начинают щебетать птицы, и вы можете почувствовать, что близиться рассвет, я чувствую, что конец близко. Для нас. Для матери и ее дочери.

Я беру ее руку, сжимая, потирая большим пальцем кожу, и думаю, что она уже лишь оболочка. Что настоящая она, привыкшая танцевать маленький танец, когда ест кусочек шоколада, то, как мой отец заставлял ее смеяться так сильно, что она

практически падала со стула, та она, сейчас где-то ещё. Я помню сосредоточенность в ее взгляде, когда эти же самые руки подрезали ее розы. Она получала от них столько удовольствия. Она наслаждалась всем. Она так любила жизнь. Просто думаю, моего папу она любила гораздо больше.

Я плачу, моя голова на ее руках, держась за неё как ребёнок. Я все ещё ее ребёнок. Не знаю, как собираюсь прожить остаток жизни без неё. Она просто всегда была здесь, всегда наблюдала за мной, любила меня. Даже когда я делала что-то, что расстраивало ее, она никогда не могла держать обиду. Ее

сердце и руки всегда были открыты.

— Надеюсь, я многому научилась у тебя, — вою я, рыдания сотрясают меня. — Я надеюсь, ты будешь гордиться мной. Я так сильно люблю тебя мамочка, не думаю, что когда-то говорила это достаточно часто, но надеюсь, теперь ты это знаешь. Ты мой лучший друг. Не знаю, как мне прожить остаток жизни без тебя.

Я плачу так сильно, что кровать дрожит, ее рука уже мокрая. Я так хочу, чтобы она проснулась, так хочу чего угодно, кроме сигнала машин за окном. Но она не просыпается. Она уходит от меня, и я остаюсь одна, без единственного человека в моей

жизни, который беззаветно любил меня.

Сначала я потеряла отца, но сейчас намного хуже, потому что я знаю, отсутствие их обоих вместе будет разрывать меня всю оставшуюся жизнь.

Я не знаю, как долго плачу над ней. Знаю, что в какой-то момент кто-то открывает дверь и заглядывает, один из моих братьев, может врач, но они оставляют меня наедине с моим отчаянным горем. Это чистая агония и она поглощает меня. Слезы, кажется, никогда не утихнут, лицо болит от давления в носу и глазах, лёгкие горят.

И, тем не менее, она не

просыпается.

Теперь я знаю, она никогда не проснётся.

В конце концов, я полностью сломлена. Я чувствую себя слабой, моему сердцу сейчас тяжело даже биться. Слезы перестают течь и я оцепеневшая, измученная развалина.

Я делаю глубокий вдох, смотря на маму, надеясь, мечтая, моля. Но это проигранное сражение.

— Знаешь, мама, — говорю я, во рту настолько сухо, что больно. Я снова беру ее руку и держу между своими ладонями. — Я влюбилась. Как ты и сказала, что будет. В Лаклана, — лишь то, что я говорю ей его имя, заставляет меня захотеть

улыбнуться. — Было невозможно не влюбиться. Думаю, я с самого начала понимала это, но ты же меня знаешь. Я отказывалась верить в подобные вещи...любовь с первого взгляда, истинная любовь, безумная любовь, которая поглощает тебя, пока не остаётся ничего кроме любви. Та любовь, которая была у тебя с папой. Я всегда думала, что это звучит ужасно, — я выпускаю сухой смешок. — И в некотором смысле так, потому что это болезнь и она поражает всю твою жизнь и уродует каждую клеточку в твоём теле. Словно что бы я ни делала, это было связано с Лакланом. Он стал для меня всем. Но...полагаю, даже в сказке у любви

есть тёмная сторона. Не всегда бывает долго и счастливо. Принц временами может больше походить на злодея, но...опять же, как и принцесса. Может быть, это делает их правильными друг для друга. Я не знаю. Но я любила его, мам. И все ещё люблю. Я чувствовала любовь в полной мере, и затем потеряла и это всегда бы мой величайший страх. Потерять эту дикую, прекрасную любовь, такую же любовь, которой ты любила отца. Но сейчас...теперь ты снова будешь с ним. И я знаю, насколько счастлива ты будешь.

Я подношу ее руку к своим губам и нежно целую.

— Когда-нибудь, в один

прекрасный день, я тоже снова увижу тебя. И я снова скажу тебе все это. Но я удостоверяюсь, что смогу добавить ещё что-то хорошее. — Одинокая слеза катится вниз по моему лицу, и я вытираю ее, прежде чем встать и ещё раз сжать ее руку. — Я люблю тебя.

Я поворачиваюсь и выхожу из комнаты, направляясь в коридор. Пол, Брайан и Тошио смотрят на меня, и Тошио сразу же поднимается и обнимает меня, крепко сжимая. Я думала у меня не осталось слез, но его объятий достаточно, чтобы полились новые.

— Твоя очередь, — шепчу ему. Смотрю на Пола, на его красный нос

и глаза. — И потом мы попросаемся все вместе. В самом конце.

Пол кивает, и Тошио отходит, голова опущена вниз, он выглядит таким потерянным.

— Она ждёт тебя, — говорю я, кладя руку ему на плечо. — Просто попытайся не сильно скулить о Шоне, хорошо? Она уже и так много натерпелась от пятерых детей.

— Она к этому привыкла. — Он грустно улыбается и уходит в палату.

Я сажусь рядом с Полом и Брайаном и жду.

Сплю, скрючившись на стуле.

Наступает два часа дня, граница определённых нами же

суток. Конечно же, это не то, что поддаётся графику или расписанию. Если мы скажем медсестре, что нам нужно больше времени, они дадут нам его.

Но мы все уже попрощались.

Время вышло.

— Ты в порядке? — я нежно спрашиваю Тошио, когда мы вместе с врачом направляемся в палату.

Он кивает.

— Она не вернётся. Теперь я это знаю.

Я обнимаю его, моя голова на его плече пока мы стоим вокруг ее кровати и смотрим на неё сверху вниз.

Каждый из нас по-своему

прощается с ней.

Я поднимаю руку ладонью вверх и говорю ей, что каждый день, всю оставшуюся жизнь буду скучать по ней.

Полагаю это не просто до свидания. Это единственное, что вы можете сказать.

Медсестра подходит, осторожно убирая все эти штуки, которые поддерживали в ней жизнь. Знаю, нам говорили, что подобное может занять несколько часов или дней, пока она скончается. Врач сказала, наша мама уйдёт, когда будет готова уйти. Трудно понять, как долго тело будет цепляться за жизнь. Но монитор показывает, что ее кровяное

давление быстро падает.
Сердцебиение все замедляется и
замедляется и замедляется.

Она собирается уйти.

Она ждала этого.

И мы наблюдаем, как она
уходит у нас на глазах.

И вот так она уходит.

Она на самом деле ушла.

Безмолвие смерти
задерживается в комнате.

— Мне очень жаль, — говорит
врач, и я знаю, она это и имеет в
виду.

Я рыдаю рядом с Тошио. Пол и
Брайан подходят, и мы держимся друг
за друга в круге около кровати.

— Я люблю вас ребята, —

всхлипываю, я опустошена. Абсолютно опустошена. Абсолютно разбита. — Вы мои братья. И моя кровь.

— Мы тоже тебя любим, — мягко говорит Пол. — Теперь есть только мы. Я нуждаюсь в вас всех больше, чем порой могу сказать.

— Как вы думаете, она будет гордиться нами? — спрашивает Тошио, шмыгая носом в рукав.

— Всегда, — говорит Брайан. — До тех пор, пока мы не забудем кто мы друг другу.

— В противном случае, они с папой отправят нам шлепок с поднебесья, — говорю я, пытаюсь пошутить. Мы отстраняемся друг от

друга и хотя их улыбки грустные, они, по крайней мере, улыбаются.

У меня такое чувство, что я никогда снова не смогу улыбаться по-настоящему.

Мы покидаем комнату, и я в последний раз оглядываюсь через плечо на маму.

Она ушла от нас навсегда.

Но такая, *такая* любимая.

Я выхожу в холл.

И там стоит Лаклан.

Я останавливаюсь, пытаюсь сквозь туман своих слез увидеть действительно ли это он, или просто какое-то наваждение.

Но все мои братья останавливаются и рассматривают

его, настороженно и устало, и я знаю, он действительно здесь. Как вы можете не смотреть на высокого, татуированного мужчину-зверя, стоящего в крошечной зоне ожидания.

— Лаклан, — говорю я, мой голос грубый. Я не могу в это поверить. Его борода отросла, и он выглядит так же устало, как я себя чувствую, но он *здесь*. Он, правда, *здесь*. Как это вообще возможно?

— Я не хотел, чтоб ты проходила через все это в одиночку. — Он раскрывает свои объятия, и я незамедлительно бросаюсь в них, падая ему на грудь, ноги не держат меня. Он держит меня с силой, в

которой я отчаянно нуждаюсь, я и рыдаю ему в грудь. Так сильно обескураженная слишком многими способами.

— Я здесь, — говорит он, хриплый голос проникает в мою угнетенную душу. — Я здесь. — Он глубоко дышит, грудь поднимается напротив моего лица. — Я так сожалею о твоей потере, Кайла. — Он крепче сжимает меня, и я хватаюсь за его спину, пальцы стискивают рубашку.

— Как ты так быстро добрался сюда? А как же регби? — бормочу я в него, и сама не могу поверить, что на самом деле произношу эти слова, находясь у него в руках.

Он здесь.

Боже, я понятия не имела, как сильно нуждалась в нем, нуждалась в этом, пока не получила это.

— Я сел на первый самолёт утром. Пришёл прямо сюда, — тихо говорит он. — У нас несколько дней не будет игр. Алан сказал, все нормально. Но я бы приехал, даже если б и не так. Я не хочу, чтоб ты думала, что должна справляться со всем этим сама. Я здесь ради тебя, всегда буду.

— Спасибо тебе, — говорю я, огромное количество боли и благодарности просто кружит у меня в груди. Моя кожа чудесно горит под его прикосновениями. Я так сильно

по нему скучала. Медленно я
отстраняюсь и смотрю на него вверх.
Вот он.

Я не уверена, мой ли он Лаклан
сейчас.

Но он здесь.

Так что сейчас он мой, еще
один раз, на еще один на короткий
миг.

Глава 29

ЛАКЛАН

За свои тридцать два года я
мечтал о многом, но никогда не хотел
ничего так сильно, как быть тем, кто
заберёт ее боль.

В тот момент, когда она

позвонила мне, я знал, ничто не помешает мне прилететь к ней. Я взял билет на первый утренний самолёт, затем позвонил Алану и сказал ему, что пропущу тренировку. Он не был счастлив по этому поводу, но я сказал, что все равно поступлю по-своему.

Я собрал вещи, забросил собак к Амаре и отправился в Сан-Франциско. Я надеялся приехать вовремя, до того, как Кайла будет прощаться, но добрался сразу же после.

Вид ее, выходящей из той палаты с колоссальным количеством страдания и мучительной боли, повисших на ее хрупких плечах,

глубокая печаль опустошила ее лицо, распустил меня, словно клубок ниток. Я едва мог выдержать вид ее с таким огромным количеством боли и печали, но я должен держаться, ради неё.

Она упала в мои объятия. Она упала мне в сердце.

Я держал ее ими обоими и сказал ей, что я здесь.

Не было ни возражений, ни злости. Она приняла меня, и лишь на одну маленькую долю секунды, она принадлежала мне, и все в мире было правильно.

Моем прекрасном мире.

Но, конечно же, все ещё очень неправильно.

Тем вечером я вернулся с Кайлой в ее квартиру. Сказал ей, что с удовольствием останавлиюсь в отеле, что, если я не должен быть поблизости, меня там не будет. Но она была не против.

Странно снова находится здесь. Словно я десятилетия назад впервые пришёл сюда, ослеплённый своей жаждой к ней, не имея ни малейшего понятия, что может произойти между нами. В глубине души я должен был знать, что она станет любовью моей жизни. Я просто не знал, что наша любовь будет преисполнена такого количества проблем.

Или может, знал. Я бы все

равно сказал «да пошло оно все» и в любом случае пошёл за ней.

Не могу сказать, что когда-нибудь сделаю по-другому.

— Я собираюсь принять душ, — говорит она, кладя сумочку на столик. — Я уже давно не мылась.

На секунду я думаю, она могла бы пригласить меня, как всегда делала в прошлом. Но она просто грустно улыбается мне и закрывает за собой дверь.

Я сажусь на диван и перевариваю все произошедшее.

Хотел бы я знать, кто мы друг для друга.

По телефону она сказала, что любит меня.

Важно ли это сейчас, когда произошло столько всего?

И если да, что это значит для нас?

Она долгое время принимает душ и когда выходит, влажные волосы лежат вокруг плеч, полотенце обернуто вокруг тела, и она крадёт мое дыхание. Такая красивая, что это ощущается словно удар ножом.

— Пойдёшь со мной в кровать?
— спрашивает она меня. Ее голос тихий и она застенчиво смотрит на меня, словно не уверена, что я скажу да, не уверена, что ей вообще стоит спрашивать.

Я киваю, вставая.

— Конечно.

Следую за ней в спальню. Даже в темноте это зона бедствия, результат жизни того кто проходит через ад и не слишком беспокоиться на этот счёт. Я могу представить, как она спит здесь ночью, такая одинокая и с таким огромным количеством боли.

Она снимает полотенце и забирается под одеяло, и я, ужасно возбужденный и безнадёжно влюблённый, смотрю на ее обнаженный силуэт.

Но не хочу делать никаких предположений. Снимаю ботинки и носки, штаны, но остаюсь в белье и футболке. Я знаю, возбуждение нарастает - ничего не могу с собой

поделать когда она обнаженная рядом со мной, учитывая, что я не видел ее месяц - но я игнорирую его. Я не хочу вести себя неуместно, не сейчас, когда она настолько близка к тому, чтобы сломаться.

Я забираюсь под одеяло, с опаской глядя на неё, неуверенный как вести себя, как быть. Она поворачивается ко мне и устраивается в моих руках, лицо на груди, рука на сердце.

Я хочу жить этим моментом, мирный покой ее кожи на моей.

— Спасибо что приехал, — говорит она, спустя несколько ударов.

Я потираю ее спину, вздрогнув,

когда чувствую ребра. Она стала такой худой.

— В любое время, — говорю я ей. — Спасибо, что сказала, что любишь меня.

Она молчит, и я волнуюсь, что сказал что-то неправильное.

— По телефону, — добавляю я. — Правда это или нет, все равно спасибо за это. Ты не представляешь, что это для меня значит.

Несколько тяжёлых мгновений в темноте кажутся нескончаемыми.

— Я все ещё люблю тебя, — говорит она, прижимая руку к моей груди. — Здесь. Я люблю тебя здесь, твоё большое, прекрасное сердце.

Эти слова, эти слова.

Надежда наполняет меня.

— Но этого не достаточно, — говорит она, и так же быстро, как она поднялась, надежда разбивается, падая с неба с обрезанными до костей крыльями.

— Я понимаю, — говорю я ей, голос дрожит от боли, даже если я не понимаю. Я не могу. Потому что любовь к ней может преодолеть что угодно.

Опять же, не так уж много вещей способны преодолеть смерть.

— Просто это...знаешь, это было трудно. Порой. И я знаю, мы могли попытаться справиться с этим, но тебе нужна помощь, которую я тебе дать не могу.

— Я знаю, — говорю ей. — Но все по-другому. Я вижусь с психологом. Бросил пить. Провёл несколько выходных в реабилитационном центре. Я меняюсь, я действительно делаю это. Я хочу быть лучше, не только для тебя, для своей семьи, для себя. Для жизни.

Я могу почувствовать, как она улыбается.

— Хорошо. Это...Это приносит мне облегчение, ты должен знать. — Она тяжело вздыхает. — Но все закончилось. Понимаешь? Не думаю, что мы сможем вернуться к этому. Не сейчас. Не с моей мамой...это слишком тяжело. Я не знаю, как

собираюсь пережить ночь, не говоря уже о завтрашнем дне. И следующем. И следующем. Как я вообще собираюсь поставить одну ногу впереди другой. Я упаду. И останусь на полу. Я не смогу даже подняться.

— Кайла, — шепчу я ей. — Не торопись. Спешка ни к чему. Я всегда буду здесь для тебя, всегда буду чувствовать то, что сейчас. Я подожду.

— Но я не хочу, чтоб ты ждал меня, — почти резко говорит она.

Я закрываю глаза, впитывая боль.

Она сломлена.

Я сломлен.

— Хорошо, — хрипло отвечаю

я.

— Это несправедливо по отношению к тебе. Мне надо разобраться со своим собственным дерьмом здесь, и я не могу иметь дело с ещё большим чувством вины, чем имею уже. Я не могу жить с осознанием того, что ты находишься через океан и ждешь меня, любишь меня, когда сама знаю, что ничего не дам тебе. Я не могу дать тебе ничего больше. Ты понимаешь?

Я киваю, полностью понимая, что она имеет в виду, и ненавижу это. Презираю.

— Угу. Я понимаю. Знаешь, есть кое-что обо мне, чего я никогда тебе не рассказывал.

Она замирает рядом, в ожидании моего признания. Я стискиваю зубы.

— Когда я решил завязать, когда решил вернуться к Джессике и Дональду и умолять их о прощении, это был не постепенный выбор. Это было спешное решение. У меня был друг, Чарли. Наркоман, такой же, как и я. Все его плохие ошибки были связаны с зависимостью. Если отбросить это, он был добрым, обаятельным молодым человеком. Безумно забавным. И он был преданным, хотя его преданность, прежде всего, всегда распространялась на наркотики. — Я облизываю губы и понимаю, что

история не разрывает на части, как я думал, будет. Боль, стыд и чувство вины от сделанного уходят на второй план. — Чарли очень хотел достать героин. Я никогда не пробовал, хотя Бригс и несколько других людей думают иначе, но я никогда не пробовал его. Не то чтобы это делало меня особенным, метамфетамин такая же гадость, может даже больше. Но я не принимал героин и когда Чарли захотел прыгнуть так высоко, я отказался помогать ему. Не хотел быть частью этого.

Я прерываюсь и смотрю вниз. Она слушает с широко раскрытыми глазами. Я продолжаю:

— Но потом я увидел, как он

укололся, и увидел, каким счастливым он тогда был, а когда он вернулся, это не было похоже на мет. Казалось, это что-то безвредное. Я говорил себе много лжи. Так что когда через пару дней он захотел ещё, я сказал, что достану для него наркотик. Мы уже помогали друг другу вот так и теперь, ну, теперь я верил, что действительно помогаю Чарли. Так что я пошёл к кое-каким людям которых знал, неправильным людям, но у них был наркотик и я взял его для Чарли...используя деньги которые заработал попрошайничая на улице. Это было лучше, чем потратить их на еду. Знаешь, мы чертовски редко ели. Мы могли, но

просто это не казалось важным. Была только одна важная вещь. Гребаный кайф. Так что я пошёл обратно к Чарли, дал ему дозу. Он укололся на моих глазах. Но...не знаю что пошло не так. Может быть, он взял слишком много, может быть наркотики были плохими, может его тело не могло принять больше. Проблема была в том, что я был под кайфом от мета, и понятия не имел что происходит. Он умер прямо на моих глазах.

— Нет, — задыхаясь, шепчет она. — Лаклан...

— Ага, — говорю я, упиваясь тем, насколько сильнее чувствую себя, признавшись ей. — Он умер, и

я наблюдал, как он умирает у меня на глазах. Моих и моей бродячей собаки. Мы смотрели, как он умирает, и я не мог сделать ничего, чтобы помочь ему. Я не мог помочь даже себе. Я просто сидел рядом с ним, раскачиваясь взад-вперёд, пока мой кайф не исчез. Затем встал и побежал. Я просто убежал. Я не помню следующие несколько дней, хотя работаю над этим с психологом, но я знал, что сделал выбор спасти свою собственную жизнь. Я помню, как постучал в дверь Джессики и Дональда и все после этого. Это был день, когда я осознал, что мне дана лишь одна жизнь и вот тогда я родился заново.

Она тяжело дышит рядом со мной, и тьма подкрадывается ближе. Но я не чувствую страха из-за того, что рассказал ей. Правда освободила меня.

— Почему ты рассказал мне?
— наконец говорит она, голос едва слышен.

— Потому что я знаю, что такое чувство вины. И знаю, что такое смерть. И я наконец-то осознал, что никогда не следует связывать одно с другим. Или это, нахрен, разрушит тебя. — Я целую ее в макушку. — Я знаю, тебе долго будет больно, и ты собираешься ненавидеть себя, но, пожалуйста. Ничто из этого не твоя вина. Не

позволяй чувству вины говорить обратное. Скорби по маме всем сердцем, но никогда не отравляй это чувство виной и стыдом. Для них там нет места. Отпусти все это.

Она проводит пальцами вниз по моей груди, но ничего не говорит.

Нам больше нечего добавить.

Мы просто дышим. Наши сердца бьются.

Мы цепляемся за эту полоску времени, пока она не засыпает на мне.

Я держу ее в своих руках, правда сделала меня свободным.

Я лишь надеюсь, что та же самая правда спасёт ей сердце.

Как ее сердце спасло меня.

Я решил остаться на похороны.

Алан не доволен.

Тьерри не доволен.

Эдинбург Рагби не доволен.

Никто не в восторге от моего решения. Это значит, что я пропускаю игру, значит, что я в большом чертовом дерьме и что я, скорей всего, подставил команду, особенно учитывая что мы играет против Лидс.

Но я не собираюсь оставлять Кайлу, не тогда, когда она все ещё нуждается во мне. Она нуждается во мне больше всего. Я рядом с ней

когда она разбирается с организацией похорон и своими братьями, адвокатами и завещанием. Я здесь, чтобы держать ее когда она срывается и ломается, снова и снова. Порой напряжение для меня слишком велико, чтобы вынести его, но я справляюсь, потому что она не может.

После моего признания о смерти Чарли, мы больше не обсуждаем наши отношения. Она сказала то, что должна была. Она не думает, что может быть со мной, хотя любит меня, и как бы мне не хотелось встряхнуть ее, объяснить что я все равно буду ждать, я знаю, мне не удастся достучаться до неё.

На данный момент нас нет. Прямо сейчас она думает что никогда и не будет. Прямо сейчас, я просто рука вокруг ее плеча, крепко держащая ее. Она проходит через море смерти, и в ближайшее время поток не отпустит ее.

Я вижу Брэма, Николу, Линдена и Стефани на похоронах. Единственное яркое пятно за последнее время, хотя никто из нас не чувствует уместным праздновать наше воссоединение. Я разговариваю с Брэмом о развитии и том, как все хорошо идёт, как отец Жюстин принёс много инвестиций от общества. Он безмерно благодарен мне, но я лишь могу сказать ему, что

может, стоит передать часть этих инвестиций мне. Я бы мог использовать их для собак.

Мне тяжело прощаться с ними, особенно с Брэмом. Прощаться с мамой Кайлы, когда ее гроб опустили в могилу, тоже тяжело.

Прощаться с Кайлой, возможно в последний раз, самая тяжёлая вещь, которую я когда-либо делал.

Она подвозит меня в аэропорт и меня наполняют воспоминания того дня, когда мы были здесь в последний раз. Я как раз собирался регистрироваться на рейс, адски нервничая, что она может не прийти, что место рядом со мной на самолёте домой останется пустым.

А потом я почувствовал ее позади себя, словно солнце встаёт за вашей спиной, и я повернулся и увидел ее великолепное лицо, полное надежды, решимости и изумления, тянущую смехотворно яркий чемодан.

И в то же мгновение я влюбился в неё.

И в каждое мгновение после.

Теперь, теперь все изменилось, даже мои чувства к ней.

Потому что это был лишь вкус любви. То, что я чувствую сейчас - полный спектр.

— Лаклан, — говорит мне Кайла, пока мы стоим около пропускного пункта. Она тянется к

моей руке, крепко хватает, смотря на пол. — Даже не знаю, как тебя благодарить. За все.

— Нет необходимости благодарить меня, — говорю я ей, сжимая руку в ответ. — Я всегда буду здесь для тебя. Надеюсь, теперь ты это знаешь.

Она кивает. Шмыгает носом.

— Я знаю. — Затем смотрит на меня вверх, глаза блестят от слез. — Я хочу быть готовой. Хочу снова быть с тобой. Просто не знаю как.

Я посылаю ей полуулыбку.

— О, лапочка. Ты знаешь, где я буду. Если я тебе когда-нибудь понадобится, если ты захочешь меня, ты знаешь, где я.

— И ты примешь меня?

Я качаю головой, сдерживая слезы.

— Как ты можешь спрашивать такое?

Притягиваю ее в объятия, держа ее со всей силой, на которую способен.

— Как ты можешь даже спрашивать такое? — хрипло шепчу я. — Я люблю тебя. Мое сердце твоё. — Я отстраняюсь, зная, что слезы бегут вниз по моим щекам. Беру в ладони ее лицо, потирая пальцами кожу, пока она смотрит на меня с любовью, которая, я знаю, похоронена глубоко под ее горем.

Я нежно, бесконечно целую ее,

поцелуем, который говорит так много. Прекраснее, чем любой поцелуй прежде. Шепчу напротив ее губ:

— Пожалуйста, возвращайся ко мне. Когда сможешь, когда будешь готова, если будешь готова. Пожалуйста, возвращайся.

Затем делаю шаг назад, не в силах стоять там ни минуту больше. Она уже однажды видела мою гибель. И не должна видеть ее снова. Я хватаю ручную кладь, разворачиваюсь и ухожу.

Задаюсь вопросом, останется ли она стоять, пока я не уйду.

Или она уже ушла.

Я слишком боюсь смотреть,

вдруг не получу никаких намеков на наше будущее вместе.

Показываю посадочный талон одному из охранников, затем быстро оглядываюсь через плечо, прежде чем исчезну за стеной.

Она все ещё стоит там.

Ладонь поднята вверх.

Я поднимаю ладонь в ответ.

И улыбаюсь.

Глава 30

ЛАКЛАН

Три месяца спустя

Мой телефон звонит, пока я иду по Квин стрит, едва слышный за

шквалом рождественских песен, орущих практически из каждого магазина. Я копаюсь в кармане кожаной куртки в поисках его, пытаюсь жонглировать, неся сумку с продуктами и держа Лионеля, Эмили и Джо пока они рьяно тянут поводки. Даже в намордниках Лионель и Джо, кажется, очаровывают каждого проходящего мимо. Эмили все ещё маленькая рычащая болтушка, но кого-то выигрываете, кого-то теряете.

— Алло? — отвечаю я, не в состоянии посмотреть, кто звонит. Надеюсь это одно из двух: один из важных британских игроков хочет сделать пожертвование для приюта

или это Кайла.

— Привет, — говорит Кайла, звук ее голоса так сладко звучит в воздухе. — Застала тебя в неподходящее время?

— Вовсе нет, просто пытаюсь быть супергероем, — говорю я. — Как у тебя дела? Мы не говорили с...давным давно, я полагаю.

— Это было четыре дня назад, — иронично говорит она. — И ты же знаешь, моя зарплата не рассчитана на заокеанские разговоры.

— Я всегда могу перезвонить тебе, — говорю ей, как говорил уже миллион раз. Но она упряма. Ничего удивительного.

— Я знаю, но мне нравится

спонтанность, — говорит она. — Так как дела?

— Хорошо, — говорю я. Последние три месяца с тех пор, когда я последний раз видел Кайлу, вещи были немного трудными, слегка беспокойными, но, в остальном, восхитительными. В любом случае происходят хорошие изменения, а с переменами всегда идёт период привыкания.

К настоящему моменту я трезв почти уже четыре месяца. Четыре долгих, сложных, трудных месяца, но я изо дня в день борюсь за правое дело. Единственное, что я принимаю, это слабые, не вызывающие привыкания, лекарства

от своей тревожности. Раз в неделю я вижусь со своим врачом, и из-за этого мне не приходится принимать никакие антидепрессанты. Хотя это трудно, копать в своём прошлом, вытаскивая миллион воспоминаний, которые я бы лучше оставил погребёнными. Но в то же время, это помогает мне лучше узнавать себя. Позволяет мне признать вину и пройти мимо неё, когда она лишняя. Помогает мне смириться с тем, что я имею и тем, почему я поступаю именно так, как поступаю. Это больно, но увлекательно и стоит того, чтобы быть в состоянии управлять своей депрессией и агрессией без лекарств. Пагубные

привычки где-то берут своё начало, и вам не станет лучше, пока вы не устраните причину.

Я также занялся боксом. Знаю, это не совсем то, что хорошо сочетается с регби и знаю, мое тело не хочет быть в постоянном напряжении, но бокс это то, в чем я действительно хорош и способ дать выход своей агрессии. И, в соответствии со словами моего физиотерапевта, я все ещё в превосходной форме. Возможно даже в лучшей, чем был в свои тридцать, и это все благодаря отсутствию алкоголя и дополнительным упражнениям. И может это больше о мозг/тело вещах, когда ваше тело

отвечает лучше, если ваша голова и сердце счастливее, но об этом я не слишком уверен.

Потому что мое сердце...что ж, оно достаточно счастливо. Оно бьется. Но не работает в полную мощность, это мягко говоря. Мы с Кайлой разговариваем, по меньшей мере, раз в неделю и переписываемся, намного чаще обмениваемся е-мейлами. Но между нами всегда расстояние. Это не значит, что у нас отношения на расстоянии, потому что мы уже давно перестали относиться к нам, как к паре. После всего того, что случилось, смерть ее мамы была для нас слишком большим испытанием,

чтобы выжить. Последний раз, когда я говорил ей, что люблю, был больше месяца назад и я не получил ответа. Через несколько недель после этого она, как бы, между прочим, упомянула, что встретила парня в баре и собирается на свидание. Полагаю, она спрашивала у меня разрешения или что-то подобное.

Вполне очевидно, что мне сделалось плохо при этой мысли. У меня заняло много времени набраться смелости снова заговорить с ней. Думаю, с парнем ничего не получилось, потому что она никогда не упоминала о нем и я не видел никаких подтверждений обратному в социальных сетях. Я даже пару раз

разговаривал с Брэмом и спрашивал его. Он сказал, что она одна и просто пытается двигаться дальше. Я не знаю, означает ли это движение дальше от смерти мамы, от меня, или то и другое.

Но моя любовь к ней непоколебима. Никогда не ослабевает. Я могу больше не произносить этих слов, но лишь только потому, что не хочу причинять ей дискомфорт, если она точно двинулась дальше. И последнее, чего я хочу, это торопить ее, когда она через столько всего прошла.

Так что я держу это в себе. Но надеюсь, она знает. Надеюсь, она может слышать это в моем голосе, то,

как я смеюсь над ее глупыми шутками, потому что, черт возьми, она до сих пор заставляет меня смеяться.

И я знаю, было бы легче вообще не разговаривать с ней. Но это не то, чего я хочу. Я предпочёл бы любить ее безответно, скрытно и издалека, и все ещё иметь ее в своей жизни, чем больше никогда не разговаривать с ней. Для меня это не жизнь. Жизнь это когда она присутствует в ней, в любой, той или иной форме.

В конце концов, любовь к Кайле спасла меня. Я обязан ей всем.

— Просто хорошо? — спрашивает Кайла, продолжая разговор.

— Ну, собаки в порядке и бокс проходит отлично, — добавляю я. — Мой старый приятель по регби, Ренни, вернулся к волонтерству, так что это просто фантастика. Кроме этого... за четыре дня не произошло ничего особенного.

— Я бросила работу, — говорит она.

Я в шоке.

— Правда? Думал, она тебе нравилась.

Через неделю после смерти мамы, Кайла оставила свою последнюю работу, ту в Bay Area Weekly. Она думает, они так или иначе собирались уволить ее и это был вопрос времени. Я тоже так

думаю. Затем она устроилась штатным автором в местный журнал. К ее удивлению, они взяли ее и помогали освоиться. Это интернет журнал о Северной Калифорнии и я читаю каждую ее статью. У неё действительно есть талант, хоть я и думаю, понадобится время, прежде чем он действительно окупится. Единственный недостаток в том, что ей пришлось согласиться на существенно меньшую зарплату, но Кайла умеет держать удар. Она бросила свою квартиру и съехала со своим братом Тошио.

— Она мне нравилась, — говорит она. — Но пришло время двигаться дальше. Я получила то, что

нужно, опыт. Теперь я хочу получить другой опыт. Последние два дня здесь я обращалась в каждое издание.

— Удачно?

— Завтра у меня собеседование, — говорит она.

— Где? Как они называются? Я посмотрю их.

— Twenty-Four Hours, — говорит она. — Это своего рода ежедневная бесплатная газета.

— Звучит знакомо, — говорю ей.

— Они в каждом крупном городе. Они раздают их на вокзалах. Я киваю.

— Ах да, я видел. Хорошо для

тебя. Зарплата повыше, надеюсь?

— Посмотрим. Надеюсь, ее хватит, чтобы продолжать снимать квартиру. А вообще иногда это больше, чем деньги. — Она замолкает. — Ты где?

— Э-э, вывел собак ненадолго, купил немного продуктов. Сейчас приближаюсь к Фредерик стрит. На улице адски холодно.

— Знаю, — говорит она, и я практически слышу, как она дрожит. — Есть планы на вечер?

— Вообще-то нет. Останусь дома, может посмотрю глупое рождественское кино; раз уж их крутят по телику.

— Ты, определённо, Гринч.

Будешь смотреть кино один?

— Ну, я и собаки, ага.

— И к тебе не присоединиться ни одна женщина?

Сглатываю.

— Нет, — мягко говорю я.

— Ты уверен? — спрашивает она.

Я нахмуриваюсь.

— Уверен, я бы помнил, если бы пригласил женщину. Ты все ещё последняя, хм, так или иначе. Теперь моя память не подводит меня. Это лишь я.

Она, кажется, раздумывает над этим, и, клянусь, я слышу вздох облегчения.

— Во что ты одет? —

спрашивает она.

— Во что я одет? — ничего не могу с собой поделать и улыбаюсь. — Ну, этот вопрос я не слышал уже чертовски давно.

— Позволь угадать, — продолжает она. — Твоя старая кожаная куртка. Темно-серые джинсы. Зелёный свитер. Похож немного на норвежский, будто колется. Желтые Тимберленды. О, и чёрные перчатки без пальцев.

Я смотрю вниз на себя, словно забыл, во что одет.

— Это именно то, что на мне надето, — растерянно говорю я ей. — Как ты...

Затем поднимаю глаза и

смотрю на свою квартиру через дорогу.

И вижу Кайлу, стоящую на улице.

Пакет с продуктами выпадает из рук.

Мне как-то удаётся удержать телефон и поводки.

Это не может быть она.

Но Эмили начинает взволнованно вилять хвостом, и Кайла поднимает руку, машет мне. Она одета в ярко-фиолетовое пальто, джинсы, ботинки, на голове вязаная шапочка. Она улыбается и убирает телефон от уха.

Я как в тумане иду к ней.

— Твои продукты, — весело

кричит она мне.

Словно на автопилоте, я быстро поворачиваюсь и собираю их, а затем марширую к ней. Она не реальна, пока я не смогу почувствовать ее.

Но, чем ближе я подхожу, тем реальней она становится, пока я стою на обочине, совершенно ошарашенный глядя на неё.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, слова уплывают как во сне.

— Я тут подумала, может тебе нужна соседка по комнате? — говорит она, засовывая руки в карманы и с хитрой улыбочкой глядя в сторону.

— Соседка по комнате? —

Нахмуриваюсь я.

— Да. Мое собеседование. Если меня возьмут, ну, мне надо будет где-то жить.

Я могу лишь смотреть на неё, моргая, думая что это какая-то шутка

Она прикусывает губу, нахмуриваясь.

— Если ты меня примешь, конечно. Я не виню тебя, если я последний человек, которого ты хочешь видеть.

— Кайла, — нежно говорю я, подходя к ней. Останавливаюсь в шаге от неё, собаки обнюхивают ее ноги. Она улыбается глядя на них вниз, рассеянно поглаживая, затем поднимает взгляд на меня. — Как ты

здесь очутилась? — спрашиваю я ее.

— Я тебе говорила, я бросила работу, — говорит она, посылая мне полный надежды взгляд. — Я была готова двигаться дальше. Двигаться дальше от жизни, которой жила последние три месяца. На самом деле, это вообще была не жизнь. Я просто...знаю, следовало сказать тебе по телефону или как-то ещё, но я боялась, понимаешь. Я так боялась, что ты не согласишься мне или скажешь не приезжать. Я так боялась, что этого не произойдёт. Так что я бросила работу и купила билет на самолёт и я просто...надеюсь на лучшее. Потому что на самом деле, я должна сказать это тебе лично.

Я едва могу глотать, во рту так сухо.

— Сказать мне что?

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, словно я каким-то образом вселяю в неё страх.

— Сказать мне что? — отчаянно спрашиваю я.

Она посылает мне полуулыбку.

— Что я все ещё люблю тебя.

Я наклоняю голову. Я не мог расслышать ее правильно.

Облизывая губы, она продолжает:

— И я знаю, уже может быть слишком поздно, но...я не могла игнорировать это. Знаешь, я ведь

пыталась. Да. Я даже ходила на свидание с другим. Думала, может быть это поможет. Свидание длилось минуту, затем я встала и ушла. Я не смогла этого сделать. Не могла даже смотреть на него. Лаклан, ты в прямом смысле разрушил для меня других мужчин. Ни один из них не сравнился с тобой раньше. Ни один из них не сравнится с тобой теперь. Есть лишь ты и только ты.

Мое сердце бьется, словно испуганная птица, но я делаю все, что могу, чтобы сохранить контроль.

— Я не понимаю, — говорю я ей. — Ты все это время знала, что я чувствую. Я продолжал говорить тебе что люблю...пока ты не перестала

говорить это в ответ. — Я зажмуриваюсь, вспоминая ожог. — Почему? Разве ты не знаешь, каково это не слышать от тебя эти слова?

Она смотрит в сторону, на лице уязвлённое выражение.

— Я понимаю. Я не знаю. Я была так потеряна, Лаклан, и я все ещё потеряна. Не проходит и дня, чтоб я не думала о маме и о том, как сильно скучаю по ней, как сильно бы хотела вернуть ее обратно, хотя бы на секунду, только бы улыбнуться ей. — Она смотрит вверх, в глазах слезы. — Я пыталась справиться с этим горем, но не могла. Но это не значит, что я переставала любить тебя. Я просто не хотела больше любить тебя. Не

хотела, чтоб ты владел моим сердцем. Как я вообще могу забрать его назад, оно уже было такое хрупкое. Было проще простого...запереть это все. Но я ошибалась. Потому что делать вид, что мне все равно, было больнее. И в свою очередь, ты делал то же самое.

— Но это было лишь притворством, — прочищая горло, говорю я. — Я никогда не переставал любить тебя.

Она огорчённо смотрит на меня.

— А почему мы тогда стоим здесь вот так?

— Потому что... — начинаю говорить я.

Но слова замирают у меня на губах. Через секунду она рядом. Берет руками мое лицо и притягивает вниз, пока мой рот не прижимается к ее губам.

Я снова роняю покупки.

И поводки.

И мне все равно. Уверен, собаки уже в пакетах, лопают еду, и мне наплевать.

Я покоряюсь ей, чувствуя тепло и свирепость ее поцелуя. Он уносит меня обратно в прекрасный мир, тот, в котором я никогда не думал, что буду жить снова. Я зарываюсь руками ей в волосы, удерживая голову, пока наши рты сладко двигаются друг напротив друга в медленном,

опьяняющем голоде. Не могу поверить, что снова целую ее, снова прикасаюсь к ней, снова чувствую ее.

Не могу поверить, что она все ещё любит меня.

Я должен сделать паузу, я должен дышать, должен знать.

Я отстраняюсь, глядя глубоко в эти искренние карие глаза.

— Ты любишь меня? — шепчу я.

— Я люблю тебя, — шепчет она в ответ, пробегая руками вниз по моим рукам. — Мой прекрасный зверь.

Я так широко улыбаюсь, что мое лицо может навсегда остаться таким.

— Ты меня любишь.

Она смеётся, такая счастливая.

— Да, да. Я люблю тебя. Я не хочу быть нигде, кроме как здесь. Это единственное место, где я должна быть.

Я обнимаю ее, крепко удерживая напротив себя в медвежьем объятии, ее собственные руки скользят вокруг моей талии. Прижимаюсь губами к её макушке и зажмуриваю глаза. Ощущение такое, словно у меня в груди новый рассвет поднимается.

Ещё одно новое начало.

Другая дорога, по которой стоит пойти.

— Давай зайдем внутрь, —

спустя минуту говорю я, холод декабря окружает нас. — Согреемся.

Ее глаза хитро мерцают. Прошло столько времени с тех пор, как я видел у нее подобный взгляд. Моя реакция - чистая химия в крови. Я беру ее за руку, открываю дверь и заталкиваю ее и собак внутрь.

Я чувствую себя так, словно времени не осталось.

Что все время, которое прошло, никогда не случилось.

Нужда снова оказаться внутри нее, почувствовать ее кожа к коже, такая затягивающая, такая опьяняюще неотложная, что, когда мы оказываемся в моей квартире - нашей квартире - и дверь за нами

закрывается, я тяну ее в спальню.

Я пинком закрываю дверь, стягивая куртку, свитер, брюки, раздеваясь так, словно моя одежда в огне, и в считанные секунды оказываюсь рядом с ней, пальцы рыскают по каждому дюйму ее тела, отчаянно пытаюсь получить ее как можно ближе. Я хочу ощутить тепло ее бедер, прижатых к моим, эту шелковистую кожу, то как она идеально удерживает меня, когда я глубоко внутри нее, словно мы были созданы исключительно для того, чтобы трахать друг друга, любить друг друга.

Она тоже стягивает с себя одежду и яростно вцепляется в меня,

наши рты встречаются, горячие и влажные и такие чертовски отчаянные. Я становлюсь безумным от прикосновений, и она пылает под моими руками, а я разжигаю ее огонь словно поджигатель.

— Кайла, Кайла, Кайла, — стону я ей в шею, пока пробую ее на вкус. Я звучу таким изголодавшимся по ней, что это и пугает меня и пробирает до костей.

Мы падаем на кровать, и я забираюсь на неё сверху, прижимая ее между своих бёдер, желая, чтоб у меня были силы двигаться медленно и впитать каждое чувственное мгновение, но на это нет времени. Это произойдёт - завтра. Даже через

несколько часов, но прямо сейчас, в этот момент, когда я снова заполучил свою любовь, время - драгоценная вещь и если я не смогу ощутить ее сейчас, боюсь никогда не смогу.

Она оборачивает ноги вокруг моей талии, одна рука покоится на моей шее и волосах, другая скользит по спине, и мы снова целуемся, глубоко и яростно, наши языки скользят друг над другом в безумной войне.

— Я не могу ждать, — шепчет она мне, и я откидываюсь назад, потерявшись в ее глазах, зная, что она чувствует себя такой же обезумевшей, как и я. — Пожалуйста, войди в меня.

Я закрываю глаза, упираясь лбом в ее лоб, и располагаюсь между ее ног, член толстый, пульсирующий и твёрдый как камень. Я толкаюсь в неё, скользя гладко и грубовато, пока весь воздух не покидает лёгкие и ощущений почти слишком много.

Внутри неё я очищаюсь от пороков и грехов, становлюсь святым.

— Черт, — рычу я, покусывая ее шею пока толкаюсь снова, в этот раз мои руки начинают дрожать, мое тело перегружено. Я ненасытен, страстно желая каждую ее часть, и моя душа такая же голодная, как и остальная часть меня.

— Сильнее, — умоляет она,

НОГТИ ВЫПИВАЮТСЯ В ЗАДНЮЮ ЧАСТЬ
МОЕЙ ГОЛОВЫ, ПОКА Я ПОКУСЫВАЮ ЕЕ
ГРУДЬ, ЩЁЛКАЯ ПО СОСКУ ЖЕСТКИМ И
БЕСПОЩАДНЫМ ЯЗЫКОМ. Я ГРУБО
ХВАТАЮ ЕЕ ЗА БЁДРА И ТЯНУ ВВЕРХ, ЧЛЕН
ВОНЗАЕТСЯ ЖЁСТКО И ГЛУБОКО, И Я
КРЯХЧУ ОТ НАПРЯЖЕНИЯ, ПОКА
ВОНЗАЮСЬ СНОВА И СНОВА.

— Сильнее, — снова кричит
она, встречаясь со мной глазами,
говоря мне, что ей необходимо
почувствовать все.

И я отдаю ей всего себя.

Дикое рычание вырывается из
моего горла и я трахаю и беру ее так,
словно могу умереть, если не сделаю
этого. Я беспощадная машина,
вколачивающаяся в неё снова и

снова, затем я склоняюсь над ней, моя грудь прижата к ее, скользкая от пота, наши сердца бьются друг напротив друга в бешеном ритме, желая так много, что я не знаю что делать с самим собой.

Я кусаю ее ключицы, плечи, грудь, соски и она негромко хнычет, желая большего, желая всего меня. Пальцы удерживают ее бёдра, зажимая в тиски, и я чувствую, что мог бы запросто разорвать ее прямо на две части.

И тогда все начинает закручиваться. Я скольжу пальцем вдоль ее клитора, потирая яростными кругами, что заставляет ее глаза закатиться и звуки из ее

изящного горла самые эротичные и примитивные, что я когда-либо слышал.

Она заставляет меня потерять самообладание.

Она всегда будет.

Проклятье.

Так что я продолжаю и продолжаю, пока у меня не остаётся сил, пока мое неистовство не выходит из под контроля и, с одним финальным толчком, я изливаюсь в неё Мои хриплые крики наполняют комнату. Мы одновременно уступаем своему удовольствию, наши тела и сердца безнадёжно сплетаются. Я опустошаюсь в неё, и все же я никогда не чувствовал себя настолько

полным.

Практически всем своим весом я падаю на неё, дыша так тяжело, что кровать все ещё трясётся и она изо всех сил сжимает мою спину, словно я плот и она утонет, если отпустит меня.

Но я держу ее. Делаю это.

И мы держимся вот так друг друга секунды, мгновения, минуты. Мы держимся друг за друга, потому что до этого не держались так сильно. В этот раз, сейчас, я знаю, ни один из нас не отпустит.

— Знаешь, хоть это и не доказано, — говорю я, когда убираю влажные волосы от ее лица, мой голос низкий и ленивый. — Но я

верю, что могу существовать лишь на одной тебе. Без еды, без воды. Только Кайла. Как насчёт проверить эту теорию в течение следующих нескольких дней?

Она усмехается мне, и мое сердце бьется ещё интенсивнее.

— С удовольствием помогу тебе с этим экспериментом, — говорит она, глаза такие яркие, снова восхитительно полные жизни. — Дай мне ещё пару минут и мы сможем попробовать ещё раз.

— У меня такое чувство, что этот эксперимент может продлиться очень долго, — улыбаясь, предупреждаю я.

— Хорошо, — говорит она,

пробегаясь пальцами по моим губам.
— Потому что я никуда не уйду.

И на этот раз я знаю, это правда.

На этот раз она здесь чтобы остаться.

Эпилог

Девять месяцев спустя

КАЙЛА

Лаклан это потная, ворчащая, неустойчивая машина. Так думаешь, видя, как правильно двигаются его конечности, напрягаются мышцы, когда он сгибается, и делает выпад, прокладывая себе путь. Он

прекрасный зверь, вроде как не прилагающий усилий, крадущий ваше дыхание. И черт, это заводит меня.

И я не единственная, кто так думает. Я смотрю вокруг, стадион кричит, размахивая своими красными с чёрным шарфами, и я знаю, по крайней мере большинство женщин думают то же, что и я, и может даже некоторые мужчины.

И без слов ясно, Лаклан МакГрегор это сила, с которой нельзя не считаться. И Боже, я это знаю. Теперь больше, чем когда-либо. И я имею в виду, в лучшем из смыслов.

Переезд в Шотландию был

лучшим решением, которое я когда-либо принимала. Девять месяцев назад я понятия не имела, что будет с моей жизнью, все что я знала, что здесь был мужчина, которого я любила и мужчина, который любил меня, и я должна была быть с ним. И не важно, что он сражался со своими демонами, и я блуждала в океане горя, без какой-либо цели, за исключением него. Меня не волновало, что я рискую всем и что, возможно, это все не сработает. Я бы рискнула снова, и все вышло именно так, как и должно было.

Однажды мама сказала мне, что моя жизнь идёт тем курсом, которым и следует. Думаю, она была

абсолютно права. Мой старый курс привёл меня в Эдинбург с Лакланом, где я безумно влюбилась. Но у жизни были иные планы, планы, которые мы никогда не сможем понять, и курс изменился. Мне потребовалось время, чтобы перенаправить его. Потребовалось время, чтобы выяснить, что мне действительно нужно.

И все это время это был и есть Лаклан.

За девять месяцев многое изменилось. Лаклан все время остаётся трезвым, хотя никто из нас не считает это чём-то само собой разумеющимся. Я знаю это то, что никогда полностью не оставит его. У

него бывают хорошие дни и плохие, и в плохие дни мы ходим на длинные прогулки и я заставляю его разговаривать со мной, пока мы не находим решение. Теперь мы в этом вместе и я убеждена, он знает, что не должен сталкиваться с этим в одиночку.

Ему очень помогает психолог, и он ведёт здоровый образ жизни. И он очень хорош в боксе, занимаясь этим все ещё ради развлечения, как ещё одна форма физических упражнений, не имеющая ничего общего с его карьерой и просто помогающая ему лучше, без лекарств и алкоголя, справляться со своим гневом.

Мне нравится думать, что из-за

этого он стал лучше в регби. Когда я познакомилась с ним, он был сильно обеспокоен по поводу своей карьеры и возраста, думая, что возможно не сможет продолжать играть долго. Оказалось все не так. Он не только играет лучше, чем когда-либо, но он так же играющий дольше всех член команды и начинает новый сезон в качестве капитана.

Он великолепно справляется со своей новой ответственностью.

Что касается меня, я до сих пор стараюсь изо всех сил, но это весёлое противостояние.

Я не получила работу в Twenty-Four Hours, но получила должность автора в шотландском журнале о

моды и стиле. Мне платят за статьи, и это дополнение к зарплате, которую я получаю, работая неполный рабочий день с Амарой в «Любимом Забияке». А сейчас мы вдвоём пытаемся объединить усилия и придумать для организации должность специалиста по связям с общественностью. Может быть, она возьмёт это на себя, может быть я, но это действительно поможет Лаклану получить любовь, финансирование и внимание, в котором он нуждается ради собак.

К слову о собаках. Лионель и Эмили все ещё с нами, все ещё облизывают нас до смерти и обнюхивают все, что видят. К

сожалению, Джо умерла несколько месяцев назад. Рак. Мы ничего не могли поделать, и как только Лаклан увидел, что она страдает, он усыпил ее. Если честно, было чертовски больно видеть такую красивую, милую собаку такой испуганной на ветеринарном столе. Но, в последнюю минуту, она взглянула на Лаклана и он, со слезами на глазах, улыбнулся ей и, казалось, она улыбнулась ему. И она успокоилась. Ветеринар сделал ей укол, и она тихо умерла.

Естественно это событие напомнило о каждом свежем, болезненном воспоминании о смерти мамы. О том, что никогда не

уйдёт. Вообще. Хотела бы я, чтоб это было возможно. Но, в каком-то смысле, так было бы неправильно, потому что кто-то подобный моей маме всегда должен быть на переднем плане в ваших мыслях. Чувство этой боли, этой потери, лишь свидетельство того, каким человеком она была.

Хотя иногда бывает действительно трудно просто встать с постели. Иногда вы просыпаетесь после сна об этом человеке, и есть тот блаженный момент между сном и реальностью где вы думаете, сейчас все так, как было всегда. А потом до вас доходит насколько все изменилось. Я понимаю, что она

ушла, и моя грудь наполняется камнями.

По таким утрам я тянусь к Лаклану и он всегда здесь. Потому что он моя опора, моя любовь и мое все. Нет ничего, что бы я не сделала для него и ничего, чего бы он ни сделал для меня и, Боже, это страшно иметь такую любовь, действительно так, но я никогда ни на что не променяю ее.

Знаю, я имела обыкновение думать что тип любви, который был у мамы с папой отчасти разрушит вас. Такая большая, смелая и могущественная, это самое важное в вашей жизни. И это правда. Потому что любовь, которой я люблю

Лаклана, именно такая. Она сильнее нас обоих. У неё есть сила разрушить нас, как самая тёмная звезда взрывается изнутри, слишком большая для своего же собственного блага. Но как же прекрасно иметь что-то подобное, любовь настолько глубокую, что она способна поставить людей на колени. Любовь, которая может подняться из пепла, больше и сильнее, чем когда-либо прежде.

Амара пихает меня локтем в бок, возвращая мое внимание к игре. Я сижу с ней на нижних трибунах, хотя знаю, Джессика, Дональд и Бригс наверху в ложе.

— Ещё одна попытка и победа

у них, — визжит Амара, вцепившись в своё пиво, даже если там ничего не осталось с тех пор, как она залпом выпила его словно безумная женщина, вместе с остальной частью стадиона.

Чтобы поддержать Лаклана, я почти перестала употреблять алкоголь. Я могу иногда употреблять алкоголь на вечере для девочек с Амарой у неё, но когда я с Лакланом, я трезва как стёклышко. На самом деле, это никак не влияет на мою жизнь, мне просто надо делать подобное для него и я делаю так, не спрашивая его. Потому что, я хочу. Потому что, он сделает для меня что угодно.

Амара стала для меня хорошим другом. Вообще-то она очень похожа на меня, очень упрямая и говорит то, что думает, даже несмотря на то что ее личная жизнь немного унылая. Мы с Лакланом всегда пытаемся свести ее с кем-нибудь из игроков в регби, и я не думаю, что она может слишком жаловаться на это. Естественно, она так и делает.

Конечно же, я постоянно разговариваю со Стеф и Николой, так что у меня нет чувства, что я потеряла их. Они обе хотят приехать и навестить нас с Линденом и Брэмом, но...что ж, есть некоторые осложнения.

Стефани беременна.

Я знаю, моя грусть по этому поводу абсолютно эгоистична, это значит, что она движется в ту часть своей жизни, к которой я не имею отношения, и я боюсь, что наши отношения изменятся. Но, в то же время, это же Стеф. Она всегда прикроет мою спину, неважно как, и я знаю, с ней я всегда могу быть самой собой. И в самом деле, она так счастлива, что они с Линденом собираются стать родителями, что ее волнение заразительно. Настолько, что я покупаю каждую шотландскую вещичку для младенца, которую могу найти, включая крошечный маленький килт в цветах клана МакГрегор. Полагаю, он подойдёт и

для мальчика и для девочки.

В любом случае, Стефани будет превосходной мамой, и я не могу дождаться, когда увижу, какой ужасно хорошенький человечек вылупится из неё. Думаю, мне придётся слетать в Сан-Франциско только ради этого,

Я так же постоянно общаюсь с братьями. На самом деле, я гораздо ближе с ними, чем когда-либо прежде, и думаю, где бы моя мама не тусовалась с папой, они счастливы, что, в конце концов, мы все нашли друг друга.

Люди рядом с нами начитают скандировать что-то в поддержку Эдинбурга, пока команда собирается вместе на поле. Мы наблюдаем, как

происходит схватка, Эдинбург оттесняет Манстри назад, пока в задней части поля Тьерри получает мяч и быстро бросает его понизу другому парню, который затем бросает его Лаклану, ждущему своего часа.

Лаклан убегает, мяч у него подмышкой, игроки другой команды собираются за ним, наблюдая за каждым его движением. Они всегда следят за ним словно ястребы.

Но у них никогда не бывает его скорости.

Наблюдать за его бегом сейчас для меня так же впечатляюще, как и в первый раз когда я увидела его на поле. Он движется с такой страстью,

что вы не можете не сравнить его с диким жеребцом или неприручённым быком, скачущем к свободе,двигающимся так словно он был рождён, чтобы двигаться.

Я задерживаю дыхание, пока он движется. Как и все.

Игрок пытается отобрать мяч, но Лаклан делает движение, чтобы обойти его, а затем меняет своё решение и движется на него. Парень отходит и Лаклан продолжает бежать, ноги и руки работают, неся его так быстро, что вы можете подумать, он собирается преодолеть звуковой барьер. Он - горячее пятно чернил и мускулов.

Кто-то движется вперёд,

блокируя его, но Лаклан лишь отскакивает и продолжает двигаться. Он бьет по подброшенному мячу, обходит кого-то ещё, затем продолжает бежать, пока снова не встречается с мячом.

К этому моменты мы все уже кричим, стоя на ногах, размахивая всем, чем можем, потому что он делает попытку и выигрывает игру.

А сам Лаклан просто поднимает мяч, словно он всегда там лежал и ждал его и бежит через линию, делая драматический прыжок по траве и скользя на животе. Знаю, это только для шоу, но толпе такое чертовски нравится.

Мне это чертовски нравится.

Я редко вижу, чтоб он выпендривался, так что понимаю, сейчас он, должно быть, чувствует себя очень хорошо.

Как и я. Я кричу, что есть сил, прыгая вверх-вниз с Амарой.

Лаклан встаёт на ноги, бросает мяч на землю, улыбаясь так широко, что чертовы счастливые слезы наворачиваются у меня на глазах. Остальная часть команды выбегает, чтобы обнять его, прыгая вокруг, отмечая их победу в первой игре сезона.

Он сегодня на коне.

Но затем он делает нечто забавное. Убегает от своих приятелей по команде, прочь от игроков другой

команды, готовых пожать руки, и направляется к мужчине на боковой линии с камерой в руках. Его тренер Алан следует за ним, быстро передавая что-то Лаклану в руки, прежде чем убежать обратно к команде. Затем Лаклан разговаривает с одним из мужчин с камерой, пока не приходит репортёр, замечая возможность для интервью.

Лаклан улыбается ей, шепча что-то на ухо.

Он берет микрофон.

Неожиданно, гигантские экраны на стадионе показывают красивое лицо Лаклана. Он широко улыбается, и это заставляет его выглядеть намного моложе, мягче,

осмелюсь даже сказать, бестолковее. Он подносит микрофон к губам и говорит в него, но звука нет.

Он пытается снова, но ничего. Губы двигаются, он улыбается, глаза радостно прищурены, но это все, что мы на стадионе можем видеть.

— Что он делает? — спрашиваю я Амару.

Она качает головой.

— Понятия не имею.

В конце концов, он машет кому-то, чтоб подошли с блокнотом и ручкой. Он берет ручку, готовый написать что-то внизу, а затем останавливается и смотрит вверх на меня. Прямо на меня на стадионе.

Я могу чувствовать, как Амара

тоже смотрит на меня, как и люди
вокруг нас, они все выворачивают
шеи, чтобы посмотреть на что, черт
возьми, Лаклан МакГрегор,
спаситель игры, смотрит.

Это я.

Всегда я для него.

Всегда он для меня.

Наши глаза встречаются.

Затем он пишет что-то на
бумаге.

Он снова смотрит на меня, в то
время как показывает блокнот в
камеру. Я знаю, экраны показывают
сообщение, потому что люди
задыхаются, но я не могу оторвать от
него глаз. Его взгляд всегда
удерживает меня, такой же сильный,

как и его руки.

— Кайла, — шепчет Амара, хватая меня за руку. — О мой Бог.

Я, наконец, смотрю на экраны. На листок бумаги, который держит Лаклан, все еще улыбаясь, но уже немного нервничая. Он дрожит.

На нем написано: *Кайла Мур, окажешь ли ты мне честь стать моей женой?*

Подпись: *Лаклан МакГрегор.*

Затем листок падает прочь, камера фокусируется на траве.

Моя голова поворачивается обратно к нему, но он уходит, убегая вперёд через поле.

Вверх по лестнице.

Вниз по проходу.

Останавливаясь прямо
напротив меня.

Я все ещё сижу. Не двигаюсь. Я
не могу сформулировать ни одной
связной мысли.

Я честно не могу понять, что
происходит. Это правда, мой Лаклан,
мой сдержанный, скрытный Лаклан?
Я попала в какую-то игру или что?

Он опускается на одно колено,
оказываясь со мной на одном уровне.
Влажные волосы прилипают к
потному лбу, ясные зеленые глаза
пронзают меня.

— Что ты делаешь? —
спрашиваю я, такая потрясённая.

Он протягивает руку, зажав
между пальцами кольцо.

Великолепное, прекрасное
серебряное кольцо с изумрудом.

— Боже мой, — думаю,
произношу я, а может, лишь выдыхаю
эти слова.

— Я думал, это будет своего
рода колоссальный романтический
жест, — говорит он. — Но на самом
деле, не получилось. Технические
сложности. — Он смотрит на меня
таким взглядом, который заставляет
весь остальной мир исчезнуть,
словно у меня на глазах шоры. Я
цепляюсь за каждое его слово, видя
лишь его лицо и ничего больше. —
Говорят, всегда следует делать то, что
пугает вас, выталкивать себя из зоны
комфорта. Ты делала так со мной

много раз. Каждый раз, когда ты приезжала в Шотландию, ты оставляла позади всю свою жизнь. Ты была храброй. Ты рисковала. Рисковала многим. Теперь же я знаю, самое правильное, что я мог сделать, это попросить тебя выйти за меня. Потому что знаю, я должен быть с тобой и ты знаешь, что должна быть со мной. Я знал это с того момента, как спросил тебя здесь, я просто не знал как справиться с этим. Но теперь знаю. И вот я делают это вот так, потому что это охрененно пугающе.

Он устремляет взгляд из стороны в сторону, на всех людей, всех его фанатов, которые слушают

каждое слово и наблюдают за нами как в телевизионной программе.

— Хочу сказать, я не знаю никого из этих людей. Но я знаю, что хочу, чтоб они были в курсе, насколько сильно я люблю тебя. Что если бы не ты, если бы не Кайла Мур, меня бы сегодня здесь не было. Я не был бы тем мужчиной, которым стал сегодня. Лучшим. И да, мужчиной, который боится, что ты просто скажешь «нет» на глазах у всего мира, но я готов пойти на этот риск ради шанса, что ты скажешь «да». — Он тяжело сглатывает, глаза изучают меня. — Ты выйдешь за меня?

— Ты серьёзно? — шепчу я, все

ещё ощущая себя так, словно кто-то собирается выдернуть ковёр у меня из под ног, и я униженная упаду лицом вниз. Но полагаю, он должен чувствовать то же самое. Каждую секунду, когда прекрасно сияющее кольцо, протянутое в его руке в ожидании моего пальца, в каждую эту секунду он немного умирает внутри.

Какого черта я вообще жду?

Как будто здесь вообще есть о чем думать.

— Да, — радостно говорю ему я.

Это поражает меня один раз, два раза.

О мой бог, он предложил мне

выйти за него.

Боже мой, я собираюсь выйти за своего возлюбленного, своего лучшего друга, мужчину моей мечты.

— Да, — говорю я громче, улыбаясь так широко, что это причиняет боль. — Да, я выйду за тебя Лаклан. Я люблю тебя. Люблю тебя.

Он усмехается мне с какой-то особой радостью, крадущей мое дыхание.

— Ты уверена?

— Да, да, да, — говорю я, толкая ему свой палец. — Надень уже чертово кольцо мне на палец.

Он смеётся, его глаза слезятся, и надевает мне на палец

великолепное кольцо. Его руки все ещё дрожат. Возможно, это самый очаровательный, самый чувствительный момент и мы разделяем его со столькими людьми.

Но это не важно. Потому что это наш момент.

Я смотрю на кольцо вниз на своей руке. Оно такое красивое. Не из-за того, как оно выглядит, потому что оно действительно великолепно, а потому что оно пришло от него. Потому что он выбрал его для меня, когда знал, что хотел, чтоб я стала его женой.

Я поднимаю взгляд на своего будущего мужа и не могу даже поверить в это.

— Я так счастлива, — говорю я, расплываясь в улыбке, мои щёки горят и напрягаются от такой широкой улыбки.

— Ага, — говорит он с хитрой улыбкой. — Опять же, как и я.

Следующие несколько часов проходят как в тумане. Я не могу поверить в то, что произошло. Нас фотографируют, потому что, очевидно, местные папарацци слегка сходят с ума. Семья Лаклана приходит к нам, чтобы поздравить и я понимаю, что они знали о его планах. Я была единственной кого застали врасплох и, оп, я попалась.

Наконец, нам удаётся вырваться из шумихи, мы остаёмся вдвоём и на

такси едем домой. На обратной дороге мы мало разговариваем. Я лишь глазею на кольцо, пока он держит меня за руку и смотрит в окно. Я все ещё пытаюсь осознать насколько нереальным был день. Сначала он выиграл невероятную игру, а затем, на глазах у тысяч людей, сделал мне предложение. Имею в виду...он твою мать предложил это мне! Встав на одно колено и все такое.

Я, черт возьми, выхожу замуж.

Произошедшее ещё сильнее поражает меня, когда мы добираемся до квартиры и я осознаю, что это на самом деле, по-настоящему, теперь мой дом. Все эти прекрасные

карнизы и конструкции, все это теперь будет моим домом.

Но что важнее, он мой дом.

Всегда будет, где бы мы ни были.

Эмили и Лионель, как обычно, встречают нас в дверях, желая внимания, возможно зарядившись нашим счастьем, но Лаклан быстро увлекает меня в спальню. Он закрывает за нами дверь и стягивает футболку, демонстрируя татуировки и пресс, который качал дни напролёт. Одна из его последних татуировок это слово «любовь» на груди.

Любовь для меня.

Он шагает по комнате, хватаят меня, притягивая к себе, и смотрит

на меня так напряжённо, что я чувствую, что могу внезапно воспламениться.

— Я люблю тебя, — говорит он мне, горящие глаза блуждают по моей коже. — И это, мы, это навсегда.

— Ты обещаешь? — Шепчу я.

— Всегда, — говорит он.

Он целует меня долго, увлечённо. Прекрасно. Наши губы сладкие от любви.

Мы падаем на кровать.

И снова и снова находим друг друга.

КОНЕЦ

